

Николай Чергинев

СЫНОВЬЯ

Николай Чергинец
СЫНОВЬЯ

Роман

МИНСК
«МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА»
1989

ле
ж,
па
е-
у-
на
ля
е-
го
а-
с-
о-
—
р-
и.
ня
х,
в,
а,
о-
ы
а,
пи
ы.
м
ре
ля
он
е-
во
ая
г-

Жизнь продолжается, и все дальше уходят от нас события, которые остались в народной памяти под названием «афганская война». Что ж, здесь, как говорится, ни убавить, ни прибавить: это действительно была война, с трагедиями, жертвами, высокими подвигами, честью и бесчестьем... Я был последним советским солдатом, кто пересёк мост через Амударью под Термезом. Те несколько сотен шагов по мосту, ведущему на Родину, стали памятным событием, одним из рубежей моей жизни. Время мчится неудержимо, но Афганистан постоянно напоминает о себе то встречей в сегодняшнем мирном гарнизоне с боевым однополчанином, то письмом солдатской матери, чей сын сложил голову под Гератом, Баграмом, либо в заоблачных высях Саланга.

Сегодня Афганистан снова напомнил о себе новой книгой белорусского писателя Николая Чергинца «Сыновья».

О ее авторе я слышал давно, когда служил в одной из частей Белорусского военного округа. Мне imponировали герои книг Чергинца — отважные, смелые люди, всегда готовые к любым испытаниям ради торжества справедливости. В моей домашней библиотеке были эти книги. Но мог ли я предположить, что через годы военная судьба сведет меня с их автором? А случилось именно так. Помню, как в один из будничных, но как всегда напряженных дней, среди бесконечных звонков, докладов, принятия решений, мой начальник штаба вдруг представил полковника, только что прибывшего с боевого задания:

— Чергинец Николай Иванович.

Так состоялось наше знакомство, среди обычного военного дня, который закончился обыкновенной сводкой. В ней указывались результаты боевых операций, уничтоженные караваны с оружием из Пакистана, отраженные атаки на наши сторожевые заставы и имена тех, кого ждали скорбные борта «черных тюльпанов».

Расхожими стали слова, что когда гремят пушки, то молчат музы. Думаю, что это не так. Боевой офицер Чергинец храбро сражался, и об этом свидетельствуют ордена Красного Знамени и Красной Звезды, тяжелое ранение и контузия, полученные в горах недалеко от Гардеза, высокая оценка его ратного труда, данная правительством ДРА. Но и в те дни он оставался не только воином, но и писателем, зорко вглядывавшемся в перископы боевого бронетранспортёра и в судьбы сослуживцев, вдумчиво анализирующим все, что потом стало живой тканью его книг. Первая среди них «Тайна Черных Гор», написанная прямо на бивуаках утоми-

тельных походов, под неярким светом маленьких лампочек в палатках, а порой прямо на броне. Н. Чергинец еще воевал, а роман уже вышел в Минске, и мы в Афганистане были его первыми читателями.

Военные люди не литературоведы, но в одном мы абсолютно точны: мы безошибочно определяем в любом произведении о современной армии — знает ли автор жизнь, которую он взялся описывать? Или действует «понаслышке»? Мы, солдаты, всегда почувствуем, что написано после «краткой творческой командировки», а что по-настоящему выстрадано сердцем и разумом. Первая «афганская» книга Николая Чергинца даже для тех, кто не знал ее автора, не содержала в этом смысле загадок — писатель живет среди нас. Его можно увидеть в колонне, на горной тропе, там, где пули высекают искры о броню, где горят «наливники», где наши многострадальные «вертушки», не взирая на прицельный огонь противника спешат на помощь принявшим бой десантникам.

Новый роман Николая Чергинца своими художественными образами, размышлениями, писательским осмыслением фактов, реальных судеб солдат и офицеров, их родных и близких, позволяет читателям непредвзято взглянуть на недавние события, ставшие частью нашей истории. Мне кажется, что главный вывод, который делаешь, прочитав последнюю строчку романа, — это признание высоких нравственных начал советского человека в военной форме, поставленного в экстремальные боевые условия, но всегда помнящего, что он выполняет приказ Родины. Дело профессиональных политиков дать оценку той войны. Мы, солдаты, знаем одно: в самые трудные минуты мы помнили о присяге и о том, что не имеем права уронить своей чести.

Думаю, что литературные критики еще скажут о «Сыновьях» свое слово. Что же касается меня, то по-человечески рад познакомиться с книгой, которая еще раз напомнила о нелегких, но незабываемых боевых днях, о тех, с кем свели и навсегда подружили огненные дороги Афганистана.

*БОРИС ГРОМОВ,
Герой Советского Союза, генерал-полковник,
командующий войсками Киевского
Краснознаменного военного округа.
Бывший командующий ограниченным контингентом
советских войск в Республике Афганистан.*

ПРИЗЫВ

Матери не спалось. Уже давно в комнате сыновей погас свет и в квартире стояла ночная тишина. Было хорошо слышно, как чуть похрапывал старший сын. Эта привычка у него появилась после возвращения из армии. Вера Федоровна иногда шутила:

— Сережа, что же ты будешь делать, когда женишься? Придется вам две спальни заиметь.

— Не волнуйся, мама, — отвечал за Сергея младший сын, — ему это не грозит.

— Это почему же? — спрашивала Вера Федоровна.

— А он так любит свою подругу, что, когда женится на ней, от радости сна лишится.

После этих слов старший брат гонялся по квартире за младшим и, когда догонял, валил на кровать, требовал извинений. Он скручивал Николая в баранку, и тот прекращал сопротивляться, но прощения не просил. И тогда вмешивалась мать.

— Пустя, Сергей, ребенка! Ты же задавишь его, вон какой боров вырос, он же перед тобой как ягненок. — И сама наваливалась на Сергея, помогая Николаю вырваться из его объятий.

«Взрослые они у меня, совсем взрослые, — думала мать, глядя, как по дальней стене ее комнаты пробежали отсветы фар машин, пронесившихся по улице. — Коля так быстро повзрослел. Кажется, недавно носился во дворе с мальчишками, с азартным криком гонял мяч. И вот Коле уже девятнадцатый. Утром он должен идти в военкомат. И младшему пришла пора служить...»

Уже глубокая ночь. Не мешало хотя бы немного поспать, но память неумолимо возвращает в прошлое...

Тысяча девятьсот сорок пятый год. Уже кончается война, и вдруг страшное известие: в Венгрии погиб отец. Прошло два года. Мама шестилетней Верочки поехала на могилу мужа. Автомобильная катастрофа... И Верочка осталась одна...

Затем детский дом, учеба в школе, студенческие годы... А вот и то счастливое время, когда Вера выходит замуж.

Появились дети. Трое сыновей. Казалось, счастье наконец улыбнулось, но горе уже подстерегало ее. В аварии на заводе погибает муж, затем теряет своего первенца... И порок сердца — это, пожалуй, самое малое, чем могла она заплатить судьбе, чтобы пережить все это...

Вера Федоровна понимала, что горестные воспоминания вызваны тревогой за младшего сына: «Где он будет служить? А если в Афганистане?»

Она села, потянулась к тумбочке, взяла лекарство. Скоро рассвет. Вера Федоровна нащупала ногами шлепанцы и направилась в ванную. При входе щелкнула выключателем и, шурясь от яркого света, посмотрела на себя в зеркало: припухли веки, большие голубые глаза смотрели тоскливо, светлые волосы обрамляли бледное лицо. Вспомнила слова Коли: «Мама, а ты у нас красивая» — и грустно улыбнулась. Привычным движением поправила волосы и села на край ванны. Желая хоть чуть-чуть успокоить себя, подумала: «Ну чего это я? Парень идет в армию, и что здесь такого? Все мальчишки проходят через это. Вон Сережка каким крепким и взрослым пришел... Нечего слюни распускать».

Проходя мимо открытой двери комнаты, где спали ребята, приостановилась, взглянула на сыновей. Те сладко спали. В своей комнате подошла к окну. Напротив дома, за дорогой, раскинулся большой сквер, засаженный молодыми деревцами. Этот сквер был разбит на бывшем болоте. Вспомнилось, как шесть лет назад они втроем вместе с другими жителями микрорайона работали там. Сколько земли перекопали, сколько ям вырыли, и вот теперь сквер украшал улицу Горького.

Хорошо, что городские власти решили не застраивать эту часть улицы. Вон какой простор... Стояла уже середина осени, но днем еще было тепло, а голубое небо и яркие листья радовали глаз.

Вера Федоровна вздохнула и направилась на кухню. Пора готовить завтрак да еще собрать что-нибудь Коле с собой.

В полумраке коридора в углу поблескивал мотоциклетный шлем. «Надо будет его убрать в антресоль», — подумала Вера Федоровна, — до возвращения Коли он не понадобится».

Недавно Вера Федоровна и ее старший сын тайком от Коли собрали деньги и купили ему в подарок чехословацкую «Яву». Восторгу и бурной радости не было конца. Коля ухаживал за мотоциклом, словно за живым существом. Лю-

бимец Коли, пес Кузя, как-то зло облаял мотоцикл, явно ревнуя к нему своего хозяина.

Стараясь поменьше шуметь, Вера Федоровна включила плиту, поставила чайник.

— Доброе утро, мамуля! — Коля стоял в майке, спортивных брюках, тапочках на босую ногу. Глаза еще сонные, волосы взлохмачены.

— Ты что так рано, сынок? Поспал бы.

— Для солдата шесть часов — время подъема, товарищ старшина. — Приложил руку к голове и стал по стойке «смирно» Коля.

— А ты, солдат, к пустой голове руку-то не прикладывай. — Потрела по щеке мать и с восхищением добавила: — Вон ты какой вымахал, даже до лица не дотянуться, надо на цыпочки вставать. — Вера Федоровна старалась говорить бодро, но голос предательски задрожал: — Как ты там будешь без нас?

— Ну что ты, мама! — Коля обнял ее за плечи. — Ведь мы уже договорились. Ты же у нас передовая современная женщина и вдруг — в панику! — Николай шутливо погрозил пальцем: — Ой-ой-ой, мамочка, не раскисать! Служба в армии любому парню на пользу.

Вера Федоровна улыбнулась и погладила сына по плечу.

— Хорошо, хорошо, сынок, не буду об этом... Правильно, служи... а мы будем терпеливо ждать.

Она хотела сказать, смотри, мол, там, не балуй, води себя как следует, но сдержалась. Ласковый, послушный, всегда вежливый с людьми, он был из тех парней, которым не нужно было говорить такие слова.

— Сынок, ты вчера в училище был?

— Конечно, товарищ командир, — снова козырнул Коля.

— Ну и как?

— Попрощался с преподавателями, ребятами...

— Как Света? Ты так поздно пришел сегодня.

— Никак не мог распрощаться с ней, мамочка, — по-детски прямо ответил он. — Света обещала меня ждать. Я ей верю.

— Да-да, Света хорошая девушка.

Николай повернулся и направился в ванную.

Оставшееся время пролетело быстро. В половине восьмого втроем вышли из дома. Мать еле сдержала слезы, когда Коля на прощание обнимал пса, а тот, понимая, что пред-

стоит разлука, повизгивая, лизал Коле руки, грустно смотрел на него.

Чемодан нес Сергей. Шли медленно и молчали. Коля, прощаясь с городом, смотрел по сторонам.

Вот и военкомат. У ворот стояли офицер и солдат.

Вера Федоровна спросила у офицера:

— А нам с ним нельзя?

— Нет, — односложно ответил тот.

Как-то поспешно попрощались. Коля подхватил чемодан и направился к воротам, потом обернулся и, улыбаясь, сказал:

— Я еще постараюсь выйти к вам.

Сергей потянул Веру Федоровну за рукав.

— Мам, пойдем туда. — Он кивнул головой в угол забора, где на возвышенности столпились те, кто провожал призывников.

Сергей с матерью взобрались на косогор, и перед ними открылся двор райвоенкомата. Колпо увидели сразу же. Он сидел с парнями на скамейке возле забора. Колпо было легко отличить. Он один был с прической, остальные — стриженные: кто в берете, кто в кепочке.

Сергей негромко окликнул:

— Коля!

Николай повернул голову и, отыскав в толпе своих, подошел к забору.

— Вы бы не ждали. Говорят, мы долго здесь будем, а затем на сборный пункт областного военкомата поведут. Так что, может, идите лучше домой.

Сергей опередил мать:

— Ничего, подождем.

Коля нерешительно пожал плечами и оглянулся.

— Нам запретили разговаривать через забор.

— Иди, Коленька, к ребятам, — громко сказала Вера Федоровна. — Иди, а мы побудем здесь... посмотрим.

Коля смущенно улыбнулся и направился к скамье. Во двор вышел прапорщик. Он громко сказал:

— Становись!

Ребята, толкаясь, неловко начали строиться. Прапорщик пошел вдоль строя, забирая у каждого призывника повестку и делая отметки в списке, который держал в руках. Затем он приказал всем оставаться на месте, а сам вошел в старенькое кирпичное здание, где размещался районный военкомат.

Вскоре оттуда вышла группа военных и медиков. Вера

Федоровна узнала идущего впереди военкома и тихо сказала:

— Военком, подполковник Чернов, а за ним — майор Сумский. Видишь, высокий надменный и неприятный человек.

— Ты что, мам? — удивился Сергей. — Почему ты так говоришь?

— Ой, Сережа, он действительно нехороший тип. Когда ты ушел в армию и я почти месяц не получала от тебя писем, то пошла в военкомат и попала к майору Сумскому. А он, вместо того чтобы поговорить по-человечески и успокоить, стал кричать: «Чего от дел меня отрываете? Ничего с вашим сыном не случится. Лентяй он у вас, и только, поэтому и не пишет».

Я ему отвечаю, что ты у меня внимательный сын, возможно, адрес у тебя изменился, а он мне пальцем на дверь указывает и говорит: «Идите отсюда, пока я не направил вашего лентяя в Афганистан».

Я так растерялась, так горько мне стало, что я вышла в коридор и заплакала. Даже не верилось, что в нашей армии такие офицеры могут быть.

— А ты мне об этом не рассказывала...

— Зачем же огорчать тебя? Слава богу, таких людей немного. В коридоре тогда увидел меня военком. Остановил, спросил, в чем дело. Я ему рассказала. Он тут же пригласил меня к себе в кабинет, вызвал Сумского и при мне отчитал.

После этого он куда-то позвонил и быстро уточнил твой адрес. Чуть позже выяснилось, что твои три письма вместе с газетами вытаскивал из нашего почтового ящика соседский мальчишка.

— А, Олег из восьмидесят седьмой квартиры. Об этом я уже знаю...

А во дворе врачи по очереди подходили к призывникам и о чем-то беседовали.

— Интересуются самочувствием, — пояснил Сергей, — медосмотр будет в областном военкомате.

Затем к призывникам подошел военком. Он говорил негромко, и с того места, где стояли провожающие, ничего слышно не было. Вот парни, толкаясь, разобрали свои чемоданы и сумки, начали строиться по два в ряд. Послышалась команда, и небольшая колонна направилась к воротам.

Провожающие бросились к призывникам. Каждый пытался отыскать своего и пойти рядом.

Сергей спросил у брата:

— Ну что, Коля?

— Пока ничего не знаем. Сказали, что на сборном пункте сообщат, кого куда.

Колонна шла быстро, и Вера Федоровна еле поспевала. Сережа подхватил ее под руку и взял небольшую хозяйственную сумку, в которую мать положила продукты.

Идти пришлось около получаса. У больших ворот с металлическими прутьями провожающие остановились, их внутрь не пустили. Вера Федоровна видела, как ребята вошли в здание, и, тяжело дыша, начала выбираться из толпы. Сережа подвел ее к скамейке.

— Мама, ты присядь. Нам здесь долго придется дожидаться.

Вера Федоровна отрешенно села на краешек скамьи и подумала: «Как он там? Что сейчас делает?»

А ребята проходили медицинскую комиссию. Им приказали раздеться и по одному заходить в угловую дверь. Коля переступил невысокий порог. Около двери стоял здоровенный прапорщик. Он улыбнулся:

— Проходи, проходи, Коблик! Никто тебя не съест.

В зале было не менее десятка женщин. Коля судорожно прикрыл ладонями наиболее уязвимое место и с ужасом прошептал:

— Так там же женщины?!

— Ну и что? — злорадствовал прапорщик. — Ничего с тебя не убудет. Так что давай, солдат, дуй вон к той молодке, она хочет с тобой лично познакомиться и поговорить.

Коля повернул голову и увидел за крайним столом молодую женщину. Стараясь идти боком, он подошел к столу.

— Садись, — кивнула на табурет женщина. — Фамилия, имя, отчество?

Парень сел и тихо ответил.

Женщина спросила, когда и где он родился, поинтересовалась, чем и когда болел, были ли травмы.

Сделав какую-то запись в журнале, женщина кивнула на соседний стол.

— Проходи туда.

Бледный и жалкий, Николай подошел к следующему столу, за которым опять сидела женщина...

Угнетенный, наголо стриженный, вернулся он в комнату, где лежала одежда. Да и остальные ребята приутихли. Чувствовалось, что процедура тщательного медосмотра ни-

кому из них не доставила удовольствия. Сейчас всех волновал только один вопрос: кто в какие войска попадет? Хотя Николаю ранее сказали, что пойдет в артиллерию, он в душе надеялся на то, что судьба улыбнется и его направят в десантные войска.

Вскоре начали комплектоваться команды. Чуда не произошло. Коблика направили в артиллерию. Во дворе начали собирать парней по командам. Как назло рядом стояли те, кого взяли в десантные войска. Николай с завистью смотрел на капитана и двух сержантов, которые комплектовали команду: голубые береты, тельняшки под гимнастерками... Как он мечтал о такой форме! Николай смотрел на призывников. Пацаны как пацаны. Чем они лучше его?

Во двор въехали два больших автобуса, в них посадили две группы парней. Автобусы медленно выехали из ворот, осторожно двигаясь сквозь толпу.

Вдруг Николай заметил, что к десантникам подошла врач. Она что-то спросила у одного из парней и повела его в здание. Минут через десять врач вернулась и сказала капитану:

— Этого призывника оставляем, ему нездоровится. Надо разобраться, что с парнем.

— Вот незадача, — огорчился капитан. — Значит, я повезу неполную команду.

— Это уже ваша проблема, — невозмутимо сказала врач, а потом посоветовала: — Обратитесь к руководству, может, найдут замену.

— Спасибо и на этом. — Капитан решительно направился к дверям. Вскоре он вышел с подполковником. Тот дружелюбно говорил:

— Не волнуйтесь, товарищ капитан, небесную пехоту не обидим. Видите, сколько орлов дожидается отправки? Выбирайте любого...

У Николая перехватило дыхание. Надо действовать! И Коблик решительно вышел из своей «коробки».

— Товарищ капитан, возьмите меня! Я все время мечтал попасть в десантные войска. — Увидев, что капитан внимательно осматривает его фигуру, Коблик добавил: — Мой старший брат служил у вас!

— У меня?

— Нет-нет, в десантных войсках.

— А что, товарищ капитан, — улыбнулся подполковник, — может, возьмете? Парень-то сам рвется, значит, толк должен быть.

— Худющий он, — засомневался капитан, — высокий.
— Я прекрасно стреляю, вожу мотоцикл, знаю приемы... — умоляюще смотрел на него Николай.

— Фамилия? — решительно махнул рукой капитан.
— Коблик Николай.

Капитан повернулся к подполковнику.

— Возьму его. Как переоформить документы?

— Пойдем, я распоряжусь.

Капитан посмотрел на Коблика.

— Возьмите свои вещи и станьте в мою команду.

— Есть, товарищ капитан!

Коля радостно засуетился, схватил свой чемодан и быстро направился к десантникам.

— Дезертир! — бросил вслед ему кто-то из артиллеристов. Но Коля не обиделся. Он готов был обнять весь мир.

Их группе разрешили отойти в угол двора, но предупредили, чтобы не расходились. Коблик потихоньку начал осматривать своих новых товарищей. Одного из них, Павла, он знал. Жили в соседних домах и иногда вместе играли в футбол на дворовой площадке. Павел подошел к нему сам.

— У меня есть кое-что поест, не хочешь?

— Нет, спасибо. Мне мама столько положила — на всех хватит, да еще и при себе, бедная, в сумке таскает.

— Моя мать тоже здесь, жаль, что мы не можем поговорить с ними, ждут зря. Шли бы домой.

— Не пойдут они, — окидывая взглядом высокий каменный забор, уверенно сказал Николай. — Представляю, как сейчас какую-нибудь щелочку в заборе ищут, чтобы нас увидеть.

Николай не догадывался, что родные хорошо видят его. Чтобы убедиться в этом, ему надо было только внимательно осмотреться. В одном из больших окон соседнего здания он увидел бы мать и брата. Сергей сообразил быстро, где можно организовать наблюдательный пункт. Сбежал «в разведку», и вскоре они поднялись по лестнице и устроились между пятым и шестым этажами, откуда был виден весь двор. Вера Федоровна недоумевала, почему Колю перевели из одной группы в другую. Сергей же был убежден, что брат попросился в другой род войск. Он догадывался, что Коля попал в группу десантников, но говорить об этом матери не стал.

День клонился к вечеру, когда группу, в которой был Коблик, начали строить в колонну. Вера Федоровна и Сергей побежали вниз. И вовремя. Ребята вышли из ворот и двину-

лись по улице Немеги к вокзалу. Подойти поближе к колонне было трудно, очень много было провожающих, а тут еще и Коля шел крайним со стороны проезжей части. Ребят, очевидно, предупредили в строю не разговаривать, и они шли молча. Вера Федоровна не удержалась и обратилась к капитану, который шел сзади Коли:

— Товарищ капитан, что же это, неужели нельзя узнать, куда сына призвали?

— Не волнуйтесь, — неожиданно широко улыбнулся капитан, — ваш сын попал в воздушно-десантные войска.

— Ой, господи, так он же ни разу с парашютом не прыгал!

— Ничего, — опять улыбнулся капитан. — Он этому делу научится быстро, а когда вернется, то и не узнаете сына. Будет настоящим мужчиной.

Капитан знал, что сказать матери солдата и какими словами ее успокоить. Вера Федоровна приободрилась и пошла спокойнее.

Они прошли на перрон. И здесь Вера Федоровна вдруг потеряла из виду Колю. Спросила у Сергея:

— Сынок, ты не видишь его?

— Нет, мам. Сам вот ищу, где он затерялся.

— Странно... вон уже все начинают прощаться, значит, они на этом поезде поедут.

Сергей, не отвечая, пошел вдоль последнего вагона. Призывники стояли со своими провожающими.

Но где же Коля? Сергей на всякий случай осмотрел все окна, хотя понимал, что не мог Коля, не попрощавшись, уйти в вагон. Решил спросить у капитана, но тот куда-то пропал. Подошла мать.

— Господи, да где же он?

Сергей пробежал не больше десятка шагов, как увидел брата. Коля и еще четверо парней в сопровождении двух сержантов несли какие-то ящики. Сергей хотел помочь брату, но идущий сзади сержант строго сказал:

— Не мешайте ему, ящик нетяжелый.

Они подошли к вагону, сержант приказал внести туда ящики: Коля поднялся последним, и тут же последовала команда появившегося капитана: всем занять места в вагоне.

Николай стоял в проходе недалеко от окна. Лучшие места заняли другие ребята, и ему приходилось, вытягивая шею, выглядывать из-за их голов. Он улыбался и махал рукой. У Веры Федоровны выступили слезы. Она лихора-

дочно стала махать Коле руками. Убедившись, что он видит ее, показала, иди, мол, в конец вагона.

Сергей с матерью быстро обошли вагон и сразу же увидели Колю. Он стоял у окна. Постриженный, растерянный, совсем ребенок. Еще больше сжалось сердце матери, но огромным усилием воли она заставила себя улыбаться. Главное, чтобы он не огорчился. Коля тоже улыбался, махал рукой, но разве обманешь мать. Вера Федоровна хорошо понимала, чего это ему стоит.

Совсем неожиданно поезд тронулся, и вагон медленно поплыл мимо. Вера Федоровна и Сергей пошли рядом. Скорость увеличивалась, и вдруг Вере Федоровне показалось, что Коля плачет. Будто что-то острое пронзило ей сердце, она рванулась за вагоном. Ей нестерпимо хотелось быть рядом с сыном, обнять его, приласкать, утереть слезинки.

Уже давно скрылись огни последнего вагона, а Вера Федоровна стояла и неотрывно смотрела ему вслед. Сережа взял ее под руку.

— Пойдем, мама...

Домой они возвращались пешком. Открыли дверь, зашли в коридоре свет. На полу, уткнувшись носом в Колин шлем, лежал пес Кузя. Он никого не замечал.

НА ПОМОЩЬ

Роте капитана Бочарова поступил приказ: немедленно на боевых машинах пехоты ударом с севера обрушиться на душманов, находившихся в районе кишлака Момози, и оказать помощь афганским подразделениям царандоя и госбезопасности.

— Понимаешь, — инструктировал Бочарова командир батальона Бунцев, — афганцы очищают от бандитов кишлак Момози и его окрестности. Этот кишлак уже давно покинуло население. А на днях туда пробрались душманы, и, когда утром афганские роты вошли в кишлак, душманы напали на них со всех сторон. Афганцы по радио запросили помощи. Там находятся две роты министерства внутренних дел и госбезопасности.

Комбат и командир роты стояли у большой карты, развешенной на стене в кабинете подполковника Бунцева.

— Кишлак большой, — задумчиво сказал Бочаров.

— Да, к нему ведут две дороги. Мин на них нет. Духи

попытаются уйти в горы к югу. Возьмешь с собой артиллерию и авианаводчиков. Если понадобится, вызывай вертолеты.

Слушая комбата, Бочаров поспешно делал какие-то пометки на своей карте.

— Как я буду поддерживать связь с афганскими ротами? — спросил он.

— С вами пойдет афганский офицер, хорошо знающий русский язык, и с ним радист. При подходе к кишлаку договоритесь с командирами афганских рот о взаимодействии. Задача ясна?

— Так точно, товарищ подполковник! Разрешите идти?

— Действуйте, товарищ капитан, только зайдите к начальстаба. Связь будете поддерживать со штабом батальона постоянно.

После ухода командира роты Бунцев еще некоторое время стоял у карты. «Жаль, что сил у нас маловато, — думал он. — В этой ситуации хорошо бы выбросить десант на вершины гор. Вон они как нависают над кишлаком с юга. Ни одного духа не выпустили бы».

За окном заревели мощные моторы, и Бунцев направился к дверям. Штаб батальона размещался в сборном бараке, стоявшем в центре площадки, отведенной для батальона. Из штаба вышел Бочаров и быстро направился к колонне.

Рота Бочарова шла мимо комбата к выездным воротам, а точнее КПП-2. Впереди — бронетранспортер саперов. Огромный пес Цезарь привычно устроился за башней. Он весело посматривал по сторонам, понимая, что, если его посадили за башню, значит, работы не предвидится и ему предстоит приятная прогулка. У ствола пулемета сидел командир саперов прапорщик Святцев. Он козырнул комбату. Бунцев ответил взмахом руки. На бронетранспортере разместились еще шестеро солдат. Сзади, почти у самых решеток, прикрывающих двигатели, как всегда, прикреплен резиновый баул, в котором саперы хранили воду.

Вслед за бронетранспортером шла боевая машина пехоты. Командир роты, сидевший на ней, отдал честь комбату и рукой показал на устроившихся на броне у оружейной башни афганских офицера и радиста: мол, все в порядке, все согласовали. По сторонам боевой машины сидели десантники. В касках, бронежилетах, спокойные, уверенные.

Комбат дождался, пока вся колонна пройдет мимо, и, убедившись, что начальник штаба придал роте Бочарова два танка, которые и замыкали колонну, направился в

ЦБУ — центр боевого управления. Начальник штаба был там. Сегодня почти все силы батальона были задействованы. Еще с утра две роты ушли сопровождать автоколонну с грузом для провинции Логар, расположенной к югу от Кабула.

Подполковник молча окинул взглядом помещение. На стенах густо висели карты, схемы и планшеты. На столах телефоны, рации стояли в нужном порядке. С каждой ротой — постоянная связь. В углу за отдельным столиком сидели старший лейтенант — летчик, — рядом с ним радист. Бунцев спросил у старшего лейтенанта:

— Как, соколы, готовы?

— Так точно, товарищ подполковник, готовы. Два звена вертушек в трехминутной готовности, экипажи в машинах.

— Хорошо. — Комбат повернулся к начальнику штаба: — Как колонна, идущая на Логар, Иван Павлович?

— Пока идет нормально. Правда, в районе поворота за Чахарасиабом духи обстреляли колонну из ДШК, расположенного на вершине этой горы. — Майор карандашом ткнул в карту. — Наши подавили пулемет сразу же.

— Потери?

— Нет, все нормально. Я только что разговаривал с командиром третьей роты. Он доложил, что замыкает колонну, везде порядок.

Бунцев не хотел вмешиваться в четкий ритм работы и, сказав, что будет у себя, направился к дверям. У самого выхода на стене его внимание привлекли большие фотографии переносных зенитно-ракетных комплексов иностранного производства, а ниже их тактико-технические характеристики.

— Сегодня привезли?

— Да, утром. Генерал-лейтенант Дубик, как и обещал вчера вечером, лично распорядился эти материалы нам доставить.

Крайней слева висела фотография американского «Стингера». На ней отдельно друг от друга — ракета и пусковой контейнер. Бунцев прочитал: «ПЗРК Стингер» (США). Предназначен для поражения визуально наблюдаемых воздушных целей. Способен вести стрельбу на догонных и встречных курсах. Может поражать цели с околотзвуковыми скоростями. Имеет аппаратуру «Свой-чужой», самонаводящуюся головку инфракрасного и телевизионного наведения.

Американские «Рейд-Ай» и «Сейбр», английские «Дже-

велин» и «Блоупайп», китайская «Хуньин-5» и французская «Мистраль» — все уже хорошо известны комбату. И он просил генерала Дубика прислать эти фотографии и описания не для себя, а для офицеров-новичков и солдат.

— Иван Павлович, прикажи отнести все это в учебный класс, пусть солдаты знакомятся.

— Есть, сейчас сделаем.

— Держи под пристальным контролем роту Бочарова. Что-то беспокоит у меня на душе. Банда большая и, как говорят наши афганские друзья, вооружена превосходно. Еще раз предупреди Бочарова, чтобы людей берег да и броней не очень рисковал. Знаю я этот кишлак, на его улочках и ишаку не всегда просторно.

— Капитан Бочаров тоже хорошо знает этот кишлак, поэтому и затылок чесал, когда ко мне от вас пришел. Держу связь с ним постоянно.

— Я буду у себя. Свяжусь с начальством, попрошу на всякий случай держать наготове мобильное подразделение. В случае чего, докладывайте немедленно. — И комбат вышел в коридор.

А рота капитана Бочарова спешила к месту боя. Бочаров жестом пригласил афганского старшего капитана присаживаться поближе. Они спрятались от ветра за башню и, крича друг другу в ухо, советовались, как действовать. Старший капитан показал на карте места, где находились афганские роты, и пояснил:

— Рота царандоя окружена вот здесь, в бывшей школе, а рота госбезопасности — вот здесь, в здании, где раньше была больница.

— Она тоже разрушена?

— Да. В прошлом году душманы и школу и больницу почти одновременно взорвали.

— Да, я помню. Они тогда двух врачей и учителя расстреляли.

Бочаров действительно хорошо знал этот кишлак, который находился на пути от Кабула в район Мусаи Логар, где хозяйничали контрреволюционеры. Ему не раз приходилось участвовать в боях в этих местах. «В кишлак лезть с техникой — гиблое дело, — размышлял командир роты. — Улочки узенькие, не везде и БМП пройдет, дувалы высокие, из-за них удобно и ручным гранатометом ударить, и гранату бросить. Духи наверняка наиболее широкие улицы заминировали».

Бочаров решил разместить танки на небольшой высотке,

а боевыми машинами пехоты оцепить кишлак так, чтобы у душманов был один выход: уходить к югу, в горы, а когда они окажутся на склонах гор, то их можно будет бить прицельным огнем из всех видов оружия.

Старший капитан, что-то уточнив через своего радиста у окруженных, наклонился к уху Бочарова:

— Мои сообщают, что у душманов минометная батарея. Она размещена за рекой в саду у крепости Каллай Мулло. Минометы пристрелялись, и сейчас нашим очень тяжело.

Бочаров опять уткнулся в карту. К батарее через кишлак не пройти. Единственный путь по полям вдоль реки. Боевые машины на гусеничном ходу там пройдут. Душманы вряд ли станут минировать поля. Техника там не ходила.

Конечно, был и другой выход: вызвать вертолеты. Но Бочарову не хотелось рисковать летчиками, ведь им надо заходить на душманскую батарею над кишлаком. Душманы смогут из-за деревьев обстреливать низколетящие машины.

Бочаров приказал радисту быстро связать его с командиром второго взвода и, услышав голос старшего лейтенанта Медвёдева, приказал ему выделить две БМП с десанниками для ликвидации минометной батареи.

Сразу же за поворотом открывалась панорама кишлака Момози. Рота, разворачиваясь веером, сразу же устремилась вперед. За считанные минуты боевые машины полукольцом охватили кишлак. Десантники на ходу прыгали на землю и цепью двигались в «зеленку», откуда доносились звуки боя. Бочаров принял решение ударить по душманам, атакующим развалины школы с фланга, а затем нанести удар по противнику, осадившему бывшую больницу. Ни танки, ни БМП, ни десантники пока огня не открывали. Душманы их не ожидали, и фактор внезапности должен был сыграть свою роль. Бочаров вместе с афганским старшим капитаном и его радистом остался на БМП. Наклонившись к люку механика-водителя, приказал:

— Саня, по моей команде рванешь прямо по пахоте, левее кладбища. Видишь, частые камни поставленные недалеко друг от друга? За кладбищем — дувал. Протаранишь его с ходу, и мы окажемся во дворе школы.

Черноглазый сержант Саня энергично кивнул головой и сразу же положил руки на штурвал. Бочаров попросил афганского офицера предупредить царандоевцев о своем плане.

— Понимаешь, — объяснил он старшему капитану, —

появление нашей машины с ее мощным вооружением наведет у духов приличный шорох.

Старший капитан не понял значения слов «приличный шорох», но он уловил главное, что командир роты решил лично прорваться к школе.

Радист протянул микрофонную трубку Бочарову.

— Вас командир второго взвода вызывает.

Медведев доложил, что две боевые машины с десанниками приступили к выполнению задания.

— Кто старший? — спросил капитан Бочаров.

— Командир первого отделения старший сержант Шувалов, — ответил Медведев и спросил: — Товарищ капитан, чуть южнее меня, метрах в пятистах есть пологая высотка, вы ее должны наблюдать.

— Да, вижу.

— Нельзя ли туда «слонов» направить? Они оттуда в случае чего могут минометную батарею достать.

— Хорошо, направляю.

Бочаров тут же приказал двум танкам выдвинуться к высотке и поддержать десантников.

А десантники уже вошли в «зеленку» и, не встречая сопротивления, продолжали движение. Бочаров кивнул механику-водителю, который выжидательно поглядывал на него из люка.

— Саня, вперед!

БМП рывком тронулась с места и, набирая скорость, прямо по пахоте устремилась вперед.

И в этот момент душманы открыли огонь по десанникам.

«Не забыли, сволочи, обезопасить свои тылы, — подумал капитан и тут же приказал, чтобы саперы на своем бронетранспортере двинулись вслед за ним. — У них кроме бортовых пулеметов есть автоматические гранатометы, это будет хорошей поддержкой».

Он передал командирам взводов: людьми не рисковать, сковать противника огнем и сообщил о своем замысле.

Бочаров с автоматом в руках вместе со своими солдатами на борту боевой машины рвался к цели. Но мысли его были там, где действовали взводы роты. Капитан крикнул радисту:

— Выясни обстановку у Медведева.

А в это время две боевые машины стремительно неслись вдоль берега на минометную батарею. Она уже была на виду. Шувалов увидел, как к ним наперерез бросились два душманских гранатометчика, и рукой показал на них Леонову.

Леонов первой же длинной очередью из ручного пулемета сразил одного душмана. Второй гранатометчик успел залечь за невысоким глиняным дувалом. Путь боевых машин пролегал недалеко от этого места. Шувалов по внутреннему переговорному устройству приказал механику-водителю взять резко влево, затем наклонился к Леонову и прокричал:

— Антон, не дай этому духу высунуться из-за дувала!

Леонов согласно кивнул головой. На идущей следом боевой машине, оказалось, тоже заметили гранатометчика и по дувалу ударили из орудия.

«Порядок! — обрадовался Шувалов. — Теперь он не опасен». И приказал открыть огонь из орудия БМП по быстро надвигающейся минометной батарее. Десантники работали прямо с борта, и рой трассеров понесся в сторону разбегавшихся душманов.

Вот и позиция батареи. Боевые машины остановились недалеко от четырех брошенных минометов и ящиков с минами.

Шувалов прыгнул с машины, дал короткую очередь вдогонку трем душманам, успевшим добежать до «зеленки», и проворчал:

— Тоже мне бой! Пыли больше, чем дела!

Осмотрел минометы: три английских и один египетский. Подошел к ящикам: все мины новехонькие, подержал в руках английскую мину — доставлена недавно. Возвратился к БМП и, взяв микрофонную трубку, связался с командиром взвода. Доклад, что батарея захвачена.

Медведев спросил:

— Потерь нет?

— Нет, товарищ ноль-десятый.

— Пленные?

— Никак нет, — ответил старший сержант, но тут же, увидев, что Леонов и Кольцов ведут захваченного в плен гранатометчика, крикнул: — Виноват, ноль-десятый, есть один с гранатометом.

Кончив доклад, отдал радисту микрофонную трубку и повернулся к солдатам, взявшим в плен душмана.

— Молодцы, мужики! Как вы его?

— Да очень просто. — Бросил на землю уже разряженный гранатомет Леонов. — Ребята не давали ему высунуться из-за дувала и удрать, ну а мы с Костей с фланга приблизи-

лись и скомандовали: «Дреш!»¹ Он улыбнулся и лапки кверху...

— Это он тебе, Антон, улыбнулся,— пошутил Кольцов,— ты ему напомнил духтар².

— «Духтар», «духтар»,— передразнил Леонов.— Ты лучше скажи, почему остальные гранаты не забрал?

— А где ты их видел?

— В трех метрах от места, где он лежал.

— А я не видел,— простодушно признался Кольцов и обратился к командиру отделения: — Товарищ старший сержант, разрешите? Я сбегаю!

— Отдыхай! — Шувалов приказал двум другим солдатам забрать гранаты и спросил радиста: — От командира взвода ничего нет?

А радист в этот момент принимал распоряжение Медведа: «Занять позицию и перекрыть путь к отступлению из кишлака».

Ну что ж, для командира отделения и его солдат занять позицию — дело привычное. Боевые машины пехоты с их мощным, скорострельным оружием — на фланги, секторы огня для их орудий и пулеметов — перекрестные, тяжелые пулеметы и автоматические гранатометы в центре, для обеспечения тыла — ручные пулеметы, автоматчики — в цепь. Через несколько минут Шувалов доложил: к бою готов.

А в это время командир роты на БМП пробил в дувале брешь и, давя гусеницами битый кирпич, обрушил на душманов огонь из всех видов оружия, имевшегося на борту. Оглушительно ревя двигателями, в пролом пролез и бронетранспортер. Гулко ударил крупнокалиберный пулемет Владимира. Прямо с борта били автоматчики. По команде Бочарова дружно ударили и все десантники, которые уже подбежали с другой стороны.

Душманы начали разбегаться. Как только они сунулись к окраине, заработали БМП, расставленные у кишлака полукольцом. Уцелевшие бандиты стали отходить к югу, но там их встретил Шувалов со своими солдатами. Деблокированные афганские роты сразу же начали преследование.

Вскоре бой кончился. К разрушенной школе начали сносить трофеи. Шувалов на БМП доставил минометы и мины к ним. Отличились саперы, их командир прапорщик Святцев четко доложил Бочарову:

¹ Дреш — стой (дари).

² Духтар — девушка (дари).

— Товарищ капитан, мы обнаружили шестнадцать английских переносных зенитно-ракетных комплексов «Блоупайп».

— Где вы их взяли? Это точно «Блоупайп»?

— А я сегодня в ЦБУ видел их фотографии и тактико-технические характеристики. Вот они.— Святцев достал записную книжку, перелистал несколько листиков и начал читать: — Длина — сто тридцать пять сантиметров, диаметр — семьдесят шесть миллиметров, головка наведения — инфракрасная...

Пока прапорщик громко продолжал читать данные «Блоупайпа», командир роты весело переглянулся с офицерами: уж больно в этот момент прапорщик напоминал назидательного инструктора.

Святцев наконец оторвал глаза от блокнота и улыбнулся.

— Так что, эти ПЗРК — железно «Блоупайп». Четыре из них были подготовлены к пуску. Обнаружены рядом с убитыми операторами.

Подожли трое афганских офицеров. Старший капитан, который прибыл в кишлак вместе с советской ротой, представил Бочарову командиров афганских рот и сказал:

— Они благодарят за своевременную помощь. Если бы не вы, дело закончилось бы плохо, боеприпасы уже были на исходе.

— Помогать вам — наша обязанность,— улыбнулся Бочаров и спросил: — Какие у вас потери?

Афганцы ответили, что у них двадцать один человек погиб и двадцать семь ранены.

Бочаров помрачнел.

Командир роты царандоя сообщил:

— В банде был иностранный инструктор. Скорее всего из Европы. Он погиб, а душманы его голову отрезали и пытались унести, но и тот, который нес эту голову, тоже далеко не ушел, догнала его наша пуля.

— А зачем голову-то отрезать?

— Если инструктор попадает в плен, то главаря банды ждет смерть. Поэтому, если инструктор погибает, они хотя бы его голову своим хозяевам в Пакистан несут, чтобы доказать, что тот не попал в плен. Бывают случаи, когда раненого инструктора добивают, если его нельзя унести, и опять-таки голову его с собой прихватывают...

Возвращаться решили все вместе. Советские и афганские солдаты разместились на броне техники, а в грузовики;

вызванные по радио, поместили раненых и погибших солдат.

В расположении батальона капитан Бочаров доложил комбату о результатах боя.

— Хорошо, что вы подоспели, — сказал комбат и повернулся к своему заместителю по политчасти. — Как, товарищ майор, считаете, отличившихся надо отметить?

— Конечно, — улыбнулся Шукалин, — кто заслужил, того следует отметить.

— У меня очень хорошо действовало отделение старшего сержанта Шувалова. Особенно отличился рядовой Леонов. Он лично уничтожил гранатометчика, изготовившегося к стрельбе по БМП, а затем вместе с рядовым Кольцовым захватил в плен второго гранатометчика.

— Ну вот и прекрасно, — обрадовался Бунцев. — А мы сегодня подготовили документы о присвоении рядовому Леонову звания «младший сержант». Вскоре надо будет ехать в Союз за пополнением. Направим туда Леонова и Кольцова, а их родителей предупредим, чтобы в Ташкент приехали. Вот обрадуются наши ребята!

МАМА

Вера Федоровна уже в который раз перечитывала последнее письмо от сына, пытаясь разгадать в его бодрых словах, как на самом деле ему служится в далеком Узбекистане. Она сидела на диване, уютно укутав ноги в тонкое одеяло. За стеклом книжной полки стояла фотография Коли. Он прислал ее несколько дней назад. Форма очень идет ему: голубой берет чуть сдвинут на затылок, из-под ворота гимнастерки видна тельняшка с голубыми полосками.

Вот уже прошло четыре месяца, как Коля в армии, а Веру Федоровну тревожил один и тот же вопрос: как могло случиться, что Коля оказался в десантных войсках? Ее даже не успокаивало первое письмо от Коли, где он с восторгом описывал, как ему повезло попасть в десантники. Как только Вера Федоровна узнала, что сын находится в учебном подразделении, откуда большинство солдат направляется в Афганистан, в ее сердце поселилась постоянная тревога. Она как-то попыталась заговорить об этом со старшим сыном, но он обнял ее за плечи и, улыбаясь, сказал:

— Успокойся, мамочка, Коля служит в самых лучших

войсках, и я уверен, что с ним ничего не случится. И никто его туда не толкал. Быть десантником — это его мечта. Я знаю не меньше десятка ребят, которые служили в Афганистане. Все они вернулись живыми и здоровыми.

Вера Федоровна встала с дивана, включила верхний свет, посмотрела на фотографию: Коля улыбается весело и открыто. «А может, и обойдется все...»

Она подошла к окну. По заснеженной улице суетливо проносились автомашины. Вера Федоровна посмотрела вдаль, где за сквером виднелась огромная труба ТЭЦ. Из трубы валил густой дым, который на фоне голубого неба казался черным. Коля очень не любил мыть окна и покрытые копотью подоконники. Он ворчал: «Черт возьми этот крематорий! Он нам задает работу!»

Вера Федоровна провела пальцем по подоконнику: нет, уплотненные на зиму окна не пропускали копоть внутрь квартиры. Постояла немного, вернулась к дивану, снова взяла письмо и начала читать:

«Здравствуй, мамочка! Дела у меня идут хорошо. Извини, что так долго не писал, совершенно не было времени: целые две недели мы были на тренировках в горах, а когда вернулись, я сразу же побежал за письмами. Получил все три твоих последних письма, два от Светы и одно от Сергея. По-моему, он стал лентяем. Да, и еще на почте получил от тебя перевод и посылку. Спасибо большое! У нас во взводе был праздник живота. Вместе с ребятами я с большим удовольствием уплетал вкуснятину, которую ты прислала. Деньги, мамочка, мне не шли, они мне не нужны, так как тех, которые нам выдают, вполне хватает на мелкие расходы. Ты пишешь, что хочешь приехать. Если у тебя случится командировка, то я, конечно, буду очень рад, но специально из-за меня ехать в такую даль не стоит. На всякий случай уточняю, если все-таки ты приедешь: я нахожусь в четвертой роте, первом взводе, третьем отделении. На этом у меня все, постараюсь писать тебе чаще. До свидания, мамочка, крепко целую тебя, Коля».

Вера Федоровна потянулась к телефонному аппарату и набрала номер Светы. Она еще сама не знала, о чем они будут говорить. У нее просто появилось желание услышать голос девушки, которая искренне — а это хорошо чувствовалось материнское сердце — была привязана к Коле.

Света сама подняла трубку. Услышав голос Веры Федоровны, сразу же сообщила:

— А я сегодня получила от Коли письмо и как раз

хотела вам звонить, — быстро, желая поделиться с Верой Федоровной радостью, говорила девушка. — Он был очень занят и не мог писать.

— Да-да, Светочка, я это знаю. Сегодня мне тоже пришло письмо, правда, маленькое совсем. Он не любит длинные письма писать.

— Ой, Вера Федоровна, — рассмеялась Светлана, — и мне он всего одну страничку написал.

— Как у тебя, Света, дела? Почему не приходишь?

— Неудобно вас беспокоить, — смутилась девушка. — Но если вам это приятно, я обязательно буду заходить, Вера Федоровна.

Вера Федоровна занялась домашними делами, но все ее мысли были о младшем сыне. Рос он слабенным и болезненным. Однако в профессионально-техническом училище, куда Коля поступил после окончания восьмого класса, возмужал, увлекся мотоциклом.

Вера Федоровна грустно улыбнулась, вспомнив, как в четырнадцать лет Коля очень хотел ездить на мотоцикле. Но в госавтоинспекции ему сказали, что удостоверение на право управления он может получить только по достижении шестнадцати лет.

Коля загрустил, и Вера Федоровна с Сергеем решили сделать ему подарок: купили уцененный мопед. Стоил он всего сто рублей, но для их скромного бюджета, это были немалые деньги.

Счастью не было границ. Коля приходил из школы, садился за уроки, а затем сразу же начинал возиться с мопедом. Перебрал его весь своими руками. Правда, старший брат иногда помогал ему в этом. Мопед работал как часы, и все свое время Коля отдавал ему. Стал ходить в секцию мотоболла. Окреп, стал меньше болеть. Вспомнилось, как однажды в пионерском лагере Коля пропал. Пионервожатые с ног сбились, позвонили Вере Федоровне. Когда она к вечеру приехала в лагерь, Коля уже нашелся. Вера Федоровна сидела с ним в беседке и журила: «Что же ты, сынок, так людей перепугал?» Коля смотрел на нее большими карими глазами и оправдывался: «Ну что ты, мамочка, я даже из лагеря не уходил. Я вон там, около дерева увидел муравейник. Муравьи такие интересные, все время двигаются. Я решил понаблюдать за ними и не заметил, как полдня прошло, а когда увидел, что скоро вечер, побежал в свой отряд, а там переполох. Я извинился перед пионервожатой.

Она когда узнала, чем я занимался, даже не стала меня ругать».

Эти воспоминания вызвали такую тоску, что Вера Федоровна решила ехать к сыну. Чтобы не тревожить Колю, она написала, что может приехать в Ферудах в командировку, а на самом деле договорилась на работе, что ей предоставят отпуск за свой счет.

«Надо будет узнать, какой порядок посещения в учебном центре», — подумала она и решила на следующий день сходить в военкомат.

От мысли, что она едет к Коле, стало легче на душе, и Вера Федоровна решила не мешкая идти за покупками.

Сергей пришел поздно, и Вера Федоровна с ним смогла поговорить только на следующий день утром. Сережа, улыбаясь, сказал:

— А я и не сомневался, мама, что ты поедешь к Коле, я же вижу, как ты маешься.

Сереже надо было на работу, и Вера Федоровна направилась в военкомат одна. Через несколько минут она остановилась у двери с надписью: «Военком подполковник Чернов» и робко постучалась. Ответа не послышалось. Вера Федоровна потянула на себя дверь и сразу же увидела... Сумского.

Вера Федоровна так растерялась, что некоторое время молча смотрела на майора.

— Здравствуйте, — наконец выдавила она из себя.

— Что вам угодно? — не отвечая на приветствие, спросил Сумский.

— Я думала, что здесь товарищ Чернов, хотела у него уточнить...

— Прежде чем узнавать о чем-то, надо спросить разрешения войти.

Сумский узнал Веру Федоровну и явно пользовался ее смущением. Он по-хозяйски встал и, подойдя к сейфу, зачем-то его потрогал за ручку, словно желая убедиться, надежно ли он заперт.

— Я постучала, но мне никто не ответил, — растерянно пробормотала Вера Федоровна.

— Что вам угодно? — сухо повторил Сумский.

— Я хотела бы узнать, могу ли я посетить сына в учебном центре. Он в Ферудах, в воздушно-десантных войсках.

— Знаю, знаю, где находится ваш самый исключительный мальчик. А вы что, так и не поняли, что солдату не надо

мешать нести службу? Ваши посещения и сюсюкания только расслабляют его, отвлекают от выполнения своего священного долга перед Родиной.

— Господи, какой же вы жестокий человек! — тихо сказала Вера Федоровна. — Мне кажется, что у вас нет детей. Вы же ничего не понимаете в жизни, не любите людей.

— Я не нуждаюсь в ваших нравоучениях и прошу не мешать мне работать. Никаких справок вам дать не могу. — Майор сел на место и деловито задвигал ящиками стола.

«Какая я дура! — думала Вера Федоровна, шагая по заснеженной улице. — Даже не нашла нужных слов, чтобы достойно ответить этому грубияну. Неужели он уже стал военкомом? Господи, сколько матерей он еще унизит!»

На работе она немного успокоилась, пошла к начальнику. Он подписал заявление о предоставлении отпуска за свой счет.

— Передайте Коле привет и скажите, что мы все желаем ему успехов.

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Леонов был уже бывалым солдатом. Научился он подавлять в себе не только страх, но и тоску по дому. Правда, мысли о родных часто тревожили его душу. Особенно остро он чувствовал тоску в часы отдыха, когда Костя Кольцов брал в руки гитару и начинал петь.

Вот и сегодня. После обеда неожиданно объявили: всем отдыхать, заниматься личными делами. Ну а какие могут быть личные дела у солдата, когда он находится далеко от дома, в чужой стране?

Леонов вместе с Шуваловым и Кольцовым сходили в гарнизонный магазин. Купили сок «греко» в маленьких металлических банках, конфет и яблок. Уселись недалеко от плаца, на котором обычно проходили строевые занятия, и принялись есть все, что купили. Затем пошли к казарме и устроились в небольшой, покрытой маскировочной сеткой беседке. Костя тронул струны гитары, и почти сразу же к ним потянулись солдаты. Ребята любили слушать Кольцова. Голос у него был не сильный, но пел он с душой. Парни больше всего любили песни об Афганистане, о боевых делах. Вот и сейчас Костя, прижавшись спиной к столбу беседки, запел:

Нам сказали: там на дороге мины.
Нам сказали: вас засада ждет.
Но опять ревут бронемашинны.
И колонна движется вперед.

Сразу же в беседке стало тесно, те, кто не поместился, стояли вокруг плотным кольцом.

А Кольцов уже пел другую песню:

Но останутся в памяти нашей пропыленные батальоны
И погибшие наши ребята, что всегда будут жить среди нас...

Песни звучали одна за другой, а ребята просили еще. К беседке подошел командир второго взвода Медведев. Он был самым молодым среди офицеров. Старший лейтенант некоторое время стоял, слушая песню, затем осторожно протиснулся в беседку и тихо сказал:

— Младший сержант Леонов и рядовой Кольцов, к замполиту батальона!

В кабинете замполита батальона майора Шукалина был и замполит роты. Солдаты по очереди представились. Майор молча смотрел на них, а затем улыбнулся.

— Батальону поручено выделить людей для поездки в Ташкент за пополнением. Принято решение вместе со старшим лейтенантом Бакиным, — он кивнул в сторону замполита роты, — послать и вас как особо отличившихся при выполнении боевого задания. Не возражаете?

— Есть выехать в Ташкент! — первым нашелся Леонов.

— Ну вот и прекрасно. Полетите через двое суток, а сейчас, если хотите, дайте мне адреса ваших родителей, а я постараюсь им сообщить о вашем прибытии в Ташкент.

Парни не верили своему счастью. Вот это подарок!

— Слушай, Костя, — потер пальцем лоб Леонов, — не сон ли это? Думал ли ты, что можно на Родину съездить?

— Так хотелось хоть пять минут подышать родным воздухом, а тут целых трое суток!

Они направились снова к беседке, откуда доносился дружный хохот, и сразу поняли, что среди солдат сидит прапорщик Святцев.

В батальоне все очень любили прапорщика за его высокое мастерство сапера и веселый нрав. Ему было двадцать восемь лет. Он не стеснялся смеяться над своими слабостями, миролюбиво подтрунивал над другими. То анекдот расскажет, то вспомнит какой-нибудь эпизод из своей жизни. Вот и сейчас он рассказывал что-то смешное о своей теще.

Солдаты хохотали. Может, в другой ситуации его рассказ и не казался бы таким смешным, но здесь, в Афганистане, даже простые бытовые сценки вызывали у ребят особые чувства.

К Леонову и Кольцову подошел Шувалов, поинтересовался, зачем вызывали их к начальству.

— Везунчики, — не скрывая зависти, сказал Шувалов. — Я напишу письма домой, бросьте в Ташкенте, быстрее дойдут.

Разговаривая, они направились к казарме. Взгляд Леонова остановился на небольшом домике, где размещался гарнизонный магазин.

— А что, мужики, не ограбить ли наш магазин? Там же не только фрукты, конфеты да соки, а есть кое-что из вещей. У меня скопилось рублей тридцать.

— Вот это идея! — встрепнулся Кольцов. — Молодец, Антон!

— Сообразительный, — поддержал Кольцова Шувалов, шаря по многочисленным карманам, — у меня тоже рубликов двадцать пять — тридцать наберется.

— Айда, мужики! — И Леонов, увлекая за собой друзей, решительно зашагал к магазину.

После яркого солнца внутри было мрачно. За прилавком стояли две девушки. Иногда некоторые солдаты забежали в магазин просто посмотреть на девушек. Между собой парни шутили: «Пришел, увидел, не купил». Леонов, выждав, пока двое офицеров уйдут из магазина, подошел к одной из девушек.

— Скажите, пожалуйста, что у вас можно купить для подарка?

— А кому? — кокетливо посмотрела на него продавщица.

Увидев, что друг смутился, Шувалов сказал:

— Эти два гвардейца за храбрость получили краткосрочный отпуск на Родину и хотят купить подарки родителям.

Лицо у продавщицы сразу же стало серьезным.

— Откуда вы, ребята?

— Как откуда? — не понял Кольцов. — Из второго взвода первой роты.

— Да нет, я не об этом. Где вы в Союзе живете?

— Я из Иркутска. Леонов — из Брянщины, а Шувалов — москвич.

— Жаль, а я из Харькова. Если бы кто-нибудь был из тех мест, тоже бы передала сувенир.

— А этого делать нельзя. — К ним подошла вторая продавщица. — У солдат на таможне все изымут.

— Как изымут? — удивился Леонов. — Я же за свои... хочу подарки родителям купить. — Он из нагрудного кармана достал деньги.

— Ух ты, какой капиталист, — улыбнулась девушка и уточнила: — Отцу и матери хочешь купить?

— Если хватит, то и брату, и... — Леонов, не договорив, покраснел.

— Ясно кому, — засмеялась девушка и, повернувшись к полкам, взяла головной платок. — Вот посмотри, может, подойдет маме. Стоит недорого — шестнадцать рублей. Японский.

Платок понравился Леонову, и он купил его. Затем продавщицы предложили для отца и брата солнцезащитные очки.

Оставалось три рубля, и продавщицы — люди опытные и практичные — предложили солдату на оставшиеся деньги купить жевательной резинки. Затем они «отоварили» Шувалова и Кольцова. Парни были довольны.

Следующие два дня прошли в ожидании и боязни, что вдруг начальство передумает. Но все шло нормально, и, когда наступил день отъезда, Леонов и Кольцов вместе с замполитом роты направились на аэродром. «Уазик» несколько раз останавливался у КПП: проверялись документы. Только после этого машина подкатила прямо к огромному транспортному самолету ИЛ-76. Фюзеляжная платформа была опущена на бетонку, и ребята впервые увидели чрево этого гиганта.

— Да-а, — протяжно промолвил Кольцов, непроизвольно сдвигая берет к затылку. — В такое брюхо запросто железнодорожный вагон влезет. Антон, ты летал на таком?

— Нет, сегодня испытаем.

Вскоре они оказались в самолете на узкой, длинной, идущей вдоль стенок скамье. Прямо по центру пола от фюзеляжа до кабины был уложен какой-то груз.

Самолет быстро наполнялся людьми. Наконец огромная рампа медленно потянулась вверх. Вскоре запустились и двигатели. Самолет вздрогнул и тронулся с места. Кольцов что-то сказал, но Леонов не расслышал, рев двигателя заглушал все. Колеса все чаще стучали на стыках плит, самолет пробежал по бетонке и плавно остановился.

«На старте,— понял Леонов,— сейчас опробует двигатели».

И точно. Слева двигатели мощно заревели, затем такой же рев послышался со стороны правых двигателей. Самолет мелко задрожал. Тормоза еле сдерживали многотонную машину, не давая ей сорваться со старта. Сейчас пилоты опробуют рули, и вот он — старт. Огромный самолет рванул с места, стремительно помчался по широкой бетонной полосе и оторвался от земли, набирая высоту.

Леонов через иллюминатор увидел огромную гору, залитую лучами яркого солнца, ее острые, изрезанные расщелинами бока. Самолет находился в каменной чаще и, кружась в ней, все выше и выше, по спирали набирал высоту. И вот остроконечные вершины уже далеко внизу. Самолет сделал еще несколько кругов и взял курс на Север...

В Ташкенте было солнечно и тепло. Радостные и взволнованные стояли солдаты на родной земле. Старший лейтенант Бакин придирчиво осмотрел их и односложно сказал:

— Вперед.— Он первым зашагал к приземистому зданию, где предстояло официально пересечь границу.

Первым делом надо пройти таможенный досмотр. Бакин пропустил солдат вперед, и Леонов предстал перед высоким, лет тридцати, таможенником, одетым в мышиного цвета костюм. Леонов широко улыбнулся и поздоровался. Однако ответа не последовало. Вдруг словно что-то острое кольнуло его. Он увидел маленькие, настороженные глаза таможенника.

— Что в чемодане?

— Бритва, зубная щетка, мыло, подарки родным,— Антон не узнал своего голоса, который неожиданно стал хриплым и растерянным.

Антон щелкнул замками и тут же вспомнил, что не назвал среди вещей полотенце, которое старшина роты разрешил взять на всякий случай с собой. Он торопливо и смущенно сказал:

— Еще полотенце у меня, вот оно.— Антон взял его в руки, но таможенник уже развернул пакетик с очками, платком и жевательной резинкой.

— Так... почему нарушаете?

— Что нарушаю? — не понял Леонов. Ему стало страшно. А вдруг его сейчас повернут обратно, посадят в самолет и не пустят на Родину! Он пробормотал: — Я же у себя в магазине купил...

— А у вас уже там и свой магазин появился? —

с издевкой произнес таможенник и достал небольшой сверток, где лежали платок и очки, купленные Шуваловым.— А здесь что?

— Платок и очки. Меня командир отделения старший сержант Шувалов попросил передать его родителям.

— Так, ясно. У вас там, оказывается, все это на широкую ногу поставлено.

— Что вы мелете? — взорвался Кольцов.— Мы все это за свои деньги в нашем гарнизонном магазине купили.

— Вам вопросы я буду задавать позже,— отрезал таможенник.

Бакин шагнул вперед.

— Я командир этих ребят и подтверждаю: все это ими приобретено в нашем гарнизонном магазине.

— А за какие денежки? Я, конечно, знаю, что вы, офицеры, там гребете чеки, а где они, солдаты, чеки берут?

— Эти солдаты,— побледнел старший лейтенант,— всего два дня назад вели бой, и вы не имеете права их оскорблять. Это с вашей стороны — подло!

— А вы, старшой, на меня не кричите! Я таких видел,— взвизгнул таможенник.— За такие дела можете оттуда в Союз пробкой вылететь.

Леонов и Кольцов знали своего замполита как спокойного и рассудительного офицера. В бою он был всегда в первых рядах, полгода назад его контузило. В обычной обстановке Бакин был сдержан, а тут вдруг взорвался и двинулся на таможенника.

— А ты меня, хлюст, Родиной не пугай. Встреча с ней для меня — самая высокая награда!

На шум голосов к ним быстро подошли два таможенника и офицер-пограничник.

— В чем дело, товарищи? — громко спросил пожилой таможенник, очевидно, старший.

— Да вот, нахватили там барахла и хотят провезти все это, еще и оскорбляют,— крикливо объяснил таможенник.

Офицер-пограничник строго посмотрел на замполита.

— Товарищ старший лейтенант, в чем дело?

Бакин объяснил, что произошло. Старший таможенник взял в руки подарки и спросил у Леонова:

— Так говоришь, родителям купил?

— Так точно, за свои деньги.

— Молодец, что не забываешь их, забирай и вези,

сынок.— Посмотрел на Бакина, на его солдат и тихо сказал: — Извините нас, товарищи! Проходите, пожалуйста, с прибытием вас на Родину!

В ФЕРУДАХЕ

Самолет прилетел в Ферудах в десять часов местного времени. Вера Федоровна вышла из аэровокзала и остановилась. На улице было сыро, низко нависало хмурое небо. Вдали виднелись непривычные взгляду строения: высокие глиняные заборы, одно- и двухэтажные с плоской крышей дома.

Вера Федоровна огляделась. Возле аэровокзала стояло много машин, но такси не было видно. По схеме, которую прислал Коля, можно было судить, что до войсковой части далеко, а у нее две тяжелые сумки и еще целлофановый пакет.

Вера Федоровна увидела проходящего милиционера и, прислонив пакет к большой сумке, заспешила к нему.

— Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, где здесь стоянка такси?

Чернявый худощавый милиционер лет двадцати пяти вежливо козырнул.

— Здравствуйте! Такси обычно останавливается у дальнего крыла здания.— Он показал рукой.— Вон там. Но сейчас, как видите, машин там нет. А вы в десантную часть? — Милиционер улыбнулся.— Наверное, к сыну?

— Да...

— Ясно. Вы постоитесь здесь немножечко, я сейчас.

Милиционер быстро зашагал через площадь. Вера Федоровна медленно возвратилась к своим вещам. Накрапывал мелкий дождик, стало еще больше пасмурно. «Наверное, за такси пошел»,— подумала она и достала из кармана пальто перчатки.

Вера Федоровна с любопытством смотрела на прохожих. Одни из них были одеты по-европейски, другие — в длинные цветастые халаты, тубетейки. Женщины любили цветные одежды. Одна из них увидела, что за ней с любопытством наблюдает приезжая, весело улыбнулась ей. Улыбка у нее была доброжелательная, приветливая, и Вера Федоровна тоже ей ответила улыбкой.

— Пойдемте,— послышался сзади голос. Это был тот же самый милиционер. Он легко подхватил тяжелые сумки

и, идя впереди, пояснил: — Я там живу недалеко, заодно и вас подброшу к вашему сыну.

— Спасибо вам, но мне так неудобно утруждать вас.

— Ничего, ничего. Когда я служил в армии в Казани, то моим родителям, если они приезжали навестить меня, тоже помогали.

Они сели в милицейский «Москвич».

— Я работаю водителем в отделении милиции. Начальник разрешил пораньше на обед съездить.

Машина въехала в такую узенькую улочку, что, казалось, протяни из окна руку и коснешься рыжеватой глиняной стены.

— Это старая часть города. Есть у нас и широкие улицы, и большие многоэтажные дома, но здесь путь покороче.

— Да, я много слышала о Ферудах,— кивнула головой Вера Федоровна.— Если получится, то обязательно осмотрю ваши исторические памятники, давно мечтала об этом. Если бы не сын, то кто знает, может, так и не увидела бы этот город.

Машина уже в который раз сделала поворот и неожиданно выехала на широкую асфальтированную улицу.

— Ну вот, мы уже почти приехали,— пояснил водитель.— Видите каменный забор? Это воинская часть.

У широких металлических ворот с большой звездой машина остановилась. Милиционер поставил сумки на тротуар недалеко от КПП и попрощался.

Вера Федоровна волновалась и, чтобы немного успокоиться, заставила себя не торопиться. Усталость, пасмурная погода, влажный воздух, тревога — все это вызывало чувство неуверенности. Она немного постояла и медленно вошла в караульное помещение. Слева за большим столом увидела двух солдат. Один из них с красной повязкой на рукаве тут же подошел к ней и первым поздоровался.

— Вы к кому?

— Я приехала к своему сыну Коблику. Не знаете такого?

— А в какой он роте?

— Не знаю... не помню,— от волнения Вера Федоровна забыла все, о чем писал Коля.

— Подождите минуту, пожалуйста,— предложил солдат и снял трубку телефона.

Вскоре Веру Федоровну отвели в отдельную комнату и

оставили одну. Она начала рассматривать на стене плакаты и фотографии военнослужащих.

Спустя несколько минут в комнату вошел капитан. Он поздоровался и представился:

— Дежурный по части капитан Селиванов. Я уточнил, ваш сын рядовой Коблик сейчас на тренировке в горах и будет здесь в семнадцать ноль-ноль. Если не возражаете, мы сейчас договоримся с гостиницей и отвезем вас туда. Отдохнете и к семнадцати часам приходите в часть. Побеседуете с командиром и решите вопрос о свидании с сыном.

Капитан ушел, а Вера Федоровна облегченно вздохнула: над ней все время витал дух майора Сумского, и она начинала бояться общения с офицерами.

Тут же за ней зашел прапорщик, и вскоре Вера Федоровна была в гостинице.

Администратор бросила мимолетный взгляд на приезжую и сухо сказала:

— Мест нет.

— Как нет? — растерялась Коблик. — Где же мне тогда устроиться?

— У нас забронированы места для участников республиканского совещания.

Прапорщик осторожно отодвинул Веру Федоровну.

— Эта женщина — мать нашего солдата, приехала издалека, и ей ночевать негде.

— Всем ночевать негде, — пробормотала администратор, провела карандашом по листу бумаги, где значились номера комнат, и смилостивилась: — Могу поселить на одну ночь в четырехместный номер.

Но прапорщик, очевидно, не в первый раз бывал в такой ситуации. Он решительно возразил:

— Вы, наверное, забыли, что с директором гостиницы есть договоренность о том, чтобы родителей, приезжающих на свидание к солдатам, устраивали в гостиницу и, по возможности, предоставляли отдельные номера.

— Ну вот, пусть директор и предоставляет. — Администратор отвернулась к окну. Ей явно было скучно.

Прапорщик ободряюще улыбнулся Вере Федоровне.

— Подождите минутку. — И сам направился в угол вестибюля, где виднелась открытая дверь.

Вера Федоровна отошла в сторону. Она так надеялась, что сыну предоставят хоть на один день отпуск и они смогут побыть одни.

У администратора зазвонил телефон. Она подняла трубку и, преобразившись, вежливо начала отвечать.

По обрывкам фраз Вера Федоровна поняла, что речь идет о ней, и тут же увидела прапорщика. Он подошел и тихо сказал:

— Пойдемте к ней.

Администратор уже положила трубку на аппарат.

— Свободного номера нет. Директор распорядился поселить в двойной. Вот, — протянула она Вере Федоровне бланк, — заполните.

Пока Вера Федоровна заполняла анкету, прапорщик пояснил:

— Вы будете жить тоже с матерью солдата, так что найдете общий язык.

Вскоре Вера Федоровна была в номере. На стуле возле окна сидела женщина.

— Мне сказали, что вы тоже приехали к сыну. Выходит, что наши дети вместе служат. — Вера Федоровна назвала себя и сказала, откуда приехала.

Женщина встала. Она была чуть выше Веры Федоровны. Темные длинные волосы были собраны на затылке, большие голубые глаза смотрели доброжелательно и с любопытством.

— Анастасия Макаровна Леонова. Ваш сынок тоже приезжает?

— Да, в пять часов вечера.

— А я даже не знаю, когда мой прибудет. Мне сообщили, чтобы я еще вчера приехала. Я не выдержала, была тут уже позавчера. И вот жду, волнуясь, как бы чего не случилось.

Постепенно они разговорились, и выяснилось, что их дети служат в разных местах. Узнав, что сын Леоновой находится в Афганистане и что она ждет его оттуда, Вера Федоровна сразу же прониклась к своей соседке особой симпатией и уважением. Женщины так разговорились, что даже не заметили, как пролетела большая часть дня. Потом спустились на этаж ниже в буфет и перекусили, а когда вернулись в номер, Вера Федоровна стала собираться.

— Пойду потихоньку, а вдруг раньше придут.

— Да, конечно, — понимающе сказала Леонова. — А я буду ждать здесь. Мне сказали, что мой Антон придет прямо в гостиницу.

В части Веру Федоровну встретил майор. Он представился:

— Начальник учебного центра Слипченко.

Они прошли в уже знакомую Вере Федоровне комнату, где майор рассказал о Николае, его службе и пригласил на территорию учебного центра.

Вера Федоровна впервые оказалась в расположении войсковой части. Ровно подстриженный кустарник, чистые, покрытые красной крошкой дорожки, окаймленные белыми кирпичами. На больших красочных щитах различные инструкции, выдержки из приказов, портреты солдат и офицеров.

— Вот здесь ваш сын вместе со своими товарищами занимается физподготовкой, — показал на площадку Слипченко. — Сначала приходится ребятам трудно, но уже через месяц их не узнать.

Вера Федоровна внимательно осматривала перекладины, бруссы, барьеры, макеты стен домов, какие-то кирпичные сооружения. Она обратила внимание на колючую проволоку, прикрепленную к невысоким колышкам, и спросила:

— А это для чего?

— Здесь солдаты учатся по-пластунски ползать, а вот это — парашютная вышка.

Вера Федоровна увидела высокую металлическую вышку, с которой по наклонной вниз спускались какие-то провода, тонкие канаты с брезентовыми ремнями, с застежками.

— Не боятся?

— Сначала побаиваются, но после первых двух прыжков начинают заниматься с интересом.

Они прошли мимо двух трехэтажных зданий, где, как пояснил майор, были казармы, затем пересекли большую асфальтированную, размеченную белой краской площадку.

— Здесь у нас проходят занятия по строевой подготовке.

Они вошли в небольшое, барачного типа, здание, где размещался штаб. Майор открыл обитую черным дерматином дверь, и Вера Федоровна оказалась в просторном кабинете.

Майор позвонил кому-то и требовательно сказал:

— Рядового Коблика ко мне!

Вера Федоровна поежилась.

Майор Слипченко заметил это и улыбнулся.

— В армии нужна строгость, а в армейских учебных

центрах и подразделениях — особенно. Ребятам надо побыстрее вывести из ритма беззаботной жизни «на гражданке». Конечно, нелегко им на первых порах, но зато когда попадают в часть, служба проходит легче. Вам, наверное, не понравилось, что я так строго сказал? Не удивляйтесь, в армии требуется говорить как можно лаконичнее, в бою длинные монологи только вредят.

В дверь кто-то негромко постучал, и на пороге появился Коля. В десантной форме, красивый, стройный, он козырнул и громко сказал:

— Товарищ майор, рядовой Коблик по вашему приказанию прибыл!

Он даже не взглянул на мать, и Вера Федоровна с обидой подумала: «Неужели он меня не узнает?!»

— Вам предоставляется отпуск на двое суток. — Майор протянул листок и ободряюще спросил: — Ну, а что же вы с мамой не здороваетесь?

Коля бросил на Веру Федоровну короткий взгляд и растерянно промолвил:

— Здравствуй, мам!

— Здравствуй, сынок! — Вера Федоровна встала со стула. Она хотела подойти к сыну, обнять и поцеловать его. Но поняв, что Коля стесняется, сдержала себя.

Когда вышли из проходной КПП, Коля взял из рук матери сумку.

— Не сон ли это, мама? Неужели это ты?

— А ты ущипни себя, сынок, — улыбнулась Вера Федоровна.

В номере соседей не оказалось, и они были рады, что могут побыть вдвоем. Первым делом Вера Федоровна начала собирать на стол. Коля, не мешкая, принялся за еду. С набитым ртом проговорил:

— Как хорошо, мамочка, словно дома оказался. Вот только Сергея не хватает.

Вера Федоровна нежно погладила сына. Чем больше всматривалась в его лицо, тем больше убеждалась, что он здорово изменился. Сейчас сын выглядел намного старше, окреп и даже поправился. Разговаривал и то иначе, с достоинством.

— Сынок, а тебе приходилось прыгать с парашютом?

— Первый раз было страшно. Тот прыжок, наверное, на всю жизнь запомнится. Прыгали мы тогда с АН-12 — это большой четырехмоторный самолет. Набрали высоту, сделали два больших круга над Ферухахом, затем прошли над

горами, развернулись. Только я успел посмотреть на горы, раньше их сверху никогда не видел, как вдруг сирена завывала, да так, что сердце вздрогнуло, и тут же команда «пошел». Я прыгал восьмым. Подошел к открытой рампе, а передние ребята уже далеко внизу. Шагнул вперед и прыгнул... Только воздух свистит, а сам за кольцо держусь и считаю: двадцать один, двадцать два, двадцать три — это надо три секунды выждать и рвануть кольцо. Сразу же завис над землей. Огляделся: красота и тишина, где-то далеко негромкий гул самолета, а внизу парашюты ребят словно в сказке плывут. Весь Ферудах как на ладони, горы недалеко. Внизу все маленькое, дома как детские кубики. Казалось, что медленно опускаюсь, но когда до земли метров сто осталось, то и опомниться не успел, как приземлился.

— Ну, а как ребята, никто не испугался?

— Один так перетрусил, что даже не прыгнул, а когда вечером собрались в казарме, то заявил: «Кто попал в воздушно-десантные войска — гордись! А кто не попал — радуйся!»

— Ну и как, отчислили его?

— Что ты, мам! Сейчас он отлично прыгает и дополнительные прыжки просит.

В дверях послышался шум. В комнату вошла Анастасия Макаровна, а с ней голубоглазый, светловолосый десантник.

Глаза Анастасии Макаровны светились счастьем. Она положила руку на плечо сына и радостно сказала:

— Ну вот и мой «афганчик»!

— Младший сержант Леонов... Антон.

Ох, как Николаю хотелось побыть с младшим сержантом один на один, расспросить обо всем, но присутствие матерей сковывало его. Зато Вера Федоровна не смущалась, попросила Антона:

— Расскажи, пожалуйста, о своей службе, мне хочется знать, что ждет моего сына?

— Мам,— смутился Николай,— ну что ты пристаешь к человеку.

Леонов молча посмотрел на Николая, затем на матерей и тихо ответил:

— Ждет его, Вера Федоровна, скажу честно, тяжелое дело.

— Ему что, и воевать надо будет? — чуть слышно спросила Вера Федоровна.

— Придется.

— Господи, так убить же могут...

— Многое зависит от него самого.— Леонов изучающе посмотрел на Коблика и спросил: — Как ты в учебке, не отлынивал?

— Я не из таких.

— По горам лазили?

— Ага. И с парашютами прыгали.

— Там в первую очередь выносливость нужна, умение ходить по горам, по скалам лазить и, самое главное, быть дисциплинированным. Две недели назад парень один из нашей роты во время движения через «зеленку» не послушал приказа командира взвода передвигаться только в затылок друг другу, след в след, отошел в сторону на три метра и подорвался. Сам погиб, и еще троих ребят ранило. Обращают ваше внимание на это?

— Да. Специальные тренировки проводили.

— Это хорошо, а научили вас распознавать места, где мины душманы закладывают?

— Нам показывали мины, которые в Афганистане применяют: итальянские, английские, китайские, японские, американские...

— Ну а рассказывали, как их прячут в почве, в гористой местности?

— Были и такие занятия,— ответил Коблик.

Леонов рассказывал, как они живут, как питаются, как проводят свободное время. Коблик заметил, что младший сержант охотно рассказывает о буднях и старается не упоминать о боевых действиях. Это удивило Николая, и он посчитал, что Леонов не хочет говорить об этом в присутствии матерей. Только позже, будучи в Афганистане, Коля поймет, что о боях любят говорить только те, кто еще не воевал.

В дверь кто-то постучал. В номер вошла уже знакомая Вере Федоровне администратор. На лице вежливая улыбка.

— У нас освободился двойной номер. Так что кто-либо из вас может перебраться.

Вера Федоровна поблагодарила администратора и сказала:

— Тогда мы с сыном поселимся в том номере.

— Пожалуйста,— с готовностью согласилась администратор и протянула листок.— Пусть ваш сын заполнит анкету.

Когда расположились, Вера Федоровна спросила:

— Коленька, вам не говорили, когда отправление?

— Мам, мы уже закончили учебу, и нас отправят через трое суток.

— Как, уже?!

Вера Федоровна прижала руки к груди, ей показалось, что она ослышалась, сын сейчас спокойно пояснит, что он уезжает не через трое суток, а через три месяца. Но Коля повторил:

— Да, мамочка, мы уже через трое суток отправимся в Афганистан.

Вера Федоровна побледнела, губы задрожали, на глазах навернулись слезы. Коля обнял ее и твердо сказал:

— Мама, дорогая моя, не надо! В Афганистане найдутся мои сверстники, такие же, как и я, советские ребята. У каждого из них дома мать, так неужели ты считаешь, что я не должен кого-либо из них сменить? У нас с тобой уйма времени — целых двое суток...

Вера Федоровна боялась заплакать, молча согласно кивала головой. Они устроились рядышком на двух низеньких креслах. На дворе уже темнело, но они продолжали сидеть в полумраке.

«Сыночек, мой дорогой,— думала Вера Федоровна в отчаянии,— если бы ты знал, как беспокойно у меня на душе...»

Николай посматривая на мать, тоже был охвачен тревожными мыслями: «Мама, милый ты мой человек, сколько тебе довелось в жизни пережить. Но я возненавидел бы себя, если бы отказался ехать в Афганистан. Ведь еще месяц назад нам предлагали: если кто не хочет ехать туда, то может отказаться, его после окончания учебы направят в одну из частей, находящихся в Советском Союзе. Пойми, я иначе не могу».

— Сынок, а может, не надо тебе ехать в Афганистан? — тихо сказала Вера Федоровна, понимая, что Николай уже все решил.

— Ну что ты, мам,— обнял ее сын,— я уже взрослый мужчина. Ты не волнуйся, все будет нормально. Писать тебе буду каждый день, и ты мне пиши ежедневно. Договорились?

Вера Федоровна грустно улыбнулась невинной хитрости сына.

— Давай пойдем погуляем.

— С удовольствием,— подхватился Николай.

Они долго гуляли по тихим улочкам, вспоминая род-

ственников, друзей. Вера Федоровна рассказала о Свете, о том, как работает Сергей.

Пришли в гостиницу поздно. Коля с удовольствием поплескался в ванне, а затем лег спать и сразу же засопел.

А Вера Федоровна еще долго не могла уснуть. Радость свидания с сыном и тревога за него переполняли ее сердце.

КАБУЛ

От Ташкента до Кабула тяжелый транспортный самолет летит один час. О чем мог думать в течение этого часа парень, которому нет еще и девятнадцати, к тому же впервые пересекавший границу? Коблик сидел недалеко от иллюминатора. Последние дни были спрессованы в одно мгновение. Окончание учебы в учебном центре, приезд матери, знакомство с Леоновым, прощания и вот полет к месту службы — в Афганистан. Из Ферудаха самолет прилетел в Ташкент. Короткая остановка, пересадка из небольшого АН-26 на огромный ИЛ-76 и снова в воздух.

Николай заглядывал в иллюминатор и видел изрезанные ущельями, узенькими змейками рек горы. Судя по солнцу, шли строго на юг. Коблик пытался восстановить в памяти последние дни, но момент прощания с матерью затмил все, даже праздничное настроение по случаю окончания учебы. Мать сдерживала себя, не плакала, но Коля видел, сколько это стоит ей сил. Правда, в последний момент слезы побежали по бледным щекам Веры Федоровны. Когда Николай при посадке в самолет, уже у самой ramпы, оглянулся, мать стояла чуть в сторонке от толпы провожающих. Одинокая, подавленная... Коля еле сдержался, чтобы самому не заплакать. Махнул ей рукой и вошел в самолет. Как назло, его место оказалось у другого борта, и он уже больше не видел мать.

Леонов, сидевший рядом, пытался отвлечь Николая, но тот подавленно молчал.

— Кабул,— громко сказал Леонов.

Коблик сразу же потянулся к иллюминатору. Казалось, совсем рядом острые вершины гор, а далеко внизу — огромная долина с зелеными и желтыми квадратиками полей и маленькими кубиками домов.

— А почему мы не снижаемся?

— Сейчас пойдем вниз,— пояснил Леонов.— Самолеты подходят к городу на большой высоте, чтобы духи не смогли

их достать не только зенитками или пулеметами, но даже ракетой. Снизаться будем над городом. — Только произнес Леонов эти слова, как самолет, заваливаясь на левое крыло, начал резкое снижение. У Коблика даже дыхание перехватило, а Леонов спокойно продолжал: — Гражданские самолеты плавно снижаются, а наши заходят на посадку чуть ли не пикируя.

Самолет еще круче пошел вниз и коснулся колесами посадочной полосы. Он пробежал мимо большого белого здания аэровокзала, мимо стоявших в ряд афганских вертолетов и транспортных самолетов, покрашенных в зелено-желтые цвета, погасил скорость и стал.

Коблика и его товарищей построили недалеко от самолета. Старший лейтенант Бакин проверил, все ли на месте, поинтересовался, не забыли ли что-нибудь в самолете, и направился к трем офицерам, стоявшим метрах в пятидесяти. Козырнул майору и доложил о прибытии.

Недалеко стоял строй убывающих солдат. Новички смотрели на них с восхищением. Вот они, которые прошли трудный боевой путь и теперь возвращаются на Родину! А те и не скрывали своей радости. Тоже с любопытством смотрели на «салаг», отыскивая знакомых.

Коблик в душе надеялся, что вдруг он увидит кого-либо из минчан. За время учебы он, кроме Павла Чайкина, так никого из земляков и не встретил. Но среди убывающих знакомых не было.

Тут послышалась команда строиться в колонну по два, и вскоре новички зашагали по извилистой узкой дороге. Все с любопытством смотрели по сторонам. Для них все было новым, непривычным. Вдоль дороги расположены огневые точки, справа от дороги — зенитные установки. Стоят танки, бронетранспортеры и боевые машины пехоты, около них — автоматчики с напряженными и строгими лицами.

— Что головой вертишь? — улыбнулся Коблику Леонов. — Привыкай, обстановка боевая.

— А что, разве душманы могут напасть даже на аэродром?

— Обстреливать пытаются почти каждую ночь, а нападать боятся.

Колонна повернула направо и, пройдя по асфальтированной дороге, уперлась в металлические ворота. У ворот стоят двое солдат в касках и бронежилетах. Смотрят

хотя и с любопытством, но строго и настороженно. Кто-то из прибывших сказал из колонны:

— Здорово, мужики!

Солдаты не ответили. Из небольшого караульного помещения вышел капитан с красной повязкой на рукаве. Увидев старшего лейтенанта, приветливо взмахнул рукой и коротко приказал:

— Пропустить!

Вскоре они оказались на заасфальтированном плацу. Выстроились в шеренгу по одному, и тут же к строю подошла группа офицеров. Старший лейтенант Бакин командовал: «Смирно!», четко печатая шаг, направился к офицерам и громко доложил стоявшему впереди подполковнику:

— Товарищ подполковник! Группа пополнения в количестве сорока двух человек прибыла в распоряжение батальона.

Подполковник подошел к строю, приложил руку к козырьку и громко поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи десантники!

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — дружно ответил строй.

— Вы прибыли во второй воздушно-десантный батальон. Я подполковник Бунцев — командир батальона. С другими офицерами нашего батальона познакомитесь сегодня чуть позже. Сейчас вас распределят по ротам и взводам, разведут по казармам. Через полтора часа обед, затем продолжим знакомство.

Николай был рад, что попал в одно отделение вместе с Леоновым и Кольцовым, которые тут же познакомили его с командиром отделения старшим сержантом Шуваловым. Они все вместе пришли в казарму, где Шувалов показал новичку его койку. Затем Коблику выдали обмундирование, которое сильно отличалось от формы, имевшейся у него ранее. Переодевшись, Коблик долго рассматривал себя в зеркале. Вместо фуражки теперь была кепи защитного цвета с большим козырьком. Куртка и брюки сидели на нем мешковато. Очень много нашивных карманчиков: на груди, на бедрах и даже на рукавах. Ворот куртки расстегнут, из-под него выглядывала тельняшка.

— Не великовато ли все это мне? — спросил у Леонова Николай.

— Нет, в самый раз, форма специально так сшита. Это необходимо для вентиляции. В плотно сидящем обмундировании тело будет перегреваться.

После этого Коблик получил на складе противогаз. Николай спросил у своего командира:

— А оружие когда получу?

— Сначала пройдешь курс молодого бойца, — улыбнулся Шувалов.

— Так я же вон сколько в Ферудахе учился...

— Ну и что? Здесь — свои особенности. С завтрашнего дня готовься к занятиям. Расскажут вам и о стране, и о Кабуле. Узнаешь о тактике действий душманов. Только потом получишь оружие и будешь готов к выполнению боевой задачи.

Шувалов сразу понравился Коблику. Чуть ниже его роста, крепко сбитый, спокойный, рассудительный, он говорил не спеша, четко выговаривая слова.

По пути к казарме Коблик заметил широкие бугорки земли со светлыми каменными плитами. Когда подошли поближе, Николай увидел надписи на плитах: «Аза. 1983—1984 гг.», «Джек. 1981—1984 гг.»

— Что это? — Коблик удивленно посмотрел на Шувалова.

— Кладбище.

— Чье кладбище?

— Погибших собак.

— Как погибших? — не понял Коблик и почему-то вспомнил своего Кузю.

— Эти псы работали с нашими саперами. Вот Аза погибла вместе с сержантом Зубаревым. Духи заложили на дороге, по которой шла наша колонна, радиоуправляемый фугас, а Аза обнаружила его. Когда духи увидели это, дали радиокоманду на взрыв. Зубарев и Аза своей жизнью спасли десятки других. Или вон могила Инги. Она сотни мин отыскала. В горах ее прошла пулеметная очередь. Джек и Буран погибли от снайперов, которые стараются уничтожить собак в первую очередь.

Коблик не отходил от могил.

— Выходит, собаки погибли, спасая людей.

— Вам об этом на занятиях расскажут саперы. Командир саперной роты, которая придана нашему батальону, капитан Фоменко. Он — большой мастер, лично обезвредил тысячи мин. У него пес Цезарь тоже обладает особым талантом.

К ним подошли Леонов и Кольцов.

— Вот вы где. Пошли, через пятнадцать минут обед, — позвал Кольцов.

После обеда вновь прибывших собрали в клубе. Перед ними выступил замполит батальона майор Шукалин. Он рассказал об истории части, ее боевых делах, затем стал рассказывать об Афганистане. Голос у него был чуть хриловатый, глухой, и солдаты, чтобы все хорошо слышать, сидели напряженно.

— И вот вы в Афганистане. Эта страна, как известно, расположена на Среднем Востоке и выхода к морю не имеет. Площадь ее территории составляет 655 тысяч квадратных километров. Границы страны тянутся на 5421 километр, из которых 2348 километров приходится на границу с советскими республиками Средней Азии. Если вы взглянете на карту, то увидите, что афгано-советская граница в основном проходит по рекам Памир, Пяндж и Амударья.

Рядом с Кобликом сидел ефрейтор Попов. Он тоже недавно прибыл в батальон, и Коблик успел с ним только познакомиться и переброситься несколькими словами. Попов тихо спросил:

— А знаешь, как в переводе на русский звучит Амударья?

Коблик отрицательно покачал головой.

— Бешеная река.

Майор продолжал:

— На северо-востоке Афганистан граничит с Китайской Народной Республикой. Его ближайшими соседями являются также Пакистан и Иран.

Увлечшись рассказом замполита, Коблик уже не реагировал на реплики Попова.

— Как вы знаете, история Афганистана уходит своими корнями в далекое прошлое. Из школьной программы вы, конечно, помните о великом шелковом пути, который служил главной торговой артерией между Востоком и Западом. В 1747 году вождь крупнейшего афганского племени дуррани Ахмад-шах смог объединить вокруг себя многочисленные племена и народности и создать сильное дурранийское государство. Однако феодальная разобщенность и междоусобицы навели Англию, которая владела Индией, на мысль о присоединении Афганистана к своим колониальным владениям. Трижды: в 1838—1842 годах, 1878—1880 годах и в 1919 году Англия пыталась силой оружия поработить эту страну. И только после Великой Октябрьской социалистической революции в России и последующим за ней разгромом Красной Армией английских интервентов в Средней Азии, Афганистан получил полную независимость.

Восьмого августа 1919 года был подписан договор, и Англия признала суверенитет Афганистана. К сожалению, Афганистан, несмотря на довольно частую смену правителей, оставался да и остается сейчас одной из самых отсталых стран мира. Промышленность только в наше время, после Апрельской революции, начала развиваться, уничтожаются феодальные и дофеодальные пережитки. В стране насчитывается двадцать девять провинций и один округ. Каждая провинция делится на уезды и волости, или, как их здесь называют, вулусвали и алакадари. Всего в стране 185 уездов и 101 волость. В Афганистане проживает пятнадцать с половиной миллионов человек. Наиболее крупные города Кабул, Кандагар, Герат, Мазари-Шариф, Джелалабад. Надо отметить, что подавляющая часть населения, более 84 процентов, проживает в кишлаках. Почти три миллиона афганцев ведут кочевой образ жизни. Рабочий класс малочислен и насчитывает не более трехсот тысяч человек. Если говорить о национальном составе населения Афганистана, то здесь проживают чуть более восьми миллионов пуштунов, более трех миллионов таджиков, два миллиона узбеков, полтора миллиона хазарейцев, около полумиллиона туркмен. В Афганистане живут люди и других национальностей. — Майор Шукалин обвел внимательным взглядом слушателей. — Теперь расскажу вам немного о быте и обычаях афганцев. Весь уклад жизни афганцев регулируется мусульманской религией, нормами шариата, а также адатом или пуштун-валатом. Знаете, что это?

Солдаты отрицательно качали головами.

— Пуштун-валат — это неписанный закон чести и достоинства афганцев. Он передается из поколения в поколение. Кодекс чести предписывает предоставлять убежище и защиту каждому, даже своему врагу, почитать старших. Кодекс чести определяет нормы и правила поведения, семейно-бытовые отношения, оговаривает, как применяется кровная месть, компенсацию за ранения, увечья и даже убийства, в нем определяются обряды, связанные с браком, рождением ребенка, смертью и так далее.

Замполит медленно прошелся перед солдатами.

— Вам, товарищи, следует запомнить, что в афганских семьях царят пережитки патриархально-родового строя. Сохраняется традиция, когда женатые сыновья со своими семьями живут в родительском доме. Главой семьи является отец. Никто из членов семьи не может тратить деньги без его разрешения. И еще, прошу хорошенько запомнить то,

что афганцы исключительно ревниво относятся к чести женщины. Перед посторонним мужчиной эту честь они защищают даже ценой собственной жизни. Никогда не следует при афганце восхищаться, скажем, красотой их жен или дочерей. У них не принято, чтобы мужчина заводил разговор с незнакомой женщиной на улице или в другом общественном месте. Дом афганца всегда разделен на мужскую и женскую половины. Если в дом приходит посторонний мужчина, то женщины тут же скрываются на своей половине.

— А кто обслуживает гостей? — громко спросил Попов. Замполит отыскал глазами ефрейтора и сказал:

— В армии есть правило: хочешь задать вопрос, подними руку, назови себя и спроси разрешения задать вопрос.

Попов покраснел, поднял руку и встал.

— Товарищ майор, разрешите задать вопрос?

— Разрешаю.

— А кто обслуживает гостей в доме афганцев?

Шукалин чуть заметно улыбнулся:

— Это мы с вами, товарищ ефрейтор, привыкли, чтобы за нашими гостями ухаживали жены, матери или сестры. А вот афганцы не чураются этого и действуют сами. Обслуживают гостей слуга, младший брат, или другой родственник, или же, как я уже сказал, сам хозяин. Кстати говоря, попытка заглянуть женщине под паранджу рассматривается как оскорбление национальных чувств афганцев. И говорю я вам это потому, что некоторые наши военнослужащие без злого умысла нет-нет да попытаются сделать это или предлагают открыть лицо.

Новички слушали замполита затаив дыхание. «А ведь нам в учебке этого не говорили, — думал Коблик. — Только одно твердили: «Восток — дело тонкое...», «Восток — дело тонкое...» — и все тут».

— На сегодня хватит. Завтра на занятиях мы продолжим рассмотрение вопроса о быте и нравах афганцев, а затем начнем изучать тактику действий душманов.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Усталая, с болью в сердце, вернулась домой Вера Федорова. Старший сын, встретивший ее в аэропорту, озабоченно нахмурился. По внешнему виду матери он понял, что творится у нее на душе.

Ехали в город около часа, в пути разговаривали мало, а когда пришли домой, Вера Федоровна переделалась и устало сказала:

— Сереженька, я, пожалуй, лягу. В Ташкенте намаялась, долго билет не могла купить. Уже совсем отчаявшись, подошла к военному коменданту в аэропорту. Молоденький такой старший лейтенант, петлицы у него, как и у Коли — голубые. Я сказала ему, что сына приезжала проводить в Афганистан. Он выслушал с сочувствием, взял у меня деньги, сам сходил в кассу и вскоре принес билет.

— Хорошо, мама, ты отдыхай, а я — на работу. Сегодня мне к трем часам.

Сергей ушел, а Вера Федоровна попыталась уснуть. Но стоило ей закрыть глаза, как снова увидела себя рядом с Колей. Вот они гуляют по улочкам Ферудаха, она ощущает в своей руке его теплую ладонь. А вот и прощание... Коля старается казаться веселым, чтобы она поменьше переживала.

Снова заняло сердце. «Родной ты мой сынок, ты же совсем еще мальчик! Кто же тебе поможет? Кто уберекет тебя от беды, спасет от пули?»

От этих мыслей разболелась голова, но постепенно усталость брала свое, и Вера Федоровна задремала... Она стоит в каком-то незнакомом полутемном помещении и замечает большую черную змею, которая, извиваясь, ползет к Коле. Отчетливо виден из змеиной пасти длинный язычок. Вере Федоровне стало страшно. Змея вот-вот подползет к сыну, а Коля безмятежно спит. Она хочет закричать, предупредить его, но только беззвучно открывает рот. Вера Федоровна лихорадочно шарит по полу руками, хочет найти какой-нибудь предмет, чтобы прогнать змею. Ей попадаетесь мягкий, матерчатый чехол от зонтика. Вера Федоровна видит, что змея подползла к чехлу и начала влезать в него.

«Господи, как же такая огромная змея может поместиться в маленьком чехле?» — с ужасом смотрит Вера Федоровна. А змея полностью скрылась в чехле. И тогда Вера Федоровна хватается змею и начинает давить ее. Она чувствует холодное, извивающееся тело змеи, которая пытается вырваться и при этом издает какой-то пронзительный звук. «Как звонок звенит», — подумала Вера Федоровна и проснулась. В квартиру действительно кто-то звонил. Зло залаял Кузя — значит, чужой. Вера Федоровна направилась к дверям.

В прихожую вошел высокий мужчина. Он стряхнул с плеча снег и строго сказал:

— Я из домоуправления. Мы хотим вас предупредить, чтобы вы немедленно убрали мотоцикл из подвала.

— Но он же стоит под замком в сарае...

— Неважно, — прервал ее мужчина, — это вызывает законное возмущение ваших соседей, которые уже трижды писали в домоуправление. Не забывайте, что вы грубо нарушаете и противопожарные правила. Если случится пожар, то весь дом пострадает.

— Да, я понимаю, об этом мы с сыновьями говорили. Но они слили весь бензин, хорошенько смазали мотоцикл и законсервировали его до прихода из армии младшего сына.

— Ничего не знаю и предупреждаю вас: если до завтра не уберете мотоцикл, то будет составлен акт и к вам примут меры пожарная охрана и милиция.

Не прощаясь, мужчина ушел. Вера Федоровна машинально погладила собаку и медленно возвратилась в комнату. Ее не расстроило требование представителя домоуправления, а огорчило то, что именно соседи пишут и требуют убрать мотоцикл. Она считала, что рядом проживают доброжелательные люди, и вот, на тебе, пишут за ее спиной, неужели трудно сказать обо всем по-соседски, прямо ей? Да и кто же мог написать? Все при встрече улыбаются, расспрашивают о здоровье, о Коле...

С невеселыми мыслями Вера Федоровна направилась на кухню. Во время ее отсутствия там хозяйничал Сергей. Посуда, хоть и вымытая, но в беспорядке громоздилась на кухонном столике. Чайник закоптился, чашки и стаканы расставлены на подоконнике.

Вера Федоровна покачала головой и принялась за дело. Потом позвонила на работу. Там все было в порядке, и ее ждали в отделе на следующий день.

Положив трубку на аппарат, она некоторое время сидела, глядя на фотографию Коли, затем встрепенулась и снова потянулась к телефону. «Как же это я забыла Свете позвонить!»

Девушка с нетерпением ждала звонка. Вера Федоровна подробно рассказала обо всем, но Светлане показалось мало, и она взмолилась:

— Вера Федоровна, можно я приду к вам?

Они договорились, что встретятся на следующий день вечером.

Только положила трубку, как в дверях послышался шум.

Вера Федоровна спросила:

— Сереженька, ты?

— Да, мам. Ты что не отдыхаешь?

Вера Федоровна рассказала ему о приходе представителя домоуправления. Сергей возмутился:

— Не понимаю, какое их дело до этого мотоцикла? Мы бензин слили до капельки, мотоцикл смазали как следует и заперли в сарае на два замка. Мама, разреши мне сходить в домоуправление и разобраться?

— В принципе, они правы. Мотоцикл хранить в подвале большого жилого дома нельзя. Меня удивило только то, что наши соседи не сказали нам, а написали сразу в домоуправление. Кстати, куда нам поставить мотоцикл, ведь его наверняка придется убрать из сарая?

— Об этом мы решим чуть позже. Ну, я пошел?

— Иди, но только будь вежливым и не говори глупостей.

— Слушаюсь и повинуюсь, — картинно склонил голову Сергей.

Он пришел через полчаса возбужденный.

— Ты понимаешь, мама, мне показали анонимки. У нас есть соседи-анонимщики!

— Да ну их к черту, сынуля. Пока ты ходил, я подумала и решила так: разберем мотоцикл, положим детали в ящик и поставим на балкон. Я все это хорошенько заверну в целлофан, и делу конец. Попроси лучше кого-либо из ребят, пусть помогут разобрать мотоцикл и затащить его сюда, а сам забудь об этих дураках, будь выше их.

На следующий день Вера Федоровна пошла на работу пораньше, а Сергей позвонил своему товарищу Славе Ивашину. Он тоже был свободен с утра и охотно согласился помочь.

Они вытащили мотоцикл из подвала, выбрали на асфальте местечко посуше и принялись за работу. Сняли оба колеса, руль, затем двигатель.

— Вы что, мотоцикл разбираете? — услышал голос за спиной Сергей и оглянулся. Перед ним стоял сосед из тридцать четвертой квартиры Солдунов. Круглолицый, с маслянистыми беспокойными глазками, с угодничьими манерами мелкого дельца и подхалима.

— Я спрашиваю, зачем коня на части разбираете?

— Хотим на балкон перенести, домоуправление запретило хранить его в сарае.

— И правильно, пожар может случиться. А зачем его в металлический хлам превращаете, продали бы кому-нибудь?

— Придет Коля, это его вещь, пусть и решает.

— Ну-ну, храните, — усмехнулся Солдунов.

Сергей молча склонился над мотоциклом. Когда Солдунов отошел, Ивашин коротко сказал:

— Пакостный тип.

— Откуда ты его знаешь?

— Его отчим работал в седьмом строительном управлении...

— А, это Жукин, — прервал друга Сергей. — Они же вместе и живут.

— Вот Жукин взял его, этого Солдунова, на должность начальника отдела кадров. Вместе разные темные дела заворачивали, устраивали попойки для проверяющих, неугодных шельмовали. Так что держись от него подальше.

— Да ну их, зачем они мне. Живут они в нашем подъезде, вижу их иногда. Я у них и в квартире ни разу не был. Когда Колю призвали в армию, то приходили оба к нам домой, предлагали мотоцикл продать им за сто рублей.

— Ого, мотоцикл же во много раз дороже стоит.

Сергей не ответил. Он взвалил на плечо раму и положил:

— Бери колеса, потом остальное заберем.

— А не стянут ли это? — Ивашин показал на лежавшие на асфальте детали и инструменты.

— Нет, пошли.

За три ходки они перенесли на балкон разобранный мотоцикл.

БОЕВАЯ СЛУЖБА

Первую неделю Коблик по ночам спал очень плохо. Душманы под покровом темноты приближались к городу и вели ракетный огонь. Гулко и резко отвечала, расположенная недалеко от батальона, афганская артиллерия. Были непривычными для слуха и довольно частые пулеметные и автоматные очереди. Бередила сознание, тревожила молодого воина мысль, что вот в эту минуту где-то рядом идет перестрелка и, возможно, кто-то гибнет, прощается

с жизнью, а он, молодой, здоровый, должен спокойно спать. Но шли полные напряженной учебы дни, и он постепенно привыкал. Да и примером служили бывалые солдаты, которые спали, казалось, мертвым сном.

Утро очередного дня начиналось как обычно. Подъем, физзарядка, завтрак... А потом второй взвод старшего лейтенанта Медведева получил команду провести учебные стрельбы. Впервые Коблик с автоматом и при полном снаряжении сел на боевую машину пехоты. Он волновался и напряженно прислушивался к командирам, внимательно следил за действиями своих товарищей. Последовала команда, и боевые машины с ревом и лязгом двинулись вперед. Николая удивили скорость и мягкость хода БМП. Машина словно по воздуху преодолевала ямы и другие препятствия и легко мчалась дальше. Очень поразила Коблика пыль. Мелкая, как мука, белесая, она, казалось, стоит стеной и неизвестно когда осядет. Вскоре все потонуло в этом тумане из пыли. Пыль не только окутала Коблика, она не давала дышать, и, что еще хуже, он потерял ориентировку. Удивляясь, как может управлять машиной механик-водитель, Николай лихорадочно ухватился за скобу, прикрепленную к башне. Но тут же услышал голос Леонова:

— Коля, будь внимательным, скоро БМП поведет огонь из орудия, башня будет поворачиваться.

Коблик молча кивнул головой.

И действительно, башня зашевелилась, и тут же захотали орудийные выстрелы. Впереди и сзади тоже велся огонь. Коблик хотел спросить у Леонова, как оператор видит цель в такой пыли, но не успел. Боевая машина пехоты стала, и тут же послышалась команда спешиться. Коблик старался быть поближе к Леонову и Кольцову. Все, что делалось здесь, отличалось от действий в учебном центре. Отличалось в первую очередь своей «скорострельностью», после команды исполнение происходило немедленно, без пауз.

Увидев поднышающую мишень, Коблик поймал ее в прицел и нажал на спусковой крючок. Фонтанчики пыли возникли левее цели. Только прицелился поточнее, а мишени пропали. Леонов же успел не только поразить свою цель, но и увидеть результаты стрельбы Коблика.

— Николай, целясь прямо в центр мишени и не спеши, не забудь затаить дыхание.

Вот снова появилась мишень, и Николай, прицеливаясь, заставил себя сделать паузу и нажал на крючок. Цель про-

пала — значит, попал. Вдали показались другие цели, и опять ударили автоматы. После стрельбы по мишеням началась стрельба из подствольных гранатометов, затем метание гранат, стрельба из автоматических гранатометов, потом последовала команда занять места внутри боевых машин пехоты. Машины понеслись вдоль шеренги мишеней, и солдаты вели огонь из амбразур.

Три часа занятий пролетели словно три минуты. Усталые, оглохшие от непрерывной стрельбы и взрывов солдаты прибыли в свой городок.

Медведев построил взвод, сделал короткий разбор стрельб, похвалил новичков и особенно отметил Попова.

— Имеете разряд по стрельбе? — спросил у него старший лейтенант.

— Так точно, первый взрослый.

— Я так и подумал. Назначаю вас снайпером в первое отделение старшего сержанта Шувалова.

Леонов, стоявший рядом с Кобликом, тихонько пояснил:

— У нас почти месяц назад погиб снайпер.

Старший лейтенант Медведев взглянул на часы и сказал:

— Двадцать минут на то, чтобы умыться, привести себя в порядок и подготовиться к занятиям по рукопашному бою. Разойдитесь!

Коблик в душе надеялся на то, что в рукопашном бою он себя покажет. Ведь там, в Ферудахе, он считался одним из лучших. Но когда перед началом занятий по приказу командира взвода Леонов и Кольцов специально для новичков провели между собой учебный бой, то Николай понял, что хвастать ему нечем. Они продемонстрировали каскад приемов, как маги, владели саперной лопатой, кинжалом, а после боя запросто кулаком пробивали дощатый щит, ребром ладони разбивали сразу четыре кирпича, сложенных один на другой. Коблик понял, что и здесь многое ему надо познать.

Занятия окончились через полтора часа. Командир взвода объявил, что после обеда в гости к ним придет командир афганского батальона царандоя майор Ашраф.

Когда направлялись к душевой, Коблик спросил у Леонова:

— А чем знаменит этот командир батальона царандоя?

— А у них царандой наравне с армейскими подразделениями ведет боевые действия. Мы с этим батальоном

уже не раз участвовали в операциях. Недавно взвод нашей саперной роты во главе с капитаном Фоменко целый месяц с этим батальоном воевал в Черных Горах. Ты, конечно, не слышал об этих Черных Горах?

— Нет.

— Услышишь. Запомни их название, впрочем, как и Хост, Кандагар. Именно в этих местах чаще всего проходят тяжелые бои.

— Ты участвовал?

— И тебе придется.

После обеда все собрались в солдатском клубе — большим, сделанном из гофрированного алюминия строении без окон. На сцену поднялись подполковник Бунцев, майор Шукалин и афганский майор Ашраф, который не произвел на Коблика впечатления: небольшого роста, худощавый.

Замполит батальона майор Шукалин подошел к микрофону.

— Товарищи! Сегодня у нас в гостях наш старый знакомый и друг — командир батальона царандоя товарищ Ахтар Ашраф. Мы его попросили рассказать о последней операции в районе Черных Гор. В этой операции батальон под его командованием отличился не только тем, что уничтожил больше других подразделений душманских банд, захватил больше трофеев, но еще и тем, что смог пробиться к душманской тюрьме и спасти от смерти несколько сот пленников, в том числе группу советских солдат и гражданских лиц из числа советских специалистов.

Мы попросили товарища Ашрафа рассказать нам не только об этой операции, но и о тактике действий душманов. Думаю, это будет не лишним для нашего пополнения. Затем товарищ Ашраф ответит на ваши вопросы.

Оказалось, что Ашраф неплохо говорит по-русски. Он поблагодарил капитана Фоменко и его саперов за большую помощь во время операции, а затем подробно рассказал, как его батальону удалось узнать замысел мятежников, суть которого сводилась к тому, чтобы захватить небольшую территорию в труднодоступном горном районе, прилегающем к Пакистану, объявить о создании «исламского правительства», получить признание от западных стран и официальную, в том числе и вооруженную, помощь. После этого комбат подробно рассказал о ходе самой операции, каким образом они узнали о душманской тюрьме и как удалось освободить из нее пленников. Коблик и Попов не сводили с Ашрафа глаз.

Когда Ашраф перешел к рассказу о тактике действий душманов во время боев в Черных Горах, Коблик даже пожалел, что с собой нет блокнота, чтобы кое-что записать.

После выступления майора Ашрафа возле клуба окружила большая группа солдат. Ефрейтор Попов протиснулся вперед и, преодолевая смущение, спросил:

— Товарищ майор, а правда, что афганцы не едят свинину?

— Не только афганцы, — улыбнулся Ашраф, — но и мусульмане вообще. Но сейчас все больше людей, в том числе и я, едят любое мясо.

— Да, религия у вас — это главная сила, — сказал кто-то из солдат.

— Что поделаешь, большинство населения страны неграмотно. Горы разобщают людей, сейчас у нас идет 1366 год, и, надо сказать, многие дехкане и живут в четырнадцатом веке и мыслят категориями того времени.

— А почему у вас новый год начинается не с первого января?

— В Афганистане официальным государственным календарем является календарь солнечной хиджры, отсчет которого идет с 622 года, когда, согласно преданию, первые мусульмане во главе с пророком Мохаммадом, спасаясь от преследований, переселились из Мекки в Медину, куда их пригласила верхушка арабских племен. Впоследствии влияние ислама стало стремительно возрастать, и мекканская знать, до этого выступавшая против ислама, изменила свое отношение к нему и признала Мохаммада пророком и главой Аравии.

— А что означает «ислам»?

— Покорность. Слова «мусульманство» произошло от арабского слова «муслим» — покорный, преданный.

— А когда начинается у вас новый год? — спросил Попов.

— Он наступает 1 хамала или 21 марта по европейскому календарю. Афганцы стремятся встретить его в кругу семьи и с близкими друзьями.

— Ну а какие-нибудь обряды в этот день совершаются?

— Да. Первого хамала большое количество дервишей-поломников из Пакистана, Ирана, других мусульманских стран стекается в город Мазари-Шариф, к его центральной мечети, в которой по преданию захоронен святой Али, зять пророка Мохаммада. Церемония открывается поднятием

у гробницы Али религиозного флага «джанда». Затем под проповедь настоятеля мечети проходят различные манифестации с музыкой и стрельбой, проводятся соревнования по борьбе, поднятию тяжестей, гонкам на верблюдах, быках и даже петушьи бои. Религиозный флаг водружается также и в Кабуле у мечети Картэ-Сахи, где якобы тоже бывал Али. Через сорок дней, 9 саура, оба флага и в Мазари-Шарифе и в Кабуле торжественно опускаются.

Ашраф улыбнулся светловолосому сероглазому солдату, который стоял ближе других и внимательно слушал.

— Священнослужители утверждают, что в момент поднятия и спуска флага слепые, хромые, глухие, другие больные излечиваются от своих недугов, но лично я, все мои родственники и знакомые еще такого чуда не видели.

Попов спросил:

— Значит, в ближайшие годы не стоит ожидать, что вы перейдете на григорианский календарь.

— Да, пожалуй, ты прав, хотя, что и говорить, наш календарь создает нам немало помех.

Светловолосый солдат попросил рассказать о рузе.

— Итак, о рузе... — Ашраф собирался с мыслями. — Она тоже относится к мусульманским обычаям. Я знаю, что у вас в России был такой обычай, который называется «постить». Мусульманский пост, или руза, соблюдается с 1 по 30 число месяца рамазана. Начало поста первого рамазана объявляет Верховный Совет Саудовской Аравии. Вам, конечно, это надо знать, тем более что наши люди реагируют на неуважение к этим обычаям очень болезненно.

Солдаты дружно поддержали Ашрафа:

— Поэтому и просим вас рассказать об этом. Никто из нас не хочет ненароком, по незнанию, нарушить обычай афганского народа.

— Я понимаю и поэтому стараюсь рассказать как можно подробнее. Мусульманин, который держит рузу, не имеет права курить, пить, есть в дневное время, сожительствовать с женщиной. Даже если человек случайно проглотит пыль, песок, дым, он за каждое такое мелкое нарушение должен соблюдать лишний день поста. В то же время от соблюдения поста освобождаются дети, старики, больные, кормящие матери, люди, путешествующие более трех суток, и мусульмане, находящиеся на войне. Особенно важными являются последние дни рамазана. По преданию в ночь на 27-е рамазана архангел Джабраил, выполняя волю

аллаха, перенес Коран из-под престола господина на ближайшее к Земле седьмое небо, откуда содержание священной книги передавалось в течение двадцати двух с лишним лет пророку Мохаммаду, и он доводил божественные послания в виде проповедей и поучений до своих последователей. В эту и последующие ночи ожидаются чудеса, знамения, поэтому ночь с 26-го на 27-е рамазана считается ночью предопределения и называется лейлят-аль-кадр — ночью уважения. Я понимаю, товарищи, что все это выглядит в глазах грамотных, образованных людей смешным, даже лишенным смысла чудачеством, но афганцы очень верят таким преданиям, поверьям, строго придерживаются обычаев. Мы знаем, с каким уважением и тактом относятся наши советские друзья к обычаям жизни афганского народа. Но может случиться, что кто-либо из советских людей, не зная обычаев, поступит неправильно...

— Ты прав, рафик, — мягко сказал подошедший замполит батальона майор Шукалин. — Мы всегда это говорим нашим солдатам, особенно новичкам. А теперь расскажи о веселых праздниках, которые пришли к вам из глубины веков.

— С удовольствием. Только сначала закончу о рузе. Она приводит к тому, что люди истощаются, становятся легко возбудимыми, вспыльчивыми, угрюмыми, они не терпят чрезмерного веселья, откровенного разглядывания женщин, вида обнаженного тела и так далее. Сразу же по окончании месяца рамазана проводится праздник разговения. Он длится три дня. Интересно, что те, кто нарушил рузу, продолжают поститься, а остальные делают подношения продуктами, деньгами, натурой духовенству. В эти дни организовываются обильные угощения, активизируется торговля. Все торжества проходят под знаком прославления пророка Мохаммада, так как по преданию ранее руза длилась всю жизнь, потом шесть месяцев в году, потом три месяца, и только по просьбе Мохаммада аллах сократил пост до одного месяца.

Ашраф сделал паузу, а затем продолжил:

— Говоря об обычаях, я хочу рассказать вам и еще об одном из самых почитаемых старинных праздников у мусульман. Называется он ид-э-Курбан, или Праздник жертвоприношения. Легенда об этом празднике гласит: «Давным-давно аллах решил испытать одного из пророков Ибрагима Халилуле и приказал ему принести в жертву своего сына Исмаила. Однако потом аллах пожалел Исма-

ила. Он поставил перед Ибрагимом, стоявшим с завязанными глазами, барашка. И вот, когда Ибрагим увидел, что отрезал голову не сыну, а барану, в знак благодарности аллаху возвел Дом богов в Мекке, который впоследствии был назван храмом Кааба. В дни праздника мусульмане по квоте, определяемой правительством Саудовской Аравии, прибывают в Мекку. От афганцев, например, прибывает до семи тысяч человек.

Солдаты не отпускали Ашрафа, но майор Шукалин протестующе поднял руку.

— Хватит вам, товарищи, эксплуатировать нашего друга. Оставьте вопросы до следующего раза. Кстати, через два дня к нам еще придут представители афганской армии. Вот тогда удовлетворите свое любопытство. Пойдем, дорогой Ашраф, пообедай с нами.

А на следующий день комбат приказал первой и второй ротам сменить подразделение на постах и заставах по дороге на Хайратон. Инструктаж проводил начальник штаба батальона майор Мисник. Он был крепко сложен, несколько угловат, нетороплив и рассудителен. Майор стоял с указкой у карты и громко говорил:

— Достался вам не сладкий участок. Видите: долина, по которой проходит дорога, с двух сторон зажата горами. Там душманы, они достают эту дорогу «эресами». И еще, вдоль дороги сплошная кишлачная зона. Те, которые ближе к горам, заняты противником. По «зеленке» и каризам банды приближаются к шоссе и нападают на автоколонны. Наши посты и заставы днем и ночью в постоянном напряжении. Нередки случаи обстрелов и нападений на них. Какие-либо передвижения наших людей за пределами постов и застав исключены. Воду, дрова и продовольствие будем доставлять вертолетами или бронегруппами. Предупредите своих подчиненных не превращать себя в движущиеся мишени. Хорошенько разберитесь с системой минирования подходов к своим позициям. Где надо, дополнительно установите мины и малозаметные проволочные заграждения, определите секторы для ведения огня. Не забудьте, товарищи, о взаимодействии между своими точками. Кроме радио договоритесь о световых и других наблюдаемых сигналах. Будьте готовы к ведению боя в условиях полного окружения. Круговая оборона должна быть везде надежной.

Майор Мисник неторопливо ходил по кабинету и смотрел на командиров.

— Помните, в ротах немало новичков, уделите им особое внимание. С собой возьмите по десять боекомплектов, пойдете на «броню»; таскать на себе не будете. Не забудьте о емкостях для воды. И еще, об особенностях вашего участка. Вот два огромных кишлака Дакой Паин и Дакой Боло. На языке дари это Верхний Паин и Нижний Паин. Они прилегают к шоссе с западной стороны. Видите, от них до гор сплошная «зеленка», испещренная реками и большими арыками. Вся территория пронизана сотнями каризов — подземными водными артериями. Они служат для скрытого передвижения душманов. По данным афганской разведки душманы оборудовали в каризах склады с боеприпасами и продовольствием. Жителей в кишлаках нет, а вот буквально через дорогу расположены кишлаки с верным правительственным населением. В них есть отряды самообороны. Об этом следует помнить, и ни один выстрел с вашей стороны не должен быть произведен в сторону этих кишлаков. Генерал-майор Щербак приказал, чтобы на каждой точке ежедневно бывали политработники и чтобы каждой роте были приданы по взводу саперов. Работы для «кротов» — так между собой офицеры называли саперов — там по горло. Часто и местные жители обращаются за помощью. Отказывать не следует, только безопасность саперов надо обеспечивать со всей серьезностью. Дорога огибает кишлачную зону по дуге. Смотрите, чтобы при ведении огня не попали по своим.

Ровно в двенадцать часов дня колонна вышла из военного городка и направилась к выходу из города. Проехали мимо советского госпиталя. Солдаты весело махали медсестрам, советским девушкам, которые при виде колонны останавливались и смотрели ей вслед. Девчата хорошо понимали, чем часто заканчивается боевое задание солдат...

Отделению старшего сержанта Шувалова досталась застава номер семь. Равнина, много деревьев и кустов да еще и заброшенная виноградная плантация, по которой можно незаметно подойти к посту. К этому следует добавить еще и не менее десятка полуразрушенных строений. Командир взвода старший лейтенант Медведев сказал Шувалову:

— Ваша застава, товарищ старший сержант, находится, пожалуй, на самом опасном направлении. Нередко душманы ночью близко приближаются к ней, обстреливают из гранатометов и стрелкового оружия и мгновенно отходят. Вам особенно надо быть внимательными. Душма-

ны наверняка сейчас наблюдают смену личного состава заставы и могут попытаться воспользоваться этим.

— А если надо увеличить радиус минного поля?

— Нельзя. Здесь нередко бегают дети, бродит скот.

— Ну а если поставить сигнальные мины?

— Они тоже могут изувечить ребенка, оставить его без глаз.

— Понятно... — грустно сказал Шувалов.

Стоявший недалеко и слышавший этот разговор младший сержант Леонов неожиданно предложил:

— А если применить метод солдат Великой Отечественной войны и увеличить зону безопасности вокруг заставы? Разместить малозаметные проволочные заграждения, на которые подвесить пустые консервные банки?

Шувалов и Медведев весело переглянулись.

— А что, это идея! — воскликнул командир взвода. — Действуйте, мужики! Я иду к следующему посту. Видите его на той высотке? Там и будет мой КП.

Шувалов приказал Леонову с ручным пулеметом занять позицию напротив «зеленки», а снайперу Попову взять под прицел развалины. Остальные солдаты собирали камни, укрепляли бруствер и огневые точки. Отделению были приданы два сапера — рядовой Тюкачев и вожатый минно-розыскной собаки младший сержант Полин. Им Шувалов приказал заняться МЗП — малозаметными проволочными препятствиями.

Полин, обычно веселый и разговорчивый, был хмурым и молчаливым. Все знали причину и с пониманием отнеслись к случившемуся. Он привез на заставу своего верного Джима и должен оставить его на заставе навсегда. Обычно собаки помогают саперам обнаруживать мины четыре-пять лет, а затем теряют нюх, становятся нервными, их охватывает апатия и вялость. Во время Великой Отечественной войны таких собак отстреливали: таков жестокий закон фронта. Но в Афганистане такое отношение к животному, привезенному с Родины, не подходит. Вряд ли нашелся бы человек, который смог бы нажать на спусковой крючок автомата. Таких собак, как правило, стали переправлять на сторожевые заставы. Это оправдало себя. Собака на заставе лучше всякого наблюдателя чувствует приближение противника, особенно ночью. Поэтому в них целится в первую очередь душманские снайперы.

Джим посматривает на возню солдат с философским спокойствием. Главное, что хозяин с ним. И невдомек

этому седому, величавому псу, что его саперная жизнь кончилась и что ждет его самое страшное: в ближайшее время его разлучат с хозяином. Младший сержант Полин получит молодую Альфу, которая уже прибыла в часть и находится в вольере.

Тюкачев и Полин принялись складывать в большой брезентовый мешок, в котором обычно возят на БМП или БТР колотые дрова, пустые консервные банки. Джим, получивший команду: «Сидеть!», удивленно следил за действиями саперов. Он за свою длинную, по собачьим меркам, жизнь видел многое, но чтобы пустые жестяные банки вдруг понадобились саперам, наблюдал впервые. А саперы кончили работу на одной стороне и тронули МЗП. Банки сразу же зазвенели, и довольные своей работой парни перешли к новому участку.

К концу дня солдаты закончили работу. Командир лично еще раз осмотрел каждую огневую точку, влез в БМП, подвигал башней: хорошо ли будет оператору наблюдать цели, вылез наружу и приказал:

— Всем обедать. О распорядке на ночь скажу потом.

В дальнем углу разожгли небольшой костер, достали концентраты, мясные консервы, нацедили из огромной резиновой груши, установленной на корме саперного БТРа, воды и начали варить суп, а на второе разогрели выпотрошенную из консервных банок гречневую кашу. С краю костра на горячем угле примостили большой чайник.

Леонов сидел рядом с Кобликом и, наблюдая, как тот набивает кашей полный рот, весело сказал:

— А что, мужики, по-моему, Коблику доверять нести службу ночью опасно.

— Это почему же? — поинтересовался Шувалов.

— А потому что после такого обеда он всю ночь peacefully проспит.

— Отстань, Антон, от парня. Он же поработал не в пример тебе. — Шувалов подмигнул Коблику: — Ешь, Коля, ешь на здоровье!

— А Джима накормили? — спросил Коблик, видя, что в кастрюле осталось еще немного каши.

— Конечно, — улыбнулся Полин. — Я его в первую очередь подзарядил.

Шувалов, принявший заставу от командира отделения, которое они сменили, успел выяснить, что людей не следует устраивать на ночлег в одном месте. Даже случайное попадание одной мины может привести к большой беде.

Поэтому солдат следует размещать практически по всей территории. Шувалов приказал, чтобы каждый солдат обложил место своего отдыха большими камнями. Эти индивидуальные дувальчики хорошо защищали парней от осколков.

Коблику, Леонову и Кольцову выпало заступать на дежурство ровно в полночь.

Полин успел своего Джима познакомить со всем отделением и проинструктировал солдат, какие их команды Джим будет выполнять.

— Он у меня сознательный и ночью не уснет. Если духа почует, лаять и бросаться к нему без команды не будет. Он только негромко зарычит. В такой момент лучше всего позвать меня.

— Если возникнет такой момент, — заметил старший сержант Шувалов, — то необходимо доложить мне.

— Командир роты вызывает, — позвал Шувалова радист, передавая наушники и микрофон.

— Я — Челнок, — сказал старший сержант и тут же услышал голос капитана Бочарова. Шувалов доложил о готовности отделения к действиям, ответил на вопросы командира роты и, протягивая наушники и микрофон радисту, приказал: — Будь на связи постоянно. В двадцать четыре часа тебя сменят.

Радист уныло взглянул на часы. Только люди его профессии знают, что такое почти пять часов быть в постоянном внимании. Но что поделаешь? В отделении слишком мало людей, чтобы позволить себе такую роскошь — находиться у радиции по несколько человек.

Коблик удобно устроился в своем спальнике. Ночь и тишина царили вокруг. Не верилось, что он находится в стране, где идет война, и, может быть, в этот момент кто-то крадется в крошечной темноте сюда, чтобы забросать их гранатами, прошить огненными очередями.

Хорошо, что рядом находятся опытные, много повидавшие в свои двадцать лет его боевые товарищи.

Коблик взглянул на светящийся циферблат часов: всего только девятый час вечера, а кажется, что уже глубокая ночь.

Коблик зябко повел плечами, сейчас бы застегнуть спальник до самого подбородка, согреться бы. Но его мучила мысль, а вдруг нападение? Тогда каждая секунда будет дорога. Он нащупал лежавший справа автомат. Металл уже остыл, да так, что хотелось одернуть руку, а вот дере-

вянные части еще хранили дневное тепло. Вдохнув, он вспомнил о доме...

Сколько Николай пролежал, перебирая в памяти прожитое, трудно сказать. Он решил посмотреть на часы, но не успел. Мимо мелькнула тень, и Коблик тут же услышал чей-то голос:

— Товарищ старший сержант, а, товарищ старший сержант! Что-то Джим учуял и рычит, да и банки брынькают, может, духи?

Шувалов поспешил за солдатом к каменным завалам. А через минуту застава была поднята по тревоге. Только оператору-наводчику из БМП Шувалов приказал пока в машину не залазить, чтобы лишнего шума не было. Ночь по-прежнему хранила тишину. Коблик лежал в двух метрах от Леонова и напряженно всматривался через амбразуру в сторону «зеленки». Его сектор ведения огня начинался от угла разрушенного сарайчика и тянулся до высокого дерева по форме своей похожего на кипарис. Метров двадцать сплошных кустов и маленьких деревьев. Когда было светло, он постарался запомнить каждую деталь, но оказывается, что ночью все равно ничего не видно. Помогли только камушки — указатели цели. Это перед наступлением темноты. Кольцов посоветовал положить камни в начале и в конце сектора огня.

В кустах что-то ярко вспыхнуло, послышался резкий свист и раздался взрыв. За ним последовало еще несколько взрывов. Застава дружно ответила огнем. Коблику казалось, что он только успел нажать на спусковой крючок, как автомат замолчал. Понял, что кончились патроны. Лихорадочно начал расстегивать подсумок с запасными магазинами. «Идиот, — ругал он себя, — неужели трудно сообщить, что во время боя каждая секунда дорога». Вставил новый магазин, а стрельба кончилась. Только боевая машина пехоты сделала еще по «зеленке» серию выстрелов да прогреготал бронетранспортер.

Стало тихо, и хорошо было слышно, как Шувалов докладывал по радиостанции о происшествии.

Леонов присел у продолжавшего лежать Коблика.

— Все... Больше не сунутся, попробовали на зуб, и хватит.

— А мы их атаковать не будем? — спросил Коблик.

— Бесполезно искать их в «зеленке». В темноте можно на мину напороться. Здесь, брат, другие законы войны. Ну что, пошли заступать на дежурство. Наше время подошло.

Коблик взглянул на часы: без пяти двенадцать.

Подождал Кольцов.

— Привет, мужики. Готовитесь?

— Слушай, Кольцов,— Леонов прищурился: — Ты, говорят, даже не проснулся.

— А чего горячку пороть, когда ты за двоих стараешься,— парировал Кольцов и сказал куда-то в темноту: — Командир, мы готовы.

Шувалов четко проинструктировал наряд, и вскоре рядовой Николай Коблик нес свое первое боевое дежурство.

«А СЫН У НЕГО ЕДИНСТВЕННЫЙ БЫЛ...»

Пришла весна, близились майские праздники. Жители города выходили на субботники. Вера Федоровна вместе со своими сотрудниками садила кустарник. Погода стояла теплая, солнечная. Повсюду слышались веселые голоса, шутки и смех. Вдруг женщина, находившаяся рядом, тихо сказала:

— Смотрите, Вера Федоровна!

Коблик посмотрела в ту сторону, куда она показала кивком головы. Мимо уже посаженных кустов с лопатой в одной руке и с палочкой в другой, чуть прихрамывая, шел седой мужчина. Ему было больше шестидесяти, лицо усталое и напряженное.

— У него в Афганистане погиб сын. Видите, хромает, это у него протез. Нogu на войне потерял, а сын у него единственный был,— несвязно пояснила сотрудница.

Не зная, зачем она это делает, Вера Федоровна воткнула лопату в землю и неожиданно пошла наперерез мужчине.

— Здравствуйте, извините меня,— начала она скороговоркой.— Я — Коблик Вера Федоровна. Мой сын служит в Афганистане, на душе у меня неспокойно. Я знаю, у вас большое горе, я только что узнала и решила подойти к вам.

Мужчина остановился, и Вера Федоровна увидела, какие у него печальные глаза. Он негромко поздоровался и спросил:

— В каких войсках ваш сынок служит?

— В десантных.

— Мой тоже там служил. Напишите своему сыночку, чтобы был осторожным, пусть бережет себя, никто его там

не убережет, если он сам не будет помнить об этом. А где часть его стоит?

— На окраине Кабула.

— А мой сынок служил в Кандагаре. Это на юге Афганистана. Прошла его пулеметная очередь, и остались мы с женой одинокими. Чего теперь ждать от жизни?

У Веры Федоровны сжалось сердце, она никак не могла найти нужных слов сострадания. В этот момент совсем близко кто-то громко крикнул:

— Конец работы, товарищи. Не забудьте лопаты отнести к грузовику!

Вера Федоровна видела, что ее лопату взяла напарница, и протянула руку к мужчине.

— Давайте, я понесу вашу лопату.

Мужчина не возражал, и они пошли рядом. Он представлялся:

— Меня зовут Иваном Леонидовичем Лемеховым, я вас часто вижу, когда вы, очевидно, на работу идете мимо моего дома.

Они забросили лопату в кузов грузовика и направились в сторону улицы Горького. Шли медленно. Лемехов часто останавливался и отдыхал. Вера Федоровна спросила:

— Иван Леонидович, зачем вы вышли на субботник, ведь вам даже идти тяжело?

— Еще тяжелее быть дома,— вздохнул Лемехов.— Жена заболела, в больнице лежит. Вот и пошел к людям. А ваш сын пишет?

— Пишет. Почти каждую неделю получаю от него письма.

— Это хорошо.

Лемехов остановился и палкой показал в сторону девятиэтажного дома:

— Вот здесь я и живу.

Вере Федоровне хотелось сказать этому человеку что-либо ободряющее, теплое, но она понимала, что горе его безмерно и только время может притупить его боль, и промолчала. Простившись, они разошлись.

В этот момент Вера Федоровна даже не могла представить, что пройдет немного времени и их судьбы станут во многом схожими.

В подъезде Вера Федоровна в первую очередь заглянула в почтовый ящик: что-то есть. Вместе с газетами лежало и письмо. Убедившись, что почерк сына, она поднялась в квартиру. Не снимая пальто, торопливо стала читать.

«Здравствуйте, мои дорогие мама и Сергей! Я жив, здоров. Многому здесь научился. За два месяца нахождения в Афганистане узнал столько, что в учебке, может, и двух лет мало было бы. Друзья у меня здесь — что надо! Но больше всего я подружился с Антоном Леоновым, Кольцовым Костей и Павлом Чайкиным. У нас во взводе и в роте все ребята — надежные люди, в бою не подведут, но Леонов и Кольцов — особенные хлопцы. В первое время они меня опекали как маленького, даже в бою держались рядом, следили за тем, чтобы я правильно маскировался, окапывался.

Вчера ночью вернулись с очередного задания. Наш взвод перехватил три каравана с оружием и вместе с подразделениями афганской армии участвовал в боях. Ты, мама, не волнуйся за меня. Леонов говорит, что у меня особый нюх, как от пули уберечься. Только не подумайте, что я трушу и прячусь за других. Просто я стараюсь воевать так, как меня учат здесь мои командиры и более опытные товарищи.

Живут здесь в Афганистане трудолюбивые и бедные люди. Кругом глиняные домишки, часто окна без стекол. Стекло — большой дефицит. В домах почти никакой мебели. Спят прямо на полу. Те, кто побогаче, спят на циновках или охапках соломы. Люди одеваются просто и бедно. Основная еда — рис и лепешка, чай без сахара. Мясо для бедняка стоит очень дорого. Люди приветливы, особенно дети, которые, если увидят русского, то сразу же протягивают руки и говорят: «Рафик, бакшиш» или же это произносят по-русски: «Товарищ, дай бакшиш». Рассказывают, что душманы уговаривают пацанов, чтобы они подкладывали мины в автомашины во время стоянки...»

В дверях раздался звонок. Вера Федоровна отложила письмо и направилась в прихожую. Возле двери увидела работника милиции. Он представился:

— Я участковый инспектор, старший лейтенант Муратов.

«На афганца похож», — почему-то подумала Вера Федоровна о чернявом госте.

Старший лейтенант при виде натертого паркетного пола в нерешительности остановился у порога.

— Проходите, проходите, пожалуйста.

Вера Федоровна легонько подтолкнула его в спину, приглашая в зал. Участковый присел на предложенный стул и вытащил из сумки большой блокнот.

— Скажите, пожалуйста, Вера Федоровна, где работает Ваш старший сын?

— Сережа? Он работает в автобусном парке водителем. А в чем дело?

— Он дома?

— Нет, на работе.

— А какие запчасти он принес домой?

— Запчасти? Первый раз слышу!

— От автомашин и мотоциклов.

— Да вы что! Зачем нам запчасти?

Старший лейтенант был явно смущен. Поколебавшись, он вытащил из сумки письмо.

— Понимаете, мне начальник отделения поручил проверить вот эту анонимку. Я знаю хорошо и Колю, и Сергея, ребята они хорошие...

— И что в этой анонимке?

Участковый нахмурился. Было видно, что ему неприятно заниматься проверкой анонимки.

— Служба есть служба. — Старший лейтенант протянул письмо. — Прочтите сами, Вера Федоровна.

Вера Федоровна взяла двумя пальцами листок бумаги. На нем четким почерком было написано: «Товарищ начальник милиции! Сообщаем вам, что Коблик Сергей ежедневно похищает со своей работы различные детали и колеса от автомашин и мотоциклов. Можете проверить: сейчас у него на балконе хранятся запчасти, которых хватило бы не на один мотоцикл. Предупреждаем, если вы не разоблачите этого жулика, то о вас станет известно в Москве.

Честные люди».

Вера Федоровна ошеломленно смотрела на участкового. Лицо ее пылало.

— Боже мой, как это подло. Пойдемте за мной. — Она решительно направилась к балкону и открыла дверь. — Вот посмотрите, здесь стоит разобранный мотоцикл.

Она рассказала, почему мотоцикл оказался на балконе. Когда старший лейтенант узнал, что ранее были сигналы о мотоцикле в домоуправление, сказал:

— Ясно, что кто-то пишет из соседей. Я сейчас зайду в домоуправление и наведу там справки. Попробую найти того, кто написал клевету.

Он извинился и ушел.

Настроение было испорчено вконец. Она села на диван и, увидев письмо, стала читать дальше: «...Мама, звонит ли Света? Я ей уже две недели не писал писем. Был очень

занят, успел только вам коротенькое письмо написать. Мамочка, ты ей позвони, пожалуйста, и все объясни. Через десять минут мне в караул, надо подготовиться. Целую вас. Коля».

Вера Федоровна грустно улыбнулась: «Сыночек мой! Какой же, в сущности, ты еще ребенок». Потом ее мысли вернулись к визиту участкового. Вера Федоровна нервно ходила по комнате и перебирала в памяти все случаи, которые могли бы побудить кого-либо писать анонимки. На работе и у нее, и у Сергея врагов нет, у Коли тоже. С соседями ровные, хорошие отношения.

От чувства своего бессилия и беспомощности она чуть не расплакалась. Дома сидеть не хотелось. Вера Федоровна решила пройтись по улице.

Она быстро оделась и вышла во двор. Прошла арку и на тротуаре столкнулась с участковым инспектором. Хотела пройти молча, но он остановил.

— Я взял в домоуправлении анонимку. Даже без заключения почерковедческой экспертизы хорошо видно, что писал их один и тот же человек.

— Это не человек, — сухо сказала Коблик, — это подонки и негодяи. Если я узнаю, кто он, то я просто плюну ему в рожу. Мой сыночек в Афганистане, и мотоцикл его для нас священная реликвия, а тут находится какая-то гадина, которая позорит нас.

— Вы правы, Вера Федоровна, — мягко прервал ее Муратов. — Вы не подумайте, что я подозреваю в чем-то Сергея. Я сразу знал, что это клевета, да и начальник мой такого же мнения.

— Если вы такого мнения, — сердито сказала Коблик, — так зачем же возиться с этой грязью да еще и регистрируете такую чепуху или вам больше нечем заниматься? — Вера Федоровна не прощаясь пошла дальше.

БАНДА В ДОЛИНЕ

Когда рядовой Коблик прибыл в батальон, Леонов ему сказал: «Увидишь, пройдет месяц и ты почувствуешь себя «стариком», бывалым солдатом». Действительно, дни и недели пролетали незаметно, Николай уже освоился и чувствовал себя уверенно при выполнении боевого задания. Он успел уже заметить, что здесь война особая. Душманы избегали прямого боя. Они укрывались в тайниках, прятались

в каризах, которые пронизывали все зеленые зоны, где имелись кишлаки, а когда войска проходили, вылазили наружу и продолжали свое кровавое дело. Поэтому, действуя против них, приходилось менять тактику, атаковать банды немногочисленными подразделениями, незаметно сближаясь или перехватывая душманов на марше, захватывая их склады, блокируя в горах. Эта тактика диктовала и продолжительность боя, который иногда длился только несколько минут. Коблик даже не мог сказать, попал ли он хотя бы в одного душмана.

Николай стоял у стола для чистки оружия и собирал смазанный автомат. Он заметил, что к Шувалову подошел командир взвода. Шувалов доложил, чем занимается отделение, и они медленно пошли вдоль столов. Медведев остановился у стола Коблика:

— Ну как, рядовой Коблик, привыкли уже к нашей службе?

— Так точно, товарищ старший лейтенант, привык.

— Он молодец, быстро вошел в форму, действует в бою грамотно, — похвалил солдата старший сержант Шувалов.

— Это хорошо, — улыбнулся командир взвода. — Нам нужны надежные ребята. Кстати, рядовой Коблик, а вы знаете, что в разведвзводе есть ваш земляк, минчанин, рядовой Чайкин?

— Так точно, товарищ старший лейтенант, знаю. Мы вместе прибыли сюда, правда, с того момента мы и не делились.

— Ну вот как получается! Заканчивайте сборку оружия и подойдите в разведвзвод.

Вскоре Коблик был у разведчиков. Чайкин, увидев его, обрадовался.

— Молодец, что отыскал меня, а то мы все время с одного задания идем на другое, и я никак не соберусь к тебе. Подожди, я попрошу командира отпустить меня на минут десять, поговорим.

Вскоре Чайкин вернулся, и они направились к клубу, там уселись на низенькой скамейке и разговорились. Вспомнили дом, общих знакомых, удивились, что, участвуя вместе в трех операциях, не видели друг друга. Затем, прогуливаясь вдоль аллеи, увидели, что возле штаба остановился «уазик» и из него вышли два генерала. Солдаты взяли под козырек и вытянулись по стойке «смирно». Чайкин чуть слышно произнес:

— Генерал-лейтенант Дубик и генерал-майор Щербак. Они вчера были у нас во взводе.

Генералы направились к штабу, где у входа уже стояли командир батальона, замполит и начальник штаба.

В это время подъехал еще один «уазик», из него вышли советский и афганский офицеры и быстро прошли в штаб. Чайкин сказал:

— Что-то много командиров собирается, жди, могут по тревоге поднять.

Договорившись, что в дальнейшем будут почаще встречаться, парни разошлись.

А в это время генерал-лейтенант Дубик представил собравшимся офицерам высокого, крупного афганца:

— Подполковник министерства государственной безопасности Афганистана товарищ Джалал.

Джалал, улыбаясь, покивал головой. Круглолицый, кареглазый, с обязательными для афганца усами, в тщательно подогнанной форме, он располагал к себе.

Дубик продолжал:

— У товарища Джалала есть для нас информация. Прошу, товарищ подполковник.

Джалал расстелил на большом столе карту и начал говорить на русском языке:

— Вчера днем мы получили данные о том, что в кишлаке Калай-Ато, расположенном в долине Тангисейдан, появилась банда, которая держит в плену двух советских военнослужащих. Чтобы проверить эту информацию, я направил в Калай-Ато своего человека, который сообщил, что действительно в этот кишлак прибыла банда главаря Дангала, человек шестьдесят. Установлено, что в пещере, которая находится в скале, душманы содержат пленников, в том числе одного русского.

— Кишлак расположен прямо в горах? — спросил комбат Бунцев.

— Да. Этот кишлак довольно большой, в нем приблизительно пятьдесят домов. Все дома расположены на склонах гор. Население ушло из кишлака в Кабул еще два года назад, так как банды постоянно грабили дехкан. Дангал разместил душманов в трех самых больших домах. Сам занял дом, расположенный недалеко от пещеры.

— Чего они явились? — озабоченно спросил начальник штаба майор Мисник.

— Душманы намерены доставить своих пленников в Пакистан. А задержались они в кишлаке только потому,

что Дангал направил трех своих человек в Кабул. С какой целью он их послал, мы пока не знаем. В банде имеются один крупнокалиберный пулемет и несколько переносных зенитно-ракетных комплексов. По нашим данным, они выставили их на ближних вершинах гор.

Бунцев понимал: раз Дубик прибыл сюда, значит, проводить операцию придется его батальону. Поэтому подполковник с пристрастием задавал вопросы:

— Дороги, ведущие к кишлаку, наверное, заминированы?

— Конечно. Душманы заранее понаставили там мин. Нередки случаи, когда животные подрывались.

Дубик выждал, пока Бунцев и Мисник выяснят все, что их интересует, и сказал:

— В операции будут участвовать рота афганской армии и одна рота вашего батальона, усиленная разведвзводом и взводом саперов.

Увидев удивленные лица комбата и начальника штаба, пояснил:

— Местность такова, что там нужны и разведчики, и саперы, поэтому сил не надо жалеть.

Бунцев вопросительно посмотрел на начальника штаба. Тот понял, что хочет командир, и предложил:

— Давайте пошлем роту Бочарова, разведвзвод Иванько и саперный взвод лейтенанта Кузнецова.

Комбат повернулся к генералу Дубику и, поддерживая предложение, пояснил:

— И разведчики, и саперы этих взводов чаще всего контактировали с ротой капитана Бочарова.

— Не возражаю, — ответил Дубик и повернулся к Джалалу: — Товарищ Джалал, когда будет готова ваша рота?

— Она уже готова.

— Уточнив время соединения с ротой Бочарова, Джалал ушел. Вскоре собрались уезжать и генералы. Дубик не любил мешать подчиненным готовиться к выполнению задачи. Бунцев, провожая генералов к машине, обратился к Дубику:

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите мне пойти с моими?

— А вы что, не доверяете командиру роты? — прищурился Дубик.

— Никак нет, капитан Бочаров очень опытный и знающий командир, но я не люблю сидеть без дела.

— У вас работы хватит, и мы с вами не знаем, что

нас ждет через час-два. Так что, Михаил Петрович, занимайтесь по плану. На всякий случай свяжитесь с летчиками и договоритесь о взаимодействии, я команду дам.

Дубик взялся уже за ручку дверцы, когда Щербак остановил его:

— Виктор Петрович, вы не возражаете, если я останусь в батальоне? Поговорю с политработниками, заодно посмотрю, как идет подготовка солдат к походу.

Чуть помедлив, генерал-лейтенант согласно кивнул головой.

— Хорошо, Валентин Григорьевич, оставайтесь. — Он повернулся к Бунцеву: — Товарищ подполковник, генерала Щербака без сопровождения из части не выпускать! Ясно?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

К вечеру колонна боевых машин двинулась из городка. Колбик сидел рядом с Леоновым и Кольцовым на броне третьей машины и искал глазами Павла. Они увиделись позже, когда колонна на окраине города встретилась с афганской ротой, и, растянувшись почти на километр, двинулись дальше уже вместе. У предгорья колонна остановилась. Вскоре боевые машины образовали круг. Солдаты быстро установили небольшую палатку, от ближайшего бронетранспортера подали свет. Бочаров и Джалал развернули на складном алюминиевом столе карту и начали инструктаж. Бочаров рассказал офицерам о замысле и предложил план действий.

Затем подполковник Джалал и командир афганской роты определили старших каждой из четырех групп, а командир саперного взвода лейтенант Кузнец выделил для каждой из этих групп по одному отделению.

Убедившись, что советские и афганские офицеры уже согласовали свои действия, Джалал подвел итоги инструктажа:

— Наш план рискованный и дерзкий. Но если нам удастся ночью незаметно войти в кишлак, то бой завершится быстро и успешно. Я со своей группой буду вместе с разведчиками.

Прошел еще час, и длинная цепочка советских и афганских солдат двинулась к горам. Впереди действовали группы разведчиков.

В темноте, стараясь не шуметь, начали подъем. Путь лежал по очень крутой, практически незаметной в ночи тропе, знать которую мог только такой человек, как

помощник Джалала, местный житель. Вслед за разведчиками шли солдаты роты Бочарова. Почти на середине подъема взводы один за другим начали уходить в разные стороны. Им предстояло по крутым, отвесным бокам гор достичь постов противника, окружить их и ждать команды.

Отделению Шувалова предстояло захватить один из постов ПВО. Надо было незаметно приблизиться к самой вершине горы. Судя по карте, высота ее три тысячи двести восемьдесят метров. Более чем на километр выше того места, где будет находиться КП капитана Бочарова.

Тяжело передвигаться в горах. Особенно сложно ночью, когда любой шаг может оказаться роковым. Поджидают и пропасти бездонные, и пули душманские, и минная растяжка. Как и положено, люди старались двигаться цепочкой, один за другим. Тихое шуршание мягкой осыпи из-под ног да приглушенное частое дыхание. Глаза видят впереди тень карабкающегося вверх человека. А кто-то сзади, точно также видит тебя.

Колбик двигался сразу же за Кольцовым, а за ним — Леонов. Николаю казалось, что силы вот-вот иссякнут и он оступится и полетит вниз. Хотелось передохнуть, перевести дыхание, поправить ставший чертовски тяжелым бронежилет, но Шувалов, двигавшийся первым, упрямо карабкался все выше и выше. Изредка из-под чьей-то ноги выскальзывал камешек и, увлекая за собой другие камешки, с шумом устремлялся вниз. И тогда все отделение замирало: не взойдется ли вверх душманская осветительная ракета, не ударит ли по склону длинной очередью пулемет?

На небольшой площадке, образовавшейся в едва заметном углублении в скале, остановились на короткий отдых. Старший сержант Шувалов на ощупь пересчитал своих солдат и облегченно вздохнул: все на месте, никто не отстал. Шепотом сказал:

— До духов метров триста. К ним подойдем группами. Первым пойду я со своей группой.

Он назначил Леонова старшим второй группы, а сам сразу же повел первую группу дальше. Леонов приказал своим:

— Десять минут отдыха.

А афганская рота и оба советских взвода в это время заканчивали спуск по водостоку. Старались не шуметь, стиснув зубы переносили болезненные удары камней, которые срывались из-под ног идущих сзади и больно врезались в спину, а нередко и в голову тех, кто двигался ниже.

Когда, наконец, спустились, то оказалось, что семь человек получили ранения в голову. Их быстро перевязали, прикрыли чем смогли белеющие бинты и двинулись вслед за проводником к кишлаку.

К четырем часам утра на КП Бочарова поступили доклады от всех групп. Они заняли исходные позиции и готовы были к действию. Кроме захвата постов роты Бочарова предстояло блокировать кишлак по вершинам гор, и командир роты еще раз связался с командирами взводов и отделений, предупредил их, чтобы маскировались тщательнейшим образом, так как согласно плану первыми начнут действовать те, кто в кишлаке, а рассвет раньше наступит на вершинах.

После этого Бочаров связался с командиром саперного взвода и поинтересовался, каким образом саперы намерены оказать помощь афганским солдатам штурмовать высокие дувалы. Лейтенант Кузнец ответил:

— Ищем жерди и готовим штурмовые лестницы.

— А шума не поднимете, сбивая эти лестницы? — спросил в микрофон Бочаров.

— Никак нет, мы их вяжем.

— Где берете жерди?

— Немного в одном дворе нашли, а веревки у нас есть, заканчиваем уже пятую лестницу.

Бочаров протянул радисту микрофонную трубку и мысленно похвалил саперов за смекалку. Попробуй-ка поднимись на четырех-пятиметровую стену.

Затем капитан проверил, как устроили свои позиции минометчики. Убедившись, что все три ротных миномета были готовы к бою, подошел к командиру афганской роты, молоденькому, на вид не старше двадцати пяти лет, лейтенанту.

— Как дела, рафик?

— Все в порядке, товарищ капитан, мои люди готовы к бою.

Разговор велся через переводчика — солдата-таджика.

— Минометами мы отсюда достанем до любого душманского дома, так что если понадобится, то врежем. Выслушав переводчика, лейтенант смущенно спросил:

— А что такое «врежем»?

Бочаров рассмеялся:

— Это когда мины лягут прямо в цель.

Теперь уже засмеялся лейтенант.

— Хорошее слово «врежем», буду ханум пугать.

— Во-во,— подзадорил капитан,— припугни ее, сразу любить станет крепче.

Бочаров понимал, что согласно обычаям в Афганистане не принято говорить с мужчиной о его жене, но если лейтенант сам завел разговор о ней, то, значит, он не признает эти предрассудки, но продолжать разговор на эту тему воздержался, только спросил:

— У тебя сколько детей, рафик?

— Всего семь,— скромно пояснил лейтенант.

— Мы желаем твоим детям и их матери здоровья и счастья.

Иванько, засевший со своим взводом в двадцати метрах от пещеры, нетерпеливо поглядывал на небо. В кишлаке уже чувствовалось приближение утра. Можно было различить казавшиеся угрюмыми отдельные дома-крепости. Чуть дальше темнело пятно какого-то сада. Сейчас все четче и четче, словно на проявленной фотопленке, можно было различать отдельные деревья.

Вдруг из крепости, в которой засел главарь банды, донесся визгливый крик ишака.

«Пора»,— решил Иванько и молча дотронулся до руки лежавшего рядом Джалала. Тот тихо прошептал:

— Можем начинать.

Иванько привстал и, махнул рукой, низко пригибаясь к камням, побежал к пещере. Солдаты взвода, не отставая, бросились вперед.

Бочаров хорошо видел в бинокль, как поднялся разведвзвод и, не отрываясь от прибора, приказал радисту:

— Передайте всем — вперед!

И тут сонный покой, еще не обогретых теплыми лучами солнца гор, разорвался звонкими очередями автоматов, короткими взрывами гранат.

Разведчикам повезло. Они почти без боя, уничтожив четверых охранников, из которых только один успел дать короткую очередь, ворвались в пещеру. Иванько, чтобы не быть мишенью на фоне большого лаза, отступил к выступу и громко крикнул:

— Есть здесь русские? Мы — свои!

Откуда-то слева послышался прерывистый голос:

— Товарищи, мы здесь!

Кто-то из солдат включил фонарик. Луч выхватывал из темноты какие-то лица. Лейтенант рванулся к ним.

— Кто здесь? — почему-то громко крикнул он.

— Я — рядовой Носов.

Иванько осветил говорящего. Перед ним полулежал молодой парень. Обмундирование — одни лохмотья, лицо и голова покрыты сплошной кровавой коркой.

Иванько спросил:

— Есть ли здесь еще наши?

— Нет, я один. Остальные — афганцы, их пятеро. По моему, все офицеры.

— Поэтому и тащили с собой, чтобы в Пакистане бакшиш хороший получить,— пояснил подошедший сзади Джалал.— Пленных следует вывести наружу, а мы хорошенько осмотрим пещеру. Она большая, и, может, кто-либо из душманов спрятался.

Иванько протянул Носову руку и мягко сказал:

— Вставай, браток, пойдем отсюда.

— Я не могу, друг, у меня ноги перебиты. Поэтому и успели меня взять.

— Что, на мину напоролся или очередь достали?

— Нет, по-моему, снаряд безоткатки или минометная мина недалеко разорвалась. Когда пришел в себя, то уже связанный по рукам и ногам на спине ишака лежал.

Иванько приказал солдатам вынести Носова из пещеры, а сам, чуть хромя — где-то ударил ногу,— направился следом.

По радиации Иванько доложил Бочарову о захвате пещеры. Командир роты спросил:

— Ты видишь дом, где засел главарь банды?

— Да, он метрах в трехстах от меня, там слышна стрельба.

— Духи смогли отразить атаку и теперь, заняв круговую оборону, яростно сопротивляются. Там наше отделение саперов. Оставь с освобожденными пленниками одно отделение, а с остальной частью взвода окажи помощь. На месте разберись, если обстановка сложная, то не рискуй людьми. Отведи наших и афганских товарищей от крепости и обозначьте себя дымом. Мы ударим по крепости из «самоваров».

Так солдаты и офицеры между собой называли минометы.

Иванько быстро отдал необходимые распоряжения и, договорившись с Джалалом, что он останется у пещеры, бросился к крепости. Пули свистели рядом, и приходилось низко пригибаться к земле.

Бочаров со своего КП хорошо видел весь кишлак. Три группы душманов и их посты на вершинах гор были

ликвидированы быстро, вот только случилась осечка с группой главаря. То ли его люди были особенно бдительными, то ли смогли случайно увидеть солдат, окружавших их крепость, но, как бы там ни было, фактор внезапности был утерян, и сейчас надо было вести бой с противником, укрывшимся за толстыми глиняными стенами.

Дом, в котором засел главарь группы, действительно оказался крепостью. Высокая стена-дувал квадратной формы казалась неприступной, по углам имелись небольшие башни с бойницами. Ночью там находились караульные. Очевидно, они-то и заметили, как солдаты устанавливали лестницы.

Посоветовавшись с прапорщиком Святцевым, который командовал группой саперов, и командиром афганского взвода, штурмовавшего крепость, Иванько связался с капитаном Бочаровым и предложил свой план: сбить душманов с дувала и крыш, взорвать большие деревянные ворота, а затем, используя лестницы, одновременно через стены и ворота атаковать крепость.

Еще до наступления рассвета отделение старшего сержанта Шувалова подошло к посту и залегло, ожидая сигнала.

Когда по команде Шувалова солдаты бросились к камням, где засел противник, то там оказалось только два душмана, а справа по ним полоснула очередь ручного пулемета. Коблик видел, как туда метнулся командир отделения, и, понимая, что пулеметчику нельзя дать вести прицельную стрельбу, старался не дать противнику высунуться из-за камня. А Шувалов, обойдя пулеметчика справа, короткой очередью сразил его. Коблик решил сменить позицию и вскочил на ноги. Но вдруг увидел, что из-за ближайшего камня поднялся во весь рост душманский автоматчик. Он целился в Коблика. Николай тут же нажал на спусковой крючок, но автомат молчал: «Осечка?!» И Коблик растерялся. Как заколдованный, он стоял перед душманом и глядел прямо в дуло автомата. И, конечно, стал бы этот миг последним в жизни Николая, если бы не Леонов. Длинной очередью он опередил душмана, и тот упал на камни.

— Прежде чем сменить позицию, надо поменять магазин, — бросил Коблику Леонов и, пригибаясь, побежал туда, где слышалась стрельба.

Вскоре бой был закончен. Все восемь душманов были уничтожены. Кроме ручного пулемета и пяти автоматов у душманов захватили переносную зенитно-ракетную установку с пятью ракетами и два пистолета. Кольцов пнул ногой треногу установки и, шутя, обратился к Леонову:

— Товарищ младший сержант, доложите, что за штука?

— Одну минутку, товарищ маршал, — ответил Леонов и наклонился к установке. — Так, знакомая игрушка. — Он выпрямился и, напрягая память, сообщил: — ПЗРК «Мистраль» французского производства. Длина — сто семьдесят один сантиметр, скорость около восьмисот метров в секунду, вес боевой части — 3 килограмма; она осколочно-фугасная, диаметр ракеты — девяносто миллиметров. — Он помолчал немного, а затем продолжал: — Наведение ракеты на цель — с помощью пассивной инфракрасной головки. Дальность стрельбы 6 километров, высота поражения до 3-х километров. — Леонов потрогал рукой треногу: — Как видите, рядовой Кольцов, эта тренога отличается от вашей гитары тем, что на ней имеются оптический прицел, привод для ручного наведения установки и сиденье для оператора.

— Во дает, — восхищенно воскликнул Попов. — Слушай, Леонов, где ты так нахватался?

— Хватают желтуху или тиф, — философски изрек Антон. — А мои познания опираются на глубокое знание тактико-технической характеристики оружия противника. И если бы вы, товарищи, не били баклуши, а почаще заглядывали в справочную литературу или хотя бы изучили плакаты с изображением оружия противника, то мне не пришлось бы сейчас тратить свое драгоценное время на лекцию.

А в этот момент прапорщик Святцев, наконец-то, смог подорвать ворота, ведущие в крепость. Одни солдаты под прикрытием пыли рванулись во двор, другие, забрасывая душманов, засевших на крышах, гранатами, по лестницам начали забираться на дувал. Вскоре все было кончено. Двенадцать душманов и главарь банды Дангал сдались, остальные были уничтожены.

Джалал и его люди приступили к допросу пленных, а Бочаров вызвал вертолет для доставки освобожденных из рук душманов советского солдата и афганских офице-

ров, затем дал команду командирам взводов сниматься с «блока».

Командир второго взвода Медведев по радиостанции попросил разрешения спуститься с высоты всем его отделением самостоятельно, по пологой восточной стороне.

Бочаров понимал, что тащить на себе захваченное у душманов оружие по крутым склонам очень тяжело, поэтому, согласовав место встречи, разрешил им спуск.

К двенадцати часам основные силы советско-афганского отряда прибыли к месту встречи, но взвода Медведева еще не было, и Бочаров, объявив короткий привал, приказал радисту связаться со старшим лейтенантом. Медведев сообщил, что ждет подхода отделения Шувалова, которое почему-то задерживается и по радиостанции не отвечает.

Прошло полчаса. Шувалов не объявлялся. Бочаров, внимательно изучив карту, пришел к выводу, что отделение могло сбиться с пути и затеряться среди ущелий. Смущало то, что Шувалов не выходит на связь. Решили двинуться на соединение с Медведевым и всем вместе организовать поиск.

На душе у Бочарова было тревожно.

«ВАШ СЫН ПОГИБ...»

Время тянулось медленно, месяцы казались Вере Федоровне годами. Получив очередное письмо от сына, она впивалась глазами в конверт: его ли почерк? А затем приноживалась, не пахнет ли бумага лекарствами? Веру Федоровну все время мучила мысль, что сын ранен. Он, конечно, не захочет огорчать ее и не напишет, что лежит в госпитале. Сегодня она ждала очередное письмо. Был субботний день. Вера Федоровна, нетерпеливо поглядывая на часы, дожидалась, когда почтальон принесет почту в их подъезд. Только после этого она сможет пойти на рынок. Вот наконец половина десятого, и Вера Федоровна, взяв хозяйственную сумку, спустилась вниз. Заглянула в ящик: что-то лежит. Торопливо достала газеты и письмо. Конечно, от Коли! Почерк? Его. Лекарствами не пахнет. Она вышла из подъезда, присела на скамейку и быстро распечатала письмо:

«Здравствуйте, мои дорогие мама и Сережа! Пишу вам из Афганистана двадцатое письмо. Служба идет по-прежнему, нормально. Наш взвод похвалил комбат за выполнение

боевой задачи. Я уже писал вам, что здесь подружился с отличными ребятами Леоновым Антоном, Кольцовым Костей, Володи Поповым, а вот сегодня, наконец, встретился с Павлом Чайкиным... По-моему, он хороший парень...»

Вера Федоровна ничего не замечала вокруг и вздрогнула, когда услышала свое имя. Подняла глаза, перед ней стояли соседи по подъезду из тридцать четвертой квартиры Жукин и Солдунов.

— Небось от сына весточка? — спросил Жукин.

— Да, от него.

— Ну как он там? Еще не заработал награду?

Слова эти больно кольнули в сердце. Вера Федоровна хмуро ответила:

— Он не за наградами поехал туда.

— Ну отчего же, — вставил Солдунов, — некоторые с наградой и даже не одной оттуда приезжают. Я бы тоже согласился, да уже поздно в армию идти.

— Вы же, по-моему, не служили, — заметила Вера Федоровна.

Солдунов рассмеялся.

— Армия — хорошая школа, но лучше пройти ее заочно. Вам это и Коля скажет, когда придет. Лично мне не по душе эти «ать-два».

— Ведь служба в армии — долг каждого мужчины.

— Ничего, — небрежно махнул рукой Жукин и, обняв Солдунова за плечи, добавил: — Мой Коля этот долг отдаст трудом своим здесь. Передавайте привет вашему Коле от нас, пусть быстрее заканчивает это дело и возвращается. А то ведь всякое может случиться...

Словно кипятком обдали эти слова Веру Федоровну. У нее перехватило дыхание, и, не находя слов, она молча смотрела им вслед.

Выходили и входили в подъезд соседи, они здоровались с ней. Вера Федоровна машинально, словно во сне, отвечала.

Трудно сказать, сколько прошло времени. Но вот она постепенно успокоилась и снова принялась за письмо:

«Я такой бедноты, как здесь, — писал Коля, — нигде не видел. Дети выстраиваются в очереди у помоек. Мы, когда уходим на задание или возвращаемся с него, то даем им сухие пайки. Дети очень радуются, кричат «ташакор» — это по-ихнему спасибо. Жара стоит страшная. На солнце — под шестьдесят. Особенно тяжело, когда

надеваешь каску и бронежилет. К каске не притронешься: руки можно обжечь, а пластины бронежилета нагреваются так, что тело насквозь пронизывается жарой.

Мама, ты спрашиваешь, что сюда можно прислать? Я узнавал. Слатъ сюда посылки нельзя, да и ничего мне не надо. Кормят нас хорошо. В нашем магазине есть яблоки, печенье, консервы, конфеты, правда, не наши сладкие, а югославские — кисловатые, есть очень вкусный напиток «сиси».

Научился я здесь многому. Могу без спичек костер разжечь, открыть консерву без ножа. Все это пригодится в жизни. Мне сейчас жаль ребят, которые не готовят себя к службе в армии. Рокеры, панки, металлисты — все это несерьезно... И ребята сами очень скоро понимают это. На первых порах все новички выглядят слабаками. Оказывается, чтобы передвигаться по горам, надо иметь сильные колени. Поэтому тренируем коленные суставы, десятки раз приседаем на одной ноге. Чтобы взобраться по канату на скалу, надо иметь сильные руки и пресс. Каждый день работаем на турнике и брусьях.

Не хочу врать вам, что служба легкая. Нам приходится здесь воевать. А как же иначе? В стране идет война. Оппозиционеры стараются напасть в первую очередь на советских. Обстреливают и колонны, и самолеты, и посты наши. Постоянно находишься на пределе. В Народно-демократической партии тоже разные люди. Это понятно: когда в ней есть и богачи и бедняки, то есть и разные мнения. Редко кто из богачей хочет расстаться со своим богатством. Некоторым нравится такая ситуация в стране. Очень много случаев, когда безвозмездная помощь Советского Союза, предназначенная в первую очередь детям, сиротам и беднякам, расхищается некоторыми представителями власти, а затем продается через лавочки, так здесь называют частные магазинчики.

Мамуля, как ты? Не болеешь? Сергей, а ты помогаешь маме? Как ведет себя Кузя? Он мне даже приснился. У нас здесь тоже есть собаки. Они помогают искать мины. Животные нередко гибнут, и в нашем городке есть кладбище, где захоронены те собаки, которым уже не суждено вернуться домой.

Ну вот и все. Писать больше не могу. Сейчас отправляюсь на задание. До свидания, мои дорогие. Целую вас. Спешу запечатать письмо и бросить в почтовый ящик...»

Вера Федоровна осторожно вложила письмо в конверт

и спрятала его в сумочку. Встала со скамейки и дворами направилась к Комаровскому рынку.

Огромное с большим куполом здание скорее напоминало Дворец спорта, чем рынок. Народ толпился у входа, внутри — шум, гам.

Вера Федоровна не спеша продвигалась между рядами. Обратила внимание на горку красивых свежих яблок. Спросила:

— Сколько стоит килограмм?

Одетый не по-летнему тепло усатый мужчина бросил на нее мимолетный взгляд.

— Для тебя, красавица, пять рублей.

— Ого, отчего так дорого?

— А ты сама бы попыталась за тыщи километров все это тащить. После этого не спрашивала бы.

Из-за своей спины Вера Федоровна услышала мужской голос:

— Но все равно нельзя такую цену загигать.

Вера Федоровна оглянулась, перед ней стоял Лемехов, с которым познакомилась на субботнике.

Он узнал ее. Улыбнулся.

— Здравствуйте, Вера Федоровна!

Они отошли от прилавка. Разговаривая, прошли вдоль рядов и, купив, что хотели, вместе вышли на улицу.

Им было по пути. Шли медленно. Ивану Леонидовичу передвигаться на протезе было не просто. Вера Федоровна предложила помочь ему нести покупки, но он отстранил ее руку.

— Нет-нет, спасибо. Я уже привык, да и тяжелая эта ноша для женщины.

И вдруг Коблик увидела своего участкового инспектора. Мурадов шел навстречу и, узнав Веру Федоровну, первым поздоровался.

— Ну как, не нашли анонимщика? — на всякий случай спросила она. И неожиданно услышала:

— Да, нашли.

— Неужели?! И кто он?

Мурадов смущенно оглянулся. Было видно, что он колеблется.

— Вы не хотите говорить?

— Просто я не получил разрешения от руководства назвать имя анонимщиков.

— Ого, так их оказывается несколько?

— Да, двое. — Мурадом бросил внимательный взгляд на

стоявшего поодаль Лемехова и, махнув рукой, решительно сказал: — В вашем подъезде в тридцать четвертой квартире живут Жукин и его приемный сын Солдунов. Так вот, все три анонимки в домоуправление написал Жукин, а в милицию — Солдунов. Экспертизой это доказано.

— Ну а что они, эти Жукин и Солдунов говорят? Чего им от нас нужно?

— Хотели вас заставить продать мотоцикл по дешевке. Ну а теперь просят только одно: не говорить вам. Кстати, им кое-кто из моего начальства пообещал молчать, чтобы не вносить раздор и вражду между соседями.

— Какие же они соседи! Они — негодяи и подонки. В глаза льстят, а за спиной подлость делают.

— Я прошу вас, пока ничего не говорите. Думаю, что я смогу убедить свое начальство сообщить вам об этом официально. Тогда если вы захотите, то можете обратиться в суд с требованием наказать их.

Когда Вера Федоровна, попрощавшись с участковым инспектором, подошла к Лемехову, тот участливо спросил:

— Он от вас что-то хотел?

— Нет, это я его спросила. — И Вера Федоровна все рассказала Лемехову.

Они присели отдохнуть на скамейку. Иван Леонидович тяжело вздохнул.

— Не знаю, что делается с людьми. Зависть, злоба, жестокость руководят поступками многих. А посмотрите, сколько у нас чинуш и бюрократов расплодилось. Они же не хотят замечать людей. Отсюда и бессердечность, а порой и самое настоящее издевательство.

И он, желая как-то разделить печаль Коблик, вдруг начал рассказывать о себе.

— 9 мая 1944 года мне на фронте миной оторвало ногу. В тот день нам пришлось отступать на небольшом участке фронта. — Лемехов устало смотрел в одну точку. — Когда пришел в себя, увидел, что лежу на земле, а надо мной стоит фашистский офицер. Я и сейчас помню его спокойные, внимательные серые глаза. Мы с минуту смотрели друг на друга. Я стал искать возле себя винтовку, но вместо нее увидел свою оторванную ногу. Поднял снова глаза на офицера, а он, улыбаясь, не спеша целится в меня. Я подумал, что офицер пугает, а фашист выстрелил, потом еще и еще... Я снова потерял сознание, а когда пришел в себя, то было уже темно. Нашупал на ремне флягу с водой, она во время взрыва чудом уцелела. Попил

водички и начал соображать, что же мне делать? Снял ремень, перетянул ногу выше колена и опять от боли впал в беспамятство. Пришел в себя уже в госпитале. Позже узнал, что наши опять погнали немца дальше, а меня санитары подобрали. Оказалось, что все пули немецкого офицера не были для меня смертельными.

— Повезло, — горько усмехнулась Вера Федоровна. — И как вы дальше жили, Иван Леонидович?

— Как жил? Жена ушла от меня, узнав, что я инвалид. Долго был один, а затем встретил женщину, и зажили мы счастливо. В мае 1961 года у нас родился сын. Хороший мальчик, ласковый и работающий. В конце семьдесят девятого его призвали в армию. Вскоре начались события в Афганистане. Наш сын оказался там. Сам я бодрился перед женой, уверял, что все будет хорошо, на сердце у меня было тревожно. И вот 9 мая, но уже восемьдесят первого года нас, ветеранов войны, поздравляли, возили на Курган Славы, там митинг был. Вечером сидим с женой, смотрим праздничный концерт по телевидению, а тут военный приходит. Так, мол, и так, говорит, вам надлежит завтра утром быть в райвоенкомате. «Для чего?» — спрашиваю. «Узнаете», — ответил он и ушел. Я, конечно, сразу подумал, что продолжение праздника будет. Утром на следующий день надел свои награды, взял с собой жену и — в военкомат. Помню хороший день был, солнечный, теплый. Пришли, а двери заперты, людей — никого. Стоим и думаем: не разыграли ли нас, а тут окно раскрывается, и чей-то голос из темноты спрашивает: «Вы — Лемехов?» — «Я», — отвечаю. «Ваш сын погиб. Завтра его домой привезут». И окно закрылось. Меня как током ударило, я думал, что ослышался. Хотел у жены спросить, оглянулся, а она на землю опускается. Поднял ее на руки. Несу и тяжести не чувствую, людей не замечаю. Они что-то спрашивают у меня, а я и не помню, отвечал ли что-либо им. Жили мы тогда недалеко от военкомата, всего в трех кварталах. Дома жена пришла в себя, заплакала, заголосила на весь дом. Соседи сбежались. Не помню, как ночь прошла, только поутру привезли нашего сыночка в цинковом гробу. Потом похороны были. А после похорон к нам посыльный пришел из военкомата. Приходите, говорит, в военкомат, деньги за сына получите. Жена прогнала его... Утомил я вас, Вера Федоровна? — Лемехов грустно улыбнулся.

— Ну что вы, Иван Леонидович! Мне так понятна ваша боль. — Вера Федоровна коснулась его руки.

Лемехов сидел отрешенно. Его мысли были далеко. Одет он был просто: опрятный недорогой костюм, рубашка без галстука, красивая палка-трость. Продолговатое лицо в морщинах, погасшие голубые глаза. Но вот его губы тронула горькая усмешка, он посмотрел на свою собеседницу.

— А знаете, сколько сил мне потребовалось, чтобы сыну памятник поставить? Пришлось даже в Москву ездить. Только личное вмешательство начальника Главного политического управления положило конец моим мытарствам. Господи, а как меня донимали, когда я вопреки указаниям некоторых районных и городских начальников, установил сыну памятник, на котором мастер по моей настойчивой просьбе выбил, что он погиб при исполнении интернационального долга в ДРА. Вот эти три последние буквы и выводили многих из себя. Требовали от меня убрать их. Дескать, я выдаю большой важности государственную тайну. А какую? Что, разве советские люди не знают о том, что наши войска находятся в Афганистане? Правда, нашлись и добрые люди. В ЦК и в штабе округа сказали мне: «Отец, это твое право, как написать». Получилось так, что я, моя жена и другие родители, которые пережили своих сыновей, должны стесняться того, что дети отдали свои молодые жизни, исполняя приказ Родины? Нет, здесь что-то не так. Верно я говорю?

— Конечно, верно, — согласилась Вера Федоровна. — Сейчас уже, по-моему, многие это начали понимать. Я вот слушаю вас, а у самой сердце холодеет. Ведь мой сын там...

Вера Федоровна рассказала Лемехову о том, что пишет сын, и о майоре Сумском, и о своих переживаниях.

БОЙ В ОКРУЖЕНИИ

Шувалов двигался первым. За ним шли в приподнятом настроении солдаты, выполнив боевое задание без потерь. Все с удовольствием, не экономя воду, прикладывались к флягам, рассчитывая быстро вернуться в подразделение.

Тропа становилась все более пологой, идти было легче. Шувалов часто поглядывал то на карту, то на компас. Через четыре километра поворот на север, а там не более

километра до встречи со своей ротой. Командир отделения чуть замедлил шаг и оглянулся. Солдаты передвигаются как и положено, соблюдая дистанцию, в затылок друг другу. Они вышли из узкого ущелья и зашагали по небольшому плато, усеянному крупными и мелкими камнями. Какая-то неясная тревога родилась в душе Шувалова. Он внимательно посматривал по сторонам, а затем, обернувшись, коротко приказал:

— Передать по цепочке: быть начеку, интервал между собой пять метров.

Отделению надо было пройти по открытой местности, с двух сторон огражденной горами. А в них много расщелин, трещин, выемок, в которых можно хорошо замаскироваться.

«Да, фланги нехорошие, того и гляди...» — додумать Шувалов не успел. Справа и слева ударили выстрелы. Он, падая, крикнул:

— Ложись! Огony!

Полоснув по левой гряде из автомата, Шувалов оглянулся. Они находились на склоне небольшой, с пологими боками высотке. Ни ямки, ни больших валунов, за которыми можно укрыться! Шувалов понял, что попали в засаду в очень неудобном месте и надеяться на то, что душманы скоро отойдут, не следует. «Засекли еще тогда, когда мы спускаться начали. Успели, сволочи, хорошо подготовиться, да и место выбрали удачное».

— Обложиться камнями, патроны экономить! Бить только наверняка. — Он помедлил секунду и опять, стараясь перекричать грохот выстрелов, крикнул: — Попов, попытайся подавить пулеметчика!

Копать землю было бесполезно, и солдаты сгребали камни впереди себя, закрывали в первую очередь голову.

— Командир! — послышался голос радиста. — Слышишь, командир, у меня радиостанцию разбили!

«Ну вот, начинается!» — чертыхнулся в душе Шувалов и вытащил две красные ракеты. Душманы всегда стремятся в первую очередь вывести из строя радиостанцию. На сей раз им это удалось. Шувалов выпустил в небо одну за другой две красные ракеты. «Только увидят ли их свои?»

Некоторая растерянность, вызванная неожиданным нападением, прошла. Мысль работала четко и ясно. Шувалов уже прикинул, что предпринять. Громко крикнул:

— Леонов! Бросай дым на право, я — налево!

Дымовые шашки были только у Леонова и Шувалова.

Леонов действовал расчетливо: бросил три «дыма», и плотная оранжевая полоса растянулась метров на сорок. Шувалов сделал то же, и теперь две стены дыма на время спрятали ребят от душманов. Душманам пришлось ести огонь вслепую. Шувалов вскочил на ноги.

— Мужики, отходим к вершине высоты!

Они подхватили убитого и раненого товарищей и быстро сменили позицию. На самом вершине расположились по кругу и начали обкладываться камнями. Каждый понимал, как важно в эти минуты укрыться. Они лихорадочно сгребали камни, подтаскивали куски породы побольше, но и «духи» не дремали. Они поняли маневр советских солдат и, непрерывно ведя огонь, двинулись через дымовую завесу вперед. Пригибаясь и прячась за камни, душманы быстро окружили пологую высоту.

Шувалов прикинул, что наиболее удобной у душманов будет позиция справа. Тут невысокая гряда камней позволяла хорошо укрыться, а пологий склон давал возможность быстро приблизиться к окруженным. Шувалов, рукой показывая на гряду, приказал:

— Леонов и Коблик, с ручным пулеметом держите под прицелом вот тот участок. Попов и Кольцов, прикройте тыл. Турлаков! Феликс, — окликнул старший сержант рыжеволосого кучерявого гранатометчика, — на левый фланг. Бадаев — с ним!

Полоснув короткой очередью по показавшимся из-за большого валуна трем душманам, Шувалов оглянулся:

— Гулямов, как у Банявичуса? Опасно?

Невысокий и юркий рядовой Гулямов, заканчивая перевязку, ответил:

— Сквозное ранение в бедро, кровоточит и правое плечо.

Банявичус приподнялся на здоровое плечо.

— Я могу вести огонь левой рукой.

— Хорошо, Альгирдас. Давай ко мне. Гулямов, помоги.

Шувалов уступил Банявичусу свое место за небольшой каменистой насыпью и после короткой очереди по душману, попытавшемуся занять более удобную позицию, тут же начал сооружать новый бруствер.

Душманы усилили огонь, они пока не рисковали идти в атаку и, словно стая волков кольцом обложив отделение Шувалова, вели бешеный огонь и выжидали.

Замысел их был ясен: заставить десантников израсходовать боезапас, а затем взять их голыми руками.

Шувалов, яростно обламывая ногти, сооружал защитный рубеж. Гулямов подтащил довольно большой камень.

— Командир, держи!

— Спасибо Гулямов, ты его к Банявичусу пододвинь, видишь, он плохо укрыт. А сам ползи к Леонову и Коблику, по-моему, там будет тяжелее всего. Пока в атаку не идут, ведите огонь только одиночными.

Леонов и Коблик видели, что уже не менее трех десятков душманов находятся напротив их, явно готовясь к броску. Справа от Леонова устроился Гулямов. Он умудрился притащить еще один довольно большой камень и сейчас маленькой саперной лопаткой лихорадочно долбил каменный грунт.

Коблик оглянулся и увидел всех ребят. Они то стреляли, то долбили лопатками землю, стараясь получше укрыться. Только Толя Корж лежал в центре круга. Пуля поразила его в голову, и умер он, не мучаясь. Коблику стало не по себе от мысли, что Толя лежит на виду у противника и совсем не защищен от его пуль.

«Может, попытаться как-то укрыть Толю?» — подумал Коблик и хотел подползти к убитому товарищу. Но тут совсем рядом, у виска, засвистели пули. Одна из них высекла искру из небольшого камня прямо в лицо, вторая ударила в металлический приклад автомата. Нет, высовываться из-за бугорка нельзя! Да и вокруг погибшего поднимаются фонтанчики пыли: попробуй сунься!

Душманы усилили огонь. Теперь они стреляли уже с трех сторон. Только там, где находились Шувалов и раненый Банявичус, было пока тише.

Шувалов чуть сдвинулся вправо, чтобы помочь Леонову, Коблику и Гулямову. Им приходилось тяжелее всех. Душманов сдерживал только точный огонь Леонова, который короткими очередями из ручного пулемета осаждал их.

Вдруг Коблик увидел, как между двумя большими валунами тенью проскользнул и залег душманский гранатометчик. Николай взял под прицел камень и затаил дыхание. Вот душман чуть-чуть приподнялся над камнем, чтобы выстрелить из гранатомета. Николай тут же поймал его на мушку и плавно нажал на курок. Бандит как на пружине подскочил, выронил из рук гранатомет и упал головой на округлый камень.

— Молодец, Коблик! — похвалил солдата видевший все это Шувалов.

Неожиданно умолк пулемет Леонова, и душманы сразу же зашевелились, начали перескакивать от одного камня к другому, стараясь ближе придвинуться к десанникам.

Шувалов тревожно посмотрел в сторону Леонова.

— Что там у тебя, Антон?!

— Пулемет перезаряжает, — ответил за него Коблик.

Странное чувство овладело Кобликом. Они были в окружении, смерть стояла рядом, она витала над головой в любой выпущенной противником пуле, а у Коблика не было страха. Он только в этом бою, увидев, что уже несколько душманов были сражены его огнем, почувствовал себя солдатом. Теперь все они — девять живых и один погибший — были единым, неделимым организмом, который будет сражаться до последнего патрона.

А над головой по-прежнему белесое небо с раскаленным ярким диском солнца. Попить бы! Но увы, фляга пуста.

Коблик экономил боеприпасы, старался стрелять метко. Он брал на прицел камень, за который только что нырнул очередной душман, и безотрывно следил за ним. В поле зрения попадали и другие «духи», которые перескакивали от одного камня к другому, но Коблик не отвлекался на них, он ждал «своего». И когда душман, пытаясь сделать очередной бросок, выскакивал из-за камня, Коблику не надо было тратить время на прицеливание: одиночный выстрел попадал в цель. Николай намечал себе следующего душмана, стараясь выбрать того, который был ближе других.

Вдруг послышался резкий свистящий звук, и почти в центре круга, который образовали солдаты отделения, одновременно с белесой вспышкой раздался взрыв. И тут же послышался голос Шувалова:

— Попов, это с вашей стороны гранатометчик бьет?

— Да. Но больше не будет, я успел его подловить.

А душманы все усиливали огонь, все чаще делали перебежки, стараясь приблизиться к советским солдатам. Теперь Шувалов уже точно знал, что их не менее двухсот. Было ясно, что главарь банды не пожалеет своих людей для того, чтобы захватить в плен хотя бы одного советского солдата. Передав по цепочке, чтобы ребята окапывались как можно лучше, Шувалов тоскливо посмотрел туда, где находились высокие горы: успеют ли свои прийти на по-

мощь? Он достал еще пару ракет, и вскоре они взвились в небо. Банявичус с сомнением покачал головой.

— Заметят ли ракеты в роте, видишь, какие горы высокие?

Ответить Шувалов не успел. Со всех сторон, казалось, из всего имеющегося оружия, с новой силой душманы ударили по отделению. Они выскакивали из-за камней и бежали к высоте. Старший сержант перевел рычаг на стрельбу очередями и громко, стараясь перекричать грохот, крикнул:

— Отделение, к бою!

Но все его солдаты были начеку. Громко и зло заработал автоматический гранатомет Турлакова, звонко ударил очередями пулемет Леонова, послышались очереди сзади.

«Значит, со всех сторон пошли», — подумал Шувалов и дал первую очередь по душманам. Трое из них, словно споткнувшись, упали. Остальные, низко пригибаясь к земле, продолжали бежать. Банявичус тоже открыл огонь. Превозмогая боль и приложив приклад автомата к левому плечу, он стрелял довольно точно. Это было видно по тому, как несколько душманов сразу же осели. Первыми отбили атаку и заставили «духов» отступить Турлаков и Бадаев. Затем Попов и Кольцов, на позиции которых наступала небольшая группа, смогли противника повернуть назад. Наконец и Шувалову с Банявичусом удалось отогнать душманов обратно. Но на правом фланге обстановка сложилась напряженная. Душманы подошли в этом месте близко. Их ручные гранаты чуть-чуть не долетели до позиций десантников. Шувалов приказал Банявичусу оставаться на месте, а сам переместился вправо, и его фланговый огонь оказался кстати. Вскоре душманы залегли, а затем начали отползать. Атака захлебнулась. Но передышка была короткой.

— Командир, — позвал Банявичус, — начинается!

Шувалов и сам уже видел, как из-за камней снова показались «духи». Он достал красную ракету и выпустил в небо. Вдруг заметят наконец свои.

Не знал старший сержант Шувалов, что группа разведчиков, высланная командиром роты вперед, увидела именно эту ракету и сообщила капитану Бочарову. Советские и афганские солдаты спешно двинулись в этот квадрат.

Младший сержант Чайкин находился в группе разведчиков, выдвинутой далеко вперед. Он-то и увидел первым красную ракету. Павел уже знал, что пропало отделение,

в котором служил Коблик, и очень переживал за ребят.

К разведгруппе присоединились основные силы советской и афганской рот. Бочаров, глядя на карту, задумчиво почесал подбородок: «Шувалов скорее всего решил идти на соединение со взводом через невысокий перевал, находящийся в четырех километрах от того места, где замечена ракета. Только бы они продержались».

А Шувалов и его солдаты продолжали вести тяжелый непрерывный бой. Боеприпасы таяли, дважды приходилось прибегать к гранатам: так близко подходили душманы. Отделение отразило уже семь атак, погиб Гулямов, ранены Попов и сам командир. Правда, Шувалов получил нетяжелое ранение, а вот Попов был ранен в голову. Его перевязали, и, когда ему стало легче, он снова взялся за оружие. Шувалов постоянно напоминал:

— Ребята, не давайте вести огонь из гранатометов.

Парни старались так и делать. Понимали, что если от пуль их небольшие насыпи еще могли защитить, то от гранаты им не укрыться.

Когда отбили очередную атаку, Шувалов добрался до Леонова и Коблика. Горестно вздохнул, увидев погибшего Гулямова, которого ребята, как смогли, спрятали за небольшую насыпь, затем спросил:

— Ну как, мужики?

— Попить бы, — шевеля запекшимися губами, хрипло ответил Коблик.

Леонов, не отрывая глаз от камней, за которыми засели душманы, ворчливо сказал:

— Не пойму их, чего лезут. Смотри, уже человек двадцать пять потеряли. Знают же, что все равно живыми мы не сдадимся, а своих не жалеют.

— Что поделаешь, хозяева гонят темных мужиков, вот и лезут. — Шувалов оглядел позицию. — Как с боеприпасами?

— Осталось восемь гранат и половина боекомплекта.

— Командир, — вдруг встрепнулся Коблик, — а где трофейные автоматы и ручной пулемет?

— Верная мысль. Их тащили Турлаков и Бадаев. Я выясню. Правда, не знаю, есть ли патроны, я же говорил, чтобы их уничтожили на месте.

— В магазинах должны остаться, — заметил Леонов и пошутил: — А ты, Коля, не хотел бы пальнуть в духов из ПЗРК?

— А что, я ни разу не стрелял из этой штуковины.

— Нет, Коблик, тебе нельзя, — Леонов сделал серьезное лицо. — Ты же и здесь умудришься самолет подбить.

Шувалов по достоинству оценил юмор своих боевых товарищей в такой обстановке: «Дорогие мои ребята! Сами бодрятся и меня поддерживают».

Пользуясь передышкой, Кольцов делал перевязку Попову. Шувалов дополз к ним и перевел дыхание, а потом спросил, как у них с патронами. Кольцов ответил:

— Остался еще целый боекомплект. Хорошо, что брали по два. Но мы у наших оппонентов одолжили. Смотри, сколько их.

Только теперь Шувалов обратил внимание, что у Попова, кроме снайперской винтовки, имеется автомат. Взял его в руки: западногерманский, девятимиллиметровый.

— А патроны?

— Вот — четыре полных магазина и россыпью штук двести будет.

— А у меня египетский автомат и четыре полных рожка, — подхватил Кольцов.

— Порядок! Поползу дальше. — Шувалов незаметно исчез.

Турлаков и Бадаев набивали ленту автоматического гранатомета небольшими специальными гранатами.

Шувалов огляделся и понял, что дела на этой позиции обстоят лучше, чем у Леонова и Коблика. Убитые душманы ближе ста пятидесяти метров не лежали. Автоматический гранатомет — мощное оружие, и душманов он останавливал далеко от десантников.

— Феликс, а где трофейные автоматы?

— Вон в мешке, — кивком головы указал Турлаков.

— Патроны в магазинах есть?

— По-моему, есть. Ты хочешь ими воспользоваться?

— Ага. Передай пару автоматов и все магазины Коблику и Леонову. У них патроны к пулемету кончаются.

Не обращая внимания на усилившуюся в бедре боль, Шувалов пополз к своей позиции. Не успел он перевести дыхание, как душманы опять начали выползать из-за камней. Начиналась новая атака.

«МОЙ СЫН — СОЛДАТ!»

Вера Федоровна постепенно привыкала к тому, что сын служит в Афганистане. Она стала рассуждать спокойнее: «Коля разделит судьбу многих своих сверстников. Он —

солдат, а в Афганистане находится наша армия; такие же, как и Коля, парни. Он не привык уклоняться от трудностей, я сама их к этому с детства приучила». В душе Вера Федоровна гордилась сыном: ее мальчик — воин-интернационалист, десантник. Когда среди знакомых заходил разговор об Афганистане, о наших ребятах, находившихся там, Вера Федоровна видела, как уважительно с нескрываемым интересом люди смотрели на нее. Многие считали, что она знает об этой стране больше, чем другие, расспрашивали ее. В такие минуты на душе у нее становилось спокойнее, крепла вера в то, что у сына все будет хорошо и он вернется живым и невредимым.

Вот и сегодня перед окончанием работы к Коблик подошла сотрудница и протянула маленький листок бумаги.

— Вас спрашивали из училища, где учился ваш сын, просили позвонить.

Вера Федоровна набрала нужный номер. Ей ответил заместитель директора училища. Извинившись, он попросил адрес Николая и объяснил:

— Наши ребята хотят переписываться с ним. Я думаю, что и Николаю будет приятно получить от них весточку. Кроме того, мы хотим узнать, как вы живете? Не нуждаетесь ли в чем?

С хорошим настроением она шла домой. Было приятно, что в училище не забыли ее сына. Погода стояла солнечная, и Вере Федоровне не терпелось быстрее покончить с домашними делами и выйти в сквер посидеть на скамейке, почитать.

Дома она быстро стала готовить Сергею ужин. Вера Федоровна была благодарна старшему сыну за то, что он был внимательным, старался поддержать ее в тревожном ожидании.

Звонок в прихожей заставил ее сначала взглянуть на часы, а затем поспешить к дверям. Сергею было еще рано возвращаться, значит, кто-то посторонний. На пороге стояла незнакомая женщина. Светлые пушистые волосы обрамляли круглое лицо. Она приветливо улыбнулась.

— Здравствуйте, Вера Федоровна. Прошу меня извинить, что врываюсь к вам без приглашения.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста. Поговорим в квартире.

В прихожей гостя представилась:

— Чайкина Нина Тимофеевна. Мне о вас рассказы-

вал Иван Леонидович Лемехов, а сегодня я получила письмо от сына.— Она достала надорванный конверт. Оказывается, наши дети служат в одном батальоне. Они подружились, и мой Паша с восторгом пишет о вашем Коле. Я позвонила Ивану Леонидовичу, попросила ваш адрес и, не откладывая, сразу же направилась сюда.

— Ой, какая вы молодец! — всплеснула руками Вера Федоровна.— Проходите, пожалуйста.— И она, чуть подерживая под локоть гостью, повела ее в зал. Они устроились на диване, но тут же из кухни донесся резкий свисток: закипел чайник. Вера Федоровна засуетилась.

— Нина Тимофеевна, я сейчас приготовлю чай, и мы с вами спокойно поговорим. Вы даже не можете представить себе, как я рада вашему приходу.

Она быстро заварила чай, подтянула к дивану журнальный столик, поставила фрукты, печенье. Вера Федоровна с удовольствием хлопотала, накрывая на стол, с радостной улыбкой смотрела на гостью. Разговорились. Чайкина работала редактором на телевидении. В ее словах Вера Федоровна уловила скрытую тревогу за своего сына. В этот вечер женщины узнали друг о друге все. Дети быстро сблизили матерей.

Когда пришел Сергей, они, словно старые знакомые, вели между собой разговор.

— Сережа,— окликнула сына Вера Федоровна,— познакомься: Нина Тимофеевна Чайкина. Ее сын служит с Колей.

— Чайкин? Павел? А я уже знаю, что они в одном батальоне служат.

— Откуда ты знаешь?

— А я сегодня во время обеда забежал домой, нужен был паспорт, смотрю, в почтовом ящике письмо. Вот оно.— Сергей протянул матери конверт.— Коля в нем пишет о Павле. Чувствуется, что они крепко подружились.

Они долго чаевничали втроем, вели неторопливый разговор. Уже начало темнеть, когда Чайкина ушла.

Вера Федоровна сначала прочитала письмо, а затем в хорошем расположении духа принялась за уборку стола.

— Мам,— послышался голос Сергея. Он находился в своей комнате.— Я выведу Кузю на прогулку.

Ответа он не услышал, так как в дверях раздался звонок.

— Я открою,— сказал Сергей.

Вера Федоровна поспешила в прихожую. А туда входили

Жукин и Солдунов. Они по очереди сказали «добрый вечер» и нерешительно остановились.

Сергей ответил, а Вера Федоровна стояла молча. Жукин топтался в нерешительности.

— Вера Федоровна, мы к вам по-соседски зашли. Очень надо поговорить.

— О чем? — сухо спросила хозяйка, не приглашая мужчин в комнату.

— Это щепетильный разговор, и мы хотели бы поговорить с вами одной.

Вера Федоровна догадывалась, о чем они хотят говорить. Наверняка их прижали как следует в милиции, вот и прибежали. Она тихо ответила:

— Мой сын достаточно взрослый человек, чтобы присутствовать при щепетильных разговорах. Слушаем вас.

— Понимаете, Вера Федоровна, — неуверенно начал Жукин, — нас сегодня вызывали в милицию и обвинили в том, что мы якобы писали на вас анонимки.

— А что, это не так? — хмуро спросила Вера Федоровна, еле сдерживая раздражение.

— Понимаете, Вера Федоровна, мы оказались в безвыходном положении. — Жукин смотрел в сторону. — Мы лишены возможности защищаться и доказывать, что мы этого не делали. Нам пригрозили: если не попросим у вас извинений и вы не скажете, что прощаете, то нам сообщат на работу. Сами знаете, что там никто разбираться не будет.

— А вы же знаете, — вставил Солдунов, — что Павел Степанович занимает ответственный пост и пользуется большим авторитетом.

— Да, а после такого сообщения мне хоть с работы уходи, — подтверждающе закивал головой Жукин. — А в милиции и слушать не хотят. Им надо побыстрее закрыть дело, вот и торопятся. Только вы, дорогая Вера Федоровна, можете спасти нас. Вам же ничего не стоит сказать им, что вы к нам претензий не имеете.

Веру Федоровну охватил гнев. «Нашкодили, нагадили, мерзавцы, а когда вас поймали за руку, то даже признаться стыдно. И здесь пытаетесь вывернуться. Нет, ничего у вас не выйдет!» — Вера Федоровна хотела высказать свои мысли вслух, но бледное лицо сына, гневно сжатые губы и горящие глаза остановили ее. Стоит ей только поднять голос, как Сережа может не выдержать.

Вера Федоровна старалась быть спокойной.

— Так вы утверждаете, что анонимок не писали?

— В том-то и дело, что нет, — заговорил Солдунов. — Но в милиции нас не слушают. И в такой ситуации нам лучше не спорить с ними и не злить.

— Не понимаю, если не писали, то чего вы боитесь?

— Мы же вам объяснили... — начал Солдунов, но Вера Федоровна его перебила:

— Бросьте, вы! Что вы из себя строите невинных ягнят. Я консультировалась у юриста. Он мне пояснил, что авторов этих анонимок следует привлечь к судебной ответственности за клевету. Почерковедческая экспертиза даст заключение: ваш ли это почерк. И если это не ваших рук дело, то потребуйте сделать экспертизу.

— Мы не хотели заходить так далеко, — пробормотал Жукин. — Нам в милиции сказали, что главное — это ваше заявление, на этом все и кончится.

— Сереженька, дай мне, пожалуйста, лист бумаги и ручку.

— Мама, — растерялся Сергей, — ты что, хочешь написать такое заявление?

Сергей молча пожал плечами и вынес бумагу и ручку. В углу прихожей стоял небольшой столик для телефона. Вера Федоровна отодвинула аппарат в сторону, и, стоя, начала писать: «Начальнику милиции. Я, Коблик В. Ф., не имею никаких претензий к моим соседям: Жукину Павлу Степановичу, его жене Нине Николаевне и их сыну Солдунову Николаю Афанасьевичу. В то же время, настоятельно прошу найти того, кто писал на мою семью анонимки, и привлечь их к строгой ответственности в соответствии с нашими законами».

Подписав заявление, Вера Федоровна протянула его Жукину.

— Вот, пожалуйста. Я написала, что к вам претензий не имею.

Жукин и Солдунов начали читать. Вера Федоровна наблюдала, как постепенно вытягивались и темнели их лица.

Прочитав, они растерянно пробормотали что-то и тут же ушли.

Вера Федоровна молча улыбнулась. Сергей, закрыв дверь, сказал:

— Дипломат ты у меня. Интересно, как они выкрутятся из этой истории?

— А никак. Увидишь, завтра или послезавтра прибегут снова. Им же некуда деваться.

Вера Федоровна как в воду глядела. На следующий день утром во дворе ее дождался Жукин. С жалкой улыбкой он предложил:

— Вы не будете возражать, если я вас немного провожу? Мне надо с вами поговорить.

Не отвечая, Вера Федоровна зашагала дальше. Жукин пошел рядом.

— Вера Федоровна, я не мог быть вчера с вами до конца откровенным. Разговор был настолько деликатным, что присутствие вашего сына не позволяло мне рассказать вам все. — Он деланно вздохнул. — Вы не представляете, как мне тяжело. Вы же знаете, что Николай мне не родной сын. Так вот... — Жукин сделал многозначительную паузу. — Анонимки писал он. В милиции же нас обвинили обоих. Что мне оставалось делать? Сказать правду, значит, разрушить семью. Вот и приходится молча терпеть все это. Но в то же время, если напишут мне на работу, то прощай карьера. Поэтому у меня один выход: просить вас спасти и семью, и лично меня от позора.

Вере Федоровне было неприятно его слушать.

— В этих грязных делах я вам не помощница. Вот мы и пришли. До свидания. — И направилась к подъезду огромного здания.

Прошло два часа, и вдруг Вере Федоровне сообщили, что ее спрашивает какой-то молодой человек.

«Сережа, — подумала она, устремляясь вниз к вахтеру. — Что случилось?»

Внизу стоял... Солдунов.

Маслянистые глаза угодничьи улыбались.

— Вера Федоровна, вы меня извините, но я решил поговорить с вами один на один. Если можно, то выйдем на улицу?

— Некогда мне, — холодно сказала Коблик. — Слушаю вас.

Они отошли в сторонку, чтобы не мешать проходить людям.

— Вера Федоровна, вы же знаете, что Павел Степанович мой отчим. Все, что есть у нас дома: и телевизор, и мебель, и магнитофон, и холодильник — все это купили благодаря ему. Поэтому мы с мамой полностью зависим от него. И вот такие неприятности. Вызывают его и меня в милицию, говорят, что мы писали на вас заявления.

— Ну предположим, не заявления, а анонимки, — поправила его Коблик.

— Да-да, анонимки. А на самом деле писал их Павел Степанович. И скажи я об этом, то он тут же расправится со мной и с мамой, уйдет от нас... Павел Степанович требует, чтобы я на себя взял это дело. Но вы же сами знаете, что со мной тогда будет.

— Я не знаю, что будет с вами, — жестко сказала Вера Федоровна. — Я знаю другое: подлость должна быть наказана. Скажите, а ваш Павел Степанович знает, что вы пошли ко мне?

— Нет, что вы! Я решил втайне от него повидаться с вами. Вера Федоровна, напишите в милицию о том, что ко мне не имеете претензий.

— С какой стати я буду это делать? Милиция мне еще не сообщила, кто писал эту клевету. Вот когда сообщит, тогда и буду думать. Извините, мне надо работать. — И она направилась к лифту.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СНОВА РЯДОМ СТОЯТ

Коблик тоскливо смотрел через зависшую пыль на красноватый диск солнца, которое уже опускалось за вершины западных гор. Пользуясь короткой передышкой, он быстро снарядил последними патронами магазин.

— Что, кончаются «орешки»? — спросил Леонов, глядя в сторону камней, где снова зашевелились душманы, в который раз готовясь к очередной атаке.

— Да, полрожка осталось.

— Патрончик-то оставь один, лучше всего в отдельный магазин вставь. А я для себя эту штучку оставил. — Он показал на лежавшую рядом гранату. — В себя из пулемета трудно стрелять.

Коблик поймал себя на мысли, что ведут они разговор о своей смерти как об обычном деле.

«А как же иначе, — подумал Николай, — не живыми же им сдаваться». Мысли сразу же вернули его домой. «Мама... бедная. Как она перенесет, когда узнает? А как же она узнает? Ведь мы же все погибнем. А душманы, говорят, даже тела советских солдат забирают с собой. А что, если наши подумают, что мы сдались врагу?»

Коблику стало нехорошо на душе от этой мысли. Нет,

ему не было страшно погибнуть. Иного пути он и не видел. Но мысль о том, что вдруг кто-то даже на мгновение посмеет подумать о том, что он, советский солдат, предпочел плен смерти, напугала его. «О чем это я? — одернул себя Коблик. — Кто поверит тому, что я струсил?! Что, разве не знают меня мама и Сергей? Света? Нет, я могу умереть, не беспокоясь за свое имя. Главное сейчас — это заставить душманов заплатить за наши жизни как можно большую цену».

А Шувалов, подсчитывая боеприпасы, искал выход. «Если продержимся до темноты, то рискнем пойти на прорыв. Только в какую сторону? Попытаться уйти обратно в горы? Но что там делать без боеприпасов и воды? Нет, лучше пойдем вперед. Наши наверняка где-то недалеко, ищут нас».

Старший сержант поглядел туда, где засели душманы. Повернулся к Банявичусу:

— Альгирдас, как ты?

— Порядок, Юра. Только патронов осталось меньше магазина.

— Гранат?

— Три.

— И у меня четыре.

— Ты посмотри тут, а я ребят наведу.

— Хорошо. Будь осторожен, они следят за нами, и на таком расстоянии подсесть тебя — раз плюнуть.

— Не волнуйся, не попадут.

Шувалову ползти было трудно. Раненое бедро отзывалось острой болью. Сжав зубы, он полз вперед. Коблик был на месте, а Леонов передвинулся метров на десять правее, где уже успел соорудить небольшую насыпь. Шувалов спросил у Коблика:

— Ну как, не страшно?

— Нет, патронов только мало.

— А ты экономь. Бей только одиночными и наверняка. — Шувалов поморщился и потер бедро. — Кто у тебя дома?

— Мама, брат Сергей, — почему-то смутившись, ответил Коблик.

— А у меня кроме родителей две младшие сестренки. — И вдруг, словно спохватившись, сказал: — О смерти не думай. Скоро стемнеет, пойдем на прорыв. Так что держись, мужик!

— Держусь. Как ребята?

— Банявичус молодец, а как остальные, сейчас выясню. Пока. — И он пополз дальше.

Леонов чуть подвинулся, давая возможность Шувалову укрыться за бугорком, потом сказал:

— Ты бы поменьше лазил, а то достанут.

— Как бы не так. Ползать мы научились. Ну, как у тебя?

— Порядок. Патронов — один магазин, но еще есть шесть гранат да кулаки.

— Ясно. Держи еще две гранаты.

— Спасибо.

— Не за что. В батальоне считаешься.

— А ты думаешь, что мы сможем вырваться?

— А ты? Не прощайся раньше времени с жизнью, Антон. Постарайся сберечь патроны, нам с тобой придется прикрывать ребят. Мы же — старики.

— Ага. Это понятно. Смотри, какую я позицию выбрал. Они сунутся сейчас чуть левее, чтобы прямо на пулемет не лезть, ну а я их подпущу поближе.

— Ну-ну, — чуть улыбнулся Шувалов. Говорить что-то подбадривающее Леонову старший сержант не стал. Антон — опытный солдат и сам не хуже командира понимал обстановку. Шувалов пополз дальше. Приблизился к Попову, тот в этот момент выстрелил из снайперской винтовки и удовлетворительно произнес:

— Четырнадцать.

— Ты что, в очко играешь? — запыхавшись спросил Шувалов.

— Какое там очко! Здесь и двадцать пять не будет перебором.

— И я уже девять имею, — послышался голос Кольцова.

— Мог бы больше, да ленишься, — подтрунивая над другом, сказал Попов.

— Да, с тобой потягаешься, — ответил Кольцов. — Щелкаешь, как орешки.

— А как же иначе? В конце концов, я снайпер или не снайпер?

— Снайпер, снайпер, — успокоил его Кольцов. — Да и патроны тратишь экономно. Молоток!

— Мужики, — обратился к ним Шувалов, — вы слышите меня, когда я кричу?

— Конечно, — пошутил Кольцов, — когда ты голос подаешь, то даже духи замирают на месте.

— Ладно тебе,— махнул рукой Шувалов.— Когда стемнеет, будем пробиваться вперед.

— А как с погибшими?

— Возьмем с собой, а как же иначе!

— Правильно, командир,— поддержал Шувалова Попов.— Если уходить, то всем вместе.

— Ну ладно, держитесь, братцы, я пошел дальше.

Когда Шувалов подполз к следующей позиции, то сердце у него похолодело. Турлаков делал перевязку Бадаеву. Шувалов сразу же понял: ранение серьезное. Не обращая внимания на боль в бедре, он поспешил к ним.

— Что, в живот?

Ответил сам Бадаев:

— Да, командир, кажется, я отвоевался.

Турлаков уже успел закрыть повязкой рану, но кровь быстро окрашивала бинт в алый цвет. Шувалов дотянулся до автомата Бадаева и вытащил из металлического приклада перевязочный пакет, протянул его Турлакову.

— Наложить еще одну повязку.

Но Бадаев протестующе слабо пошевелил рукой.

— Не надо, Юра. Это последний пакет. Кто знает, что еще может случиться.

По щекам Турлакова бежали слезы, и, чтобы их не видел Бадаев, он все время отворачивал голову в сторону. Они устроили Бадаева за бруствером и быстро подготовили для Турлакова новую позицию.

— Юра,— чуть слышно позвал Бадаев.

Шувалов оглянулся.

— Юра, там в мешке должен быть еще один трофейный пистолет, дай мне его.

Чуть поколебавшись, Шувалов вложил испанскую «астру» в правую руку Бадаева. Тихо и твердо сказал:

— Петя, только не дури, слышишь?!

— Не беспокойся, командир. Я на всякий случай. Заряди мне его, у меня сил не хватит это сделать.

Шувалов передернул затвор пистолета, послав патрон в патронник.

— На, Петро, держись. Я уверен, что наши скоро подойдут.

Шувалов заспешил к Банявичусу. Душманы пошли в атаку. Снова зашелкали одиночные выстрелы, коротко загрохотал гранатомет. Пулемет Леонова пока молчал. Но

вот гранатомет Турлакова ударил длинными очередями, и Шувалов тревожно крикнул:

— Феликс, как там у тебя?

— Это я им за Петю! Он скончался!

И тут, словно по команде, все ребята ударили очередями. Шувалов громко крикнул:

— Внимание! Всем перейти на одиночный огонь. Это — приказ!

Вдруг командир обратил внимание на душманов. Они, почти не пригибаясь, бежали куда-то влево, к горам. Шувалов сначала подумал, что они хотят перегруппироваться и всеми силами навалиться на Коблика и Леонова, но Банявичус громко закричал:

— Мужики, наши! Честное слово, наши идут! Духи когти рвут!

Шувалов увидел, как от гор тремя большими группами бегут свои. Он вскочил на ноги и дал длинную очередь вдогонку убегающим душманам. Все парни тоже палили, уже не жалея патронов. Через минуту все, кто мог ходить, сбились в кучу, обнимались и смеялись.

Коблик видел, что впереди всех бежит Чайкин. Николай побежал к нему навстречу и вдруг с ужасом увидел, что Чайкин скрылся в столбе дыма и пыли. Ударил глухой взрыв. Коблик остановился. Пыль медленно оседала. Чайкин неподвижно лежал на земле.

— Пашка! — вскрикнул Коблик и бросился к Чайкину, к которому бежало уже несколько человек. Лицо, руки, оборванная одежда Павла были в пыли и черной гари. Коблик даже не сразу разглядел на его лице и руках черную кровь. Николай наклонился над ним и, бессвязно что-то говоря, приподнял голову. Глаза у Павла были закрыты, но вот он раскрыл их широко-широко и взглянул на Коблика, потом снова прикрыл неестественно длинными от нароста пыли ресницами.

— Поддержи ему голову, — сказал Коблику батальонный врач. — Коблик только сейчас узнал его. Николай видел, как он быстро, прямо через одежду сделал укол, а затем начал осматривать ноги раненого. И тут Коблик отчаянно застонал: он увидел, что у Чайкина оторвана правая нога.

— Паша, друг, что же это такое?!

Он осторожно начал счищать с лица Чайкина грязь. Рядом уже был и санинструктор. Он подложил под голову Чайкина сумку и начал помогать врачу. Коблик отошел от

столпившихся вокруг Чайкина солдат, машинально поставил автомат на предохранитель. У него кто-то из ребят что-то спрашивал, он что-то отвечал, следя глазами за тем, как двое солдат несут Павла к высоте, на которой их отделение недавно вело бой.

— Пойдем, Коля, — взял его под руку Леонов, — я слышал, как Бочаров вызвал вертолеты. Раненых и погибших скоро заберут.

Коблик шел как во сне. Куда-то далеко провалилось все, что было связано с боем. Отодвинулись на задний план мысли о том, что он и его друзья совсем недавно были на краю гибели. Его сердце раздирала боль при мысли о Павле.

Леонов отводил Коблика подальше. К ним подошли Кольцов и Турлаков. Они усадили Коблика на брезентовый мешок с трофейным оружием, напоили водой из фляги, взятой у ребят. Коблик видел, как на покатую округлую макушку высоты приземлился выкрашенный в зелено-желтые пятна вертолет и в него погрузили погибших, а затем Банявичуса, Кольцова и Чайкина. Но вертолет не улетал. Леонов первым догадался, в чем дело.

— Мужики, а где Шувалов?

Турлаков пальцем показал в сторону небольшой группы людей.

— Там он. Медведеву докладывает.

— Вертолет его ждет, — пояснил Леонов, — Юра же идти не может.

Турлаков бросился за Шуваловым, и через несколько минут Шувалов был доставлен к винтокрылой машине, которая, подняв облако пыли, взмыла к темнеющему небу.

А на небольшую долину стремительно опускалась ночь. Бочаров понимал, что передвигаться по горам в темноте опасно. Прикинув по карте и переговорив с афганскими командирами, капитан отдал приказ: разведвзводу разместиться на вершинах, а остальным десанникам — на их склонах.

Коблик и Леонов расположились рядом в спальных мешках. Леонов уснул скоро, а вот к Коблику, несмотря на смертельную усталость, сон не шел. Глядя на небо, усыпанное звездами, Коблик пытался восстановить в памяти картину боя. Воспоминания получились какие-то отрывочные, бессвязные, словно он не участвовал в нем сам, а пытался представить с чьих-то слов. Он старался не

думать о Чайкине, но перед глазами стояло отрешенное лицо Павла и его оторванная нога, лежащая в стороне. При виде убитых Гулямова, Бадаева и Коржа мозг отказывался верить в их смерть, потому что их тела были целы, а вот мысль о том, что Павел только что бежал и вдруг оказался на земле без ноги, не вмещалась в его сознании. Коблик не удержался и застонал.

— Не спишь? — послышался голос Кольцова.

— Не могу.

— Да, ребят жалко. Смотри, как нас потрепало. До сего времени не могу понять, как мы уцелели?

Так и не уснул Коблик в ту ночь.

Как только наступил рассвет, Бочаров приказал возобновить движение.

В батальоне уже знали о больших потерях, и поэтому лица встречавших колонну офицеров были хмурыми. Комбат в это время находился у генерала Дубика, и встречал их замполит. С тяжелым сердцем следил Шукалин, как тяжело спрыгивают с боевых машин пехоты десантники. Насквозь пропыленные, угрюмые и усталые, они без обычных в таких случаях улыбок, громких разговоров, молча строились. Шукалин подошел к Бочарову.

— Евгений Михайлович, направляй ребят сразу в баню, она уже готова, затем в столовую, и пусть отдыхают.

— Есть. Если разрешите, рапорт представлю через полчаса, вот только разберусь с ними.

— Не торопись. Отдохни сам, затем вместе с Бакиным приходите в штаб, потолкуем.

Стоявший рядом замполит роты Бакин хмуро произнес:

— Такого у нас еще не бывало. Трое ребят погибли, четверо ранены, причем один из них стал инвалидом.

После обеда Леонов, Коблик и Кольцов попросились в госпиталь навестить раненых друзей.

Бакин ответил:

— Сегодня бесполезно. Их там осматривают врачи, а вот завтра мы вместе обязательно съездим туда. Ну а сейчас, товарищи, — отбой. Командир батальона приказал, чтобы все участники операции отдыхали.

На следующий день после политзанятий Бакин вызвал Леонова, Коблика и Кольцова и приказал собираться в госпиталь.

— Товарищ старший лейтенант, — взмолился Леонов, — разрешите нам в магазин сбегать, купить что-нибудь ребятам?

— Молодцы, что и об этом думаете, но бегать в магазин не стоит, — он кивнул в угол, где на металлических стульях лежали какие-то целлофановые пакеты. — Уже все готово. В них фрукты, сок, конфеты и шоколад. Так что собирайтесь и через пятнадцать минут ко мне!

Парни быстро направились к казарме. Их сборы были недолгими. Взяли конверты, ручки, бумагу для писем: наверняка все это пригодится друзьям.

Получив от Бакина пакеты с гостинцами, они устроились на заднем сиденье машины. Ехать надо было в центр города, и ребята с интересом смотрели по сторонам. Огромные разукрашенные грузовики и самые современные легковые машины: «тойоты» и «мерседесы», «Волги» и «Жигули», а рядом ишаки, тащившие на спине дрова и мешки с фруктами, верблюды с облезлыми, тощими боками. Одежда у людей пестрая. Женщины в длинных до пят балахонах с паранджой на лице, а рядом — одетые вполне по-современному, словно европейские дамы. Мужчины — одни в национальной одежде, другие в костюмах, чаще всего темных, казалось, самых неподходящих для такой жары. Недалеко от госпиталя, когда машина оказалась в пробке, образовавшейся на узкой улочке, ребята увидели картину, которая их поразила. На тротуаре стоял продавец помидоров. Его товар был красиво разложен на тележке с четырьмя велосипедными колесами. Палящее солнце, конечно, делало свое дело, и продавец, взяв маленькое пластмассовое ведро, направился к узенькой канаве. В ней текли сточные воды. Продавец спокойно зачерпнул воды и плеснул на помидоры. Они заблестели от влаги, а ребята, пораженные этой картиной, ахнули.

— Вот дает! — воскликнул Леонов. — В этом ведреке гепотита и тифа запросто на целый батальон хватит. Неужели и нас такими помидорами угощают?

— Поэтому вам и говорят, ничего, кроме того, что дают в части, и того, что вы покупаете в нашем магазине, не есть, — наизидательно сказал замполит. — Все, что мы едим с вами, доставляется с Родины. Жалко только наших советников и гражданских специалистов, которым приходится покупать продукты на базаре.

— Они же дезинфицируют все это? — спросил Коблик.

— Конечно. Но надо быть предельно осторожными. Кстати, в городе канализация почти отсутствует, и вот такие маленькие арыки служат одновременно и для полива зелени, и для стока нечистот. Вы, наверное, обратили

внимание на микрорайоны с пятиэтажными зданиями? Эти дома готовятся на домостроительном комбинате, построенном Советским Союзом.

— Этот комбинат расположен за аэродромом? — спросил Кольцов.

— Да. Из нашего городка видны его большие корпуса.

Их машина в этот момент уткнулась носом в металлические ворота. Около них стоял часовой. Он был в каске, бронежилете, с автоматом. Недалеко — бронетранспортер, его пулемет направлен в сторону пустыря.

Бакин предъявил вышедшему дежурному офицеру документы, и «уазик» въехал на территорию госпиталя. Деревья и кусты, арыки с водой и цветочные клумбы создавали впечатление уюта. Госпиталь располагался в нескольких длинных бараках. Бакин пояснил:

— Госпиталь расположен в бывших конюшнях, принадлежавших шаху. Что поделаешь, афганцы рады бы отдать любое здание нашим раненым, но других помещений в городе попросту нет.

Им нужно было отыскать хирургическое отделение, и Бакин остановил молоденькую медсестру. Она мельком, но внимательно окинула взглядом каждого из парней и пояснила:

— Следующий корпус, входите в третью дверь и по коридору до самого конца.

Во дворе, среди деревьев, на бетонных стенках арыков сидели раненые. Все в одинаковых, синего цвета, брюках и пижамах с подшитыми белыми воротничками. Некоторые парни были без руки, другие без ноги, а кто с повязкой на глазу, но все оживлены и веселы.

У входа в палату их встретил средних лет, одетый в безукоризненно белый, отутюженный халат мужчина. Спросил:

— Вы к кому?

Бакин пояснил. Мужчина окликнул медсестру, сидевшую за небольшим столиком:

— Люда, дай мне журнал учета раненых.

Он открыл журнал и пробежал глазами по строчкам.

— Так, Баниявичус и Шувалов здесь, в этой палате. Чайкин тоже здесь, только в реанимации. А вот Попова — не вижу. У него какое ранение?

Бакин сказал, что Попов ранен в голову.

— Ясно. Тогда он должен быть в нейрохирургии. Вы пока посетите этих раненых. Люда, ты за это время выясни, где лежит Попов, и сообщи старшему лейтенанту.

Когда надевали халаты, Бакин спросил у медсестры:

— С кем это мы разговаривали?

— С начальником хирургического отделения подполковником Фисенко Альбертом Никитичем.

— Наверное, хороший человек?

— И прекрасный хирург, позавчера весь вечер не отходил от вашего Чайкина.

Коблик никогда ранее не бывал в военных госпиталях и считал, что все, кто работает в них, сухие и строгие люди, такие, как в больнице, где лежала мать. «Там все такие сердитые, взвинченные, — думал он, — а здесь спокойные, понимающие. Вон даже Люда смотрит на нас, как на раненых».

Не догадываясь в этот момент солдат, что медсестра Люда и ее подруги, бывало, плакали всю ночь, после того как в госпиталь прибывали очередные партии изувеченных ребят. Еще совсем мальчишки, которых не всегда удается спасти. Даже сейчас, глядя на пришедших здоровых парней, она с ужасом думала: «Господи, а вдруг завтра кого-нибудь из них привезут сюда?»

Палата была большая. Длинные два ряда металлических кроватей с нешироким проходом посередине. Бакин шел первым и, глядя на раненых, непроизвольно замедлил шаг. Он и солдаты, прибывшие с ним, вдруг почувствовали себя виновными в том, что в палате лежат эти бедные люди, а они, здоровые, полные сил не испытывают боли, не страдают от стоявшей духоты и постоянного запаха крови, лекарств, пота, не мучаются мыслью, что будет дальше.

Коблик вдруг остановился, увидев парня. Он был без рук, а на его койке сидел такой же молодой паренек, но без ноги и под диктовку безрукого писал письмо. У Коблика запершило в горле, повлажнели глаза: «Боже мой, хорошо, что в это время их не видят матери...»

На соседней койке лежал Шувалов. Он широко улыбался.

Бакин первым пожал ему руку, и все с трудом устроились на кровати. Зашел обычный в таких случаях разговор. Шувалов в первую очередь рассказал о ребятах:

— У Баниявичуса ранения нетяжелые, он сейчас на перевязке. Володя Попов чувствует себя неплохо, но его, скорее всего, эвакуируют в Ташкент. А вот у Чайкина, — Шувалов посмотрел на Коблика, — дела неважные. Он лежит в реанимации, видите, в конце палаты дверь? Это вход туда. Я хотел к нему сегодня прорваться, но не

пустили. Начальник отделения сказал, что Павла через несколько дней отправят в Советский Союз.

— Ну а как ты себя чувствуешь? — спросил Бакин.

— Я — нормально. Кость не задета, так что скоро буду в строю.

Николай взял пакет с гостинцами для Павла и сказал:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите, я к Чайкину зайду на пару минут?

— Так мы же вместе зайдем, — ответил Бакин. — Вот поговорим с Юрой и пойдем.

— Коля прав, — поддержал Коблика Шувалов. — В той палате лежат только тяжелораненные, и вас туда не пустят. Лучше всего, Коблику попытаться одному туда прорваться.

Бакин согласился и молча кивнул головой Коблику.

Николай направился в дальний конец палаты. Осторожно приоткрыл дверь, ему навстречу поднялась медсестра.

— Здесь мой товарищ лежит, Чайкин Павел.

Медсестра помедлила, оглянулась и сказала:

— Хорошо. Но только на несколько минут. Ему еще нельзя долго разговаривать.

В палате стояло четыре койки. Коблик с трудом узнал на крайней койке Павла. Худое, бледное, осунувшееся лицо. Глаза полузакрыты. Николай приблизился.

— Здравствуй, Паша! Как ты?

— Привет, Коля. По-моему, уже нормально. Говорят, что долго на операционном столе был.

Коблик поставил пакет на тумбочку.

— Угостишь ребят.

— Хорошо. Спасибо. Слышал, что меня скоро отправят в Ташкент. Не знаю, что маме написать. О ранении сообщать не буду. И ты пока не пиши домой обо мне.

— Хорошо, Паша.

Как хотелось Коблику сейчас сказать какие-то особые слова своему другу. Сказать, что он знает о том, что именно Чайкин первым заметил ракету, звавшую на помощь, и о том, что он, Коблик, видел, как первым к их позиции побежал Павел. Но не мог... Он вдруг почувствовал, что может разрыдаться.

Сестра, то ли поняла состояние Коблика, то ли действительно отведенное ею время уже истекло, решительно сказала:

— Все, мальчики, хватит. В следующий раз поговорите

подольше. Паша, тебе нельзя много разговаривать, отдыхай.

Коблик дотянулся до лежавшей поверх одеяла руки Чайкина и легонько пожал ее.

— Держись, братуха, я скоро снова приду.

— Пока, Коля. Будь осторожен.

Коблик вышел из палаты. Слезы туманили глаза, ему было мучительно жалко Павла и всех этих ребят.

ПИСЬМО С ЗАПАХОМ ЛЕКАРСТВ

Жукин и Солдунов приходили еще дважды. Они сваливали вину друг на друга и уже успели между собой поругаться.

Не выдержав, Вера Федоровна сама позвонила начальнику милиции и рассказала об этих визитах. Начальник милиции распорядился дать Коблик официальный ответ, в котором сообщалось, что авторами анонимок являются Жукин и Солдунов. Кроме того, в ответе объяснялось, что если Вера Федоровна желает, то может обратиться в народный суд для привлечения анонимщиков к уголовной ответственности.

Прошло еще два дня, и к Вере Федоровне пришли сослуживцы Жукина и Солдунова, которые занимались проверкой поведения этих людей. Оказалось, что милиция сообщила о действиях Жукина и Солдунова по месту работы и их будет судить товарищеский суд.

Вере Федоровне все это уже надоело. И, рассказав членам товарищеского суда о соседях, она попросила ее больше не беспокоить, а также заявила, что на заседание их суда она не придет.

Но на этом дело не кончилось. Вечером Жукин и Солдунов заявили снова. На этот раз, не стесняясь в выражениях, Вера Федоровна высказала все, что у нее накопилось на душе и прогнала их.

Взволнованная, Вера Федоровна ходила по квартире. Звонок Чайкиной, который раздался перед самым сном, еще усилил ее тревогу. Чайкина так долго расспрашивала Веру Федоровну о самочувствии, как-то по-особенному настойчиво выясняя, давно ли она получала письма от Николая, что Вера Федоровна начала думать, не случилось ли что-либо с сыном. Она с волнением спросила:

— Нина Тимофеевна, может, вы что-нибудь узнали о моем Коле?

Чайкина сразу же поняла ее и поспешно ответила:
— Нет-нет, дорогая Вера Федоровна. Я уверена, что у Коли все в порядке. Просто я получила от Пашеньки письмо. Он пишет, что все нормально и у Коли все хорошо. Но у меня что-то тревожно на сердце.

— Ну что же это вы, Нина Тимофеевна? — засмеялась Коблик. — Вам сын докладывает обстановку, а вы — в панику. Вот мой что-то долго не пишет.

— Ой, не говорите. Но меня смутило одно обстоятельство. Паша пишет, что их взвод придается другому батальону, поэтому у него изменится адрес, будет другой номер полевой почты.

— Ну и что? По-моему, вы зря волнуетесь, — попыталась успокоить Чайкину Вера Федоровна. — У них же служба: куда прикажут, туда и пойдут. Так что не волнуйтесь. Надеюсь, что вот-вот получу от Коли письмо. Он наверняка сообщит и о Паше. Я сразу же позвоню вам.

— Да-да, спасибо, Вера Федоровна, вы как-то мне рассказывали, что нюхаете каждое письмо от сына. Помните?

— Конечно, помню, — снова засмеялась Коблик, не ожидая, что дальше скажет Чайкина.

А Нина Тимофеевна продолжала:

— Так вот, последнее письмо Павла сильно пахнет лекарствами.

Голос у Нины Тимофеевны сорвался, и последние слова она произнесла тихо, с хрипотцой.

Коблик растерялась. Она как могла успокоила Нину Тимофеевну, а когда положила трубку, то поняла, что этой ночью ей уже не уснуть. Тревога охватила ее и за Чайкина, и за своего сына.

Наступившее утро принесло облегчение. В почтовом ящике лежало письмо от Николая. Быстро вскрыв конверт, Вера Федоровна начала читать.

«Здравствуйте, дорогие мама и Сережа! Вчера мы возвратились с боевого задания. Так случилось, что наше отделение вынуждено было отбиваться от духов. Мы понесли тяжелые потери. Есть раненные и убитые...

Два часа назад мы пришли с аэродрома, где провожали «черный тюльпан», — так у нас называют самолет, который увозит погибших в цинковых гробах на Родину. Простились с нашими друзьями Бадаевым, Коржом и Гулямовым. Все ребята стояли в строю и плакали. Мама, к вам,

возможно, зайдет или позвонит мой друг, он должен приехать в Минск. Прошу тебя и Сережу заботиться о нем. Мы здесь дружили, и, когда я вернусь, наша дружба будет продолжаться всю оставшуюся жизнь.

Здоровье у меня в порядке. У нас поговаривают, что скоро афганское и пакистанское правительства заключат между собой договор о прекращении деятельности контрреволюции, что помощь нашей армии больше не потребуетсЯ и мы сможем возвратиться на Родину. Здорово!

Я здесь нахожусь сравнительно недавно, а вот «старики», особенно политработники, говорят, что в стране происходят различные изменения. Сняты лозунги, призывающие население к строительству социализма. Флаг уже не красный. Сейчас он зеленого и красного цветов. Уже нет на государственном гербе звезды. Правительство призывает контрреволюцию к сотрудничеству, согласно с ней поделить власть. Получается, что цели, которые наметила Народно-демократическая партия не достигнуты, объявлена политика национального примирения. Говорят, что пребывание наших войск в этой стране не позволило ей стать на враждебные Советскому Союзу позиции и предоставить свою территорию американским спецслужбам, которые хотели разместить вдоль границ с Советским Союзом свои системы радиоразведки, которые могли бы просматривать и прослушивать нашу территорию от южных границ до Арктики. Правда, мамочка, в последнее время я все чаще задаю себе вопрос: обязательно ли надо было вводить наши войска в Афганистан? Все ли необходимое сделали дипломаты?»

Чем дальше Вера Федоровна читала письмо, тем больше с гордостью отмечала, что сын взрослеет. Его рассуждения свидетельствовали, что сын научился разбираться во многих вопросах, в том числе и политических.

По тону письма она видела, что у Коли все в порядке, и это радовало. Но вот то, что сын предупреждал о приезде своего друга, взволновало ее. «А вдруг он имеет в виду Чайкина? — думала она, шагая по улице. — Только этим можно объяснить то, что Коля не называет его имени. Значит, с Павлом действительно что-то случилось. Господи, главное, чтобы был жив!»

Коблик решила не звонить Чайкиной, хотя очень хотелось сказать, что пришло письмо от Коли.

Она шла на работу, а в душе все больше и больше росла тревога за ее новую подругу и ее сына — солдата.

ПЛЕН

Леонов застонал и открыл глаза. Была ночь, и парень долго соображал, что с ним. Он чувствовал, что его куда-то несут. Высоко в небе висели звезды, качающиеся в такт движению. Они сначала казались расплывшимися в тумане пятнами, но постепенно туман спал, и Леонов увидел, какие они большие и яркие.

«Что со мной? — подумал десантник. — Почему меня несут? Я что, ранен?»

Леонов попытался поднять голову, чтобы увидеть того, кто шел сзади, но от сильной боли он снова потерял сознание. А когда оно возвратилось, то Леонов увидел через какую-то нишу дневной свет. Сильно болела голова, подташнивало. Он тихо застонал и еле слышно прошептал:

— Пить.

В стороне послышался шорох, и Леонов увидел над собой чье-то лицо. Усы, борода и... чалма. Антон то ли у себя, то ли у незнакомца растерянно спросил:

— Где я? Позови командира.

Лицо незнакомца изобразило подобие улыбки, и Леонов услышал чужую речь. — «Постой, так это же душман?!» — встрепнулся Леонов и попытался подняться, но все тело пронзила острая боль. Все вокруг поплыло, и он обессиленно отбросил голову назад. Глаза увидели каменные своды. Он осторожно, чтобы не причинить себе боль и от этого не потерять сознание, повернул голову налево. В полумраке копошились какие-то люди, был слышен негромкий разговор, но стоявшие в голове звон и шум мешали разобраться, на каком языке они говорят.

Леонов осторожно повернул голову направо: в темноте что-то шевелилось, вздыхало. Напрягая зрение, Антон долго всматривался в полумрак прежде чем понял, что там копошатся животные.

«Ишаки, — догадался он. — Выходит, я действительно оказался в плену у душманов. Что же случилось со мной?»

Десантник положил голову прямо — так она болела меньше — и, упершись взглядом в неровный свод пещеры, напрягая все свои силы, попытался восстановить в памяти, что же с ним произошло. Он вместе со своей ротой находился на «блоке»: прикрывал подступы к дороге, ведущей из Хайратона в Кабул. По шоссе непрерывным потоком шли длинные автоколонны. Они везли цемент, стекло,

стройматериалы, продовольствие, горючее, станки. Только в последний день роте пришлось трижды подавлять минометно-пулеметные позиции душманов, которые пытались обстрелять медленно ползущие по запруженному шоссе автомашины.

Леонов вспомнил, как с наступлением темноты рота перешла на засадные действия, как их отделение заняло позицию на скалистой высоте. Хорошо помнится и то, как мимо них попыталась проскользнуть к дороге небольшая группа душманов. Десантники по команде Шувалова неожиданным огнем отогнали бандитов. Те, бросив безоткатное орудие и гранатометы, а также убитых и раненых, бежали. Позиция отделения находилась на небольшом выступе, прилепившемся на склоне огромной скалы. Ниже змейкой извивалась узкая тропа. Ее хорошо было видно при свете яркой луны. Шувалов, недавно возвратившийся из госпиталя, приказал четверым солдатам вести наблюдение, а остальные отдыхали. Леонов хорошо помнил, как он с удовольствием растянулся на плоском камне, прямо на краю обрыва. День прошел в постоянном движении, натруженно гудели ноги, усталость сковывала все тело. В таких ситуациях приказ отдыхать — самая желанная команда.

Леонов уснул сразу же. Но что же было дальше? Как он оказался в плену? «Позор! — думал с отчаянием Антон. Я в плену у душманов!» Им овладела только одна мысль — бежать. Сию же минуту вскочить на ноги, броситься к светлевшему невдалеке входу в пещеру, сбить на землю первого же попавшегося на пути душмана, отобрать оружие!

Это решение придало ему силы, и Леонов попытался приподняться, но тут же острая боль в правой ключице, сильнейшее головокружение заставили его застонать и бесильно опуститься на каменный пол. Но мысль о том, что он в плену, не давала покоя, жгла его сердце. Чувство стыда перед товарищами, родными смешалось с физической болью, и трудно было сказать, какая боль была сильнее.

Антону вспомнился родной дом, проводы в армию. Его отец — торжественный и взволнованный — стоит рядом с сыном, что-то говорит ему, Антону, а он пытается отвести глаза от заплаканного лица матери, смущенно и растерянно улыбается сестре Марине, переводит взгляд на свою бывшую одноклассницу Катю. Ему почему-то в тот момент хотелось, чтобы поскорее прозвучала команда

«становись». С детства он мечтал о службе в армии и где-то в глубине души надеялся, что доведется побывать в Афганистане, в этой загадочной, бедной стране, где народ решил сразу же перешагнуть через века. Антон читал все публикации об Афганистане, о советских воинах-интернационалистах, представлял себя в бою с душманами.

Задумавшись, Антон от неожиданности вздрогнул. Каменные своды пещеры закрыл человек в тюрбане, с давно не бритым лицом явно европейского типа. Он деловито осмотрел Леонова, деланно улыбнулся и, страшно коверкая слова, сказал:

— Здравстуй, совеский! Ты кто?

Леонов молчал. Он попытался отвернуться от еще ближе наклонившегося незнакомца, но боль в шее остановила его. Антон закрыл глаза. «Они не знают моего имени. Это хорошо. Пусть убьют меня, но не трепят мою фамилию. — Но вдруг его пронзила мысль. — Стоп! А где же мой военный билет?! Нужно проверить, на месте ли он!» Он хорошо помнил, что военный билет лежал в нагрудном кармане гимнастерки. Антон чуть приоткрыл глаза. Противная физиономия над ним уже не висела. Прежде чем убедиться, на месте ли билет, преодолевая боль, он повернул голову налево и увидел несколько человек. «Нельзя тянуться к карману, заметят, гады! Надо собраться с силами, а потом бежать!» Он снова положил голову в удобное положение и постарался думать о доме. Но мысли смешались, расплылись в каком-то красном дыму, и десантник снова впал в беспамятство, а когда пришел в себя, в пещере уже было почти темно. Двое душманов, зло переговариваясь, подняли его и поставили на ноги. Леонов зашатался и чуть не упал. Его поддержали и вывели из пещеры. Голова закружилась, и Антон опустился на еще сохранившийся дневное тепло каменистый грунт. Его стошнило. Он слышал разговор душманов, различил слово «шурави» и понял, что речь идет о нем. Антон увидел чьи-то ноги в высоких горных ботинках. Подняв голову, он встретился взглядом с афганцем. Одет тот был как все: широкие шаровары, заправленные в ботинки, пиджак, а из-под него виднелась длинная национальная рубаха. Лицо заросшее, на голове — плоская круглая шапочка.

Это был главарь банды, которая и захватила Леонова. Главарь что-то сказал. По его тону Антон понял, что тот обращается к нему.

«Если это вопрос, — подумал Леонов, — то нетрудно до-

гадаться, что он интересуется, могу ли я идти. Если скажу нет, то, наверно, убьют. А черт с ними, пусть убивают!» И Леонов осторожно покачал головой, от этого несложного движения ему стало еще хуже и его снова стошнило.

Главарь отдал какую-то команду, и к Леонову подвели ишака. Те же двое душманов посадили его на животное и двинулись в путь.

Леонов сидел на ишаке, сильно наклонившись вперед и держась обеими руками за маленькую холку животного: так меньше трясло. Еще не совсем стемнело, и Антон слева от себя видел высоченную отвесную стену, справа — глубокую, уже покрытую черным покрывалом ночи, пропасть. Банда двигалась по карнизу — узкой тропе, как бы врезанной в отвесную каменную стену. Головокружение и слабость не притупляли остроту сознания. «Убегу, как только представится возможность!» — мысленно твердил Леонов.

Вскоре карниз кончился и пропасть отделилась, а путь банды пролегал вверх по крутой тропе.

Леонов в Афганистане служил второй год, научился хорошо ориентироваться на местности и сразу понял, что они идут к перевалу. Огромная луна освещала безжизненные, лишенные растительности горы. Леонов смог определить приблизительную численность банды. Все шли по одному. Впереди двигалось человек двадцать, а когда Леонов оказался на крутом повороте, то он увидел идущих сзади. Их было человек пятьдесят. Итак, в банде было не менее семидесяти человек.

Леонову стало легче. Прохладный воздух освежал тело, дыхание выравнивалось, меньше чувствовалась боль. Антон приободрился. «Если будет привал, постараюсь бежать». Он начал, насколько было возможно, запоминать дорогу, наметил несколько звезд, по которым можно будет определить, по какому пути двигаться обратно. Однако колонна перевалила хребет и, не останавливаясь, пошла дальше.

Леонов уже давно убедился, что нет военного билета. Выпасть он не мог, значит, душманы забрали документ. Не было на руке и часов. Десантник посмотрел на небо, уже явно было за полночь. Хотелось пить, жажда становилась нестерпимой. Рядом шли его охранники — двое молчаливых душманов. Леонов сначала хотел попросить у них воды, но тут же решительно прогнал эту мысль: «Размазня! Готов уже к врагам обращаться за милостыней!»

Чтобы больше не думать о воде, Антон стал вспоминать товарищей: «Ребята, дорогие мои друзья, вы, конечно, не верите, что я дезертировал, сдался врагу! Юра, Коля, — думал он о командире отделения и Коблике, — мы же с вами побывали в разных переделках. Вы же знаете, что я не продамся душманам».

И он один за другим перебирал в памяти эпизоды, в которых не дрогнул перед опасностью. Взять хотя бы бой, который произошел год назад. Так случилось, что Леонов с двумя солдатами были отрезаны душманами от своих. Почти целый день без воды, не говоря уже о пище, экономя каждый патрон, вели они бой с нападавшими с трех сторон душманами. Отступить было некуда. Сзади стояла высоченная, совершенно отвесная, уходящая в небо каменная стена. Командование группой взял на себя он, тогда еще рядовой Леонов. Приказал: огонь вести одиночными и только по цели. Что ни делали душманы: кричали «Шурави, сдавайся! Все равно погибнете!» — пытались атаковать одновременно с трех сторон, но не дрогнули десантники. Они были уверены, что помощь придет, и она пришла. Более десятка убитых душманов осталось лежать вблизи позиции Леонова и его товарищей.

Леонов грустно улыбнулся: «Командир роты представил меня к медали, а я? Попал в плен, да еще не знаю даже как!»

Идущие впереди остановились.

«Привал, — догадался Леонов. — Ну что, Антон, не зевай!»

Он, несмотря на сильную боль во всем теле, обернулся. Это движение не ускользнуло от внимания охранников. Один из них больно ткнул кулаком в бок.

Вскоре Леонова сняли с ишака, и он прилег у небольшого камня. Оба охранника расположились рядом. Но вот один из них куда-то удалился. Леонов стал молить судьбу, чтобы второй охранник уснул. Но оказалось, что охранник ходил за главарем. Тот остановился напротив десантника и что-то сказал. Леонов молча смотрел на него. Главарь наклонился к нему, внимательно посмотрел в лицо, выпрямился и, зло бросив всего лишь одно слово, удалился.

О чем он сказал, Леонов понял чуть позже. Охранники достали из рюкзака длинный кусок веревки и крепко связали пленника.

Вскоре банда опять двинулась в путь. Теперь Леонов со

связанными руками шел вслед за животным. Он был привязан к ишаку, на спине которого покоился какой-то груз. Идти было тяжело. Спускаться всегда труднее, чем двигаться в гору. К счастью, рассвет приближался стремительно, а вместе с ним желанный отдых. Леонов дышал тяжело, громко, глаза застилал пот, кружилась голова. Казалось, вот-вот, обессилев, он упадет. Но шли минута за минутой, прошло немало времени, как они начали спуск, а Антон держался. Постепенно тропа становилась все более пологой. Вскоре они оказались в долине. Шли сначала по сыпучей каменистой почве, затем вышли на дорогу, пролегшую у кромки большого фруктового сада. Потом дорога резко свернула в глубь сада. Прошли ажурный полукруглый каменный мост, поднялись на небольшую возвышенность, и тут Леонов увидел, что бандиты один за другим входят в большой проем, сделанный в высоченном дувале. Ввели туда и Антона. Они оказались в огромном дворе, в центре которого было несколько вскопанных грядок и колодец.

Леонова посадили недалеко от стены дома, охранники усаелись по сторонам.

Сильно болели затекшие руки. Леонов откинулся назад и, не мигая, смотрел в сине-голубое, без единого облачка, небо. Будет обычный знойный день.

Леонов знал, что душманы днем, как правило, прячутся, значит, это время они проведут здесь.

«Да, отсюда не рванешь, — подумал Антон, переведя тоскливый взгляд на окружавший дувал. — Поди, метра четыре высотой, если не выше».

Из дома вышла группа людей. Несмотря на то, что все они были одеты по-восточному, Леонов сразу же определил, что двое из них иностранцы. Европейский тип лица, подтянутые фигуры свидетельствовали о том, что они привыкли носить военную форму, а не эти широченные шаровары, рубашки на выпуск с безрукавками и на голове мусульманскую чалму.

Эти двое подошли к Леонову и бесцеремонно стали его рассматривать. И вот уже в руках одного из них появился фотоаппарат, а у второго — кинокамера. Леонов отчетливо прочитал сверху объектива: «Кэнон».

Оба, постоянно перемещаясь вокруг Леонова, начали снимать его на фото- и кинолентку. Один из них, более высокого роста, даже лег на землю, чтобы снять советского десантника снизу, на фоне дувалов.

Леонов пытался отворачиваться от объективов, насколько это было возможно со связанными руками.

Вдруг тот, который был с фотоаппаратом, что-то громко сказал. «По-английски шпарит,— подумал Леонов,— значит, англичанин или американец».

От группы отделился мужчина с бородой и, показывая пальцем на Леонова, что-то приказал его охранникам. Те тут же развязали его и поставили на ноги. Леонов начал разминать затекшие руки. Один из тех, кто снимал, встал рядом с Леоновым, а его товарищ зацелкал затвором фотоаппарата. Затем они поменялись местами. Тот, который был пониже, даже попытался обнять Леонова за плечи, но Антон решительно смахнул его руку. Этот тип не обиделся. Он, улыбаясь во весь рот, с трудом подбирая слова, произнес по-русски:

— Ты — русский, я — американец. Мы буйдет дружиба.

«Итак, они — американцы,— понял Леонов.— Интересно, где я нахожусь? Неужели в Пакистане?» — И Антон неожиданно для себя показал пальцем на землю и спросил у американца:

— Это Пакистан?

Американец понял смысл вопроса и, будучи рад, что русский впервые заговорил, с готовностью ответил:

— Ноу, Эфген.

«Афганистан,— понял его Леонов.— Но я же где-то видел этого типа!» Леонов напрягал сознание и вдруг вспомнил: он видел эти глаза в пещере. Американец тогда наклонился над ним.

«Значит, американцы находятся в банде. Ясно, что душманские советники». Леонов демонстративно отвернулся от продолжавшего стоять рядом американца.

Тот, о чем-то переговариваясь со своим товарищем, направился в дом.

Леонов лег на спину, но его тут же подняли. Душманы принесли поесть. На пластмассовой тарелке лежало несколько ложек риса, а в старой, с отбитой эмалью кружке был чай без сахара.

Леонов жадно припал к кружке, но чай был горячим. Однако это его не остановило. Очень хотелось пить, и он стал пить маленькими глотками.

Быстро осушив кружку, Антон положил в рот маленькую щепотку риса, с трудом проглотил его. Больше есть не хотелось.

«Попить бы холодненькой водички!» — мечтательно думал он, но просить об этом душманов не стал.

Потом вдруг почувствовал, что впадает в какое-то странное состояние, словно выпил спиртное, все стало безразличным, мысли путались. Только много дней спустя поймет Леонов, что душманы подмешивали в его пищу и воду сильно действующие наркотики. А сейчас он оказался во власти дурмана и, закрыв глаза, лежал на обжигаемой палящим солнцем афганской земле. Со стороны казалось: спит уставший солдат...

ПОИСК

В роту прилетел генерал-лейтенант Дубик. Он пригласил в штабную палатку командиров роты и взвода, где служил пропавший Леонов. Генерал положил фуражку на походный складной стол рядом с двумя полевыми телефонными аппаратами в коричневых пластмассовых корпусах и, вытирая платком пот с лица, сел на узкую деревянную скамью. Находившиеся в палатке три офицера оторвались от карт и молча смотрели на генерала.

Дубик заметил это и чуть ворчливо бросил:

— Ну что глазеее на меня? Давно не видели, что ли? Работайте.

— А может, чайку зеленого, товарищ генерал-лейтенант? — предложил один из них. — Хорошо жажду утоляет.

— Спасибо. Пока потерплю. Чем больше пьешь, тем больше пить хочется.

В палатку вошли капитан Бочаров и старший лейтенант Медведев. Они представились и замерли по стойке «смирно». Генерал некоторое время молча смотрел на них, словно впервые видел.

— Что же это вы, голубые береты, солдата потеряли? Старший лейтенант Медведев устало бросил:

— Ищем.

— Мы каждый метр в районе позиции обшарили... — вставил капитан Бочаров. — Вот даже пуговицу нашли. — Он положил перед генералом анодированную металлическую пуговицу. — Сейчас район поисков значительно расширили. Вместе с нашим батальоном обыскивают всю местность афганские солдаты и царандой.

— Во-во,— усмехнулся горько генерал,— ты еще о вертолетах забыл сказать.

— Так точно,— поспешно согласился старший лейтенант.— Четыре пары вертушек постоянно небо утюжат, но и сверху ничего не обнаружили. Как в воду канул наш Леонов...

Дубик хотел сказать что-то обидное, да вид щуплого старшего лейтенанта смягчил его сердце.

— И вертолеты я вам дал, и афганских товарищей попросил оказать помощь... А где результаты? Где десантник?

Он подтянул к себе лежавшую на столе карту и спросил:

— Где находился младший сержант Леонов?

Капитан Бочаров сразу же указал пальцем точку на карте.

— Вот на этой возвышенности заняло позиции отделение старшего сержанта Шувалова. Леонов был там же. Ему и еще трем солдатам Шувалов приказал отдыхать.

— А вы где находились в это время, старший лейтенант? — взглянул на Медведева генерал.

Старший лейтенант быстро подошел к карте.

— Вот на этой высоте. Мой взвод прикрывал подходы к шоссе со стороны этой горной гряды. Все три отделения я расположил так, чтобы они могли поддержать огнем друг друга. Противник атаковал все отделения не только внезапно, но и одновременно. Очевидно, душманы засекли нас, когда мы занимали позиции. Мы сразу же ответили огнем. Я доложил командиру роты, и он силами первого и третьего взводов ударил душманам во фланг, и они отступили. Мы обнаружили девять убитых душманов и трех раненых. Оказали раненым помощь и передали их царандою.

— Та-а-к,— протяжно произнес Дубик и тяжело поднялся со скамьи.— Покажите мне место, где находилось отделение старшего сержанта Шувалова. Далеко оно отсюда?

— Два километра.

— Пешком надо?

— Нет, здесь душманы столько мин понатыкали, что пешком идти опасно,— ответил Бочаров и предложил: — Если не возражаете, товарищ генерал-лейтенант, то давайте на броне.

— На броне так на броне. Поехали!

Бочаров взял трубку полевого телефона и коротко приказал:

— Три бронетранспортера к штабной палатке!

Бронетранспортеры уже были на подходе. Словно корабли, скользя по волнам, они мягко покачивались на неровностях и, оставляя за собой длинные шлейфы пыли, стремительно приближались.

Офицеры и генерал уселись прямо на броне средней машины. Бочаров и Медведев устроили генерала впереди, рядом со стволом пулемета, это наименее уязвимое место, если броневая машина наскочит на мину.

Передний бронетранспортер двигался не по прямой, а чуть забирая влево, по дуге. Это для того, чтобы мощный шлейф пыли не ослеплял механика-водителя следовавшей за ним машины, да и сидящему на броне генералу в противном случае пришлось бы долго очищаться и чихать.

Ехали не более пяти-шести минут. У подножия вершины остановились. Бочаров предложил:

— Дальше, товарищ генерал-лейтенант, надо пешком.

Дубик прыгнул вниз, и они поднялись на небольшую возвышенность. Медведев доложил:

— Вот здесь и была позиция отделения старшего сержанта Шувалова.

Генерал молча осмотрелся. Высотка была удобной. С одной стороны — обрыв. Генерал заглянул вниз: там острые небольшие скалы, расщелины. До них метров пятнадцать. Слева находился пологий склон, который пересекает тропа. Дубик даже не спросил, та ли это тропа, которую прикрывали Шувалов и его солдаты. Это было и так ясно. А еще левее видна дорога, асфальтированное шоссе Хайратон—Кабул. Единственная артерия, по которой, как по вене идет кровь к сердцу, шли и шли грузы к столице и дальше на юг, к другим крупным городам и провинциям Афганистана.

— Покажите, где в момент атаки душманов находился Леонов.

Старший лейтенант Медведев подошел к большому камню и ткнул ногой:

— Вот здесь он лежал.

— Где пуговицу нашли?

Медведев показал рукой на обрыв.

— Там, внизу.

Генерал прикинул на глаз расстояние от камня до обрыва: «Метра два с половиной будет».

— А ведь могло парня взрывной волной швырнуть вниз, а?

— Да, мы все больше к этому выводу склоняемся,— кивнул головой Бочаров.

Генерал спустился по пологому склону, обошел высотку и вскоре оказался там, где обыскивали место солдаты. Молодой усатый лейтенант подбежал к генералу с рапортом, но Дубик остановил его жестом и спросил:

— Где комбат?

— Он вместе с первой и второй ротами, а также афганским армейским батальоном находится в горах.

— Где КП?

— Вон на той высотке,— показал рукой Бочаров на видневшуюся большую скалу.

— Кто там командует?

— Начальник штаба батальона майор Мисник.

Лейтенант добавил:

— Он только что запрашивал по радио, не нужен ли он вам здесь, товарищ генерал-лейтенант.

— Нет, пусть остается на КП. Ну, и где нашли пуговицу?

Медведев пошел впереди. Перепрыгивая с камня на камень, обходя большие валуны, они подошли к небольшой скале. Генерал поднял голову: они стояли как раз под тем местом, где ночью находилось отделение старшего сержанта Шувалова.

— Чем Леонов был вооружен? — спросил генерал у старшего лейтенанта.

— Ручным пулеметом. Оружие осталось на том же месте, где лежал Леонов.

— Патроны считали в магазине?

— Так точно. Магазин полон.

— Значит, он не стрелял,— задумчиво произнес генерал.

— Так точно,— ответил Медведев.— Скорее всего, он не успел взять оружие в руки.

— Остальные магазины остались при нем?

— Так точно. Три снаряженных магазина и четыре гранаты.

— Документы?

— С ним, как и положено, только военный билет.

— Ясно. На броне, наверное, не доберемся до командного пункта?

— Можно, товарищ генерал-лейтенант. Саперы сделали проход в минном поле.

— Тогда поехали. Оставьте для нас только одну

машину, а остальные пусть продолжают выполнение поставленных задач,— распорядился генерал.— Вы, товарищ старший лейтенант, тоже мне не нужны. Продолжайте работу со своим взводом.

— Есть,— козырнул Медведев и зашагал к своим солдатам.

До КП они не доехали метров двухсот. Генерал ловко соскочил на большой камень, лежавший рядом с машиной и двинулся дальше пешком. Капитан Бочаров последовал за ним.

На подходе к командному пункту их встретили часовые. Все солдаты хорошо знали командира роты в лицо, да и генерал-лейтенанта Дубика они ранее нередко видели, поэтому пропускали их не останавливая.

У самого КП солдаты, раздевшись до пояса, долбили сплошь каменистую землю. Генерал остановился возле одного из них. Солдат не замечал начальства, ожесточенно долбил неподатливый грунт киркой. Его крепкое, хорошо тренированное тело лоснилось от пота.

Дубик некоторое время, улыбаясь, смотрел на его работу, а затем будничным голосом спросил:

— Что, не поддается, окаянная?

Солдат опустил кирку и, выпрямившись, посмотрел на подошедших. Увидев генерала, не оробел, а четко ответил:

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант, не то что наша тульская мягкая земля, здесь одни камни, вроде специально уложенные. Ее бы взрывчаткой — да нельзя.

— Ничего, десантник, зато службу хорошо знать будешь. Небось когда в армию призывали, ты о десантных войсках мечтал?

— Мечтал, товарищ генерал-лейтенант, не скрою, еще как мечтал! Только, честно говоря, не думал, что придется землю рыть да ползать по ней.

— Ну, браток,— засмеялся генерал,— запомни, десантник, небо начинается с земли. И чем глубже ты копаешь, тем выше взлетишь. Понял?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

В штабной палатке от длинного стола с картами, биноклями, полевыми телефонными аппаратами навстречу генералу шагнул майор Мисник. Генерал пожал майору руку и спросил:

— Как обстановка, Иван Павлович?

Начальник штаба батальона сделал шаг в сторону, как бы приглашая генерала к карте, начал докладывать:

— Сразу же после отражения ротой Бочарова атаки душманов мы попытались окружить отступающую к горам банду. Но в темноте, да еще на заминированной местности, наше продвижение и маневрирование были крайне затруднены. У второй роты, которая должна была отсечь душманов от гор, начались потери: на минах три человека подорвались.

— Что с ними?

— Один, старший сержант Малявка, погиб, лейтенант Макаров потерял левую ногу, а рядовой Аркадьев тоже остался без ноги.

Генерал нахмурился и посмотрел на связиста — молоденького солдата, сидевшего в углу у радиостанции.

— Соедини-ка меня с полковником Цветковым.

Связь была установлена мгновенно, и так как она была закрытой, то генерал назвал полковника по фамилии и строго спросил:

— Почему вы мне не доложили, что во втором батальоне потери?

Полковник что-то пояснил, но Дубик перебил его и резко сказал:

— Ну и что, что я был в воздухе? Делаю вам замечание, товарищ полковник, и требую, чтобы впредь такого рода информация доходила до меня незамедлительно. — Генерал поинтересовался у майора Мисника: — Раненые эвакуированы?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант, на вертолетах.

Дубик кивнул головой и сказал в трубку:

— Позаботьтесь о раненых... — и повернулся к Миснику: — Продолжайте, майор.

— В настоящее время первая и третья роты при поддержке батальона царандоя и армейского батальона афганской армии, разбившиеся поротно, прочесывают вот этот район гор. — Майор карандашом показал нужный район.

— Хребты прикрыты? — Генерал показал на протянувшиеся чуть севернее вершины гор.

— Так точно. Там наши.

— Ну и что? Никаких результатов?

— Как в воду канул...

— Постой, постой... а с ранеными душманами говорили?

— Да, по нашей просьбе с ними разговаривали

офицеры царандоя. Один назвал, каким маршрутом банда пришла сюда, и согласился показать этот путь.

— Ну и что вы предприняли?

— Направили в том направлении разведзвод и два вертолета с десанниками и пленным на борту. Они в воздухе. — Майор бросил взгляд на ручные часы и добавил: — Думаю, не позже как минут через тридцать они будут здесь.

— Связь с ними держите постоянно?

— Так точно, с нами авианаводчик.

Генерал оглянулся на офицера, одетого в песочного цвета летный комбинезон, и спросил:

— Что наблюдают?

— Разрешите запросить?

— Нет. Пусть сначала сообщат расчетное время прибытия.

Пока офицер запрашивал летчиков, майор Мисник доложил:

— К нам прибыл подполковник Джалал. Ему поручено оказать нам помощь в розыске младшего сержанта Леонова.

— Где он?

— С сотрудниками особого отдела беседует.

Авианаводчик доложил генералу, что пара вертолетов с пленным будет через пять минут.

Дубик взял командирскую линейку и начал высчитывать, на какое расстояние душманы могли отойти от места боя.

— Капитан Бочаров, в какое время противник отступил?

— В час десять, товарищ генерал-лейтенант.

— С боем уходил?

— Только на первых порах, но затем огонь прекратил.

Душманы не хотели демаскировать себя и огнем выдать точное направление своего отступления. Действовали они довольно четко и грамотно. Если верить раненым, то в банде было два иностранных советника, скорее всего американских. Они обучали душманов прицельной стрельбе реактивными снарядами и из переносных зенитно-ракетных комплексов.

Радист сделал незаметный жест начальнику штаба, и тот быстро подошел к нему. Радист что-то коротко сообщил. Мисник так же вполголоса ответил и, возвратившись к месту, где находился генерал, доложил:

— Командир разведзвода старший лейтенант Иванько

докладывает, что его взвод по наводке вертолетчиков подошел к балкону, а дальше сплошные мины.

— Дайте взводу команду «стоп».

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант, я уже приказал.

— Правильно. Далеко взвод оторвался от основных сил?

Начальник штаба взглянул на карту.

— На десять-одиннадцать километров. По прямой, — он прикинул по линейке, — на пять с половиной километров.

— Прикажете командиру взвода усилить внимание. Пусть не забывает о противнике, и направьте к ним на прикрытие пару вертолетов.

— Есть, товарищ генерал-лейтенант, — козырнул Мисник и направился к радисту. В этот момент и послышался гул моторов. От нависающих невдалеке высоченных гор оторвалась пара вертолетов. Они, словно шмели, стремительно неслись прямо на командный пункт. Наполняя окрестность грохотом, машины пошли на посадку.

Генерал-лейтенант приказал начальнику штаба:

— Пусть доставят сюда командира эскадрильи.

Мисник кивнул одному из офицеров, и тот поднял трубку полевого телефона.

Командир эскадрильи майор Першин вошел на КП и, сразу же отыскав глазами генерала, который почти не выделялся среди офицеров, так как был в полевой форме, — представился. Дубик пригласил его к карте, и Першин сразу же начал докладывать:

— Пленный душман, которого взяли с собой два афганских офицера царандоя...

— Подождите, подождите, товарищ майор, — перебил генерал, — куда ранен этот пленный?

— В ногу. Пуля прошла через мышцы бедра левой ноги, поэтому он не смог бежать вместе с другими душманами. — Першин скосил смешливый взгляд на командира роты и с самым серьезным видом добавил: — Это было тогда, когда капитан Бочаров лично, сидя верхом на броне, как на ишаке, бросился в атаку.

У генерал-лейтенанта удивленно поднялась бровь, но он тут же понял, что последнее уточнение шуточное, и беззлобно бросил:

— Давайте без излишних подробностей. Итак, что показал пленный?

— Когда мы оказались в воздухе, некоторое время он никак не мог сориентироваться, но затем разобрался, что к чему, даже указал места, где душманы на вершинах гор оборудовали позиции противовоздушной обороны. Мы их стороной обошли, правда, из одной точки полоснули то ли из пулеметов ДШК, то ли из зенитной установки. Но и мы не остались в долгу. Сопровождавшая нас пара вертолетов по моему приказу подавила эту позицию НУРСами. Потом пленный показал дорогу, по которой пришла сюда банда. Природа крепко потрудились, чтобы создать такой путь. Прямо вдоль отвесной скалы, над пропастью, имеется карниз, по которому идет дорога шириной два-три метра. А над ней скалы образовали крышу своими выпуклыми боками. Поэтому дорога сверху и не видна, а чтобы увидеть ее, надо спуститься в ущелье. Скажу честно, что летать там непросто: сильнейшие порывы ветра, турбулентность как в аэродинамической трубе. Да и сбить вертолет выстрелом из БУРа или очередью из автомата из пещеры, которых вдоль тропы десятки, можно запросто. Пленный уверен, что банда отошла именно этим путем. Да и я так считаю.

— Никого не видели?

— Никого, товарищ генерал-лейтенант. Да и кто днем, да еще на виду у вертолетов высунет нос из укрытия?

— Ну и куда ведет этот балкон? — спросил Дубик, одновременно делая какие-то пометки на карте.

— Тянется он девятнадцать километров, а затем, — Першин ткнул пальцем в карту, — вот в этом месте ущелье уходит правее, к западу. От самого конца этого балкона начинаются четыре тропы. Одна из них идет в сторону шоссе Кабул—Газни, а три другие — в центральную и западную части провинции Вардак, в зоны, контролируемые душманами. Я не думаю, что за пять часов душманы смогли уйти так далеко. Скорее всего они остановились на дневку в какой-нибудь пещере.

— Средств ПВО не заметили в том месте, где кончается балкон?

— Засекли четыре точки. Они обстреляли нас. Местонахождение их я нанес на планшет.

Дубик посмотрел на Мисника.

— Товарищ майор, дайте эти цели на КП артиллерии. Скажите, что я приказал нанести удар по ним.

Офицер с повязкой дежурного на рукаве доложил:

— Товарищ генерал-лейтенант, прибыл представитель

министерства государственной безопасности Афганистана подполковник Джалал. Разрешите впустить?

— Да-да, пригласите его сюда.

С подполковником Джалалом генерал встречался и раньше, поэтому поздоровались они как старые друзья, по афганскому обычаю обнялись и трижды прикоснулись щеками друг с другом.

Генерал-лейтенант Дубик находился в Афганистане уже третий год и хорошо усвоил обычаи этой страны, поэтому он справился о здоровье подполковника, о том, как идут у него дела. Затем, зная о том, что здесь не принято говорить о женщинах, спросил:

— Как здоровье ваших детей? Их матери?

— Ташаккор, хейли хуб¹.

Только после этого Дубик перешел к делу.

— Мы приходим к выводу, что наш десантник, младший сержант Леонов был отброшен взрывной волной в обрыв, где его и захватили душманы. Я принимаю следующее решение: розыск десантника здесь прекратить. Вдогонку душманской банде направить наши подразделения. Буду просить командование афганской армии и царандоя поддержать нас и одновременно расширить территорию поиска, особенно в глубину. В район, где кончается этот балкон, выбросим десант. По склонам гор, расположенных на противоположной стороне ущелья, направим две разведроты. А к вам, товарищ Джалал, только одна просьба: использовать все ваши возможности по установлению местонахождения Леонова.

— Хуб, товарищ генерал. Мы сделаем все, что в наших силах. Я уже выяснил у ваших товарищей все, что нам нужно для его розыска. Работу начинаем немедленно.

В ПЛЕНУ

Леонова вывел из забытья какой-то шум. Он открыл глаза и увидел ноги одного из охранников. Он лежал прямо на земле. Леонов посмотрел левее. К сожалению, второй охранник не спал. Он сидел, прижавшись спиной к глиняной стене, и держал в руках автомат, а глаза его настороженно следили за пленным.

¹ Хейли хуб — очень хорошо (дари).

У Леонова болела голова, его мутило. «Чем же это они меня накормили? Все вокруг плывет, и в голове гудит. Нет, это не в голове... я же ясно слышу шум моторов! Да ведь это гудят вертушки!»

Рокот двигателей вертолетов десантник никогда, ни при каких обстоятельствах, ни с чем спутать не мог. И точно. Прямо над кишлаком, над двором, где лежал на земле Леонов, один за другим пронеслись два советских вертолета. Мощные, стремительные, они словно влили в десантника новые силы. «Это же меня ищут! Не бросают в беде!» — подумалось Леонову, он вскочил на ноги и, махая руками, закричал:

— Ребята, товарищи, летчики! Я здесь! Вот я!

Сильный удар прикладом в голову сбил его с ног, и, падая, он потерял сознание. А когда пришел в себя, то увидел, что находится в каком-то помещении. Через большие щели в дощатой двери проникали яркие лучи солнца. Антон потрогал голову. На руках крови не было. Он со стоном начал подниматься, и в этот момент дверь открылась. В помещение вошли трое: одним из них — Антон сразу узнал — был американец, второй, в чалме и обычной афганской одежде, скорее всего душман, а вот третий... третий, как только стал так, что солнечный свет, падающий из дверного проема, осветил его лицо, сразу заинтересовал Леонова. Это был старик, без традиционных для афганцев усов и бороды. Волосы у него были светло-русые, с сединой, глаза голубые. Старик с каким-то жадным любопытством смотрел на десантника. Его лицо выражало откровенное волнение. Заикаясь, тщательно подбирая слова, с сильным акцентом он спросил:

— Скажите, вы действительно русский?

Леонов молчал.

— Вы не бойтесь меня, я тоже русский.

Антон не сдержался и зло процедил:

— Русские тоже бывают разными: одни Родине служат, другие — ее врагам подметки лижут.

— Да-да, я вас понимаю. Встретить в этой глуши соотечественника и сразу же поверить ему — трудно. Я сейчас попрошу этих господ оставить нас одних, и если они согласятся, то мы сможем побеседовать.

Старик заговорил с американцем по-английски. Тот ответил «о'кей» и вместе с душманом вышел. Дверь они оставили открытой, и Леонов увидел, как его охранники демонстративно устроились на земле напротив входа.

Старик присел на землю, по-восточному скрестив ноги.

— Я объяснил американцу, что вы вряд ли станете сразу же отвечать на его вопросы, и попросил разрешения сначала мне побеседовать с вами, а заодно попытаться уговорить вас не отказываться от разговора с ним. Американец согласился, но поверьте моему честному благородному слову, я не буду у вас ничего выпытывать и убеждать открыть военную тайну. Я старый, проживший большую жизнь человек и русского не видел более полувека. Нет-нет, русских людей я, конечно, видел, но все они, так же, как и я, из прошлого... из прошлой России. Но сначала я расскажу вам о себе. Я выходец из старой российской семьи, причем далеко не бедной. По отцовской линии я принадлежу к роду Потемкина. Был такой князь Потемкин, но вы, конечно, о таком и не слыхали.

— Нет, почему же, — неожиданно ответил Леонов. То ли жалость к русскому эмигранту шевельнулась в его душе, то ли желание показать, что в России к истории относятся с уважением, толкнули Антона к ответу. — Слышал я о князе Потемкине немало, знаю, что такое и потемкинские деревни, и потемкинская лестница...

— Бог мой, — вскинул руки вверх старик, — значит, революция не зачеркнула все, что было до нее в России.

Его слова «бог мой», а не «аллах велик» и руки, по-мусульмански взметнувшиеся к небу, вызвали короткую усмешку у парня.

— Да-да, я имею отношение к роду князя Потемкина, и не стоит удивляться, что революцию в России я воспринял враждебно. Не скрою, я долго воевал против нее. Более десяти лет после революции я не складывал оружия. Вел борьбу с красными. Потом пришлось навсегда уйти за границу, и я обосновался в Афганистане. Даже принял мусульманскую веру. Поселился сначала в Кандагаре, но затем перебрался в Герат. Оттуда недалеко до Ирана. Открыл свое дело, стал торговцем, женился. У меня четверо сыновей. Двое жили в Иране. Я говорю жили, потому что их сейчас уже нет в живых, погибли на ирано-иракском фронте. Третий сын должен быть где-то в Пакистане, но никаких вестей от него вот уже восемь лет не получаю. Четвертый живет в Соединенных Штатах Америки. Обещал после смерти матери забрать меня к себе, но, увы, эти обещания тянутся уже более пяти лет. Я уже третий месяц живу здесь и торгую. Вот сегодня отыскиали

меня и представили американцу. Я ведь не забыл, как видите, русский язык и неплохо знаю английский. И, поверьте мне, не желание помочь американцу привело меня сюда. Сообщение о том, что в кишлаке появился русский, всколыхнуло все мои чувства к родной земле. И мне нестерпимо захотелось увидеть соотечественника.

— А в Герате вы не видели русских?

— Нет. Я боялся встречи с ними. Мне постоянно казалось, что, увидев меня, они потребуют моего ареста и казни. Но, просидев в этих горах немало времени, я все чаще стал задавать себе вопрос: чего мне в свои восемьдесят четыре года бояться? Жизнь прожита, и, к сожалению, большая ее часть вдали от Родины...

«Станный старик, — думал, глядя на него, Леонов. — То ли сказки мне рассказывает, чтобы в доверие войти, то ли действительно решил передо мной исповедоваться. А что, может, это у него и впрямь последний шанс в жизни с русским поговорить?»

— Да, Россия... — задумчиво глядя куда-то в угол слезящимися глазами, говорил старик. — Для нее я что? Просто брошенный в воду камень. И вот ведь как в жизни бывает: брошенный камень уже давно покоится на дне, а круги по воде продолжают расходиться. Этими кругами для меня продолжают быть моя память, моя совесть... Не дают мне покоя души тех, кто погиб от моей руки. Память требует от моей совести, чтобы я сказал о себе правду. Кажется, будь у меня чуть больше сил да лет поменьше, уехал бы в Россию. Пусть бы меня судили, пусть расстреляли, но зато остался бы я навсегда в своей, русской земле... дома и смерть не страшна.

У Леонова мелькнула мысль: «А что, если попытаться выяснить у этого старика, где я сейчас нахожусь? Заодно посмотрю, насколько он искренен со мной». Антон выждал удобный момент и спросил:

— А как вы сюда добирались из Герата?

— До Газни в общем-то проблем не было. Доехал на попутных машинах, из Газни до Майданшахра — центра провинции Вардак — тоже на попутных добирался, ну а сюда, до Джалеа, шел пешком.

— Сколько километров от Майданшахра?

— Двадцать — двадцать пять километров.

Леонов хорошо помнил эти места, несколько раз их рота оказывала помощь афганской армии на этой территории. Вспомнился десантнику и тот случай, когда их

подразделение, пройдя напрямую через горы, преодолело заснеженные вершины и неожиданно вышло к кишлаку, на который напали душманы. Бандиты там устроили кровавую резню. Только стремительный бросок десантников спас тогда жителей кишлака от мучительной смерти. Этот кишлак — Леонов хорошо помнил — находился недалеко от Джалеза. Именно через Джалез прорвался тогда на помощь подразделению афганский батальон. Вместе они и разгромили противника.

«Так вот где я оказался, — думал Леонов. — До границы еще далековато, значит, есть у меня еще шанс убежать».

— А как же вам удалось беспрепятственно пройти через все кордоны, если ваша внешность сразу же выдает в вас европейца?

— Да-да, вы правы... Меня выручало письмо, которое дали мне на руки друзья. Письмо написал один из руководителей контрреволюции.

— Кишлак полностью занят душманами или они захватили только несколько крепостей?

— Нет. Они здесь хозяева. В их руках не только Джалез, но и рядом расположенные кишлаки. Душманы требуют, чтобы население безропотно подчинялось только им. Взымают с жителей налоги, пытаются внедрить свои законы, они уверены, что власть в их руках здесь навсегда.

— Ну, а вы как считаете?

— В каком смысле?

— Оправдаются их надежды?

— Лично я в их мероприятия не верю. Их главаря дурачат простых, темных и забитых жителей гор, которые испокон веку привыкли верить словам. Вздуроражили народ, обманули, втянули в эту никому не нужную войну, а теперь для многих жителей назад возврата нет, сожжены все мосты.

— Это почему же? — запальчиво воскликнул Леонов. — А закон, который приняло правительство? Ведь он же освобождает от ответственности каждого, кто откажется от борьбы с революцией и добровольно сложит оружие.

— Да-да, это конечно. Но ведь бай, мулла, главарь банды — рядом, и говорят они совсем другое, а тех, кто не хочет им верить, казнят. Вы ведь знаете это не хуже меня, юноша.

— И что же вы скажете американцу?

— Скажу, что не следует пытаться и допрашивать вас. Самое благоразумное, посоветую я, это дать вам время

убедиться в безысходности вашего положения, после чего попытаться уговорить вас не возвращаться на Родину. — Старик горько улыбнулся. — Я уверен, что это бесполезно и вы никогда не пойдете на предательство. Я просто буду рад, что не допущу издевательств над вами и таким образом принесу хоть маленькую пользу России.

— Вы бы принесли еще большую пользу России, если бы помогли мне бежать.

— Увы, — низко склонил голову старик. — Я не смогу, к моему глубочайшему сожалению, помочь вам. Вы слишком наивны, полагая, что я могу здесь свободно перемещаться. Хотя я и принял мусульманскую веру, все равно я для них — чужой человек. Поверьте мне: вы не сможете бежать, только подвергнете себя избиениям, а может быть, и смерти.

— Я не боюсь смерти! — произвольно воскликнул Леонов. — Только для меня важно принять ее в бою.

Старик хотел сказать еще что-то, но в дверях появился душман и стал торопить его. Старик кивнул головой.

— Прощайте, молодой человек. Дай вам бог...

И он удалился.

Леонову сделалось легче на душе. Беседа с раскаявшимся бывшим белогвардейцем внесла хоть какую-то ясность в обстановку. Он подошел к выходу, но один из охранников встал и закрыл перед его носом дверь. Леонов не унывал. Теперь пусть через щели, но он сможет осмотреть двор. Но сначала Леонов пристально пригляделся к охранникам. Оба молодые, лет до тридцати, с небольшими усами и давно не чесанными бородами. Одеты почти одинаково, только у того, что был чуть повыше, безрукавка-кафтан зеленого, а у его друга коричневого цвета. У обоих автоматы, которых Антону раньше видеть не приходилось. По внешнему виду они, скорее всего, походили на западногерманские: металлические, черного цвета, с деталями округлой формы.

Через весь двор тянулся дувал, в нем — большая калитка. Она открыта, а рядом закрытые деревянные, с большими металлическими заклепками ворота. У калитки двое вооруженных мужчин. За калиткой была улица, тихая и неширокая. Это Леонов понял потому, что сразу же за калиткой, через дорогу торчит глиняный дувал. Между калиткой и дувалом изредка проходили люди, что-то тащили на своих тощих спинах ишаки.

Через двор, прямо к двери, за которой находился Леонов, шел душман. Он нес чайник и пиалу. Антон видел его и раньше, он приносил ему еду и питье. Антон быстро

отошел на прежнее место и сел. И вовремя! Душман вошел. Он принес чай. Есть не хотелось, а вот пить... Его все время мучала сильнейшая жажда. Леонов тут же, не обращая внимания на душмана, часто дую на пиалу, начал жадно пить. Вскоре он почувствовал, что снова впадает в глубокое забытие: не осознавал и не воспринимал того, что с ним делали душманы.

А произошло вот что.

В помещение вошло четверо и с ними американский советник, который, показывая на одежду Леонова, через переводчика что-то сказал и тут же удалился. А душманы, вооружившись иголками и нитками, начали приводить в порядок одежду своего пленника, которая была изодрана в лоскутки. После того как ремонт одежды был закончен, душманы подняли Леонова на ноги и, поддерживая с обеих сторон, вывели во двор. Один из душманов повесил ему на грудь автомат с магазином без патронов, надел ремень с подсумком, где также лежали пустые магазины. И вот тут появились американцы, которые начали снимать «вооруженного» советского солдата. Американцы старались снимать его на фото-, видео- и киноплёнку издали или же сбоку, чтобы камеры не засняли лицо десантника крупным планом, ибо было бы хорошо видно, что стоит он с закрытыми глазами, а держится на ногах только благодаря тому, что приставлен к стене дома.

После съёмок Леонова завели обратно в сарай. И он не видел, будучи практически без сознания, что происходило во дворе. А там строились в одну шеренгу человек сорок душманов, переодетых в форму... афганской армии, царандоя и даже в обмундирование Советской Армии. Вскоре они вышли из-за дувала и направились к северной окраине кишлака, прихватив с собой советского десантника. Там в одном километре находился еще один кишлак. Выглядело странным, что с ними не было ни одного человека, одетого в гражданскую одежду, как обычно одеваются душманы. Даже американские советники были в форме афганской армии.

Дальше случилось страшное. Душманы, войдя в кишлак, начали шарить по дворам, бесцеремонно входили, попирая мусульманские обычаи, на женскую половину дома. Они хватали всех и вытаскивали на узенькие улочки, где перед съёмочными камерами американцев творили кровавую расправу. Людей убивали выстрелами в упор, ножами и штыками. Кровью покрылась земля кишлака, а вскоре в голубое

безоблачное небо потянулись языки пламени и огромные клубы черного дыма. Перед фото-, кино- и переносными телекамерами суетились, бегали, тащили людей «советские» и «афганские» солдаты. Шла съёмка постыдного кровавого фарса, который скоро должен выйти на экраны Запада, как доказательство геноцида, проводимого советскими и афганскими вооружёнными силами в мирном кишлаке в Афганистане.

Не понимал в эти страшные минуты молодой советский парень, что уготовили ему бандиты. Они посадили его на землю, опять повесили автомат на грудь, а по сторонам расположили тела убитых женщин, стариков и детей. Получился уникальный кадр: советский солдат сидит, отдыхает после кровавой «работы». Ну, чем не документальный факт?

Вскоре Леонова швырнули на двуколку телегу, доставили на прежнее место и бросили на земляной пол сарая.

Растолкали его и вывели из наркотического забытия уже тогда, когда в кишлак пришли сумерки. Вот-вот должна была наступить ночь: время передвижения банд по тропам Афганистана. У Леонова страшно болела голова. Он с трудом встал на ноги, держась обеими руками за голову. Но с ним не церемонились: стащили обмундирование и надели рваные, грязные широкие шаровары, рубашку и безрукавку неопределённого цвета. Вместо ботинок дали старые, полустлевшие резиновые галоши. Постепенно Леонов начал отходить и, когда он понял, что с ним происходит, оттолкнул душмана, который связывал в узел обмундирование, начал стаскивать с себя надетые тряпки:

— Вы что, с ума спятили? Я вам свое обмундирование не отдам...

Неожиданный сильный удар резиновой палкой по голове сбил Леонова на землю, и тут же двое охранников начали бить его ногами. В это время подошел американец с переводчиком.

— Этот русский заслуживает вашего гнева, правоверные, но нам скоро в путь, и если он будет без сознания, то вам же придется его тащить на себе. Так что отложите кару до прибытия в лагерь.

Фотоаппаратом со вспышкой он сфотографировал Леонова, лежащего в чужой одежде на полу, и вышел во двор.

Прошло еще полчаса, Леонов уже пришел в себя. «Как только окажемся в горах, брошусь в первую же пропасть». Встал, пошатываясь подошел к дверям. Хотелось пить. Губы

потрескались, а в горле словно ком засел. «Нет, просить пить у них не буду. Потерплю... Скоро окончатся мои мучения». Он сделал несколько шагов вглубь и лег. Земля уже стала понемногу остывать, и избитому телу стало легче.

Антону опять вспомнился дом. Отец, наверное, пришел с работы. В квартире, как всегда, светло, тепло и уютно. «Интересно, что сейчас делает батя? Наверняка смотрит телевизор, а мать, как обычно, готовя ужин, журит его: «Только что пришел и сразу же к этому ящику прилип!» А может, они сейчас читают мое письмо? Прошло уже дней десять, как я его отправил. Стоп, о чем же я им писал в последнем письме? А... да! О том, что служба идет хорошо... Даже не забыл похвастаться, что представлен к награде... Воображаю, как будут они рады. Марина, конечно, не удержится и похвалит Кате. А я уже в руках врага! Господи, что будет с мамой, когда сообщат о моем исчезновении? Лучше бы написали, что погиб, чем пропал без вести... Мама, милая мама, только в этих краях я начал понимать, насколько ты мне дорога!»

Антон не услышал, как открылась дверь. Вошли двое. Один из них что-то сказал, но Антон не понял его. Тогда душманы схватили его под руки и вывели во двор. Ворота были раскрыты настежь, а душманы строились в походную колонну. Около Леонова появились охранники. Молча и ловко связали ему руки и веревкой привязали к ишаку. Да так привязали, что он мог передвигаться только идя рядом, почти вплотную к животному.

«Черт с вами, — решил Леонов, — когда будем идти рядом с ущельем, в пропасть уташу за собой и вашего ишака».

В этот момент подошли американец и русский старик. Американец, делая вид, будто не замечает, что Леонов связан, улыбаясь, что-то громко сказал. Старик перевел:

— Он говорит, что вы уже заслужили довольно большой гонорар за вашу сегодняшнюю работу.

— Какую работу?

Старик скорбно пояснил:

— Они тебя, сынок, напичкали наркотиками и фотографировали в кишлаке среди убитых ими же людей. Я раньше не верил правительственному радио и газетам, которые рассказывали о таких кровавых побоищах, но теперь убедился в этом своими глазами...

Старика нервно прервал американец. Он, очевидно, требовал, чтобы старик пояснил, о чем тот так долго ведет

разговор с пленным. Старик извиняющимся тоном что-то ответил ему.

Правда, старик тут же не преминул сообщить Леонову:

— Я ему сказал, что советую вам слушаться его и что вы не пожалеете об этом.

Подошел главарь банды и через своего переводчика тихо что-то пробормотал. Американец хлопнул Леонова по плечу и, сказав «о'кей», удалился. Старик хотел остаться около Леонова, но главарь банды злобно бросил ему: «Буру!»¹, и старик поспешно отошел в глубь двора. И вот снова душманская колонна двинулась в путь. Шли быстро. Как только колонна вытянулась из кишлака, сразу же начался подъем в горы. У Леонова закружилась голова и началась одышка. Он замедлил шаг. Идущий сзади охранник подгонял Антона ударами приклада автомата. Второй охранник шел чуть впереди и тащил веревку, которая была привязана к ишаку, чтобы он не замедлял движение.

Томительно долго тянулась ночь. Силы Антона были на исходе, и их поддерживали только мысли о побеге.

Остановились на первый привал. Леонова отвязали от ишака, но рук не развязывали. Он присел на небольшой острый камень и настороженно оглянулся: «Где мы сейчас? Судя по звездам, идем на юг или юго-восток. Когда же окажемся у какой-нибудь пропасти? Только бы хватило сил! Только бы выдержать!»

Через короткое время движение возобновилось. Через несколько километров гора, идущая чуть левее, как бы начала расти вверх, закрывая звезды. Вскоре тропа свернула к этой горе, и теперь огромная скальная стена была рядом с тропой. Справа потянулись многочисленные нагромождения камней, а среди них отчетливо слышалось журчание воды. Антон облизывал сухие губы, мечтая хотя бы о глотке воды. Перед его глазами стояла живительная, прохладная, свежая вода. Это было настоящей пыткой! И когда горная речушка стала уходить правее и шум ее становился все тише и тише, Леонов даже вздохнул с облегчением: «Если нельзя попить, то пусть вода и не напоминает о себе». Он постарался думать о чем-то другом. На этот раз вспомнилась ему родная рота, товарищи Коблик, Шувалов, Кольцов... Почти месяц назад во время привала они мечтали о том времени, когда вернутся домой, договорились, что «гражданка» их не разлучит и что дружить будут они всю

¹ Буру — пошел, уйди (дари).

жизнь. Они тогда вполголоса пели песню, рожденную на афганской земле:

...На афганской
выжженной земле
спят тревожно
русские солдаты...

Простой душевный мотив всегда трогал души молодых солдат. В такие минуты думалось и мечталось легко, хотелось, чтобы песню, которую пели, слышали родители, близкие, друзья. Голосом Антон не обладал, но пел с душой, и это нравилось ребятам.

Воспоминания прервала пропасть. Антон четко увидел, что справа началась черная бездна. Вот оно, спасение от плена, от унижения и позора. Десантник сжался в комок, еще немного и вперед, в эту бездну! Как бывало раньше с парашютом, готовился он сейчас к своему последнему в жизни прыжку. Мысль работала четко. Сейчас он думал только об одном: как исполнить этот прыжок, как увлечь за собой это бедное животное. Когда нога наступила на небольшой камешек, Антон как бы случайно столкнул его в черную бездну. Шума падения не услышал: значит, глубина большая. А тут еще душманы заметили, что пленный был привязан очень коротко, а тропа настолько узка, что он не мог идти рядом с ишаком, и удлиннили веревку. Теперь Леонов двигался за обреченным животным. «Прощай, Родина! Прощайте, родные, друзья!» — мысленно воскликнул Леонов и рванулся вниз, в бездонную, черную пустоту...

«НАШЛА Я СВОЕГО СЫНОЧКА...»

Нина Тимофеевна Чайкина много дней подряд не находила себе места. Несмотря на то, что Павел прислал ей три письма, в которых бодро писал о том, что у него все хорошо, мать волновалась. Она словно между строк читала о том, что с сыном что-то случилось. Нет, она не сомневалась, что это почерк Павла... Ее смущал запах: пахли письма лекарствами. А тут еще и Павел вдруг начал писать, что, дескать, главное остаться живым. Это тоже настораживало. Ранее он так не писал. Тревога толкнула Нину Тимофеевну, казалось, на безрассудный шаг. Она узнала номер телефона одного из госпиталей, находящихся в Туркестанском военном округе, и позвонила туда. Ей ответили, что ее сына там нет. Тогда Нина Тимофеевна попросила у них номер телефона ближайшего госпиталя. Там тоже Павла не оказа-

лось, но со слов отвечавшего ей сотрудника госпиталя Нина Тимофеевна узнала номер телефона третьего госпиталя. Позвонила. Ответил мужской голос. Нина Тимофеевна поздоровалась и спросила:

— Скажите, пожалуйста, у вас случайно не находится на излечении Чайкин Павел?

Мужчина поинтересовался:

— А кто спрашивает о нем?

— Его мама.

— Подождите минуточку.

Затаив дыхание, Нина Тимофеевна ждала. Через пару минут в трубке послышался тот же голос:

— Алло! Вы слышите меня?

— Да-да, слышу хорошо.

— Ваш сын находится у нас.

— Что с ним? — громко спросила Чайкина, хватаясь рукой за край столика, на котором стоял телефон.

— А вам не сообщали? — насторожился мужчина.

— Нет еще...

— У него тяжелое ранение ноги. — Чувствовалось, что мужчина растерялся и засомневался, правильно ли он делает, давая такую справку.

Нина Тимофеевна хотела спросить, цела ли нога, но выдержка изменила ей, и она, положив трубку на аппарат, медленно опустилась на стул. «Вот и случилось! Господи, ведь чувствовало беду мое сердце! Что делать?! Надо ехать! Да, надо немедленно ехать к Пашеньке!»

Нина Тимофеевна нервно ходила по квартире, обдумывая план действий. Достала из антресоли чемодан, открыла его и начала собираться, но вдруг подошла к телефону и набрала номер квартиры Коблик.

Услышав голос Веры Федоровны, Нина Тимофеевна сказала:

— Нашла я сыночка... — И зарыдала.

— Где он? Что с ним?

— Он в Ташкенте, в госпитале. Я сегодня же лечу к нему.

— Нина Тимофеевна, я сейчас прибегу к вам, дожидесь меня.

Не прошло и получаса, как Вера Федоровна была у Чайкиной. Коблик как могла успокаивала подругу:

— Главное, что он живой! Не надо так расстраиваться. Вы правильно решили поехать и самой все выяснить.

Немного успокоившись, они решили, что Чайкина будет

собираться в дорогу и бегать по магазинам, а Вера Федоровна поедет за билетом.

В помещении кассы было много людей. Даже у окошка справочного бюро была большая очередь. Выстояв ее, Вера Федоровна спросила, есть ли билеты на Ташкент. Молодая девушка ответила, что билетов нет.

— А по брони? — поинтересовалась Вера Федоровна.

— Если для вас забронировано место, то билет вы должны взять в кассе.

Вера Федоровна направилась к окошку администратора. Минут через десять подошла ее очередь. Заглянув в окошко, Вера Федоровна, стараясь, чтобы ее не слышали стоящие за ней люди, тихо сказала:

— Помогите, пожалуйста, женщине, которой надо срочно лететь в Ташкент. Там в госпитале лежит ее сын, раненный в Афганистане.

Администратор, с высокой прической средних лет женщина ответила через динамик, закрепленный на стекле:

— Что вы там шепчете! Скажите внятно, что вы хотите!

Вера Федоровна, краснея от смущения, еще больше наклонилась к окошку и повторила просьбу.

Голос в динамике прозвучал категорично:

— Меня не интересует то, что ваш сын ранен, и то, что вы хотите ехать к нему. Билетов на сегодня до Ташкента нет. Следующий!

Съежившись под любопытными взглядами, Вера Федоровна отошла от окошка.

Неожиданно к ней подошел мужчина.

— Уважаемая, не расстраивайтесь, Для этой дамы, чувствуется, ничего святого на свете нет. Я вам советую пойти в управление гражданской авиации. Оно находится недалеко отсюда. У вас такая причина, что вряд ли найдется человек, который откажет вам.

Вера Федоровна молча кивнула головой и направилась к выходу. На улице она немного успокоилась и решительно пошла к высотному зданию. У дверей сидел вахтер. Он попытался что-то спросить, но Вера Федоровна твердо сказала:

— Я к начальнику управления.

И, не задерживаясь, прошла дальше. Поднялась на второй этаж и спросила у первого же попавшегося ей навстречу мужчины в авиационной форме:

— Подскажите, пожалуйста, где кабинет начальника?

— По коридору слева.

В приемной Вера Федоровна спросила у секретарши:

— Начальник управления у себя?

— Да. Вы по какому вопросу?

— По важному, — ответила Вера Федоровна и потянула на себя дверь.

В большом светлом кабинете сидел средних лет мужчина. Он оторвался от бумаг, вежливо ответил на приветствие и сказал:

— Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. — Подождал, пока Вера Федоровна сядет, потом внимательно взглянул на нее. — Слушаю вас.

Вера Федоровна, явно смущенная вниманием хозяина кабинета, извинилась за вторжение и сбивчиво пояснила причину своего прихода. Она боялась, что начальник управления возмутится и выставит ее, но ошиблась.

Он тут же нажал кнопку и вызвал секретаря.

— Возьмите деньги, сходите в кассу и купите на сегодня один билет до Ташкента. Пусть снимут любую бронь.

Вера Федоровна протянула секретарше деньги и, когда она вышла, встала со стула.

— Чтобы вам не мешать, я подожду в приемной.

— Сидите, сидите здесь. Вы не мешаете. Какое у парня ранение?

— Знаем только то, что у него что-то с ногой, но мать так растерялась, что не спросила. — И Вера Федоровна рассказала этому приятному и внимательному человеку о Чайкиной, о ее поисках сына по телефону. Сказала и о том, что и ее сын служит в Афганистане.

Начальник управления слушал внимательно, а когда секретарша принесла билет, спросил:

— Как фамилия этой женщины? — Записывая, он сказал: — Передайте Чайкиной, что я позвоню в Ташкент и предупрежу о ней. Когда будет вылетать обратно, в аэропорту пусть обратится к администратору, ей выдадут билет без очереди.

Он проводил Коблик до дверей.

— Я желаю вашему сыну счастливого возвращения на Родину.

Вера Федоровна вышла в приемную.

— Скажите, как зовут начальника?

Секретарша удивленно подняла брови: она считала, что посетительница хорошо знает начальника управления.

— Его зовут Виктором Михайловичем.

— Спасибо. До свидания.

В хорошем настроении вернулась Вера Федоровна к Нине Тимофеевне и предложила проводить ее. Но Нина Тимофеевна наотрез отказалась: вещей немного, автобус прямо к зданию аэровокзала доставит. Вера Федоровна настояла на том, чтобы проводить ее хотя бы до автобуса.

Когда Чайкина уехала, Вера Федоровна сразу же направилась домой, а вдруг пришло письмо от Коли?

В подъезде после яркого солнца было сумрачно, и Вера Федоровна наощупь открыла почтовый ящик. Среди газет лежало письмо! Не выдержав, она вернулась во двор, к свету. Взглянула на конверт, и ноги начали подкашиваться: на конверте номер части Коли, а почерк не его. Вера Федоровна с трудом добралась до скамейки, села и дрожащими руками вскрыла письмо. И на листке тоже чужой почерк. Взглянула ниже, на конец письма, а там две подписи: командира батальона и его замполита.

«Господи, да что же это такое?! — Буквы расплывались у нее перед глазами. — Что случилось?!»

Она заставила себя начать читать:

«Здравствуйте, дорогая Вера Федоровна! Мы рады вам сообщить, что Ваш сын...» Командир и замполит батальона благодарили мать за воспитание сына, желали крепкого здоровья.

У нее сильно билось сердце, в глазах появились слезы радости и гордости за сына-воина. «Обязательно покажу письмо на работе. Пусть знают, каков он у меня!» — решила Вера Федоровна, кладя конверт в сумочку.

Она поднялась в свою квартиру и только успела вымыть руки, как пришел Сергей.

— Мам, — еще с порога закричал он, — мам, а меня признали лучшим водителем автобазы.

— Ого! Поздравляю, сынок, молодец! — Вера Федоровна стремительно вышла в прихожую. — Я смотрю, вы с Колей словно сговорились, радуете мать. — Она направилась в комнату и вышла оттуда с письмом. — На, почитай, как о нем отзываются!

Сергей быстро пробежал листок глазами и, возвращая письмо, улыбнулся.

— Вот видишь, какие у тебя сыновья!

— Все хорошо, дорогие мои мальчики! Только бы Коленька быстрее вернулся домой!

— А у нас сегодня лекция была. — Сергей переодевался. — Лектор очень много рассказывал об Афганистане, о провокации душманов на границе.

— Это когда душманы обстреляли Пяндж в Таджикистане?

— Ага. Оказывается, эта банда подчиняется... — Сергей заглянул в бумажку, — Гульбуддину Хекматиару. Видишь, я даже записал. Афганские войска при поддержке Советской Армии разгромили эту банду, много душманов взято в плен.

— И поделом им, — кивнула головой мать. — Такое не должно прощаться.

— А еще лектор говорил, что примирение в Афганистане может позволить нашим войскам возвратиться на Родину.

— Ну об этом и Коля пишет...

Договорить Вера Федоровна не успела. Призывно зазвонил телефон. Сергей опередил ее и взял трубку.

— Алло. Странно: в трубке короткие гудки.

Вера Федоровна собралась продолжить свою мысль, но снова зазвонил телефон. Она сама взяла трубку.

— Алло, я вас слушаю.

— Вера Федоровна? — спросил мужской голос.

— Да, я.

— Мы хотим вас предупредить: вас ждут неприятности.

— Какие неприятности?

— Если вы не прекратите издеваться над порядочными людьми, добра не ждите!

— Какими людьми? О чем это вы? — недоумевала Коблик.

Голос в трубке перешел на визг:

— Ах, вы не знаете о чем! Запомни ты, стерва, из-за тебя погорели хорошие люди! Тебе это так не пройдет! Готовься, скоро ты за это ответишь!

— Хам! — только и смогла сказать Вера Федоровна и положила трубку на аппарат.

Лицо ее пылало, руки дрожали.

— Что случилось? С кем это ты говорила?

— Какая-то дрянь позвонила, говорила всякую гадость.

— Кто она?

— Да не она, а он, — как от зубной боли поморщилась мать. — Мужчина звонил. Говорил черт знает что! И, конечно, не представился.

Она уже немного успокоилась и даже улыбнулась.

— Да ну его, сынок. Это, конечно, Жукина или Солдунова какой-нибудь дружок. Не будем обращать внимания.

— Правильно, мамуля, — обнял ее за плечи Сергей, — прижали их как следует за ихнюю проделку, вот и мечутся... Собаки лают, а караван идет.

— Ишь ты, какие пословицы помнишь, — рассмеялась мать и, легонько подталкивая сына в кухню, сказала: — Ну пойдем, накормлю тебя — лучший водитель.

ПОИСК ПРЕКРАТИТЬ

Генерал Дубик высадил десант в том месте, где заканчивался карниз, и одновременно по его приказу взвод разведчиков, усиленный двумя саперными отделениями, а за ними две роты батальона под командованием подполковника Бунцева двинулись по карнизу. По другой стороне ущелья шла рота царандоя. Перед этой ротой стояла задача не допустить нападения на советские подразделения со стороны гор, лежащих с другого края ущелья. Продвигались медленно. Карниз был усеян минами. Каких только «сюрпризов» не было здесь. И простые «итальянки» в желтом пластмассовом корпусе, и замысловатые «японки», и мины, изготовленные в виде электрофонаря или полевого бинокля. Были и американские шариковые мины направленного действия, прикрепленные к скалам. Словом, саперам, попеременно сменяющим друг друга, работы было по горло. Им активно помогали две овчарки Альфа и Цезарь. Командир саперов капитан Фоменко работал бесценно. Своим ребятам он доверял, но очень хотелось капитану двигаться еще быстрее. Ведь вполне могло быть, что от этого зависела судьба пропавшего солдата. В скалах, к которым прилип карниз, было много пещер. Их осматривали наскоро, только проверяли, нет ли там людей. В душе и солдаты, и командиры надеялись, что удастся настичь банду и отбить своего товарища. Но вот и встреча с десантом. У них старшим был командир третьей роты старший лейтенант Пузанов. Он доложил комбату обстановку и от себя добавил:

— По всему видно, товарищ подполковник, опоздали мы. Душманы увели парня скорее всего этим путем, оставляя после себя мины.

— Да, похоже, — со вздохом согласился комбат, опираясь спиной о скалу. Через плечо посмотрел на радиста. — Давай связь с генералом!

Радист быстро развернул станцию и тут же протянул комбату микрофонную трубку.

— Генерал Дубик на связи, товарищ подполковник.

Бунцев коротко доложил о результатах операции, потом потянулся к планшету с картой и, внимательно слушая

генерала, начал поспешно делать какие-то отметки.

Закончив разговор, Бунцев тихо сказал:

— Приказано поиск Леонова прекратить. Возвратиться на исходную позицию, там нам поставят новую задачу. Комбат посмотрел на старшего лейтенанта Пузанова.

— Владимир, тебе придется идти замыкающим. Подумай, как и что сделать, чтобы нам по хвосту не врезали духи. Отдых — полчаса.

Ровно через полчаса батальон двинулся обратно. Подполковник Бунцев связался по радио с командиром роты царандоя и через переводчика передал им просьбу подстраховать батальон и на обратном пути. Несмотря на то, что теперь более тщательно осматривали подозрительные места, что позволило обнаружить четыре склада с оружием и боеприпасами, двигались гораздо быстрее, чем тогда, когда впервые преодолевали этот путь. Отличились десантники отделения старшего сержанта Шувалова. Им удалось обнаружить самый большой склад, который был тщательно замаскирован. Там оказалось более пятисот противотанковых и противопехотных мин.

— Да, изрядно нафаршировали эту тропу «игрушками», — ткнул одну из итальянских мин Коблик. Он взял мину, сделанную в виде детской игрушки. — Хотел бы я познакомиться с тем, кто их делает, посмотреть в глаза... Поговорить с ним по душам...

— А ну, друг-другок, — послышался сзади голос капитана Фоменко, — положи-ка игрушку на место и не цапай, а то нечем будет любимую обнять.

Фоменко не стал дожидаться, пока солдат положит мину на место, а взял ее и осторожно положил на кучу таких же «игрушек». Громко приказал:

— Сержант Володько, сфотографируйте все это, затем взорвем. — Заглянув в глаза Коблику, спросил: — Понял, друг-дру-жо-чек?

От контузии Фоменко заикался. Солдаты привыкли к такому произношению. Попов иногда даже пытался переразбивать капитана: «Ще-зарь, и-ди-ка ты ж-жрать, а не то с-сам съем».

Коблик грустно сказал:

— Знаете, товарищ капитан, кого бы я сейчас хотел обнять?

— Ясно кого, — улыбнулся капитан в пшеничные усы, маскирующие отсутствие двух передних зубов. — Свою одноклассницу или девушку-соседку. А?

— Нет, товарищ капитан, я сейчас бы обнял Антона... Антона Леонова.

Находившийся недалеко Шувалов, хромая, подошел к Коблику.

— Пошли, Коля. Пошли, нам приказано продолжать движение. Сейчас саперы устроят фейерверк.

Наконец кончился карниз, и тропа, извиваясь среди скал, пошла вниз. Прошел еще час, и батальон прибыл туда, откуда рано утром начинал свой поход. Здесь находились тылы батальона, «броня». Начальник штаба, которого комбат оставлял здесь на КП, заранее получил сообщение о приближении рот и поэтому позаботился о том, чтобы к их приходу был готов ужин.

Комбат уточнил обстановку и только после этого стал ужинать вместе с Мисником. Они сели за отдельный столик на командном пункте, на котором находилась радиостанция для связи с батальоном.

Бунцев спросил:

— Как раненные себя чувствуют, не узнавал?

— Как же. Дважды утром и днем связывался, да и генерал-лейтенант Дубик не забыл о них. У лейтенанта Макарова дела посложнее, огромная потеря крови, рядового Аркадьева вывели из шока побыстрее. Сейчас после операции оба находятся в реанимационном отделении. Врачи уверены, что жить будут.

— Погибшего сержанта когда отправят на Родину?

— Вроде бы завтра. Мне приказано выделить двух человек для сопровождения.

— Откуда он?

— Из Москвы. Хороший был солдат. Смелый, решительный, пел хорошо...

— Какая у него семья?

— Отец на заводе инженером работает. Мать — в библиотеке. Есть еще две младшие сестренки.

Бунцев отложил ложку и, глядя через бруствер в сторону гор, за гряды которых уже начинало прятаться солнце, тяжело вздохнул:

— И когда это кончится? Теряем ребят своих... Скорей бы они взялись за дело...

— Кто, афганцы?

— Конечно.

— Теперь дела пойдут побыстрее. Думаю, что те, кто хочет мира этому народу, пойдут на примирение. Да и

Наджибулла один из тех, у кого слова не расходятся с делом.

— Да, если бы он смог повернуть партию лицом к народу, в первую очередь к беднейшим ее слоям. Чувствуется, он крепкий мужик. Помнишь, он в часть к нам приезжал?

— Конечно, помню. Я же из его рук афганский орден «За храбрость» получил.

— Писем нет?

— Есть. И тебе, и мне. По письму пришло.

— Чего же ты молчишь, Иван?! Издеваешься над командиром! Сам-то небось уже десяток раз донесение своей Галины перечитал, а меня томишь.

Бунцева и Мисника связывала давнишняя дружба. Вместе учились в воздушно-десантном училище, даже в одном взводе были. Да и женились на подружках. Бунцев на Ане, а Мисник на Гале. Девчата жили на одной улице. И сейчас они продолжали дружить. Поэтому комбат и начальник штаба часто делились между собой домашними новостями. У обоих были семилетние дочери, которые через полтора месяца должны пойти в школу. Но на этом, пожалуй, все общее в их семьях кончалось. У Мисника в семье все было хорошо, семейная жизнь складывалась счастливо. У Бунцева все было иначе. Если по службе ему повезло несколько больше, чем другу: он — подполковник, командир батальона, а Мисник — майор, начальник штаба, то в личной жизни все шло наперекосяк. Жена все чаще сотовала на свою судьбу. Даже раньше, когда они были вместе, любая, пусть краткосрочная отлучка мужа по служебным делам вызывала у нее недовольство и раздражение. На этой почве были ссоры и скандалы. Ревность, недоверие и неудовлетворенность все больше чувствовали себя хозяйками в их семье. Бунцев стоически переносил все это, надеясь, что время возьмет свое и все уладится. Иногда в письмах жены Бунцев читал добрые и даже нежные слова, и тогда на душе становилось тепло и светло, даже в бою чувствовал себя спокойнее: его ждала не только доченька, но и жена.

Бунцев взял протянутый другом конверт и, выйдя из КП, сел на первый же валун, достал исписанный крупным почерком листок. Уже по первым строкам понял: письмо хорошее.

«Здравствуй, мой милый! — писала Аня. — Пришла с работы, и такая грусть меня за душу схватила, что решила сначала сесть за письмо, а затем за ужин братья. У нас все по-старому. Леночка готовится к школе. Сейчас нахо-

дился у моих родителей. Вот напишу тебе, покушаю и пойду к ним. Возможно, останусь там и ночевать. Ты же ведь хорошо знаешь, как я не люблю быть одна. На работе у меня все по-прежнему. Сегодня уже новый кавалер объявился. Прибыл к нам из Томска один инженеришка, получает сто тридцать, а хорохорится, словно зарплата у него — пятьсот. Вчера предлагал мне в театр пойти, а сегодня уже решил, что я для большего созрела, приглашал в ресторан сходить. Отшила его. По-моему, на этом его ухаживания закончатся...»

Бунцев продолжал сидеть на камне и держать письмо на ладони, словно взвешивая. Двойное чувство было у него. С одной стороны, слова вроде хорошие, но в то же время он уловил какое-то отчуждение в словах жены. «Зачем она мне пишет об этих ухажорах? Неужели не ясно, что к молодой, симпатичной женщине, у которой муж далеко, будут цепляться разные ловеласы? Нет, постой, комбат, ты уже начинаешь придирается к жене. Тебе здесь нелегко, но и ей не сладко: и работа, и дочь, и заботы по дому. Надо ей написать обстоятельное письмо. В прошлом она намекала, что мне далеко не скучно и что постоянно развлекаюсь в обществе дам. — Подполковник грустно улыбнулся, глядя на стоявшую боевую машину пехоты. — Вот моя дама. Пожалуй, Аня права, если имеет ее в виду».

Бунцев вернулся на командный пункт. Мисник как раз получал по закрытой радиосвязи задание.

— На Саланг бросают.

— Веселое местечко. — Бунцев склонился над картой. — Ну-с, чего от нас хотят?

— Западнее перевала появилась большая банда, по имеющимся данным до пятисот человек. Духи обложили перевал и тоннель под ним с двух сторон. Движение транспорта приостановлено. Нам приказано десантироваться туда. Броня пойдет своим ходом. Министр внутренних дел выделил для совместных действий два батальона оперативного полка царандоя. На подходе к Салангу находится и батальон афганской армии. Кроме того, обещана авиационная поддержка. Задача: оказать помощь афганским подразделениям в восстановлении движения через перевал и разгроме противника.

— Ясно. Ну а как быть с розыском Леонова?

— Этим будут заниматься компетентные афганские и советские органы. Организация этой работы возложена на подполковника Джалала. Он и будет, как только что сказал

генерал Дубик, координировать свою работу с нами и разведуправлением министерства обороны Афганистана.

— Джалал — толковый мужик... — Бунцев задумался. — Конечно, генерал прав: гоняться за призраком по горам, не зная, где его искать, пустое дело. Если афганским товарищам удастся установить хотя бы приблизительно район, где может находиться Леонов, тогда можно и нас подключать... Связывайся с нашими подразделениями, которые находятся в районе Саланга, с афганскими товарищами и садись за планирование операции. Десантирование начнем завтра в пять тридцать утра.

Подполковник Бунцев решил: пока штаб будет готовить окончательный план, утрясать все вопросы с летчиками и афганскими товарищами, он сможет уделить тридцать — сорок минут себе, переодеть белье, побриться, собраться в путь.

Он вышел из штабной палатки и с удовольствием полной грудью вдохнул уже остывший, свежий воздух. Была только половина восьмого вечера, а уже стояла глубокая ночь.

В этот момент его кто-то окликнул:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

Бунцев обернулся. Перед ним стоял старший сержант Шувалов. Несмотря на темноту, подполковник узнал его.

— Слушаю вас, товарищ старший сержант.

— Товарищ подполковник, мы с ребятами только что узнали, что уходим в другой район. Значит, розыск Леонова прекращается. Мы хотим попросить вас: оставьте наше отделение здесь. Мы продолжим розыск Леонова. Поймите, мы обязаны это сделать.

— Откуда вам стало известно, что мы уходим из этого района? — строго спросил подполковник.

— Для этого много ума не надо. Нам выдали сухой паек на трое суток, двойной запас боеприпасов. Значит, будем действовать в отрыве от брони и тыла. Вот меня и направили ребята попросить вас, товарищ подполковник, оставить хотя бы наше отделение здесь, мы вместе с царандом продолжим розыск.

Подполковник ценил дружбу между людьми и хорошо знал, насколько спаянным было отделение старшего сержанта Шувалова. И сейчас, глядя на командира отделения, он думал, как объяснить ему и его солдатам, что розыск Леонова проводить в этом районе бессмысленно, что в этой ситуации необходимы иные методы...

— Вот что, товарищ старший сержант! — сухо прогово-

рил Бунцев. — Скажите своим солдатам, что командование тоже беспокоит судьба каждого нашего человека. Но не забудьте сказать и то, что командованию лучше знать, как действовать в той или иной обстановке. — И чуть потеплевшим голосом добавил: — Идите и готовьте отделение к выполнению боевой задачи. Розыск Леонова будут продолжать специально выделенные для этой цели люди.

Еще до рассвета было далеко, когда первая группа десантников была поднята по тревоге. Взревели моторы, строились роты, вытягивались в колонну артиллерия, мощные грузовики с боеприпасами. Получили команду и боевые машины пехоты стать в колонну. На них быстро и привычно устроились десантники. Вскоре колонна медленно двинулась вперед. Идти до шоссе четыре километра. Там уже дожидается батальон царандо. Они вместе продолжат путь до соединения с еще одним афганским батальоном, затем колонне предстоял бросок в горы, где хозяйничали душманы.

Гул моторов постепенно удалялся, и вскоре в гарнизоне наступила тишина.

Время в подготовке проходит быстро. Небо на востоке стало чуть-чуть сереть, и горы еще покоились в ночной мгле, а над военным городком уже послышался мощный гул моторов. Это подходили вертолеты за теми, кто должен десантироваться с воздуха. Внизу для них призывно зажгли посадочные огни, они освещали площадки. Вертолеты устремились на предгорье и скрылись в поднятой винтами пыли. Посадка десанта прошла быстро: каждый знал, что ему делать, в какую машину садиться. Через несколько минут машины взмыли в небо.

Комбаты Бунцев и Ашраф летели в одном вертолете, управлял которым командир эскадрильи майор Першин. Его машина шла первой.

В небе уже стало довольно светло. Десантники сидели плотно друг к другу: плечом к плечу афганские и советские солдаты. Рев двигателей не позволял разговаривать. Каждый был собран, сосредоточен.

Отделение старшего сержанта Шувалова находилось в командирской машине. Шувалов подошел к каждому из своих солдат и что-то прокричал на ухо. От его слов у одних появилась чуть заметная улыбка, другие молча кивали головой. Не проходил Шувалов и мимо афганских солдат, правда, он им ничего не говорил, молча дружески хлопал каждого по плечу: не робей, мол, браток, все будет нормаль-

но. Бунцев держал на коленях карту и с помощью шлемофона поддерживал связь с майором Першиным. Подполковник взглянул на часы: пять двадцать три. Значит, по душманским позициям уже нанесен авиаудар, и сейчас их обрабатывает артиллерия. Першин по внутреннему переговорному устройству сообщил:

— Товарищ подполковник, мы в расчетной точке. Начинаю разворот на цель.

— Понял, — ответил Бунцев и взглянул на радиста, развернувшего свою радиостанцию на полу кабины. Тот сразу же понял, чего от него хочет командир, склонился над рацией и передал в эфир четыре слова:

— «Надежда»! Пять, пять, пять!

Вертолеты, резко свернув вправо, понеслись к вершинам. Создалось впечатление, что они ползут по заснеженным склонам к вершинам гор. Внизу стремительно проносились острые хребты, засыпанные снегом расщелины. Здесь царствовала вечная зима. Но вот вертолеты перевалили вершины хребта и ринулись вниз. Под ними были ледники. Сейчас предстояло самое трудное: там, внизу, пилотам надо было безошибочно еще в глухой тяжелой темени отыскать «свой» пятачок и посадить машину. Командирский вертолет с двух сторон обогнали МИ-24. Они своими длинными стремительными телами обозначили круг, где должны приземляться десантные машины, и сразу же повели огонь по известным позициям противовоздушных средств обороны. Некоторые из них ожили, и к вертолетам потянулись прерывистые линии светлячков. Это били крупнокалиберные пулеметы и зенитные установки. МИ-24 грозно огрызнулись ракетами.

Гирлянда «сабов» зажглась красноватым светом и озарила покатую гору. К ней и устремился командирский вертолет. А за горой черным провалом лежала бездонная пропасть. Мимо вертолета с вершины горы багровым ручьем пронеслась длинная очередь крупнокалиберного пулемета: наверх нащупывал головную машину. Но комэск не зря слыл асом. Он виртуозно, даже с каким-то шиком, с ходу приземлил машину. Десантники быстро, подталкивая друг друга, выскакивали из вертолета, отбегали на десяток метров и занимали позицию вокруг винтокрылой машины.

Прошла минута, и машина взмыла вверх, за ней потянулись и другие. Бунцев облегченно перевел дыхание: первая партия десантников на своих точках.

Затем он взял красную ракету и выстрелил в сторону штаба. Это был сигнал к атаке. Взвод старшего

лейтенанта Медведева вместе с разведвзводом и ротой царандо атаковал штаб. Душманы уже пришли в себя. Заняв позицию у пещеры, где размещался штаб, открыли плотный огонь.

Бочаров, не мешкая, направил к Медведеву три расчета автоматических гранатометов. Они вместе с тремя гранатометчиками взвода должны были вполне обеспечить поражение наиболее опасных позиций противника.

Впереди взвода Медведева находилось отделение Шувалова, который уже успел проверить всех своих солдат. За исключением одного легкораненого, пока потерь не было. Шувалов подполз к Кольцову, залегшему за небольшим валуном, и приказал:

— Костя, пока наши долбают духов из минометов, доберись к разведчикам и передай их командиру старшему лейтенанту Иванько приказ комбата: не стрелять выше входа в пещеру, там будут солдаты царандо, и передай им вот эту станцию, а то их вышла из строя. — Шувалов протянул Кольцову небольшую портативную радиостанцию.

Кольцов молча кивнул головой, сложил приклад автомата, взял радиостанцию и пополз. Шувалов некоторое время наблюдал за ним и, убедившись, что солдат ползет умело, хорошо маскируется на местности, решил возвращаться к своему месту и только повернулся, как послышался взрыв, который натренированный слух отличит от десятков других взрывов. То был несильный, наземный взрыв противопехотной мины. Шувалов вскочил на ноги и бросился туда, где должен был находиться Кольцов.

В бою часто так бывает, что человек начинает действовать даже раньше, чем осознает, что произошло. Какие-то внутренние пружины срабатывают, заставляют вскакивать, бежать, ползти, когда до сознания еще только начинает доходить то, что случилось. Вот и сейчас до Шувалова еще начала доходить страшная догадка, а он уже мчался большими прыжками к Кольцову. Его опыт солдата, приобретенное в боях умение успеть лечь при вспышке выстрела врага, укрыться при свисте подлетающих мины или реактивного снаряда, мгновенно нажать на спусковой крючок и ответить огнем на огонь противника, словно условный рефлекс, сработал и сейчас. Да, Кольцов подорвался на mine. Шувалов упал рядом с ним.

— Костя! Жив?!

Лицо Кольцова было в пыли, но ни кровинки на нем не было видно. Солдат лежал как-то странно, на боку с широко

открытыми глазами. Их голубизна не была покрыта пылью.

— Костя, это же тебя рвануло?! Где болит? — быстро говорил Шувалов, а руки его ощупывали друга. Пальцы коснулись чего-то мягкого, мокрого. Через грязь, облепившую живот, проступала черная, перемешанная с землей кровь. — Костя, друг, потерпи, я сейчас, — скороговоркой говорил Шувалов, быстро доставая из металлического приклада своего автомата перевязочный пакет. И вдруг он сообразил: нет больше Кости, перед ним лежал уже неживой человек.

Шувалов, не понимая, зачем он это делает, перевязал глубокую рану двумя пакетами и только потом поднял Кольцова на руки и, не обращая внимания на свист пуль, взрыхлявших у ног каменистую почву, медленно побрел к своим. К нему бросились Коблик и командир взвода старший лейтенант Медведев. Они вдвоем занесли Кольцова за огромный валун. Прибежал санинструктор. Он осмотрел Кольцова, тяжело встал, медленно стащил с головы каску.

— Убит!

Коблик снял с плеча автомат, глядя сузившимися глазами в сторону душманов, засевших в пещере, дрожащим от гнева голосом сказал:

— У-у, гады!

Все его тело напряглось, пальцы рук побелели, сжимая автомат. Еще секунда, и он один бросился бы к пещере. Но послышался строгий голос командира взвода:

— Рядовой Коблик! Стоять на месте!

Коблик повернулся к Медведеву.

— Товарищ старший лейтенант, так они же нашего Костю убили!

— Спокойно, Коблик, — мягче произнес Медведев. — Не забывайте, что это война, и оставайтесь солдатом в любой обстановке. Слушайте мою команду: вместе с санинструктором доставьте погибшего в тыл. А вы, — обратился Медведев к Шувалову, — за мной!

Пригибаясь, Медведев и Шувалов побежали к взводу. Шувалов на бегу обернулся: санинструктор и Коблик, положив погибшего товарища на спальный мешок, медленно несли его к КП батальона.

Медведев быстро разместил в рядах атакующих гранатометчиков, дал команду:

— В атаку! — И первым бросился вперед.

Бой продолжался.

ТЮРЬМА

Нет, не получилось так, как задумал Леонов. Когда он, выбрав удачный момент, словно ныряя в воду вниз головой, бросился в черную бездну пропасти, ишак, к которому Леонов был привязан, не сорвался с ним. Душман, идущий сзади, был настороже: он среагировал мгновенно и бросился к ишаку, помогая ему удержаться на ногах и не рухнуть вслед за солдатом.

Леонова вытащили наверх, за ту же веревку, которой он был привязан к животному, и начали избивать. Били жестоко и беспощадно. Сперва Леонов как мог уворачивался от болезненных ударов, но после того как душманы ногами сломали ему ребра и сильно ударили по голове, Антон потерял сознание.

Бандиты взвалили бесчувственное тело на спину ишака, накрепко привязали его и тронулись в путь.

Леонов пришел в себя уже днем, когда солнце было в зените. Он попытался поднять голову, но сил не было, и она непроизвольно опустилась вниз. Глаза видели только качающуюся перед ним землю да бок ишака. Мысли путались, шум в голове не позволял сосредоточиться. Леонов с трудом начал вспоминать события прошедшей ночи. «Значит, у меня ничего не получилось! — думал он, вспоминая, как его вытащили из пропасти и начали избивать. — А что было дальше? Привязали к спине ишака, и дело с концом. Поймай, постой... но ведь сейчас уже день, вон как солнце припекает, а душманы спокойно идут. Что это значит?»

Леонов чуть повернул голову и увидел одноэтажные глиняные дома. К ним и направлялась банда.

Вскоре Леонов почувствовал, что его развязывают. Двое душманов поставили его на ноги, но голова закружилась, ноги подкосились, и Антон упал. Его подняли и затащили в какой-то дом, там бросили на глиняный пол. Антон некоторое время лежал вниз лицом, прижимаясь разгоряченным лбом к прохладному полу. Потом он со стоном перевернулся и лег на спину. Все тело и голова болели. При малейшем движении сильнейшая боль в правом боку лишала сознания.

Антон осторожно ощупал бок: «Ребра поломали, сволочи!» На голове пальцы нащупали запекшуюся кровь. «Да, отделали они меня здорово! Ничего, соберусь с силами и ночью снова бежать попытаюсь».

Сколько пролежал Леонов, трудно сказать, но по тому, что солнечный луч, проникающий через маленькое незасте-

кленное оконце, переместился из центра пола к углу, можно было сделать вывод: прошло по крайней мере несколько часов. Мучительно хотелось пить, в носу было полно крови, и Антон часто дышал открытым ртом.

В дверях послышался какой-то шорох, и через секунду в помещение вошли трое. Одного из них Леонов сразу же узнал: все тот же американец. Они стали над ним и молча разглядывали. По брезгливому выражению лица американца Леонов понял, что его вид не вызывает у того приятных ощущений. Антон даже с каким-то чувством злорадства подумал: «Черт с тобой, смотри на работу своих холуев!»

Американец на этот раз был выбрит, переодет в светлую рубашку с короткими рукавами. От него пахло одеколоном. Когда он наклонился к Антону, тот увидел, что глаза у него сероватого цвета, сидят глубоко, лицо продолговатое, крупное. Ему было лет сорок — сорок пять.

Вот американец что-то сказал одному из своих спутников по-английски, тот на языке дари передал сказанное второму душману, а уже тот сказал по-русски:

— Господин Роберт интересуется, как вы себя чувствуете?

«А неплохо этот тип по-русски шпарит», — подумал Антон и спросил:

— Где я нахожусь?

Его вопрос был переведен американцу. Тот ответил:

— В Пакистане. У нас к вам есть предложение...

Леонов не стал ждать, что скажет переводчик, и заявил:

— Я требую, чтобы меня немедленно передали представителю Советского Союза, а с вами разговаривать не буду! — Антон хотел отвернуть голову и пошевелился. Боль опять пронзила все тело. Он закрыл глаза и не видел, как ухмыльнулся американец.

— Доставленные сюда русские всегда чего-то требуют, а затем, когда проходит время, они в конце концов соглашались на все условия и принимают наши предложения. Подумайте об этом. Мы еще увидимся.

И тройка направилась к дверям. Антон настоятельно твердил:

— Я требую, чтобы меня передали представителям Советского Союза!

Ответа не последовало.

На глаза Леонова опустился туман, в голове шум усилился, и он снова впал в беспамятство.

Он пришел в себя от холода. Открыл глаза, и первая

мысль, которая пришла к нему — ослеп! Но постепенно глаза начали определять какое-то пятно, и Леонов догадался, что стоит ночь, а пятно — это оконце. Поэтому и прохладно. Он долго лежал с открытыми глазами, глядя в темноту. Мысли путались, и даже последний разговор с американцем казался ему чем-то нереальным, далеким. Прохладный воздух действовал целительно, и Антон крепко уснул.

Утром его разбудили двое. Молча поставили широкую чашку, наполненную какой-то жидкостью, и рядом, прямо на пол, положили небольшой кусок плоской лепешки. Когда они вышли, Антон осторожно повернулся на левую сторону. Немного выждал, чтобы дать чуть-чуть улечься боли, и взял чашку. В ней был теплый чай, и Антон, стараясь не разлить ни капли, выпил его. Есть не хотелось, и к лепешке он даже не притронулся. Возвратившись скоро, те двое жестами показали, чтобы он встал на ноги.

Превозмогая боль, Леонов встал. Его шатало, голова кружилась, ноги подкашивались, но Антон отказался от помощи, медленно направился к дверям.

Было раннее утро. Шурясь от яркого света, Антон остановился. Постоять ему дали не более полминуты. Стоящий сзади душман подтолкнул его в спину и грубо сказал:

— Ру-буру!¹

Антон сделал несколько шагов и оказался у двуколой арбы, в которую были запряжены два иссиня-черные вола. Его посадили на голые доски арбы, и арба тут же тронулась. По сторонам и сзади на лошадях ехало трое вооруженных душманов. Четвертый устроился на передке и правил волами. Двигались медленно. Волы подымали сероватую пыль, которая вскоре и кучера, и Леонова покрыла таким толстым слоем, что они оба стали похожи на мельников.

Душман, сидевший на передке, улучил момент, когда те, кто был на лошадях, немножко отстали, тихо сказал:

— Шурави — хорошо.

Эти слова растрогали Антона, и он с благодарностью посмотрел на сидевшего наискосок человека.

Леонов знал, что многие, кто воюет против народной власти, не по собственной воле делают это. Одни, поддавшись уговорам и обману, другие — угрозами вынуждены были взяться за оружие. Здесь сказались и ошибки, допущенные на первой стадии революции, когда в руководство

¹ Ру-буру — вперед (дари)

страной пробрались случайные люди, а то и откровенные противники, которые своими действиями способствовали врагам, помогали им дурманить и убеждать многих простых людей воевать за чуждые им интересы. «Этот, наверно, один из таких», — подумал Леонов и тихо сказал:

— Рафик, пить. — Он жестом показал, что хочет воды.

Мужчина кивнул головой и ответил что-то на своем языке. По тому, как он начал все чаще подгонять быков, Леонов понял, что тот старается побыстрее доехать до водного источника. Минут через сорок въехали в тенистую рощу и остановились. Среди редких кустов виднелся арык. Возница помог Леонову слезть с арбы и подвел его к арыку. Антон лег на землю и окунул голову в чистую холодную воду. Пил долго и жадно, не обращая внимания даже на острую боль в правой стороне груди. Он чувствовал, как вода, словно живительный бальзам, разливается по всему телу, даже боль чувствовалась меньше. Душманы отошли немного вверх по ручью и тоже с удовольствием пили воду, а затем принялись за еду.

Леонов отдохнул немного, перевел дыхание и снова наклонился к воде, затем еще раз и еще.

Но вот охранники поели и приказали Леонову садиться на арбу.

Когда тронулись, возница тайком от других душманов протянул Леонову кусочек лепешки. Скорее из чувства благодарности, чем голода, Антон взял его и съел.

К вечеру арба ввезла его в какой-то кишлак. Уже стало темно, когда они подъехали к высокому дувалу и через большие ворота въехали во двор. Леонова ввели в какое-то здание, грубо втолкнули в комнату и захлопнули дверь. Антон некоторое время стоял, пытаясь что-нибудь рассмотреть, но, поняв, что в этой крошечной тьме ничего не увидишь, лег на пол и уснул.

Проснулся он утром и сразу же услышал какой-то шорох. Поднял голову и увидел парня. Нет, это не был житель Востока. Лицо европейское, короткая стрижка, глаза... их цвет нельзя было разобрать, но глаза... русские. Парень сидел в дальнем углу и тоже внимательно разглядывал Леонова. Потом тихо спросил:

— Ты кто?

«Точно русский, — обрадовался Леонов, но тут же его обожгла мысль: — А вдруг провокатор?»

— Как кто? Человек.

— Солдат?

— Угу.

— Я тоже. Ты где служил? — Парень подсел к Леонову. Увидев, что вся голова у Антона в запекшейся крови, не стал дожидаться ответа, воскликнул: — Слушай, парень, да ты же ранен. — Он осторожно осмотрел голову. — Чем же это тебя, друг? Вся голова разбита.

— Чем, чем? — Леонова все больше грызли сомнения. — Ногами, палками, чем они еще могут, сволочи!

— Давай попытаемся перевязать!

— Чем ты перевяжешь? Или тебе для таких случаев специально перевязочный материал выдали?

— Выдадут тут! — Парень поднял подол рубахи. — Нет, моя майка не годится. Я уже три недели у них, ни разу умыться не дали. Покажи свою.

Он поднял натянутую душманами на Леонова длинную рубаху.

— Твоя почище. — Разорвал ее на широкие полосы и как мог забинтовал голову. — Вот хоть от мух спасем раны...

В этот момент в комнату вошли американец и одетый в европейский костюм мужчина. Американец держал в руках... военный билет. «Неужели мой? — подумал Леонов. — Хотя почему он раньше интересовался моим именем?»

Американец по слогам прочитал:

— Лео-ноф Антон Сер-ге-е-вич. — И что-то сказал переводчику, который перевел:

— Господин Роберт говорит, что вы уже познакомились, и интересуется, согласны ли вы побеседовать с ним.

— Скажите своему господину Роберту, — запальчиво ответил Леонов, — что я согласен говорить только с представителями Советского Союза и требую, чтобы мне предоставили такую возможность.

Парень, который только что перевязывал голову Леонову, встал на ноги и громко сказал:

— Я тоже требую встречи с представителями нашей Родины! И тоже отказываюсь отвечать на вопросы любых лиц, в том числе и этого господина Роберта.

Переводчик с беспристрастным выражением переводил. Роберт изобразил на лице улыбку.

— Вы очень молодые люди, а молодости свойственны горячность и бескомпромиссность. Но вы не знаете, что вас ждет. Вы же находитесь в руках людей, которые не имеют возможности предоставить вам условия, которые предоставляют пленным в других странах. Поэтому подумайте

хорошенько о своей судьбе. Время терпит, мы еще побеседуем с вами.

Американец повернулся и вместе с переводчиком вышел из комнаты. Стоявший у дверей часовой с автоматом в руках закрыл дверь на запор, и парни остались одни. Леонов спросил:

— Как тебя зовут?

— Алексей.

— Фамилия?

— Николаев. Служил в мотострелковом батальоне. Мой военный билет тоже у них, там все написано.

— С тобой разговаривали уже?

— Раз пять. Даже одна дамочка, яркая, разукрашенная блондинка, больше на болонку похожа, чем на того, за кого себя выдавала. И ты готовься: тоже начнет при встрече охать да ахать, говорить о жестоких душманах-азиатах, ругать их за плохое обхождение с «таким милым, красивым мальчиком».

— А я знаю адрес, куда таких посылать.

— Опоздал, — ответил Николаев.

— Почему опоздал?

— А потому, что по этому адресу я ее уже послал.

— Ничего, солдатский лексикон большой, найду для нее парочку тепленьких словечек. Как ты попал к ним?

— По дурости. Ремонтировали мост в одном кишлаке. Его душманы взорвали, а жители кишлака попросили комбата помочь восстановить. Наш взвод выделили в помощь саперам. А я, пижон, другого слова и не подберешь, решил свеженькой и холодненькой водички испить. Поперся, как тот идиот, вдоль берега большого ручья, хотел отыскать пологий берег. Зашел в «зеленку», припал к воде, а сзади по башке ударили чем-то тяжелым и сцапали меня. Очнулся — кляп во рту, связан по рукам и ногам и волокут меня по каризу. Затащили в горы, а затем и сюда в Пакистан доставили. Пробовал однажды ночью бежать, но где там! Запутался в улочках Пешавара. Меня сдали полиции, а те обратно душманам. Отлупили до потери сознания, шесть или семь дней отходил, а вчера сюда доставили. Зачем, не знаю.

— Где мы находимся?

— Черт его знает. Думаю, что недалеко от Пешавара.

— Считаешь, что бежать бесполезно?

— Нет, почему же. Одному трудно, а вдвоем, если еще оружие захватить, — запросто. Можно или до Исламабада,

или до Карачи добраться, там наши корабли часто бывают, или же уйти в горы, а там — в Афганистан. Для нас главное, чтобы не разлучили. Вместе и помирать легче, если придется...

Они замолчали, потому что за дверями послышалась возня. Принесли поесть: острый перец и тушеный картофель, заправленный томатным соусом.

Решили есть все, чтобы набраться сил. Желудки набили и сразу же захотели пить. Когда забирали посуду, Алексей жестом показал, что они хотят пить, но двое мужчин, ничего не сказав, удалились.

— Что, они нас специально накормили острой едой, чтобы жаждой помучить?

Напарник Леонову попался общительный. Антону не хотелось ни о чем говорить, зато Николаев, истосковавшийся в одиночестве, говорил много.

Леонов слушал его, как говорится, вполуха. Сильно болела и кружилась голова, ныл правый бок, страшно хотелось пить и... умереть. Он никак не мог смириться с тем, что он в плену. Все это казалось каким-то кошмарным сном. Наверное, поэтому и комната, и зарешеченное оконце, и стены, и потолок, и деревянная дверь, сбита из широких, плохо подогнанных друг к другу досок, казались нереальными, приснившимися во сне. Единственная реальность — боль и жажда. Антон попытался заставить себя уснуть, но не получилось. Дверь распахнулась, и на пороге снова появились двое бородатых мужиков с автоматами. Знаками они приказали обоим выходить.

В небольшом, зажатом дувалами квадратном дворе было жарко. Антона закачало, и он наверняка упал бы, если бы не Николаев, который поддержал. Их подвели к той же арбе, на которой привезли Леонова. Николаеву связали руки, посадили обоих на арбу. Вид Антона не внушал душманам опасений, и, очевидно, поэтому они не стали связывать его.

И возница, и охранники были те же. Возница даже улыбнулся Леонову, правда, сделал это так, чтобы не видели охранники.

— Вот видишь, — пошутил Николаев, — передвигаемся с комфортом, не то что вчера, когда я пешком топал. Да еще приклады по моей спине гуляли, а сейчас благодать. — И он демонстративно попытался растянуться во весь рост, но не хватило арбы. Николаев был высоким, из-под рваной рубашки было видно крепкое, тренированное и загорелое

тело. Ехали по неровной пыльной дороге. Арбу трясло, и это причиняло Антону сильную боль. Изредка он тихо постанывал. Пыль вызывала в нем приступы кашля, его тошнило.

Когда они отъехали уже далеко, их обогнали два джипа. Николаев успел увидеть в одном из них американца.

— Готовься, Антон. Американец поехал вперед, чтобы организовать нам теплый, дружеский прием.

Не отвечая, Леонов тихо обратился к вознице:

— Рафик, пить. — И жестом показал, чего он хочет.

Охранник еле заметно кивнул головой и так же как вчера начал подгонять неторопливых быков. Те зашагали чуть веселее. Но все равно больше часа пришлось мучиться пленникам, прежде чем им разрешили попить мутной теплой воды из арыка. Правда, даже эта дурно пахнущая вода показалась обоим необыкновенно вкусной.

Охранники пили воду, которая была у них припасена в больших белых пластмассовых флягах.

Дальше дорога потянулась через «зеленку», мимо густых зарослей кустов и деревьев. Николаев сказал:

— А ты, я вижу, уже установил контакт с кучером?

— Да, я заметил, что он не такой, как другие. Присмотрись, и взгляд иной, ободряющий, и вот уже второй раз водой выручает. Собственно, что тут удивляться, не все же они бандиты, даже если и находятся в бандах.

— Да, это так, — согласился Николаев. — Помню, был с пятью нашими ребятами в секрете. Смотрим, идет один бородач. Автомат за спиной, никакой опасности не чувствует. Когда подошел, мы его взяли, доставили к командиру, тот вызвал афганского офицера. При нас допрос шел. Офицер спрашивает, а ефрейтор Холиков — он узбек и по дари понимает — слушает и потихоньку переводит. Так вот этот пленный сразу же рассказал, что он душман, общил, где банда находится, сколько в ней человек, каким оружием располагает. Сам он бедняк, в семье осталось девять человек. Офицер спросил у него, а чего же ты воюешь с властью, которая хочет, чтобы бедняки жили лучше? А он отвечает, что мулла, мол, сказал, что к власти пришли неверные и поэтому надо воевать против них. Мы смеялись тогда, когда узнали, что старик, оказывается, вынужден был даже автомат у душманов купить, правда, продали они ему в рассрочку.

Леонову снова стало хуже, и он молча лежал на жестких

досках. Судя по тому, что солнце клонилось к закату, ехать оставалось недолго.

Николаев, наверно, тоже подумал об этом, потому что сказал:

— Наверное, скоро прибудем к месту назначения. Только мне кажется, что едем мы к Пешавару. — И Алексей неожиданно обратился к вознице: — Рафик... в Пешавар?

Тот скосил глаза в сторону всадников, кивнул утвердительно головой и тихо сказал:

— Бале¹.

— Вот видишь, — улыбнулся Николаев, — я же был прав. Тащат нас с тобой в Пешавар, там душманские лагеря...

— А почему они нас Пакистану не отдают?

— Наивный вопрос. Стали бы они нас ради этого везти сюда. Кокнули бы на месте, и делу конец. Они наверняка выполняют приказ своих хозяев, в первую очередь американцев, которые надеются склонить нас к предательству, а затем шум на весь мир поднять: вот, мол, советские солдаты сами дезертировали из армии и просят политического убежища на свободном Западе.

— А хрена с редькой не хотят? — вспыхнул Леонов. — Да я же при первом случае сбегу или вцеплюсь в горло какому-нибудь гаду и погибну!

Это он сказал так громко, что возница обернулся и удивленно посмотрел на него, даже охранники подъехали поближе.

— Я тоже так думаю, — согласился Николаев и добавил: — Только орать об этом не следует, а то наших проводников переполошишь.

Но Леонову было уже не до крика. Он разволновался, и это вызвало головокружение и слабость. Застонав, он лег на спину и тихо сказал:

— Мне бы поскорее хоть чуть-чуть окрепнуть.

— Да, браток, в таком состоянии не побежишь. Ты сейчас копи силы и не падай духом. Главное, чтобы они нас не разъединили. Легче и муки переносить будет.

Быки, неторопливо переставляя ноги, втащили арбу в какой-то большой двор. Ни кустика, ни деревца вокруг, только глиняные, прилепленные к высоченному дувалу двух- и одноэтажные дома. У одного из них и остановилась арба. Конвоиры знаками приказали им слезть.

¹ Бале — да (дари).

Николаев, несмотря на то, что руки были связаны, ловко соскочил на землю и подставил Леонову свое плечо, опираясь на которое тот осторожно слез с арбы. Подталкивая прикладами, охранники завели их в дом, вернее, в небольшую комнату, и тут же захлопнули за ними дверь. Комната была совершенно пустой. Свет в нее проникал через одинокое зарешеченное оконце. Стекла в нем не было.

Николаев по-хозяйски прошелся от стены до стены и сказал:

— Восемь квадратных метров отведено нам. Интересно, развяжут они мне руки?

Леонов, не отвечая, опустился у самой стенки на пол. Сидеть было больно, и он осторожно лег на спину.

Николаев присел рядом.

— Больно? Чем тебе помочь? Давай я постучу в дверь и потребую врача?

Леонов не отвечал. Скорее всего он от боли даже не слышал Николаева. Тогда Алексей встал и ударил несколько раз ногой в дверь.

Дверь отворилась. За ней стояли два автоматчика. Николаев кивком головы указал на Леонова.

— Он ранен, и ему необходима медицинская помощь. Поняли? Ему нужен доктор!

Один из охранников молча кивнул головой, хотя по выражению его лица нельзя было разобрать, понял ли он, чего от него хочет русский.

Николаев, не отходя от порога, выждал немного и решил снова стучать. Только он замахнулся ногой, как дверь распахнулась, и в комнату вошли американец Роберт и какая-то женщина. Ей было под пятьдесят. На довольно чистом русском языке она сказала:

— Здравствуйте, мальчики! С вами, Алексей, — она кокетливо улыбнулась Николаеву, — мы уже знакомы. Поэтому представлюсь вашему другу: меня зовут Людмилой Торн, я тоже русская. Меня попросил господин Роберт быть переводчицей в его беседе с вами. Я с радостью согласилась. Еще бы! Встретить в этом диком уголке соотечественников. Кто откажется от этого? И вот я с вами!

Картинно раскинув руки, дама тряхнула крашеными светлыми волосами.

— Думаю, что поговорить с вами откровенно у меня еще будет возможность, а пока, мальчики, я буду переводить вам слова господина Роберта, а ему — ваши.

Она сделала два шага к продолжавшему лежать Леонову и капризно сказала:

— Что же ты лежишь? К тебе в гости пришла женщина, причем еще не очень старая и, как говорят, симпатичная, а ты молодой, красивый мужчина не соизволишь подняться.

Леонов даже не пошевелился.

Николаев пояснил:

— Он ранен. Ему нужна медицинская помощь, и немедленно! У него необработанные раны на голове, сломаны ребра, он совершенно без сил.

— Ах, бедный мой! — пожалела она Леонова. — Не пойму этих революционеров, зачем нужна такая строгость?

— Не строгость, — хмуро сказал Николаев, — а жестокость, элементарная, звериная жестокость.

Дама пропустила эти слова мимо ушей и продолжала свое:

— Мальчики, если вы будете слушать нас, то вас ожидает иная, счастливая, романтическая жизнь. Свобода, деньги, красивые девушки, путешествия в дальние страны! Что еще надо молодому человеку?!

Она повернулась к американцу и что-то сказала по-английски. Тот ответил очень коротко, а затем обратился к парням, Людмила перевела:

— Я хочу с вами поговорить. Как мне кажется, вы не глупые люди, и я хочу, чтобы вы реалистически посмотрели на ситуацию, в которой оказались. Итак, вы, Николаев, попали в плен в такой момент, что никто из ваших товарищей этого не видел. Для своего командования вы — дезертир. А если к этому добавить, что душманы, как вы называете борцов за веру, уже подбросили в часть, где вы служили, листовку, где говорится, что вы добровольно перешли на сторону врага, то не трудно догадаться, что вас ждет в случае возвращения в Россию.

Американец сделал небольшую паузу и подошел к продолжавшему лежать Леонову.

— При каких обстоятельствах попали вы, Леонов, в руки противника, тоже неизвестно. Даже если бы вас сейчас отпустили, то дома ваш рассказ, что вы были контужены и попали в плен без сознания, выглядел бы, в лучшем случае, сказкой. Поэтому мое предложение короткое и, если вы спокойно, без эмоций обдумаете, то согласитесь, что оно деловое и вполне приемлемо для вас. Я предлагаю вам переехать на жительство в Соединенные Штаты. Не скрою, если вы согласитесь выступить перед журналистами с

заявлением о добровольно принятом решении остаться на Западе, то ваши шансы на прекрасную и вполне обеспеченную жизнь неизмеримо возрастут. Подумайте об этом предложении, не торопитесь говорить «нет». Поймите главное: вас отсюда без нашей помощи не отпустят, для пакистанских властей вас не существует, и они всегда ответят на любой запрос так: никаких советских пленных на территории Пакистана не имеется. Речь сейчас идет о выборе, где вам жить. Переехать в Штаты или же гнить в тюрьме, где нет ни нормальной пищи, ни приемлемых условий. А сейчас я ухожу и надеюсь, что вы проявите благоразумие.

Американец и его переводчица направились к дверям.

— Одну минутку, господин Роберт, — окликнул его Николаев. — А как же быть с Леоновым? Пришлите врача или, в крайнем случае, дайте бинт, я сам его перевяжу. Видите, он почти без сознания.

— Хорошо, я позабочусь, — коротко бросил американец.

ПРОВЕРИТЬ СИГНАЛ

После успешной операции в горах, когда батальон Бунцева помог афганским подразделениям армии и царандоя разгромить банду и захватить склады с вооружением и боеприпасами, батальон был отведен на отдых в место своего постоянного расположения.

У Бунцева и его заместителя по политической части майора Шукалина было немало хлопот, в том числе и печальных. Только тот, кто лично никогда не сталкивался с обязанностью сообщить близким о гибели их сына, не поймет, как это тяжело сделать. Эта страшная весть становится еще тяжелее от того, что сообщать надо о молодом парне, чья жизнь оказалась намного короче, чем у его отца и матери.

Бунцев писал письмо родителям погибшего Константина Кольцова. Он обязан был сообщить, как погиб их сын, с которым, считая дни и даже часы, они ждали встречи.

Одного взгляда, брошенного майором Шукалиным на стол комбата, было достаточно, чтобы понять, какие трудные минуты переживает подполковник. Майор тихо спросил:

— О Косте Кольцове пишешь?

— Собираюсь, а ручку поднять не могу. Пудовой стала.

— Это понятно. Мне вот только что принесли письмо Кольцова...

— Отца Кости?

— Нет, самого Константина. — Шукалин положил на стол письмо. — Он перед боем его написал, очевидно, собирался позже отправить.

Подполковник развернул небольшой прямоугольный листок, исписанный мелким почерком, начал читать: «Здравствуйте, дорогие родители! Докладываю: до дембеля осталось двадцать три дня. Вот идем на задание, а это значит минус еще несколько дней, которые пролетят как на крыльях, ведь в движении и время быстрее мчится.

Дела у меня идут по-прежнему. Не скрою, служба нелегкая, но характер закаляет. Ребята служат со мной хорошие. Надежные и крепкие друзья! Мне кажется, что подружились мы на всю жизнь.

Вспоминаю часто школу, друзей, наши беседы о магнитофонах, джинсах. Какая это все чепуха, когда по-другому посмотришь на жизнь.

Видите, как стал рассуждать ваш сын. Да, дорогие мама и папа, я стал взрослым, на целых двадцать лет взрослее того Костика, который уходил в армию. Ну, ничего. Пройдет всего только три недели и два денечка, и я еду домой! Мама, пирог с яблоками готовь. Да не забудь в холодильнике к моему приезду двадцать порций мороженого припасти!

А сейчас заканчиваю. До скорой встречи. До свидания. Письмо отправлю завтра. Целую. Костя».

Бунцев положил письмо на стол. Молча посмотрел на замполита. Тот продолжал стоять.

— Что стоишь, комиссар? Садись. Как считаешь, имеем ли мы право это письмо не отправлять?

— Я думаю, что это письмо мы обязаны отправить. Но только с твоим и моим письмами. У Кости, кроме родителей, остались сестра и брат. Пусть они знают, о чем Костя думал в последние часы своей жизни.

— Ты уже написал им? — спросил комбат.

— Да. Вот оно.

— А я не могу. Не знаю, как начать. Какие слова найти? Как объяснить все это? Сегодня я получил письмо из Гродно, от матери рядового Губарева. Ругает нас с тобой. Обвиняет, что недосмотрели сына, не уберегли.

— Да, случай с Губаревым до сего времени не выходит

у меня из головы. Прошло около года, казалось, эмоции должны улетучиться... Но, знаешь, я чувствовал, чувствую и буду чувствовать свою, личную вину в его гибели. Если он пошел в ту сторону, куда мы запрещали идти, значит, плохо мы воспитывали солдата, не добились от него бесприкословного подчинения. А на войне — это одно из главных условий. Если не возражаешь, я сам напишу ей. Кстати, неделю назад я разговаривал с полковником Зерновым. Он скоро едет в отпуск, будет в Гродно. Зернов принимал участие в той операции и помнит все. Пусть расскажет матери Губарева. Одно дело письма, другое — слова того, кто был рядом...

И командирам вспомнился бой, в котором погиб Николай Губарев.

Взвод, в котором служил Николай Губарев, получил приказ пройти по проходу, который проделали в минном поле саперы, и занять выгодную высоту, чтобы не допустить удара душманов в тыл афганскому подразделению.

Рядовой Губарев слыл во взводе дисциплинированным и смелым солдатом. Но на этот раз он замешкался у палатки, а взвод уже начал движение. И Губарев решил догонять своих напрямик и побежал... по минному полю. Этого никто на КП не видел. Громыхнул взрыв, и первым бросился на помощь к солдату командир роты старший лейтенант Пономаренко. Он поднял на руки солдата, сделал несколько шагов и сам наступил на замаскированную в земле мину. Взрывом оторвало старшему лейтенанту ногу. В горячке мужественный офицер пытался ползти и тащить на себе Губарева...

— Пономаренко был представлен к награде? — нарушил молчание Бунцев.

— Да, я интересовался, он получил орден Красной Звезды.

На столе у комбата зазвонил аппарат закрытой телефонной связи.

Бунцев поднял трубку.

Звонил генерал-лейтенант Дубик. Лицо комбата становилось все более оживленным. Он положил трубку и повернулся к Шукалину. Глаза его блестели.

— Ну, комиссар, кажется появилась ниточка, ведущая к Леонову.

— Что ты говоришь! Где он?!

— Генерал Дубик сказал, что у него находится

подполковник Джалал. Джалал смог выяснить, что недалеко от того места, где пропал Леонов, дислоцируется банда, у которой в плену есть советский солдат.

— Что приказал генерал?

— Приказал готовить батальон. Через час вертолетом придут афганские товарищи, в том числе и Джалал. Я тебя, Владислав Альбертович, попрошу дать команду, чтобы через полчаса явились ко мне командиры рот, а я пока все-таки напишу письмо.

Ровно через час над батальонным городком застрекотали вертолеты. В первом прилетела группа афганских офицеров и несколько человек, одетых в гражданскую одежду. Второй вертолет служил боевым прикрытием. Дежурный офицер пригласил прибывших в штаб, где находились комбат, его заместители и начальник штаба.

Подполковник Джалал сообщил:

— Сегодня ночью уездным властям сдался душман. Он сообщил, что вчера он с десятью душманами доставил в банду двенадцать ишаков с оружием. Банда получила приказ через двое суток ночью нанести удар по западной части Кабула. Если верить пленному, вчера вечером, когда он вместе с другими душманами находился в их штабной палатке, у главара, тот рассматривал советский военный билет. Пленный рассказал нам об этом, когда мы начали интересоваться, не слышал ли он что-либо о советских военнослужащих.

Бунцев пригласил подполковника Джалала и его спутников к карте.

— Где дислоцируется банда?

Джалал уверенно отыскал нужную точку.

Майор Мисник обвел указанное место карандашом и сказал:

— Район горный, труднодоступный. Смотрите, сколько здесь ущелий, долин, сплошная «зеленка». Трудно там будет без людей, которые знают эти места. Пленный не согласится показать, где засела банда?

— Мы уже об этом подумали, — улыбнулся Джалал и указал на мужчину средних лет с аккуратной бородкой. — Вот познакомьтесь: секретарь уездного комитета Народно-демократической партии товарищ Мохаммад Нур. Это им сдался душман в уездном центре. Товарищ Нур великолепно знает этот район и тоже изъявил желание принять участие в операции.

Оказалось, что Нур совсем неплохо говорит по-русски. Он пояснил:

— Я уроженец этих мест. Знаю, что в этой банде не менее двух десятков наших жителей. Большинство из них, в этом я уверен, воюют против народной власти не по своей воле. Я вам пригожусь не только как проводник, но и как следователь.

Бунцев спросил у Джалала:

— Какие силы примут участие с вашей стороны и кто командир?

— Товарищ Сардар.— Джалал представил высокого, подтянутого полковника.— Он командир пехотного полка. Ему приказано провести операцию.

На кителе у полковника был ромб, который получают после окончания высшего учебного заведения.

Бунцев поинтересовался:

— В Советском Союзе учились, товарищ полковник?

Тот ответил по-русски:

— Да. В прошлом году я вернулся в Афганистан. Мне приказано согласовать с вами наши действия и сегодня же выдвинуться в нужный район.

— Мы готовы, товарищ полковник.— Бунцеву понравился этот спокойный деловой человек.— Какая задача отводится нам?

Полковник продвинулся вплотную к карте.

— Мы хотим попросить вас сегодня ночью захватить господствующие высоты и к утру блокировать этот район.

Мисник взглянул на Бунцева.

— Товарищ подполковник, а может, и нам выделить хотя бы разведроту? Речь ведь идет о нашем солдате.

За Бунцева ответил полковник Сардар.

— Не волнуйтесь, товарищ майор, мы все сделаем как надо. Благодаря Советскому Союзу мы имеем не только прекрасное оружие, но и хорошо подготовленных командиров. Мы обязаны все большую тяжесть боевых действий брать на себя, потому что гибель каждого советского солдата на нашей земле — это упреки и нам. В данном случае мы справимся сами, и лишний раз рисковать жизнью наших друзей-интернационалистов мы не имеем права.

Бунцев согласно кивнул головой.

Вскоре гости улетели, и в батальоне остался только секретарь уездного комитета. После обеда Бунцев и Мохаммад Нур сели в тени скалы и повели разговор.

Мохаммад Нур оказался очень интересным собеседником. Он не только отлично разбирался в сложной обстановке, сложившейся в стране, но хорошо знал историю страны, был в курсе и международной ситуации. Сидя по-восточному, поджав под себя ноги, он неторопливо говорил:

— Конечно, Америке надо, чтобы советские войска находились в Афганистане как можно дольше. Это позволяет ей, подымая вокруг Афганистана, вокруг афганского вопроса шумиху, прятать за нее свои преступные дела в Никарагуа, и тайную поставку оружия своим людям в Иране, и дальнейшую гонку вооружения, и свою затею со «звездными войнами». Если бы не Советский Союз, неизвестно, что было бы с нами. Американские лидеры ведь всерьез готовились не только поработить наш народ, но и превратить Афганистан еще в один плацдарм для агрессии против Советского Союза. Мне исполнилось девятнадцать, когда свершилась Саурская революция. Как мы по-юношески бурно переживали радость победы! Но беда наша не только в том, что опыта у руководителей-революционеров было очень мало, но и в том, что у нас слишком слабая рабочая прослойка, ведь и сейчас в стране рабочий класс очень малочислен. Это тоже сыграло на руку некоторым авантюристам. Удалось Амину прийти к власти, и сколько вреда он причинил! Именно режим Амина заставил тысячи людей уйти в горы, в Пакистан и Иран, встать на сторону контрреволюции. Я, как и многие члены партии, был вынужден снова пережить тяготы подполья. Из рядов вооруженных сил в то тяжелое время были уволены тысячи преданных партии и народу офицеров. Это привело к деморализации армии. А сколько ошибок было допущено в отношении пуштунских племен! Районы, где они селились, подвергались бомбардировкам и артиллерийским обстрелам. В отношении многих вождей и старейшин были применены репрессивные меры. К чему это привело? А к тому, что военному командованию перестали подчиняться ополчения, которые раньше годами на добровольной основе формировались из пуштунских племен и охраняли границы с Ираном и Пакистаном. Открылись границы, и через них пошли в нашу страну потоки оружия. Вместе с караванами американский империализм бросил и банды душманов, которые взял на свое обеспечение.

Бунцев не перебивал собеседника, а тот с горечью продолжал:

— Что говорить, во времена Амина контрреволюции удалось существенно укрепить свои позиции. Много проблем встало перед партией и тогда, когда Амин был разоблачен. Важно было, чтобы люди не ожесточились, не мстили. Нужно было не только исправлять ошибки, но и не допустить раскола в партии, организовать работу с теми, кто не выдержал и перешел на сторону контрреволюции. А вот с населением, особенно крестьянами, надо сказать честно, не получилось. Не дошли мы до дехканина, потому что считали это не главным. Да и в руководстве партии нашлись люди, которые считали, что мы можем достичь прогресса без темных, забитых, казалось, верующих только в одного аллаха жителей кишлаков, которых, кстати, в Афганистане подавляющее большинство. Но, как видите, в партии нашлись силы, которые смело отбросили то, что мешало прогрессу, да и избрание Генеральным секретарем товарища Наджибуллы — свидетельство этому. Человек он сильный, грамотный, хорошо знающий, что надо стране. Сейчас, как я думаю, главное то, чтобы мы могли четко определить, кто настоящий враг афганского народа, а кто просто заблуждается, убедить его в этом и привлечь на свою сторону. Уверен, что таких — большинство, поэтому и объявили мы на весь мир о примирении...

Нур все время поглядывал на дорогу. Но она была пустыня.

— Да, поддержали вы нас в трудное время, помогли выстоять. Собственно, Афганистан и Советский Союз всегда были хорошими соседями и друзьями. Я несколько дней назад выступал перед крестьянами в одном кишлаке. Спрашиваю: «Знаете ли вы Аманулло-хана?» Отвечают: «Знаем». — «А знаете ли вы Ленина?» Кивают головой: «Знаем». — «А знаете ли вы, что они были большими друзьями, что Аманулло-хан ездил к Ленину в гости?» Смотрят удивленно. «Так вот, Ленин и Аманулло-хан завещали своим народам жить в мире и дружбе». Рассказал я им об истории дружбы наших народов и о том, что всегда приходили они друг другу на помощь. Слушают внимательно. Им ведь наши враги изо дня в день устами разных «голосов», листовок долдонят о том, что Советский Союз послал сюда свои войска для того, чтобы закабалить наш народ. А люди у нас доверчивые, привыкли верить словам. Поэтому прав наш Генеральный секретарь, требуя, чтобы каждый член партии шел к людям и простым, доходчивым языком рассказывал им правду и о целях

революции, и почему советские войска здесь, и о том, что они помогают нам сохранить Афганистан независимой и самостоятельной страной. Да, много допустили мы ошибок. Сейчас надо исправлять. Но это ни в коей мере не умаляет достигнутое. Представляете, из четырнадцатого — сразу в двадцатый век! Просто ли это?

Когда вдалеке показалось облако пыли, Нур сказал:

— Это за мной. — И поднялся с камня.

Бунцев тоже встал.

— Я провожу вас.

Пока они спускались вниз, к КПП приблизились бронетранспортер и грузовик с солдатами в кузове. Мохаммад Нур тепло попрощался с комбатом и влез на БТР.

«Да, толковый руководитель. Побольше бы таких людей, — думал Бунцев о Нуре, направляясь к штабу, — тогда и дела бы у наших афганских друзей шли лучше».

Он обратил внимание на веселое оживление у палаток саперов. Взглянул на часы — время еще есть — и повернул к ним. А там замполит, поддерживая веселый разговор, спрашивал у солдата:

— Вот вы, младший сержант Полин, закончите службу, приедете домой, конечно же, со своей Альфой, а ей же мины подавай, как жить будете?

Лет двадцати младший сержант с медалью «За отвагу» на груди, нежно поглаживая большую овчарку минно-розыскной службы, улыбаясь, ответил:

— А вы забыли, товарищ майор, что Альфа у меня специалист широкого профиля. Она может не только мины искать, но и хорошо чувствует запахи металла, свежевырытой земли, человека... я ее переквалифицирую для мирной жизни.

— Где тебе там с ней возиться, — махнул рукой рыжеволосый, весь в веснушках солдат. — Ты же сразу в плен попадешь к своей Анютке. — Солдат посмотрел на Шукалина. — Она ему, товарищ майор, письма каждый день присылает. Факт, как только Полин прибудет, сразу же она его под крендель и вместе с Альфой — в загс. Замполит рассмеялся и погладил собаку по голове. Альфа действительно была большой умницей. Шукалин вспомнил, как неделю назад в районе Джелалабада она только в ходе одной операции отыскала четыре душманских склада с оружием, боеприпасами, медикаментами и продовольствием.

Командиры направились к штабу. Шли молча, оба думали о саперах. Их профессия всегда была опасной, но здесь,

в Афганистане, саперы не только вступают с каждой миной в смертельный поединок, но и в борьбу с инженерной мыслью, рожденной где-то далеко, в тиши лаборатории, где пытаются сделать каждую новую мину более смертоносной, более сложной, чтобы никто не мог обезвредить ее. А враги революции мины используют очень широко: и на дорогах, и на тропах, и на хлебных полях. Устанавливают мины и в транспорте, и прямо в реке, в местах, где могут пройти люди или проехать техника. А сейчас мины пошли такие, что металлоискатель бесполезен: они пластмассовые; щуп не нащупает — зарыта глубоко. Да и куда ни ткни — всюду камни. Даже собакам не всегда удастся ее учуять, такие мины почти не берут тралы; пятьдесят единиц техники пройдет, а пятьдесят первая подорвется. Но обнаружить мину еще не главное. Иностранные инструкторы обучают душманов ставить мины на неизвлекаемость: потянешь за нее или попробуешь удалить взрыватель — и конец. Стоит наехать на валяющуюся на дороге палку, тряпку или, казалось бы, обыкновенный камень, зацепить антенной за ветви деревьев — взрыв.

— Правильно ты сделал, что у саперов побывал, — похвалил своего заместителя комбат. — Они, пожалуй, за эти дни больше других устали.

— Я хочу еще в роте Бочарова с ребятами поговорить и к разведчикам заглянуть. Им тоже тяжело пришлось. У Бочарова, как ни у кого, потерь много, да и разведчики вконец измотались.

— Хорошо, Владислав Альбертович, сходи к ним. А я с начальником штаба поработаю.

Когда батальон двумя длинными колоннами двинулся к горам, ночь уже давно вступила в свои права. Одной колонной командовал комбат подполковник Бунцев, второй — начальник штаба майор Мисник. Вскоре подразделения разошлись в разные стороны.

В боевое задание батальону входила задача достичь на технике гор, разместить там артиллерию, «броню», а самим захватить господствующие высоты, окружить район боевых действий. В случае необходимости оказать помощь афганским подразделениям.

Прошло еще чуть больше часа, и колонна Бунцева прибыла в пункт назначения. Пока саперы проверяли участок, выбранный для размещения артиллерии и техники, десант-

ники спешивались и строились в походные колонны. Вскоре, нагрузившись, как говорится, по самую завязку, они двинулись по горам пешком.

Еще раз проинструктировав своего заместителя, который оставался с «броней» и артиллерией, Бунцев, вскинув на плечо автомат, направился к уже вытянувшимся в цепочку десантникам.

Подполковник двигался в середине колонны. Следом за ним тенью шагали радист и солдат, несущий запасную станцию и батареи питания: в таких условиях связь — это главное. Изредка Бунцев брал микрофонную трубку и вел разговоры с командирами рот, разведчиками. Не забывал он поинтересоваться делами и у Мисника.

У разведчиков и саперов ночь прошла в напряженной опасной работе. Наконец, когда до рассвета оставалось менее часа, оба отряда замкнули кольцо.

Бунцев по радио связался с командиром афганского полка полковником Сардаром. Тот сообщил, что его батальоны выходят на исходные позиции.

Вершины гор встречают новый день первыми. В долинах еще спокойно лежит ночь, а вершины уже видят первые проблески утра, встречают еще робкие лучи солнца.

Бунцев приказал усилить маскировку, прекратить любое передвижение, организовать наблюдение за районом боевых действий. Прошло еще полчаса, и в этот момент полк афганской армии начал боевые действия. Пятью колоннами ворвался на территорию, занятую противником. Успеху способствовало то, что в стане противника началась паника, поскольку атака была неожиданной.

Не прошло и трех часов, как все было кончено. Афганский полк разгромил банду, захватил оружие и пленных.

Пока батальон Бунцева с помощью вертолетов снимался с блоков, подполковник Джалал допрашивал пленных. Вскоре он установил, что сдавшийся накануне властям душман, сообщил правду. Банде удалось захватить в плен одного раненого советского солдата, таджика по национальности. Девятнадцатилетний парень отказался давать какие-либо показания. Отверг он уговоры перейти на сторону врага и всяческие посулы за предательство. И тогда по приказу иностранных советников душманы долго и изощренно пытали его, но он остался верным присяге и Родине...

С тяжелым сердцем направлялся подполковник Джалал к комбату Бунцеву. Он вез ему военный билет советского десантника, обнаруженный у пленного главаря банды...

В ТЮРЬМЕ

Уже третьи сутки Леонов был один. После того как Николаев в очередной раз поднял шум, требуя, чтобы Леонову оказали медицинскую помощь, Николаева увели, и назад он не вернулся. Вечер и весь следующий день Антон лежал на земляном полу. Встать он не мог. Сильнейшая головная боль и боль в груди не давали покоя, от этого мутилось сознание. Кроме какой-то теплой солоноватой воды, он ничего не употреблял.

Сегодня утром принесли несколько вареных картофелин. Превозмогая боль, Антон заставил себя сесть и попробовал еду. Съев половину принесенного, он осторожно, чтобы не вызвать снова приступа боли, лег на пол. Через некоторое время Антон снова почувствовал состояние вроде легкого опьянения. Ему даже стало несколько легче. В этот момент вошли трое. Один из них молча взял посуду и вышел, а двое остались. Тот, который был в европейском костюме, что-то сказал, второй перевел:

— Как ты себя чувствуешь?

— А как может себя чувствовать человек, у которого сломаны ребра, разбита голова и он длительное время находится без медицинской помощи? — вопросом на вопрос ответил Леонов.

— Мы пришли, чтобы избавить тебя от этих мук.

— Кто вам мешает? Избавляйте.

— Но для этого с твоей стороны нужны гарантии. Мы честные люди, и нам достаточно твоего заверения, что ты будешь делать то, что мы скажем.

— И что же я должен сделать? — спросил Леонов.

Он вдруг поймал себя на том, что хочется говорить и что настроение у него стало лучше.

— Ты должен согласиться сотрудничать с нами.

— А вы — кто?

— Мы борцы за свободу Афганистана, представители исламской партии Афганистана.

— А это та, которой руководит Хекматиар?

— Да, Гульбuddin Хекматиар. Он готов сам встретиться с тобой, если ты, конечно, согласишься перейти на нашу сторону. Это наши люди привезли тебя сюда, и ты в наших руках. Как захотим, так и поступим с тобой, ведь мы ни от кого не зависим.

— И даже от американцев? — ехидно спросил Леонов.

— Американцы — не мусульмане, мы пока пользуемся

их помощью, не больше. Когда мы станем у власти, то посмотрим, что делать с ними. Ты должен понять: ты в наших руках и никакие международные организации решить твою судьбу без нас не могут. Если мы захотим, то ты живьем сгниешь в наших ямах и твои русские ничего не узнают об этом. Если же ты согласишься работать с нами, то станешь богатым человеком и сможешь уехать в любую, какую захочешь, страну. Денег у тебя будет столько, сколько потребуется до конца твоих дней.

— Можете меня хоть резать на куски, но ничего не дожидаетесь. Я требую, чтобы меня передали посольству Советского Союза или, в крайнем случае, чтобы предоставили мне возможность встретиться с представителями пакистанских властей.

— А с нами ты не хочешь говорить? — еле сдерживаясь, спросил мужчина.

— Вы же не хозяйка этой страны и не являетесь ее представителями.

— Нет, неверный, нет, шакал! В твоей душе живет шайтан! — выкрикнул мужчина. — Ты пожалеешь, что не послушался голоса разума. Здесь мы — хозяйка, и не считывай на то, что тебя будут выслушивать пакистанцы. Как мы захотим, так и будет. И ты сдохнешь, как собака! Никто никогда не узнает, где ты и что с тобой случилось!

Они оба ушли. Леонов остался один. На душе была невыносимая тоска. Пытаясь подавить ее, Антон заставлял себя думать о чем-то другом. Он уже в который раз оглядывал стены, отыскивая хоть бы какой-нибудь гвоздь. Для него мысль о самоубийстве казалась естественной: он искал смерти. Антон решил подняться, взгляд его остановился на оконной решетке. Но тут за дверями снова послышался шум: вошли два охранника с автоматами. Жестами приказали выходить.

Антон вышел во двор и увидел, как к небольшому автофургону подводят Николаева. Грубо подталкивая, заставили его влезть вовнутрь. Затем к машине подвели и Леонова. Он влез через узкую дверь в металлическую будку. Дверь захлопнулась, и машина сразу же тронулась. Николаев помог Леонову сесть на грязный железный пол. Оба, обрадованные встречей, не обращая внимания на сильную тряску, рассказали друг другу, что произошло, как их разлучили.

— Теперь ясно, почему они нас держали отдельно, —

громко говорил Николаев. — Они решили нас обрабатывать по одному. Хрен им с редькой!

Машина все время подпрыгивала на ухабах. Антон почувствовал себя плохо. Он перестал разговаривать и молча переносил боль. К счастью, ехали они недолго. Вскоре машина остановилась. Дверь фургона открылась, и парни оказались в большом дворе, где было много одноэтажных и двухэтажных зданий. Двор был обнесен высоким глинобитным дувалом, в котором имелись большие глухие деревянные ворота. Во дворе сновало много вооруженных людей в национальной одежде. Некоторые из них бросали на приехавших любопытные настороженные взгляды и быстро проходили мимо.

Рядом с Николаевым и Леоновым остался один автоматчик, а второй быстро зашагал к двухэтажному зданию. Вскоре он вышел в сопровождении высокого худощавого мужчины. Тот, подойдя к ним, на ломаном русском языке сказал:

— Добрый день! Идите за мной. — И он первым зашагал к одинокому небольшому дому.

Десантники пошли за ним. Николаев тихо сказал:

— Ну вот, кажется, и доброе слово услышали...

— Ты имеешь в виду «добрый день»?

— Ну да. С нами же никто не здоровался.

— Посмотрим, что за этим последует... главное, чтобы нас не разлучали, — сказал Леонов, тоскливо поглядывая по сторонам. — Здесь у них что-то вроде гарнизона.

— Да, похоже. Я вот только ломаю голову, где мы находимся.

— Разберемся.

Они подошли к дому. Дверь была открыта. Их ввели в тесный коридор, сопровождающий жестом указал на дверь, находящуюся справа. Переступив порог, они оказались в небольшой комнате. Дверь за ними тут же захлопнулась. Оглянулись и увидели, что в дверях вырезано маленькое оконце с дверцей. Справа небольшое зарешеченное окно. Стекла нет. Николаев выглянул.

— Кажется, это наша тюрьма. Камера подготовлена для содержания людей. Видишь, даже охранник у дверей может наблюдать за нами.

Не отвечая, Леонов тоже заглянул в окно. Он увидел тот же участок двора, где их высадили из автофургона. Но если посмотреть влево и вправо, то можно увидеть почти весь двор.

Ворота, через которые их ввезли, были как раз напротив домика... В этот момент они отворились, и во двор въехал огромный, с нарастившими высокими бортами грузовик. Машина, чадая дымом, тяжело урча, медленно развернулась и, сдав назад, остановилась у какого-то строения. Обе половины дверей тут же распахнулись, к машине подошли душманы и начали разгружать грузовик.

— «Мерседес», — тихо сказал Николаев. — Видишь, длинные ящики — это «эрэсы». Оружие, сволочи, привезли.

— Знаю, захватывали мы такие.

— А это станина от тяжелого пулемета, — тихо говорил Алексей. — А вот и сам пулемет. О, еще один...

Леонов отошел в угол и осторожно опустил на пол. Слушая, как Алексей комментирует разгрузку, подумал о доме. И сразу же щемящая тоска охватила его.

Вернул Леонова к действительности Николаев.

— Антон, Антон, ты посмотри! Еще два грузовика приехали, тоже с оружием!

— Запоминай, запоминай, нашим сообщим, — мрачно пошутил Леонов, а сам даже не шелохнулся.

Правда, через минуту Алексей сам быстро отошел от окна и сел рядом с Леоновым.

— К нам двое идут. По-моему, жратву несут.

И действительно, в дверях послышалась возня, в комнату вошли двое. При виде одного из них Антон радостно улыбнулся. Это был возница. Правда, у того ни один мускул на лице не дрогнул. С непроницаемым видом он поставил перед Антоном небольшую пластмассовую миску и кружку с чаем. И только перед тем как разогнуться, он бросил на парня внимательный взгляд. Второй мужчина поставил пищу на пол перед Николаевым. Затем оба, так и не сказав ни слова, вышли из комнаты. Охранник так же молча сразу же закрыл дверь. Николаев вскочил на ноги и быстро подошел к окну. Он проследил, в какое здание они вошли, и удовлетворенно сказал:

— Так, где у них кухня, мы уже знаем.

— А зачем это тебе?

— Как зачем? — Николаев сел. — Должны же мы перед побегом рекогносцировку местности сделать.

— Ты считаешь, что это возможно?

— А как же! Если они оставят, например, грузовик у дувала, мы охранника ночью — по башке, заскочим на грузовик, с него на дувал — и привет родителям!

— А ну, помоги встать, — оживился Антон.

Осторожно, с помощью товарища, он поднялся и подошел к окну. Хорошо, что оно было расположено на уровне человеческого роста. Увидел, что прибывший первым грузовик стоит вплотную к дувалу и сейчас идет разгрузка второго.

«Лешка, пожалуй, прав. Кузов грузовика почти достает гребень дувала.— Он перевел взгляд на ворота. Там стояли два охранника с автоматами.— Да и этих ночью, если тихонько приблизиться, можно кокнуть и рвануть».

Антон возвратился к своему месту и тихо сказал:

— По-моему, ты прав: шанс есть.

— Но чтобы сигать через дувал, тебе надо окрепнуть.— И Алексей пододвинул ему миску.

В миске была фасоль, заправленная томатом. Попробовали: соленая, с острым перцем. Ни ложки, ни вилки не дали, и Антон ел руками. Мысль о побеге заставляла не обращать внимания ни на отвратительный запах, исходящий от пищи, ни на ее остроту. Антон съел все и запил теплым, без сахара, чаем. Посмотрел на Алексея. Тот тоже съел и выпил все, что принесли.

Антон пошутил:

— Леша, у тебя лишней салфетки нет?

— Увы, сэр, кончились.

— Я, кажется, посплю.— Антон осторожно лег на спину.

Но снова открылась дверь, и вошел... возница. Забирая посуду, он улыбнулся Леонову. Антон, улучив момент, когда охранник, стоявший у дверей, не смотрел на них, тихо спросил:

— Исламабад?

Возница испуганно оглянулся на охранника, взял посуду и тихо сказал:

— Пешавар.

Дверь закрылась, парни радостно смотрели друг на друга.

— А знаешь,— шепотом сказал Алексей,— этот мужик начинает мне нравиться. Если мы останемся здесь, то он нам может быть полезным.

Утром Леонов проснулся поздно. Алексей еще спал. Антон подошел к окну. Грузовики, выстроившись в одну шеренгу, стояли у дувала. Посмотрел левее: в дальнем углу стояла группа вооруженных людей. Послышалась резкая команда, и они, построившись по два в ряд, направились к воротам. Все в национальной одежде, с автоматами

на плече. Шли не в ногу, молча, и какая-то смиренная удрученность была в их фигурах.

— Наверняка на стрельбище или на полигон направились,— услышал голос Алексея Леонов.

— А и ты уже глаза протер?

— А как же, готовлюсь к завтраку.

— Нет, голубчик, сначала физзарядку сделай.

— Комплекс?

— Ага.

— Есть, комплекс! — И Алексей отошел на середину комнаты, поставил ноги на ширину плеч, развел руки в стороны. И в этот момент в дверях послышался шум, и тут же появился возница с пищей. Он поставил все на пол, где вчера ужинали пленники, взглянул на Антона и молча вышел.

Николаев выждал, пока закроется дверь, и бросил:

— Смотри, как боится, даже слова не сказал.

— Понять его можно. Но даю голову на отсечение, он ищет с нами контакта. Может, его руководители таким образом с нами заигрывают, а может...

— Поживем — увидим,— махнул рукой Алексей.— Давай начнем заряжаться энергией.

Охранник часто заглядывал в свое оконце и, как только увидел, что пленные поели, громко крикнул. Тут же появился возница. Николаев жестом показал ему, что они хотят умыться. Возница посмотрел на охранника. Тот отрицательно покачал головой. Тогда Николаев умудрился сделать жест, говорящий о том, что они хотят в туалет. Охранник сказал: «Саис», выпустил возницу и, что-то ему приказав, закрыл дверь.

— Ну, ты — артист! — усмехнулся Леонов.— Умеешь изъясняться.

— Чему ты удивляешься? Я же с ними вел разговор на международном языке. Но если они не захотят откликнуться на мою просьбу, случится беда со мной.

— А это у них новый метод пыток. Авось не выдержишь и согласишься на их предложение.

— Я действительно могу не выдержать, и тогда...

Алексей недоговорил. Снова послышались голоса, и в дверях появились двое вооруженных мужчин. Они жестом показали Антону выходить, но Леонов предложил Николаеву:

— Давай, Леша, жми. Уступаю тебе свою очередь.

Николаева вывели во двор и повели за угол дома.

Оказалось, что через окно парни видели только меньшую часть территории, обнесенной дувалом. Они прошли мимо палаток, которых было не меньше сотни, и наконец Алексей оказался у туалета.

Когда он вернулся в камеру, охранники повели Леонова. После его возвращения в камеру вошли двое мужчин. Они были без оружия. Оба были в национальной одежде, только у одного из них был одет еще и пиджак. Он заговорил первым. Второй оказался переводчиком. Коверкая слова, он переводил:

— Мы пришли, чтобы открыть вам глаза на реальность, рассказать вам правду. Вы простые, темные люди и слепо следовали за своими командирами и коммунистическими вождями. Вы не знаете, что так называемое правительство Афганистана пришло и держится у власти только благодаря советским штыкам. В Афганистане сейчас правят те, кому наплевать и на советских людей, и на свой собственный народ. Они предали ислам — самую священную и единственно правильную и справедливую веру на земле. Вам, советским солдатам, конечно, ваши командиры и вожди не сказали правды о том, что тех, кто не отрекается от ислама, правительство отправляет в рабство в Советский Союз и Монголию, где этих ни в чем не повинных людей заставляют почти без отдыха и сна трудиться глубоко под землей, добывать опасную для жизни человека руду. Вот только за один месяц из Афганистана вывезено более десяти тысяч человек для этого рабского труда. Вас обманывают, когда говорят, что ничего Советскому Союзу не надо в этом регионе. А знаете ли вы о секретном плане Советского Союза захватить все страны в регионе и получить доступ к Персидскому заливу? Вам, конечно, никто об этом не говорил, понимая, что если вы, советские солдаты, узнаете правду, то вы немедленно повернете оружие против своих нечестных правителей. Вам, конечно, никто не говорил, что вы обречены в этой войне на смерть. Нам, свободным и гордым афганским муджахедам, помогает весь мир. Наши друзья дают нам все, что необходимо, для победы над неверными.

Леонов, еле сдерживаясь, спросил:

— Скажите, уважаемый, а как вписывается в вашу теорию то, что, воюя против неверных, вы с большой радостью принимаете помощь от неверных. Ведь американцы, французы, западные немцы, итальянцы, японцы и другие ваши помощники не являются мусульманами?

— Но они помогают нам. Наши американские друзья бескорыстны. Они дают нам деньги, оружие. Они верят нам, а мы верим им...

— Но они же неверные? — сказал Николаев.

— Но они — за нас, — упрямо твердил «пропагандист».

— Значит, и неверных, если они дают вам деньги и оружие, вы признаете? — наседал Николаев. — Ведь этим оружием одураченные мусульмане сбивают гражданские самолеты, разрушают мечети, убивают учителей, которые хотят научить ваших же детей грамоте, режут на куски врачей, спасающих жизнь мусульман?

— Это пропаганда! Я пришел сюда, чтобы раскрыть вам глаза, а вы не дадите мне и слова сказать! — нервничал «пропагандист».

— Хватит! — Николаев решительно встал с пола. — Моему другу нельзя так долго быть в напряжении, у него болит голова и кровоточат раны, которые вы, вопреки даже требованию Корана, не хотите перевязать.

— И вообще, — поддержал Николаева Леонов, — будет лучше, если вы к нам больше не придете. Поверьте, мы хорошо разбираемся в политике. Ваше, конечно, дело кому служить, но один совет вам дадим: ничего нет на свете почетней, чем служить своему народу. Вы же служите своим заокеанским и другим империалистическим хозяевам. Вам наплевать на горе, слезы и страдания своего народа. Для вас главное получить за это свои сребренники. Ваша вера — не ислам, а доллар, марка и другая валюта.

Душман продолжал свое:

— Вы оба даже не знаете, что теряете. Исламская партия Афганистана, которую возглавляет великий Гульбундин Хекматиар, приведет нас к победе. Он вооружил свои отряды и направил на священную войну.

Леонов медленно поднялся на ноги.

— А знаете вы, господин хороший, какой приказ отдал ваш Хекматиар? Он приказал этим самым отрядам «оберегать всякую собственность, накопленную честным трудом», а что это значит?

— Это значит, что наш уважаемый Хекматиар хочет, чтобы даже самая маленькая собственность была сохранена для своих законных владельцев.

— Нет, — возразил Леонов, — это значит жестоко расправляться с теми, кто соглашается принять от народной власти конфискованную у феодалов землю. Кстати, господин хороший, не вашему Хекматиару принадлежит пальма

первенства в издании такого приказа. Первым от своих подчиненных потребовал защищать «приобретенную собственность», пусть даже за счет крови других, Бурхануддин Раббани — бывший крупный землевладелец из Бадахшана, которому было мало земли в своей провинции, и он имел крупные участки и в провинции Кабул, и в провинции Нангархар. Ну, а что касается Гульбуддина Хекматиара, то мы знакомы и с его «программой», которая требует от всех мусульман выполнения «великих предначертаний ислама». В ней, конечно, нет указаний убивать детей, женщин и стариков, но ведь именно он, Гульбуддин Хекматиар, первый определил тарифы за убийство его же соотечественников-мусульман. Достаточно принести ухо мужчины, женщины или ребенка, чтобы доказать, что ты убил врага. Нам хорошо известно, кто придумал этот «тариф». Еще во Вьетнаме американцы, принося сзоим командирам уши, получали вознаграждение за убийство бойца Вьетконга.

«Пропагандист» взорвался:

— О, как вы говорите с нами, неблагодарные! Теперь я вижу, что с вами надо поступать иначе. Я думаю, что голод и яма убедят вас лучше, чем наши слова.

Он резко повернулся и, сопровождаемый переводчиком, ушел.

Ребята некоторое время молчали. Потом Николаев одобительно сказал:

— Хороший урок ты им преподавал. Где только вычитал все это?

— Надо, дорогой мой, регулярно на политзанятия ходить, тогда и будешь знать эти истины.

— Да я ходил, но, честно говоря, меня всегда больше интересовали тактика предполагаемого противника, новинки вооружения. Ишь ты, гады, — ругнул он ушедших, — ямой нас пугают. Ладно, черт с ними, давай раны посмотрим.

На перевязку пошел оставшийся кусок майки.

— Промыть бы раны, — сказал Николаев и предложил: — Если принесет еду наш знакомый, попросим у него еще одну кружку и чаем промоем.

Чтобы отвлечься от боли, Антон спросил:

— Алексей, а откуда тебя призвали в армию?

— Из Иванова.

— Из города невест. Не женат?

— Нет, не успел, хотя девчат у нас действительно много. На любой вкус.

— Долго выбирал?

— Нет, рано еще. Давай так договоримся: если вырвемся отсюда, то едем ко мне в Иваново и женимся. А?

— Посмотрим, — улыбнулся Антон. — Кто у тебя в Иванове остался?

— Родители. Отец в исполкоме работает, а мама врачом на текстильной фабрике. Есть еще две сестры. Одна в девятом, вторая в пятом классе учится. Хороший у нас город. А места какие! Плес... слышал небось о Левитановских местах?

— Слышал. Недалеко от Иванова и Суздаль?

— Конечно, правда, этот город уже во Владимирской области, но все равно близко. Вот приедешь ко мне в гости, — разметался парень, — покажу тебе все заветные места, город покажу... Увидишь, понравится тебе.

— Хорошо, хорошо, — горько усмехнулся Леонов. — Только для этого надо самую малость — рвануть отсюда.

— Да, ты прав, — сразу погрузнел Николаев. — Если не вырвемся, то и жить не надо.

— Я тоже так думаю... Не дает мне покоя стыд, что я — десантник и в плен попал. Я ведь воевал, не прячась за спины других, в каких только переделках не побывал, а тут — на тебе, в руки душманов угодил.

И Леонов впервые рассказал свою историю. Когда закончил, Николаев авторитетно заявил:

— Факт, на спящего набросились и, как куропатку, оглушили, а затем связали...

— Да не могло этого быть, — перебил его Леонов. — У нас ребята в отделении опытные, знают, что нельзя спать в такой обстановке... Мне командир приказал спать, а остальные, я уверен, не спали. Бросить они меня не могли... Вот уж который день ломаю голову, что могло произойти.

— Да, ты прав, — хмуро согласился Алексей. — Я ведь тоже терзаюсь тем же. Получается: отошел в сторону — и пропал...

«СЫНОЧЕК, РОДНЕНЬКИЙ!»

Нина Тимофеевна прилетела в Ташкент ночью. Брать такси и ехать искать место в гостинице было явно бессмысленным делом, и она прокоротала оставшуюся часть ночи в аэровокзале.

В восемь часов из телефона-автомата позвонила в госпиталь. Отвечавшая ей женщина неохотно сообщила адрес

госпиталя, и Чайкина сразу же направилась к стоянке такси.

В проходной госпиталя ее встретил пожилой мужчина с красной повязкой на рукаве.

Нина Тимофеевна объяснила ему, кто она и что ей нужно. Старик направил ее к двухэтажному зданию.

У входа в здание с такой же повязкой, как у старика, стоял солдат. Чайкина спросила:

— Скажите, пожалуйста, с кем мне можно поговорить о посещении сына?

— Пройдите к дежурному. Первая дверь налево, — сухо ответил солдат.

Нина Тимофеевна вошла в длинный, полутемный, прохладный коридор и решительно толкнула указанную дверь. В просторной комнате сидел капитан. Отвечая на приветствие, он встал.

— Слушаю вас.

— У меня здесь сын лежит. Я хочу его навестить.

В горле у нее мгновенно пересохло. Капитан потянулся за большим журналом и спросил:

— Как фамилия?

— Чайкин... Павел... Он ранен в Афганистане, — скороговоркой сказала она и, чувствуя в ногах слабость, растерянно оглянулась. Только бы не упасть, хоть бы стул стоял рядом!

А капитан, отыскивая в журнале лист с буквой «Ч», не глядя на нее, предложил:

— Присаживайтесь.

Чайкина в этот момент заметила рядом с барьером стул и села.

— Так, — задумчиво проговорил капитан, — рядовой Чайкин... — Его палец, идущий по фамилиям сверху вниз, остановился. — Вот он. Лежит во второй хирургии, палата номер тридцать два.

— Скажите, что у него? — чуть слышно спросила мать.

— У него? Ранение ноги. — Капитан хотел еще что-то сказать. Скорее всего прочитав вслух слова, где говорилось об ампутации ноги, но он был уже опытным в подобных ситуациях человеком, очевидно, не раз приходилось отвечать на такие вопросы. Поэтому только сказал:

— Вы проходите, пожалуйста, во вторую хирургию, там врачи все скажут.

— А где находится вторая хирургия?

— Вас солдат проводит.

Капитан взял ее сумки и первым вышел из комнаты.

Во дворе солдату, мимо которого недавно проходила Чайкина, он приказал:

— Возьмите сумки и проводите гражданку во вторую хирургию.

Солдат взял сумки и пошел впереди. Чайкина шла следом.

Они шли по широкой аллее, а вокруг было море зелени. Огромные деревья образовали плотную тень. Между деревьями аккуратные кусты, клумбы с цветами и травяной газон. Во многих местах установлены скамейки. Прогуливались и сидели раненые. Они оживленно разговаривали между собой, смеялись.

«Господи, — думала Чайкина, — какие все молоденькие, совсем дети! Как они радуются жизни!»

Она пристально глядела на парней с ранением ног, сидевших на скамейках, и молила бога: «Только бы у него были ноги целы, только бы...»

Вдруг она заметила сына. Он подходил к длинной скамейке и не видел ее. Павел был на костылях, и там, где должна была быть правая нога, с ужасающей пустотой болталась колошина синих госпитальных брюк.

Сопровождающий Чайкину солдат прошел мимо Павла, а Нина Тимофеевна, чувствуя, что силы покидают ее, остановилась. Она не могла промолвить ни слова, только беззвучно открывала рот.

А Павел, стоя к ней боком, смотрел на дерево, где возились птицы.

Нина Тимофеевна сделала несколько осторожных шагов и чуть слышно сказала:

— Сыночек! Пашенька!

Павел резко обернулся на голос. На его лице появились улыбка и растерянность, а мать уже тянулась к нему.

— Сыночек, родненький!

Павел выронил костыли, остался стоять на одной ноге и протягивал к ней руки.

— Мама! Мамочка!

Она судорожно обхватила его за шею, прижала к себе его голову и, заливаясь слезами, целовала его лицо, а он, обнимая и одновременно опираясь на нее, тоже не удержался от слез.

— Мамочка, родная, вот мы и встретились! Ты прости меня, мамочка! Прости!

Вокруг них начали собираться раненые. В глазах каж-

дого можно было прочесть и зависть и тревогу за предстоящую встречу со своими родителями.

Солдат поставил сумки на скамейку, поднял костыли и смущенно подал их Павлу.

— Возьми, тебе же неудобно стоять.

Павел взял костыли и направился к скамейке. Мать с немой болью в глазах смотрела на Павла.

— Что же ты, сынок, решил прятаться от меня? Ты же знаешь, что беду легче переносить вместе.

— Я просто не хотел тебя расстраивать преждевременно, думал, расскажу, когда приеду в Минск.— И вдруг спохватился: — Мам, а как ты узнала, что я ранен? Кто тебе сказал?

— Никто мне ничего не говорил, Пашенька,— грустно улыбнулась мать.— Сердце мне подсказало о твоей беде, когда письма с запахом лекарств начали приходить.

— Как с запахами лекарств?

— А очень просто.— И Нина Тимофеевна рассказала сыну, как она разыскала его.

К ним подошла молоденькая медсестра и строго сказала:

— Чайкин, ты где пропадаешь? Тебе же надо быть на перевязке.

Павел взглянул на часы.

— Ой, Дина, прости. Я заговорился, мама приехала.

Медсестра стрельнула черными глазами в сторону Нины Тимофеевны и, поздоровавшись, сказала:

— Вам лучше пройти в отделение, потому что после перевязки ему надо будет лежать.

Нина Тимофеевна потянулась к сумкам, но тут словно из-под земли появился солдат, который сопровождал ее. Оказалось, что он никуда не уходил, а стоял невдалеке, стараясь не мешать. Он подхватил сумки.

— Я провожу вас.

Медсестра предложила подождать Павла в холле. Нина Тимофеевна спросила:

— Скажите, а как мне поговорить с лечащим врачом?

— Он сейчас на перевязке, когда освободится, он встретится с вами, я ему скажу о вашем приезде.

— А как я с Пашей увижусь?

— После перевязки он будет находиться в своей палате. Она расположена на втором этаже. Вы посидите здесь, а после перевязки я провожу вас туда.

Павел молча улыбнулся матери и пошел к лифту.

Нина Тимофеевна присела в кресло и посмотрела на солдата.

— Спасибо тебе, сынок, оставляй сумки здесь, я буду ждать.

Вернувшись, медсестра сказала:

— Ну вот, порядок. Сейчас Павел в палате, а мы с вами пройдем к лечащему врачу майору Гусеву Владимиру Павловичу. Вещи оставим в гардеробе.

Когда они подошли к лифту, то им пришлось пропустить молоденького парня. Он так же, как и Павел, был на костылях. Худые впалые бледные щеки, голубые грустные глаза. Он молча стал в углу кабины. Медсестра спросила:

— Как дела, Алик?

— Нормально, Дина. Был на прогулке, устал немного.

— Ничего, скоро привыкнешь. Самое худшее уже позади.

Лифт остановился, и парень, выходя из него, грустно ответил:

— А мне кажется, что позади самое лучшее.

Кольнули эти слова Нину Тимофеевну в самое сердце.

— Господи, Дина, как это страшно. Молоденький, совсем еще мальчик, а уже безногий!

— Но он же живой! — тихо, но с каким-то своим смыслом ответила Дина, а когда они вышли из лифта, пояснила: — У меня в Афганистане погиб муж. Он был лейтенантом, и шел ему двадцать четвертый год.

Они шли по длинному коридору, и Дина говорила:

— Здесь у нас лежат парни с выбитыми или выжженными глазами. Вчера хотел один повеситься. Понимаете?!

Они остановились, Дина постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, открыла ее. Навстречу Чайкиной поднялся из-за стола высокий мужчина в халате. Он поздоровался первым и представился:

— Гусев, Владимир Павлович. Я лечащий врач вашего сына. Присаживайтесь, пожалуйста.

Нина Тимофеевна присела на краешек стула. Дина, спросив разрешения, вышла. Перед уходом она сказала Чайкиной:

— Когда вы закончите разговор, меня Владимир Павлович позовет и я вас провожу к сыну в палату.

После ее ухода наступила неловкая тишина. Гусев раскрыл историю болезни Чайкина.

— Дела у вашего сына пошли на поправку. Вскоре направим его в санаторий.

— Доктор, простите, Владимир Павлович, а можно его направить на долечивание в Минск? — И, опасаясь, что услышит отрицательный ответ, Нина Тимофеевна поспешно добавила: — Он у меня один, и я смогла бы каждый день бывать у него, ухаживать за ним. Поймите меня, Владимир Павлович, я же мать!

— Ну что вы меня уговариваете, — устало сказал Гусев. — Я все прекрасно понимаю. Хорошо, я поговорю с начальством, выясню, возможно ли направить его в минский госпиталь. Все, что смогу, сделаю. Этим парням сейчас самое лучшее лечение — это дом.

— Скажите, а как это получилось, что ему... — Нина Тимофеевна хотела найти иное слово, но не нашла и закончила: — Оторвало ногу?

— А он вам не рассказывал?

— Нет. Мы еще не успели поговорить.

— Здесь, в истории болезни, написано, что он подорвался на противопехотной мине.

— Ужасно, — прошептала Нина Тимофеевна. — Боже мой... как страшно.

— Выздоровление у него проходит нормально, последствий от контузии мы уже не наблюдаем. Вы правильно сделали, что приехали. Ребятам сейчас очень нужна материнская ласка.

В палате стояло четыре койки, было чисто и аккуратно. Павел лежал на койке в углу. Рядом стоял стул. Нина Тимофеевна присела и погладила сына по руке, лежавшей поверх одеяла.

— Ну как ты, сыночек, после перевязки?

— Нормально, мама, все в порядке, рану обработали и перевязали.

Нина Тимофеевна взглянула на медсестру.

— Диночка, а как мне взять мою красную сумку, я в ней кое-чего вкусенького привезла.

— Я сейчас принесу. — Дина направилась к дверям.

Нина Тимофеевна тоскливо оглядела ребят. Все молодые, у каждого возле кровати костыли. Ей было жалко не только своего сына, но и его товарищей, ведь каждого где-то ждут родители. А ребята старались казаться безучастными, словно и не приехала к одному из них мать. Каждый занимался чем-то своим. Но Нина Тимофеевна чувствовала, как они напряжены. Наверняка каждый в этот момент представлял свою встречу с матерью. Дина принесла сумку и сразу же ушла, пообещав через час прийти.

Нина Тимофеевна с лихорадочной поспешностью начала распаковывать сумку.

— Я привезла твой любимый торт. — Она достала из сумки коробку с тортом, поставила себе на колени. — Сейчас найду нож и угощу всех вас, ребята.

Разделив торт на четыре части, она раздала его больным. Ребята смущенно благодарили и сразу же принимались за лакомство. Павел, набив полный рот, даже зажмурился от удовольствия.

— Чувствую себя как дома, помнишь, последний день моего рождения перед призывом в армию? Я тогда ел такой же торт. А знаешь, сколько раз я его потом вспоминал?

— Ешь, ешь, сынок. Теперь ты уже, считай, дома.

Она достала большую коробку с конфетами и тоже разделила их на равные четыре части.

Ребята постепенно оживлялись. Начали улыбаться, рассказывать о себе.

Вскоре пришла Дина. Она сказала Чайкиной:

— Вас просит зайти Владимир Павлович.

Нина Тимофеевна быстро достала из сумки и положила на тумбочку все, что там было.

— Сынок, разделите все это с ребятами и кушайте, я скоро приду.

— Нет, — пояснила Дина. — Вы сможете прийти только с пяти до семи вечера. Им надо принимать процедуры, а после обеда отдыхать.

— Да-да, я понимаю. — Нина Тимофеевна наклонилась к Павлу и поцеловала его в лоб. — До вечера, сыночек.

Врач Гусев сообщил:

— Я доложил начальнику госпиталя о вашей просьбе. Здесь у нас еще четверо раненых из Минска. Он распорядился запросить телеграммой Минск, и если разрешат, то отправим вашего сына туда.

— Скажите, а можно мне его сопровождать?

— Ох уж эти мамы! — засмеялся врач. Смех у него был веселым, даже не верилось, что этот усталый и грустный на вид человек может так весело смеяться. — Давайте подождем ответа из Минска, а затем будем решать и этот вопрос. Ну а сейчас езжайте в гостиницу и отдыхайте.

Устроившись в гостинице, Нина Тимофеевна сразу же побежала на рынок. Купила разных фруктов и к семнадцати часам была уже в госпитале.

На следующий день Гусев сказал, что ее сын через два дня будет самолетом эвакуирован в Минск.

— С вами полетят еще четверо раненых и медсестра.

Летели долго, с тремя посадками, и всю дорогу Нина Тимофеевна не отходила от раненых. То воды даст, то фрукты предложит. Во время одной из остановок к самолету подъехал «рафик», на котором доставили горячий обед.

В Минск прилетели вечером. Прямо у трапа Чайкина увидела Веру Федоровну. С опухшими от слез глазами она помогла Нине Тимофеевне сойти с трапа. Они обнялись и чуть отошли в сторону. Раненых разместили в машинах «скорой помощи», но Чайкиной и Коблик ехать с ранеными не разрешили. Их сопровождала Дина.

Женщины поехали в город рейсовым автобусом. Они устроились на последнем сиденье, и Вера Федоровна протянула Чайкиной конверт.

— Сегодня от Коли получила. Прочтите.

«Здравствуйте, мои дорогие мама и Сергей! Два часа назад возвратились с боевых. У нас подряд два несчастья. Пропал Антон Леонов. Ночью был бой, и он, скорее всего, раненым попал в руки духов. Искали всем батальоном, афганцы и авиация помогали нам, но, увы, не нашли. Сейчас его розыском занимаются другие, а перед нашим батальоном поставлена новая задача. Не могу прийти в себя. С Антоном мы были как братья, и вот — на тебе, как в воду канул! Если он в руках духов, то это страшнее смерти. И еще одно горе у меня, мои родные. Я не сообщал вам об одном дорогом мне человеке, Паше Чайкине...» И Николай без утайки написал, как подорвался на mine его друг.

Нина Тимофеевна осторожно вложила письмо в конверт и грустно сказала:

— Ну вот наконец я узнала, как это произошло.

— А вы что, не спросили Пашеньку об этом?

— Поверьте, не могла.

Они вышли из автобуса, пешком дошли до дома Чайкиной и, договорившись, что на следующий день вместе сходят в госпиталь, разошлись.

Вера Федоровна заспешила домой. Она заказала телефонный разговор с родителями Леонова, оставалось до этого времени около двадцати минут.

И ОПЯТЬ РЕВУТ БРОНЕМАШИНЫ...

В батальон, который вот уже третьи сутки находился на отдыхе, приехало большое начальство: генерал-лейтенант Дубик и генерал-майор Щербак. С ними прибыли офицеры штаба, связисты.

Комбат Бунцев был недоволен.

— Только ребятки начали приходить в себя, и вот — на тебе, в батальон, заметь — не в полк, прибывает сразу два генерала. Ну понимаю, приехал бы генерал-майор Щербак. Любит он наше подразделение, так нет же, привез и своего начальника.

Увидев, как генералы выходят из машины, сказал:

— Готовься, комиссар. — И, поправляя фуражку, направился навстречу генералам. — Сейчас начнется.

Он перешел на строевой шаг, остановился и четко доложил.

Генерал-лейтенант Дубик, чуть прищурив голубые глаза, молча рассматривал комбата, затем перевел глаза на Шукалина. Тот взял под козырек и представился:

— Заместитель командира батальона по политической части майор Шукалин.

Генерал-лейтенант пожал обоим руки и как-то буднично, даже каким-то извиняющимся тоном сказал:

— Вот приехали к вам посмотреть хозяйство, ваше житье-бытье. Не обидитесь?

— Что вы, товарищ генерал-лейтенант, — слукавил Бунцев, — гостям мы всегда рады.

— А начальству по уставу надо быть радым, — поддержал его Шукалин.

— Ну это вы, товарищ майор, загнули, — улыбнулся Дубик. — В уставе об этом ничего не сказано. Ну ладно, ведите нас в штаб.

В своем кабинете Бунцев представил генералам начальника штаба батальона. Мисник раздвинул шторку, за которой на стене скрывалась карта, и Бунцев не торопясь доложил обстановку. Когда он упомянул имя пропавшего младшего сержанта Леонова, генерал-лейтенант помрачнел. Он попросил Бунцева доложить о потерях батальона. Комбат подробно рассказал, как погиб или был ранен каждый человек.

Дубик некоторое время молча смотрел перед собой, а затем тихо произнес:

— Много потерь... Вижу, что досталось личному составу за последние месяцы. Генерал-майор Щербак еще вчера мне докладывал, что солдаты измотались до предела. Он, кстати, по своей линии готовит вам концерт, шефов в гости привезет. Вижу, вы правильно решили, Валентин Григорьевич, несомненно, личному составу нужна передышка.

Генерал-лейтенант прошелся по кабинету и снова остановился возле Бунцева.

— Как с продовольствием? Мясо, фрукты, овощи есть?

— Так точно. Получили все, что попросили. Шестерых солдат пришлось в санчасть поместить. В ходе боевых действий измотались до такой степени, что потеряли по двенадцать — пятнадцать килограммов веса.

— Да, ребята молодые, им бы сейчас питание да расти себе, а тут воевать надо...

Командиры знали, как дается служба в горах. С вещмешком килограммов на сорок, а то и на все пятьдесят, при сорокаградусной жаре, будучи в постоянном нервном напряжении, пройти десятки километров в день — это не назовешь прогулкой. Генерал-лейтенант не раз видел, как падают на землю от измождения солдаты. Они, зная цену одного патрона, стараются консервов брать поменьше, а боеприпасов побольше.

Дубик долго интересовался бытом солдат, вопросами политической учебы, состоянием дисциплины, а затем приказал провести его по территории гарнизона. Побывал на кухне, снял пробу обеда, осмотрел казармы, технику. После этого начальство отбыло.

А в это время солдаты взвода старшего лейтенанта Медведева разбирали почту. Снайпер Попов получил сразу четыре письма. Устроившись в тени палатки, он углубился в чтение и даже не заметил, как к ним в гости пожаловал сам Святцев. Прапорщика везде считали своим. Ведь саперы нужны всем. Десантники еще больше оживились, ожидая от Святцева веселых историй. Святцев по возрасту был старше всех солдат, дома его ждали жена и дочь. Его веселый нрав знали все. Прапорщик старался развлечь тех солдат, которые не получили писем, и рассказывал анекдоты.

— А вам, товарищ прапорщик, жена пишет? — поинтересовался младший сержант Полин. — Небось ждет не дождется?

Святцеву почему-то не очень понравился вопрос, и он некоторое время обдумывал ответ, а затем сказал:

— Ей один шутник, вроде тебя, Сергей, написал, что мне здесь ногу оторвало.

— Ну и что, не пишет?

— Да нет, написала...

— И что она написала? — спросил Полин.

— «Что написала», «что написала», — ворчливо пердразнил Святцев и вдруг добавил: — А написала так: пусть без ног, пусть без рук, главное, чтобы не калека.

Грохнул такой хохот, что даже Попов оторвался от чтения и подошел к толпе.

В этот момент раздался сигнал тревоги. Словно ветром сдуло солдат, и уже через несколько минут, одетые, с оружием и рюкзаками, бежали они к своим боевым машинам.

Случилось вот что.

Душманы неожиданно атаковали малочисленный пост царандоя, охранявший подступы к мечети и к женскому лицу, где учились дети кочевников. Уездный секретарь Народно-демократической партии с группой партийных активистов и солдат царандоя организовал круговую оборону, связался по радио с афганскими товарищами и попросил помощи.

Из всех афганских и советских подразделений ближе всех оказался десантный батальон Бунцева.

Пока солдаты занимали места на броне, боевые машины строились в колонну, комбат и начальник штаба склонились над картой, планируя свои действия.

Солдат-радист доложил:

— Генерал-лейтенант Дубик на связи!

Связь была закрытой, и подполковник говорил открытым текстом:

— Приказываю, товарищ подполковник, оставить на месте одну роту, а самому с остальными силами форсированным маршем — вперед. Если успеем, оставшуюся на месте роту посадим на вертолеты и десантируем для блокировки банды с юга и запада. Имей в виду, комбат, там имеется плотина, построенная советскими специалистами, нельзя допустить, чтобы душманы взорвали ее. Вода зальет все крестьянские поля и дома.

Бунцев передал радисту микрофонную трубку и приказал одному из дежурных офицеров штаба:

— Командира первой роты капитана Бочарова сюда! — И повернулся к Миснику. — Поставьте Бочарову задачу десантироваться повзводно вот в эти три точки. Надо

блокировать противника с юга и запада, не допустить его отступления в горы и «зеленку». Я уверен, Бочаров продержится до нашего подхода. Вы останетесь здесь. Организуйте связь со мной и Бочаровым, поторопите с вертолетами.

— Командир, — взмолился Мисник, — разреши мне с первой ротой десантироваться!

— Нельзя. Ты нужен мне в штабе. Мы ведь не знаем, как все может обернуться. Свяжись с командованием афганской дивизии, оговори возможные варианты. Будь на постоянной связи.

Колонна, взревев мощными моторами, рванулась вперед. Бунцев деловито оглянулся: все машины в движении. Тогда он спустился вниз через верхний люк, пристроился к маленькому столику и расстелил на нем карту. Идти надо было около двадцати километров. За это время он должен был поставить задачу командирам, еще раз проиграть на карте и мысленно свои действия.

Мисник сообщил, что вертолеты с десантом ушли. Их маршрут пролегал за хребтами гор, они-то и прикроют десант во время подхода к цели.

Бунцев отдавал необходимые распоряжения по радио, но тут его снова вызвал на связь Мисник. Он сообщил тревожную весть. В пяти километрах южнее уездного центра остановилась на отдых афганская автоколонна из восьмидесяти семи единиц техники. Эта колонна везла населению соседнего уезда продовольствие, керосин, солонку, одежду. Душманы каким-то образом узнали об этом и несколько минут назад напали на колонну. Идет бой. Сопровождение колонны просит помощи. Затем Мисник сообщил комбату, что к ним направлены афганским командованием на помощь две роты ближайшего батальона «Командос». Расчетное время прибытия этих сил не раньше как через час.

И опять Бунцев склонился над картой. До подхода к уездному центру оставалось три километра. Комбат думал. Мысль работала четко и быстро. Он обдумывал варианты боя, свои действия и действия противника, возможные неожиданности.

А вот и последний поворот.

Впереди уездный центр. Справа от дороги видны клубы дыма. Бунцев поднялся на броню. В бинокль начал следить, как из-за гребня гор выскакивали вертолеты и резко шли на снижение. Колонна уже входила в городок, а душ-

маны еще ни одним выстрелом не встретили батальон. Прямо с дороги повзводно боевые машины резко поворачивали направо, оставляя за собой длинные шлейфы пыли и дыма, с ходу вступали в бой. словно в мультфильме, действовали артиллеристы и минометчики. Тысячекратно зауценными движениями они готовили свои орудия и минометы к бою. Десантники действовали прямо с борта, ошеломляя и подавляя противника огнем и мощью «брони». Но вот первые ряды достигли «зеленки». Дальше машинам не пройти. Фруктовые деревья, кустарник и арыки были серьезным препятствием. Поступила команда спешиться. Солдаты ловко соскакивали с машин и, разворачиваясь в цепь, продолжали атаку. Душманы уже опомнились и, отстреливаясь, начали отступление от здания уездного комитета, а через несколько минут побежали они и от здания царандоя.

Труднее пришлось десантникам у лица. Душманы успели укрыться за толстыми дувалами. Их гранатометчики открыли огонь по подошедшим боевым машинам. Один бронетранспортер задымил, и вскоре из его моторной части выплеснули наружу языки пламени. Вести огонь из тяжелого оружия атакующие не могли, за дувалами могли быть и дети, которых бандиты намеренно не выпускали из лица. Поэтому командир разведывательного взвода, оставив три БМП на прямую наводку, огня из орудий не открывал. Он искал выход из создавшегося положения. Душманы, занявшие позиции на плоских крышах домов и укрывшись за гребнями дувалов, вели бешеный огонь.

Окружить полностью территорию лица удалось быстро. Но как попасть вовнутрь?

К старшему лейтенанту, укрывшемуся за БМП, подбежал командир саперной роты Фоменко.

— Слушай, у меня идея. Давай поставим дымовую завесу и под ее прикрытием мои ребята взорвут ворота?

— Но ты же видишь, какой плотный огонь. Не погубим людей?

— А ты одну БМП поставь напротив ворот и пусть чешет из пулемета по гребню дувала, а остальное я сделаю.

Иванько доложил комбату обстановку и о принятом решении. Бунцев согласился. Старший лейтенант вскочил в БМП, и машина начала отходить назад. Затем она развернулась и, сделав небольшой крюк, преодолев небольшой арык, остановилась метрах в пятидесяти от ворот. Душманы усилили огонь. Пули сплошной дробью застучали по броне.

Но вот заработал пулемет БМП. Он прошелся длинной очередью по верху дувала. Под его прикрытием отделение десантников залегло в складках местности в цепь. Солдаты открыли огонь из ручного пулемета и автоматов.

Командир взвода приказал одному отделению занять позиции по сторонам дувала так, чтобы солдаты могли видеть этот дувал даже тогда, когда будет поставлена дымовая завеса.

После этого наступила очередь саперов. Через минуту сплошная стена дыма стояла перед душманами, и те стреляли наугад. Вскоре гроыхнул взрыв — и ворота разлетелись в щепки. Во двор устремилась боевая машина пехоты. Десантники, спрятанные за броней, вели с обоих бортов прицельный и плотный огонь. За БМП на территорию лица ворвались саперы и еще одно отделение десантников...

А к этому моменту те, кто был блокирован душманами в зданиях уездного царандоя и комитета партии, уже смогли соединиться с советскими солдатами и вместе начали преследовать врага.

Бунцев вместе с работниками уездного комитета партии и начальником отдела царандоя торопились к женскому лицее. Их туда срочно вызвал командир разведывательного взвода Иванько.

Когда прибыли на место, навстречу из-за дувала начали выходить четырнадцать — шестнадцатилетние девушки. Многих выносили или выводили солдаты.

— Что тут у тебя? — спросил комбат у подошедшего старшего лейтенанта Иванько.

Лицо командира взвода было бледным.

— Товарищ подполковник, я такого еще не встречал. Идите посмотрите, что эти звери сделали с девочками-подружками.

Он повернулся и пошел впереди. Вошли в ворота. Внутри территории виднелся еще один дувал. Через узкую калитку проникли внутрь. И здесь, оцепенев от ужаса, они остановились, пораженные человеческой жестокостью.

— Звери!.. — только и смог выдохнуть Бунцев и, повернувшись к замполиту, крикнул: — Где врачи?! А вдруг кто-либо еще жив?!

Секретарь уездного комитета тронул за рукав комбата и тихо сказал по-русски:

— Не надо врачей, товарищ! Все они мертвы, видите, душманы вспороли им животы... Спасибо вам, что остальных девочек спасли, их здесь учился триста двадцать.

К комбату подбежал посыльный и доложил:

— Товарищ подполковник! Командир третьей роты старший лейтенант Пузанов сообщает, что плотина у противника отбита. Он просит срочно прислать саперов, там обнаружены тянущиеся в сторону какие-то провода.

Бунцев приказал капитану Фоменко немедленно отправиться со своими людьми к плотине и подошел к радисту.

— Связь с нашими, которых направили к автоколонне!

Через минуту комбат облегченно вздохнул: успели вовремя. Бандиты не смогли уничтожить колонну, и сейчас подоспевший афганский батальон «Командос» преследует их в «зеленке».

Из лица солдаты продолжали выводить пленных душманов. Комбат понимал, что весть о злодеянии вот-вот распространится по уездному центру, и тогда возмущенные жители могут попытаться свершить свой суд над извергами. Он приказал образовать боевыми машинами квадрат, внутрь которого до подхода афганского батальона согнать пленных.

Бунцев не торопясь отошел в сторонку и, прислонившись к стволу дерева, достал из нагрудного кармана письмо. Оно было распечатано: комбат уже читал его сегодня. Он развернул небольшой листок. «Можешь на меня обижаться, Миша, но больше я так не могу. Быть замужем и жить без мужа — это не для меня. Не скрою, встретила я здесь одного человека, он мне по душе. Поэтому будь в своей Афгании сколько хочешь, а мне дай согласие на развод, обязательно письменное, а то в загсе не согласятся на оформление документов...»

Дальше Бунцев не стал читать. Он смял письмо и, сжимая его в руке, направился через сад туда, где приказал развернуть медицинскую палатку. У палатки горел небольшой костер, кипятили воду. Бунцев бросил в огонь письмо и спросил у подошедшего Шукалина:

— Какие потери?

— Двое ребят погибли, пятеро ранены, двое из них тяжело, один бронетранспортер выведен из строя.

«У ВАС ОБРАТНОГО ПУТИ НЕТ»

Дни шли за днями. Все меньше Леонова беспокоила боль в боку. Вместе с Николаевым они уже разработали план побега и сейчас ждали подходящего случая. Им был

необходим грузовик, оставленный на ночь у дувала, да еще чтобы дежурил круглолицый с короткими усиками душман. Он никогда ночью не сидел у дверей, а выходил из коридора и устраивался на ступенях дома.

Как-то раз Леонову, когда он в сопровождении двух конвоиров направлялся к туалету, попался на глаза кусок тонкой проволоки. Но как ее поднять? В туалете Леонов придумал, что предпринять, и, когда вышел во двор, руками поддерживал брюки, так как заранее вырвал пуговицу. Конвоиры смеялись, даже сам Антон улыбнулся. Он демонстративно осмотрел местность: нет ли чем прикрепить брюки, и, «увидев» проволоку, поднял ее. Охранники не стали отнимать находку.

В камере Леонов показал Алексею проволоку.

— Молодец, Антон! — обрадовался тот.

Обдирая длинные ногти, руками взрыхлили землю в углу и запрятали туда проволоку. После этого долго смотрели в оконце. Ребята уже знали порядок службы охранников. Правда, огорчало еще одно обстоятельство: к ним перестал приходить афганец-возница, на которого оба делали большую ставку, надеясь постепенно склонить его к оказанию помощи.

И вот сейчас, стоя у окна, они вспоминали о нем.

— Черт возьми, я так надеялся на него, — говорил Леонов. — Он же сам старался незаметно для других выразить свою симпатию к нам.

— Я тоже все ломаю голову, что с ним могло случиться?

— А я думаю, что его куда-то направили. Раньше если он к нам и не заходил, то все равно через окно его можно было увидеть во дворе, а вот уже дней пять или шесть как в воду канул.

— Конечно, плохо, что мы с тобой их языка не знаем, а то можно было бы попытаться нащупать нужного человека.

Николаев повернул к Леонову свое исхудавшее, давно не бритое лицо. Он был выше Леонова почти на целую голову, и Антон видел, как под подбородком у Алексея ходит большой острый кадык. Леонов грустно улыбнулся.

— Если бы нас такими увидели мамы. Не знаю, как твоя, а моя точно в обморок бы упала.

— Моя мама врач. Главное — драпануть нам с тобой, а там поедем ко мне в Иваново, и моя мама за неделю из нас людей сделает.

В этот момент за дверями послышался какой-то шум,

и они, словно по команде, сели на пол. Нельзя было показывать врагу, что их интересует жизнь охранников.

Молча вошли двое мужчин, и один из них ткнул пальцем в Леонова.

— Буру!

— Куда это они тебя? — тревожно спросил Николаев.

— Черт их знает. — Леонов медленно вставал.

Выйдя на крыльцо, Антон на мгновение приостановился от легкого головокружения, но его тут же кто-то из конвоиров подтолкнул в спину.

На этот раз его вели к самому дальнему дувалу. Там оказалась узкая дверь. Стоявший у входа автоматчик, внимательно разглядывая русского, открыл ее. Перешагнув через высокий земляной порог, Леонов оказался еще в одном большом дворе. На плацу выстроилась шеренга людей с автоматами. Перед ними стоял иностранный инструктор, который через переводчика рассказывал об устройстве переносного зенитно-ракетного комплекса. Антон такого раньше не видел и подумал: «ПЗРК, но чей? Какой-то большой контейнер и антенны странные, как пластины».

Шедший чуть сзади один из охранников, увидел с каким интересом рассматривает русский ракету, хвастливо, сильно коверкая слова, произнес:

— Карошо! Шурави самолет خوب. — Он показал рукой на ракету и добавил: — Эмерикэн «Стингер».

«Стингер»? Вот он какой! — Антону сразу же вспомнилось, как однажды на занятиях офицер рассказывал о «Стингере». — Растяпа, я же видел этот комплекс на плакате в батальоне. Боже мой, как давно это было!»

Вскоре они приблизились к невысокому забору из металлической сетки. Вошли в калитку, у которой с автоматом на плече стоял душман, и сразу же оказались в райском уголке. Под пышными кронами деревьев благоухали цветы, на зеленых газонах стояли разбрызгиватели. Вода сверкала радужными лучами. Вдоль дорожки из бетонных плиток тянулся густой, аккуратно подстриженный кустарник. Они обогнули дом и оказались у бассейна. Чистая, голубоватая вода так и манила. Нестерпимо захотелось броситься в нее, почувствовать ее живительную прохладу. Антон даже голову в сторону отвернул, чтобы не видеть этого соблазна. Им даже ни разу не дали попить вволю, а тут сразу столько воды!

За бассейном стояла большая белая двухэтажная вилла. Леонова ввели туда. После нищенского существования

парень даже оробел в такой роскоши. Пройдя по безукоризненно чистому полу, он по широкой лестнице поднялся на небольшую площадку. Здесь от конвоиров его принял одетый по-европейски мусульманин и провел в просторную комнату. По знаку сопровождающего Антон остановился и рассматривал комнату. Справа, на всю стену — огромное окно, выходящее в сад. Слева в стене камин, чуть дальше стояло несколько кресел и продолговатый эллипсовидной формы низкий мраморный столик. Притягивал взгляд широкий с большими мягкими подушками диван.

Сопровождавший Леонова мужчина напряженно смотрел на красивую деревянную дверь в противоположной стене. Оттуда, очевидно, и должен был появиться тот, из-за которого привели сюда пленника.

Антон перевел взгляд на окно. Красивые прозрачные занавеси. Сквозь них видны хорошо ухоженные газоны и цветники. Привыкшие к полумраку глаза жадно смотрели на зелень.

В этот момент открылась дверь, и в зал вошел... Роберт. Его сопровождали уже знакомая Антону Людмила Торн и еще трое каких-то мужчин с фотоаппаратами. Тут же из двери, которая находилась сзади Леонова, тенью вынырнул слуга. Он поставил на журнальный столик поднос, на котором стояли большие тарелки с рисом и мясом, бутылки с кока-колой.

Роберт, весело улыбаясь, широко распростер руки и шел через весь зал к Леонову. Рядом с американцем семенил переводчик.

— О, Антон! Я рад вас снова видеть, — словно старому другу, говорил он, выражая желание обнять Леонова.

Антон увернулся от его рук. Американец, делая вид, что не замечает настороженности парня, насильно обнял его за плечи, явно позирова снимавшим эту сцену людям. Затем он подвел Леонова к столику с едой.

— Садись, подкрепись, друг.

У Антона от запаха еды потемнело в глазах, закружилась голова. Он понял замысел американца: сделать фотографию русского солдата в прекрасной обстановке, за едой. Антон отвернулся и со злостью сказал:

— Нас кормят здесь и содержат как собак. А вы, господин хороший, хотите изобразить это иначе. Не выйдет! Я требую, чтобы меня и моего товарища передали представителям моей Родины! — Голос у Антона вдруг сорвался. Он гневно глянул в глаза американцу. — Не надо пытаться

сделать из меня изменника Родины! У вас ничего не получится!

Роберт выслушал переводчика, повернулся к одному из сопровождавших его мужчин и щелкнул пальцами. Тот подошел к американцу и передал ему какой-то журнал. Роберт открыл его на нужной странице.

— Посмотрите, товарищ младший сержант Леонов!

Антон увидел несколько фотографий в журнале. Советские солдаты в кишлаке, на фоне дувалов стреляют в мирных людей. На земле лежат убитые женщины, мужчины, дети... И вдруг словно током ударило парня. Он увидел себя. Антон стоял у какой-то стены. Недалеко лежали убитые. Рядом с этой фотографией была другая. На ней его военный билет. Четко видны его фотография, фамилия...

— Да что же это такое?! Кто вам дал право фальсифицировать фото? — Он яростно шагнул к Роберту.

Американец испуганно отпрянул.

— Спокойно, молодой человек. Я хочу, чтобы вы сами поняли, что обратного пути у вас нет. После публикации этих фотоматериалов все будут уверены в том, что вы добровольно перешли на нашу сторону. А это значит, что вам остается смириться с судьбой и мыслить реалистически. Поймите, вы ничего не теряете. Вы уже взрослый человек и отбросьте все сентиментальности, думая о своих родственниках. Так устроена жизнь, а вам улыбается счастливая звезда: приобрести свободу, иметь все необходимое под рукой, ездить куда захочется. Кстати, немало советских солдат, которые ранее оказались в вашем положении, последовали именно нашему совету и сейчас не жалеют об этом.

— Это ложь! — сам того не замечая, кричал Леонов. — Никто из советских людей не пойдет на поводу у вас. Знайте, что среди советских солдат вы не найдете предателя. Ваши фотошутки — грязная ложь и провокация! Никто им не поверит.

— Я сейчас не буду вступать с вами в полемику. Думаю, время и ваше положение заставят вас быть разумным и прислушаться к нашему предложению...

Леонов вошел в камеру и, не скрывая слез, рассказал Алексею обо всем.

Николаев нервно ходил из угла в угол, затем сел рядом с Антоном и дотронулся до его плеча.

— Я уверен, что никто не поверит этой фотостряпне. Наши знают, на что они способны. — Николаев неожиданно

улыбнулся. — Ты так расстроился, что даже не заметил, что сегодня дежурит «наш» охранник, а у дувала за время твоего отсутствия стали два грузовика.

— Ну да? — вскочил на ноги Леонов.

Он подбежал к окошку и радостно потер руки.

— Ну, Леша, или сегодня, или никогда! Доставай проволоку, сделаем крючок!

— Не торопись, Антон, займемся этим, когда стемнеет, да и жрать еще принесут.

Их план, на первый взгляд, казался неосуществимым, но это был единственный шанс вырваться отсюда. О том, что их ждет, если побег закончится неудачей, ребята не думали. Если побег не осуществится, то жить дальше не имеет смысла. Они были готовы ко всему ради борьбы за свою свободу.

Вскоре принесли еду: каждому по небольшой лепешке и чай без сахара. Кормили их два раза в день. Утром, как правило, какой-то бурдой, называемой супом, и вареной, дурно пахнущей фасолью. Ребята же, одержимые мыслью о побеге, не обращали внимания ни на вид еды, ни на запах, ни на грязную посуду. Ели все, лишь бы поддержать силы. Вот и сейчас они не спеша съели и выпили все, что им принесли. Дождались, когда уберут посуду, достали проволоку, осторожно примерили ее и изготовили крючок, которым через маленькое оконце можно будет дотянуться до задвижки, закрывающей дверь. Они хорошо изучили повадки сегодняшнего охранника. До наступления темноты он сидит у дверей, а затем выходит на небольшое каменное крыльцо, садится на ступени. Иногда, чтобы скоротать время, тихо напевает какой-то мотив.

В этот вечер время тянулось мучительно долго. Охранник, казалось, вел себя сегодня не как обычно: на крыльцо не выходил, устроился на самодельном табурете у самой двери, камеры и часто заглядывал туда через маленькое окошко. Николаев, чтобы еще раз осмотреться, попросился в туалет. Но охранник отрицательно покачал головой.

— Что это с ним? — тихо спросил Леонов. — Почему-то ведет себя настороженно. На дворе уже стемнело. Обычно в это время он уже на крыльце торчит. Чувствует, наверное... — Леонов лег на пол. — Ложись и ты, пусть думает, что мы уже спим.

Алексей лег. В коридоре послышались громкие голоса. Пришли несколько человек, они о чем-то говорили с охранником и даже заглянули через окошко в камеру.

— Ишь ты, — шепнул Николаев, — даже пост проверяют. Но пронюхать же о наших намерениях они не могли.

Полные тревожного ожидания, они пролежали еще около часа. Движение во дворе постепенно замолкало.

— Уже поздно, а он сидит как истукан у дверей! — зло прошептал Леонов, но больше сказать не успел.

Во дворе послышались голоса, топот ног. Парни подошли к окошку и увидели, что там скопилось не менее сотни людей. По чьей-то громкой команде отворились огромные ворота. Люди построились в шеренгу по два.

Через несколько минут во двор въехали три джипа. Они остановились как раз напротив окна камеры, но рассмотреть, кто приехал, Леонов и Николаев не смогли. Приехавшие подошли к шеренге душманов. Кто-то из них начал говорить. По обрывкам фраз парни поняли, что он обращался к душманам по-английски, а переводчик переводил на дари.

— Наверное, банда в поход собралась, а эти прибыли их вдохновить, — предположил Николаев.

Вскоре с улицы донеслись звуки моторов. Очевидно, бандитов дожидались грузовики. Группа приехавших двинулась к джипам.

И вот во дворе наступила обычная для этого времени глубокая ночная тишина. Даже часовой, поняв, что больше гостей и проверяющих не будет, прикрыл окошко в дверях, набросил небольшой крючок и устроился на свое привычное место на крыльце.

Вскоре он замурлыкал и свои любимые мотивы.

— Ну что, брат, начнем? — прерывисто дыша от волнения, тихонько спросил Леонов.

— Да, Антон, пора! Если что случится с кем-либо из нас, второй не останавливается, уходит. Главное, чтобы на Родине узнали правду.

Леонов вытащил из земляного пола проволоку, осторожно засунул ее в щель, нащупал крючок и начал потихоньку его приподнимать. Послышался легкий щелчок: оконце было открыто.

Охранник продолжал тянуть свой мотив. Антон перевел дух, засучил правый рукав и принялся теперь за дверной засов. Дотянулся до него крючком, зацепил и начал медленно тянуть...

В эти секунды решалось все. Стоило охраннику встать и подойти к своему месту у дверей — и случилось бы непоправимое. Но, к счастью, он сидел и негромко пел.

Весь в поту, дрожа от напряжения, Антон медленно тянул на себя засов. И вот дверь вздрогнула и слегка приоткрылась. Теперь наступила очередь Николаева. Тихо ступая босыми ногами — он заранее разулся, — Алексей начал приближаться к охраннику. Автомат у того лежал на крыльце под правой рукой. Но сейчас главная опасность была не в оружии, а в том, что душман поднимет крик.

Еще днем Алексей убедил Леонова, что охранника должен брать он: «Я же самбист, а ты, несмотря на то, что десантник, сильно ослаб, не оправился от ран».

Подкравшись к душману, Алексей неожиданно схватил его правой рукой за шею, а левой закрыл рот. Леонов забрал автомат. Душман был так ошарашен и испуган, что практически не оказал никакого сопротивления. Его быстро втащили в камеру, сняли рубашку, разорвали ее и, сделав кляп, заткнули ему рот. Ремнем пленники надежно связали охраннику руки, а лоскутом рубахи ноги, чтобы он не смог, добравшись до дверей, стучать. Уложили в камере в дальнем углу и заперли дверь. Теперь остановить их могла только смерть, а они были готовы и к ней. Парни бесшумно добрались к автомашине и залезли в кузов. Взобрались на борт, а с него залезли на дувал. Николаев зашептал:

— Антон, держись за ремень автомата и спускайся.

— А ты как?

— Спрыгну, не волнуйся. Действуй.

Дувал был высотой не менее четырех метров. Николаев уселся на него верхом и крепко взялся за автомат. Леонов, уцепившись за ремень, начал спуск. Вскоре он повис на руках. До земли было еще далековато. Но что поделаешь? И он, разжав руки, тяжело упал на землю. Вскочил на ноги — кажется, все в порядке! Тихо сказал:

— Бросай автомат, Леша...

Автомат с лязгом упал вниз. Николаев попросил:

— Отойди чуть в сторону, а то я тебя не вижу. — Он лег животом на дувал и соскользнул. Спрыгнул, но не удержался и упал.

— Как, цел? — ощупывал друга Антон.

— Да, кажется, порядок. Где автомат?

Николаев схватил автомат, и они побежали вдоль дувала.

САПЕРЫ

Комбат Бунцев и его заместитель по политработе Шукалин откровенно радовались звонку генерала-лейтенанта Дубика, который сообщил, что личному составу батальона предоставляется пятнадцатидневный отдых. Правда, несколько омрачало то, что саперная рота капитана Фоменко, которая была придана батальону, отзывалась для выполнения какого-то срочного задания.

— Да, жаль, конечно, будет, если роту нам не возвратят, — ворчливо говорил Бунцев, одновременно наблюдая через окно, как к штабу приближаются офицеры Фоменко и Антоненко.

Когда они появились в дверях, Бунцев встал и, направляясь навстречу, спросил:

— Ну как, Николай Георгиевич, сделал свое «черное» дело?

— Увы, да! — притворно вздохнул Антоненко и тут же, улыбнувшись, добавил: — Да не горюйте, мужики, через десять дней верну вам и Фоменко и его молодцов.

Бунцев и Шукалин хорошо знали Антоненко. Небольшого роста, маленький усатый майор пользовался авторитетом «спеца» по всему, что может взорваться. Достаточно было одного взгляда, брошенного майором на любую мину, взрывчатку, фугас, чтобы он сразу же определил, что это за штука, чья она и что от нее ждать.

Антоненко внешне был похож на легендарного Чапаева. Это сходство усиливали усы и смелый, решительный характер.

— Скажу вам, братцы, что не только люди, даже техника устала. — Антоненко сочувственно смотрел на офицеров. — Досталось вам в последнее время, ничего не скажешь.

— А что за спешка? Почему срочно роту бросают на новое задание? Сам же видишь, что солдаты вконец измучились, — спросил Шукалин.

— А вам не сказали? — удивился Антоненко.

— Мне позвонил генерал-лейтенант Дубик, — пояснил комбат, — и приказал подготовить роту к выходу из городка. Сказал, что за ней прибудет майор Антоненко. И все.

— Дело в том, что нужно срочно оказать помощь афганским друзьям в доставке автоколонны в одну из долин. — Антоненко подошел к висевшей на стене карте и ткнул пальцем в нужную точку. — Как видите, вы ближе других находитесь к этому району.

Бунцев, глядя на карту, озабоченно потер подбородок.

— Знаю я эти места: сплошная «зеленка» и мин как картошки — на каждом шагу. А как же ребята будут действовать без прикрытия?

— Колонну сопровождают афганский армейский батальон, броня. Предусмотрено и вертолетное прикрытие. А район, я согласен, сложный. Ведет к нему только одна дорога. Но ничего не поделаешь. Душманы уничтожили весь урожай, отобрали у крестьян продовольствие, даже семян не оставили. Крестьянам грозит голод. Правительство Афганистана решило срочно направить туда помощь. Колонна везет продовольствие, керосин, дизельную станцию, зерно, семена. Саперы должны не только обеспечить проводку машин, но и очистить от мин поля, чтобы крестьяне могли заняться посевной. — Майор посмотрел на Фоменко. — Генерал-майор Щербак просил тебя, Валентин, если будет возможность, оказать местным жителям помощь: восстановить школу. С колонной следует группа учителей-добровольцев, которые будут учить местных детей.

— Что ж поделаешь, — вздохнул Бунцев, — приказ есть приказ. Отправляйтесь, товарищ капитан, и не сомневайтесь, если понадобится наша помощь — придем. За помощь батальону — огромное спасибо.

— Что вы, товарищ подполковник, — улыбнулся Фоменко. — Мы еще вместе повоюем!

— Если майор Антоненко не отберет вас у вашего батальона, — лукаво взглянул на того Бунцев.

Попрощавшись, Антоненко и Фоменко направились к роте, которая уже была готова к движению.

До встречи с афганцами оставалось чуть более часа. Антоненко сказал:

— Давай команду «вперед!».

Офицеры залезли на бронетранспортер, и колонна тронулась в путь.

Цезарь, удобно устроившись у ног капитана, вопросительно заглядывал ему в глаза, словно хотел спросить, какое новое задание они получили. Фоменко, думая о чем-то своем, машинально погладил пса. Собака прилегла на пыльный сапог капитана.

Дорога была вся в рытвинах, но бронетранспортеры — не автомашины, которые должны кланяться каждой яме. Стальные машины шли плавно, без качков.

Стояла жара. Пыль, поднятая боевыми машинами, стеной висела над дорогой. И Антоненко, не выдержав, юркнул

в люк. Внутри БТР хоть жарко, но нет этой удушливой пыли.

Фоменко остался на броне. Он не хотел оставлять Цезаря одного. Псу непросто спускаться через верхний люк внутрь бронемашины.

Вскоре прибыли на шоссе, к месту встречи. Афганская колонна тоже уже была на подходе, это было видно по длинному, все приближающемуся шлейфу пыли. Антоненко собрал всех офицеров роты и еще раз провел тщательный инструктаж.

Впереди колонны шли два танка. Мощно гроыхая, они прошли чуть вперед, а затем, очевидно, по радиокоманде остановились.

С боевой разведывательно-дозорной машины легко прыгнул среднего роста сухощавый афганский майор. Офицеры козырнули друг другу, после чего познакомились. Майор назвался Муртази Раимом. Антоненко представил ему Фоменко и сказал:

— Командир саперной роты, которая пойдет с вами.

Капитан Фоменко не раз сопровождал колонны и хорошо знал, как важно иметь маневренное подразделение, которое видит перед собой всю колонну, и на случай нападения врага предложил три танка поставить в «хвосте».

На перестройку много времени не ушло, и вскоре колонна была готова к движению.

Антоненко попрощался с офицерами, и два его БТР двинулись в ту сторону, откуда прибыла колонна.

Фоменко разместился на первом бронетранспортере. Быть впереди — это его правило, которому капитан никогда не изменял. Пока мин бояться не стоило, и колонна довольно быстро преодолела первые двенадцать километров. Но вот первая машина свернула на запад и начала движение в сторону гор. Теперь нужен был глаз да глаз, начался опасный участок пути.

Афганские дороги... Какие только мины не хранят они: американские, итальянские, бельгийские, датские, пакистанские и японские...

— Мина! Стоп! — громко крикнул Святцев.

Бронетранспортер встал как вкопанный. Капитан увидел, что нарушен пылевой покров дороги. Он прыгнул с БТР и приказал псу:

— Цезарь, ищи!

Пес сначала обнюхал землю у ног хозяина, словно желая убедиться, что тому ничего не грозит, а затем,

натянув поводок, опустил нос к земле и змейкой пошел по дороге.

А вот и то место, на которое обратил внимание прапорщик Святцев. Пятисантиметровый слой пыли лежит, казалось бы, ровно, но обоняние Цезаря подтвердило интуицию Святцева. Пес уселся и грустно смотрел на Фоменко. Цезарь понимал: сейчас хозяин прикажет ему отойти и лечь, а сам останется один на один со смертью.

— Цезарь, уйди! — сказал негромко капитан.

Опустив голову, сгорбившись, Цезарь отошел к бронетранспортеру и улегся в пыль.

— Товарищ капитан, разрешите мне? — попросил Святцев.

— Нет, Святцев, сниму я. Всем укрыться!

Фоменко присел на корточки и чуткими пальцами провёл по пыли, а затем осторожно начал отгребать ее в сторону. А вот и мина: светло-коричневая, ребристая, пластмассовая, противотанковая «итальянка». Корпус только чуть-чуть утоплен в грунт. Фоменко очистил ее борта: никаких проводов нет, но необычная установка мины настораживала. Капитан пристроил металлическую «кошку» так, чтобы ее лапы держались за бок «итальянки», и, разматывая длинный линь, отошел за бронетранспортер. «Кошка» вытянула из ямки мину. Фоменко осмотрел ее и вывернул взрыватель. Все. Теперь она уже неопасна. Капитан взял за пластмассовый ремешок, прикрепленный сбоку, и небрежно бросил на бронетранспортер.

— Дальше пойдем ножками. Прапорщик Святцев! По четыре человека в ряд, действовать шупами. Впереди пойдет младший сержант Полин с Альфой.

И вот саперы двинулись вперед. Альфа, натянув поводок, изредка чихая от пыли, старательно нюхала землю.

Еще до наступления темноты оставалось не менее часа, когда прибыли к намеченной точке. Здесь остановились на ночлег. Бензовозы поставили вплотную к небольшой высоте, прикрыли их с флангов бронетранспортерами и боевыми машинами, чтобы в случае обстрела защитить цистерны. Тяжело урча, боевая техника занимала все ближайшие высоты, выдвигались в разные стороны дозоры. Когда стемнело, в сторону гор теньями заскользили разведчики. Саперы взвода Святцева устроились чуть в сторонке. Костров не разжигали, чтобы не обнаружить себя.

Как только вступают в свои права афганские ночи, человек, изнемогавший от жары и пропитанного пылью воз-

духа, сразу чувствует огромное облегчение. Но проходит час-другой, и горе тому, кто не имеет чего-нибудь теплого. От холода тело быстро коченеет, и все живое нетерпеливо ждет солнышка.

А в спальнике хорошо. Нежится и отдыхает натруженное за день тело, а прохладный горный воздух способствует крепкому сну.

Ровно в три часа Фоменко разбудил дневальный. Капитан приказал поднимать второй взвод, а сам быстро умылся, влез в бронетранспортер и расстелил на небольшом столике карту.

Лейтенант Кузнец прибыл за получением боевого задания уже одетый по-походному.

Фоменко подождал, пока он развернет свою карту, сказал:

— Ваша задача, товарищ лейтенант, силами вашего взвода проверить дорогу до гор. В ущелье не входить. В этом месте, — капитан карандашом показал точку на карте, — в шестистах метрах от входа в ущелье, находится афганский взвод. Его еще с вечера разместили там. Взвод получил приказ прикрыть вас со стороны гор. Работайте не спеша. Хорошо проинструктируйте солдат. Связь со мной поддерживайте постоянно. По сторонам у вас будет двигаться боевое охранение афганцев, но не зевайте и сами. Все три бронетранспортера держите в полной боевой готовности.

К Фоменко подошел командир афганского подразделения.

— Наш секрет перехватил небольшую банду. Давайте поговорим с пленными.

В иной ситуации Фоменко, конечно бы, отказался, но у него из головы не выходила мысль о Леонове. Кто знает, может, захваченные в плен душманы что-либо знают о нем? И Фоменко согласился. Взяв с собой переводчика Рустомова, он прошел к палатке, где разместился штаб батальона. Вблизи ее под охраной автоматчиков сидели трое. Пленных ввели в штабную палатку. Двое пожилых и молодой, не более двадцати пяти лет мужчина. Один из них был ранен в руку, у молодого лицо в грязи и царапинах.

Командир батальона, глядя на пленных, пояснил:

— Эти двое, — он кивнул на тех, что постарше, — когда увидели, что их друзья погибли, сразу же подняли руки и сдались, а вот этот, — Муртази вдруг запнулся. Лицо у него сначала стало напряженным, а затем растерянным. Майор

сделал несколько шагов к молодому душману и удивленно спросил: — Али Мохаммад, ты ли это?

— Да, Муртази, это я. Я тебя сразу узнал.

— А как же ты оказался у душманов? Бедный дехканин, честно отслуживший положенный срок солдат. Ты же недавно храбро сражался с контрреволюцией, а сейчас воюешь против тех, с кем делил рис и воду! Что случилось с тобой, Али Мохаммад?

Мохаммад гневно сверкнул глазами.

— Когда вернулся в свой кишлак, то узнал страшную весть. Мой отец, избранный жителями кишлака вакилем, ни за что, по приказу людей Амина, был схвачен, опозорен при всех жителях нашего кишлака. Вскоре пришло известие, что моего дорогого отца, всеми уважаемого человека, расстреляли. За что, я вас спрашиваю? Что вам сделал мой простой, бедный отец? Нам говорили, и ты, Муртази, тоже много раз говорил, что мы воюем за революцию, против тех, кто угнетает наш народ, что мы воюем за счастье бедных людей. А на самом деле что происходит? Мой отец как мог старался служить людям, помогать революции. И что из этого получилось?

Наступила тягостная пауза. В тишине было слышно, как переводчик негромко переводит советскому капитану слова пленного.

— Да, горькую весть сообщил ты, Мохаммад. Теперь мне понятна твоя обида на власть, понятно и твое решение. Но послушай и ты меня. После твоей демобилизации меня тоже арестовали. — Майор быстро расстегнул китель и обнажил грудь и левое плечо. На них хорошо были видны рубцы. — Видишь, что делали аминовцы со мной? Они пытались меня и издевались каждый день почти четыре месяца. Только аллаху известно, каким чудом я остался жив. Ты меня знаешь, Мохаммад. Скажи, чем я заслужил это?

Пленный не отвечал, но в его глазах ненависть сменилась любопытством и даже состраданием. Наконец он сказал:

— Скажи, Муртази Раим, как же ты после этого продолжаешь службу у них?

— Почему у них, Мохаммад?! — воскликнул Муртази Раим. — Предатель Амин свергнут и понес заслуженную кару. Те, кто был с ним, тоже понесли наказание. На смену режиму Амина пришла народная власть, которая не только осудила Амина, но и освободила всех людей, схваченных им. Меня не только освободили, но, как видишь,

повысили в должности и звании. Если гнев не затуманивает твой разум, то ты должен понять, почему я пошел служить новой власти. Если ты, Мохаммад, спокойно подумаешь о том, что я тебе сообщил, то ты поймешь, что новая власть считает твоего отца героем.

Командир батальона приказал дать Мохаммаду одеяло, чтобы он мог поспать. Двое солдат увели пленного, а Муртази Раим говорил Фоменко:

— Он служил в моем взводе. Смелый и дисциплинированный был солдат. — Комбат помолчал немного, а затем с грустью заметил: — Да, допущено немало ошибок. Сколько людей оттолкнули от революции Амин и его окружение... Я часто думаю о том, как это могло случиться? Ну, да ладно, давайте побеседуем с этими. — Он кивнул головой на двух душманов, продолжавших стоять у входа.

Рядовой Рустамов тихо переводил их разговор. Один из захваченных душманов был старшим группы. Он откровенно сообщил, что группа была направлена главарем банды, чтобы заблокировать минами их стоянку.

Муртази спросил:

— Как вы узнали, что мы остановились здесь?

— С вершин гор почти целый день наблюдали за вами. Насир, наш руководитель, сказал, что вы направляетесь в горы.

— Ну и что он намерен предпринять? — спросил Муртази.

— Не знаю. Он через своего заместителя приказал мне установить на вашем пути мины. Но нам не повезло. Больше половины моей группы погибло...

Командир батальона взглянул на Фоменко: есть ли вопросы?

— Рафик Муртази, спроси, не слышал ли он о советском солдате, попавшем в плен?

Пленные отрицательно покачали головой.

После того как душманов увели, комбат сказал:

— Я предлагаю снова побеседовать с Мохаммадом.

Фоменко заколебался:

— Стоит ли мне мешать вам. Вы с ним давно знакомы, и разговор лучше вести наедине.

— Нет-нет, вы не мешаете. Я уверен, что смогу найти с ним общий язык, а это значит, что мы сможем узнать многое, в том числе и о пленных солдатах.

Муртази приказал дежурному офицеру привести пленного.

Мохаммад вошел в палатку, шурясь от света. Лицо помятое, заспанное. Муртази предложил ему садиться на складной металлический стул. Сам сел напротив.

— Чаю хочешь?

— Спать хочу. Сейчас самое лучшее — это выспаться перед смертью.

— А почему ты решил, что тебя ждет смерть?

— Да я же знаю, что вы делаете с теми муджахедами, которые попадают в плен.

— Это неправда, Мохаммад. Всех, кто попадает в плен, предают суду. Суд только отъявленных бандитов приговаривает к высшей мере наказания. Судьи разбираются, как и почему человек оказался в банде, и если убедятся, что тот не истязал, не убивал никого, освобождают его. Народная власть стремится к благополучию и счастью народа, а твои новые хозяева и их заокеанские хозяева хотят помешать этому.

— Мы — борцы за веру, — смущенно промолвил Мохаммад.

— О чем ты говоришь, Мохаммад?! — воскликнул Муртази. — Те, кто направляют твою руку и руки таких, как ты, бедных людей, и есть отступники от веры. Неужели ты не видишь, как банды разрушают мечети, как душманы поднимают руку на детей, насилюют женщин, разбойничают на дорогах, в кишлаках?

— Я этого никогда не делал.

— Я уверен в этом, поэтому и разговариваю с тобой. Мохаммад, тебе никогда не приходилось слышать о русских солдатах, попавших в руки душманов?

Пленный во время беседы несколько раз бросал короткие любопытные взгляды на советского капитана.

— Я слышал, что в соседнем отряде, якобы был один русский солдат. Его взяли раненым, и он умер.

— Когда это было?

— Дней восемь — десять назад.

— Чья это банда?

— Исламской организации Афганистана.

— Кто главарь?

— Саид Ака.

— Кто он?

— Не знаю. Он прибыл в этот район из провинции Логар.

— Сколько человек у него в банде?

— Точно не знаю. Думаю, что человек сорок.

— Где сейчас эта банда?

— Там, в горах... Дождается вас.

Муртази Раим подсел со своим стулом поближе к пленному.

— Мохаммад, я хочу, чтобы ты помог нам. Поверь мне, ты никогда не пожалеешь о том, что послушал своего бывшего командира.

В палатке наступило напряженное молчание. Мохаммад думал. Это было видно по наморщенному лбу, почти сошедшимся у переносицы густым черным бровям. На его лице даже выступили капельки пота, четко обозначились желваки.

— Я верю тебе, Муртази, и помогу вам. Что тебя интересует?

— Где разместились бандиты? Сколько их? Кто главари?

Муртази подошел к складному столу, где лежала карта.

— Не разучился ты разбираться по карте? Иди сюда.

Мохаммад встал, подошел к столу и некоторое время молча смотрел на карту. Наконец спросил:

— Где мы находимся?

— Вот здесь. — Муртази показал точку на карте.

— Вы хотите идти этой дорогой и через перевал попасть в эту долину?

— Да.

— Наши командиры так и предполагают. Я уверен, что все семь километров от начала ущелья и до долины вам придется идти с боем. Для встречи с вами вчера объединились семь формирований. Они принадлежат исламской партии Афганистана и исламскому обществу Афганистана. Правда, между собой они живут, как шакалы, но на короткое время они отложили грызню между собой.

— Какое у них оружие?

— Всякое. Есть и зенитные орудия, и ДШК, и минометы, много ручных гранатометов. Реактивные установки, помоему, имеются в каждой банде. Они готовы вести бой не только с колонной, но и с авиацией. Вчера вечером Хоного, он общий командир всех семи банд, направил на вершины гор не менее десяти зенитно-пулеметных расчетов.

— А где они разместятся?

— Не знаю. Хоного сам ставил перед ними задачу.

Командир батальона уже решил приказать увести Мохаммада, когда тот попросил:

— Муртази, возьми меня с собой. Я ведь сам минировал

дорогу и смогу показать, где зарыты управляемые по проводам фугасы. Они специально для танков приготовлены.

Рустамов перевел сказанное Фоменко. Капитан ожил.

— Уточните у него, сколько всего мин поставлено на дороге и как они размещены?

Мохаммад некоторое время молчал, подняв кверху глаза. Он подсчитывал...

— Думаю, что мин двести — двести тридцать. Ставили их лесенкой...

Фоменко достал из широкого нагрудного кармана блокнот и протянул майору.

— Пусть начертит схему, в каком порядке ставили мины.

Мохаммад склонился над блокнотом и через минуту протянул его советскому капитану.

Фоменко посмотрел и удовлетворенно произнес:

— Ясно. Если это действительно так, то мы сможем продвигаться достаточно быстро. Спросите у него, он пойдет со мной впереди колонны?

— Да, пойду. Я покажу... — ответил Мохаммад и впервые посмотрел советскому капитану прямо в глаза.

— Саис, — неожиданно произнес Фоменко и улыбнулся. — Значит, идем вместе.

Солдат вывел Мохаммада из штабной палатки, а офицеры склонились над картой.

А на дворе было уже утро, и колонна начала готовиться к движению. К этому моменту командир второго взвода лейтенант Кузнец доложил: путь к горам очищен от мин.

Пятикилометровый участок колонна прошла минут за двадцать. У самого предгорья их встретил взвод лейтенанта Кузнец и афганские солдаты, которые обеспечивали безопасность саперов.

Фоменко и майор Муртази быстро определили площадку для размещения артиллерии и другой техники.

Два взвода и «броня», выделенная для их охраны, начали занимать круговую оборону.

Через полчаса, закончив перестройку, двинулись дальше. А вот и вход в ущелье. Следом за бронетранспортером саперов, на котором находились Фоменко с Мохаммадом, двигались два танка. За танками — афганский бронетранспортер. За ним шли шесть машин с грузом, потом опять бронетранспортер и боевая машина пехоты с солдатами, следом снова машины с грузом и так далее. В середине

и в «хвосте» колонны по два танка. Душманы пока молчали. Но для саперов их словно и не существовало. Все их внимание — дороге! Пока мин не было, но все равно скорость — черепашня, чтобы не опередить боковое охранение.

Мохаммад вдруг спрыгнул с бронетранспортера и, пробежав вперед метров десять, остановился, подняв руку. Фоменко поспешил к Мохаммаду. Рустамов не отставал, Он-то и перевел слова Мохаммада, который, ткнув ногой, заявил, что он стоит на фугасе. Фоменко похолодел: «Если сейчас душманы поймут, что фугас обнаружен, то сразу же включат подрывную машинку!» Вытаскивая на ходу из ножен штык-нож, приказал Рустамову:

— Скажи ему, чтобы показал, где провод!

Мохаммад подбежал к обочине и быстро отыскал приспанный породой тонкий коричневый провод. Фоменко мгновенно перерезал его, смахнув со лба появившуюся испарину, перевел дух и сказал Рустамову:

— Переведи ему, чтобы впредь он не бежал к фугасу, а заранее предупреждал нас, объясни, чем это может кончиться.

Рустамов перевел. Мохаммад ответил, что понял, и пояснил:

— Сейчас начнутся мины, а метров через триста зарыт еще один фугас. Он несколько отличается от этого, так как мы сверху заряда поместили английскую противотанковую мину, обернутую в кусок резины от автомобильной шины.

«Ишь ты, — подумал Фоменко, — мину положили на тот случай, если не пройдет к фугасу электросигнал. Ну, а резина для того, чтобы миноискатель или собака не обнаружили».

Фоменко прикинул на глаз ширину дороги и приказал четверым саперам построиться уступом. Впереди них поставил Полина с Альфой и двух саперов с миноискателями.

Группа двинулась вперед, и скоро шедший крайним слева сапер поднял руку. Это означало: «Внимание! Мина!» К нему устремился Фоменко. Группа продолжала работу.

— Товарищ капитан, комбат сообщает, что колонна полностью вошла в ущелье, — сказал переводчик.

«Интересно, почему они не стреляют? — подумал Фоменко и тут же сам себе ответил: — А, ясно! Голова колонны не подошла к «своей» засаде. Что, духи, просчитались? Вы, конечно, еще вчера прикинули длину колонны, а она оказалась короче!»

Он глянул по сторонам. Угрюмые скалы, казалось, дремали, рядом с ними мощные боевые машины казались спичечными коробками, а люди — гномиками.

Дорога пошла вверх, к перевалу. Хотя ждали люди этого момента, но все равно он наступил неожиданно. Скалы, казалось, содрогнулись от мощных взрывов и выстрелов. Душманы из морщин и складок гор, из пещер и из-за больших валунов ударили по колонне с двух сторон.

Саперы залегли за придорожные камни. С другой стороны их прикрыл своим корпусом бронетранспортер. Фоменко лежал рядом с афганским радистом и Рустамовым. Вести огонь по невидимым целям из автомата было бесполезно, и капитан, глядя в бинокль, выискивал позиции душманских пулеметов и безоткатных орудий.

Колонна не торопилась продвигаться. Люди надежно упрятаны за «броню», а их орудия начали беспощадно и методически громить душманские позиции. Правда, в колонне тоже появились потери: загорелись два грузовика. Идущий в середине танк смог подойти к ним и один за другим столкнул горевшие грузовики с дороги. После этого танк занял место этих машин. Так решил комбат, который таким образом усилил голову колонны.

Фоменко, лежа за камнем, в невообразимом грохоте боя улавливал «свои» нотки. Четко звучали выстрелы автоматических гранатометов. Саперы вытащили их из бронированных машин и сейчас осыпали гранатами позиции противника.

Вскоре все было кончено. К дороге под охраной солдат спустилось двадцать шесть душманов. Половина из них были ранены. Пока ими занимались врачи, солдаты прочесывали местность, выискивая спрятавшихся душманов и собирая оружие.

Фоменко, не теряя времени, приказал саперам продолжать работу.

Саперы уходили все круче и круче вверх. Дорога сделалась намного уже. Слева потянулся обрыв. С каждой сотней метров он становился все глубже. На одном из поворотов по саперам ударил ДШК. Огромные разрывные пули с визгом высекали из камней огонь и разрывались на мелкие частицы. Хорошо, что смогли сразу же засечь позицию душманов.

Начался самый опасный участок пути. До перевала оставалось метров восемьсот, транспорт лезет вверх под немыслимо острым углом. Бронетранспортер напоминает

ползущую гусеницу. Все его восемь колес изо всех сил цепляются за каждый клочок дороги и двигают, двигают стальную громадину вперед.

Мохаммад снова и снова предупреждал капитана Фоменко: перед самым перевалом сразу четыре фугаса и очень частая «посадка» мин, а на самом перевале позиции душманов. У них и ДШК, и гранатометы, и базуки...

Фоменко молча кивал головой: он уже давно понял, что главная опасность и главный очаг душманского сопротивления там. Капитан ломал голову, как без потерь взять перевал.

С такой же тревогой пришел и командир афганцев Муртази Раим.

— Рафик капитан, — обратился он к Фоменко, — я хочу, как только появится хоть маленький пятачок, на котором можно будет разминуться, выдвинуть два танка вперед. На перевале душманы сильно укрепились и могут поджечь ваш бронетранспортер.

— Так-то это так, товарищ майор, — заметил Фоменко, — но ведь моим парням все равно надо идти впереди колонны. Мины, если их не снять, остановят любую технику.

В этот момент Фоменко заметил, что младший сержант Полин со своей Альфой и еще двое солдат с миноискателями завернули за очередной выступ скалы. Капитан решил посмотреть, нет ли там местечка, где могли бы разминуться танк и бронетранспортер. Он сказал об этом Муртази и в сопровождении Рустамова и радиста поспешил вперед. Капитан быстро догнал идущих лесенкой солдат-саперов, которые методически втыкали в каменистую поверхность длинные металлические щупы. Не останавливаясь, Фоменко зашагал дальше. Он шел по дороге, которая была заминирована, но какое-то чувство подсказывало ему, что здесь противопехотных мин нет, а идти по противотанковым минам для опытных саперов было делом привычным.

Угол скалы, за которую уходили Полин и два «слухача» с миноискателями, был закругленным, и Фоменко, не теряя их из виду, быстро догонял своих. Когда капитан почти приблизился, Полин, следуя за Альфой, уже обошел скалу и оказался на прямом участке дороги. Вот и сержант Володько, который был чуть впереди Маланьина, тоже вышел на прямую. Фоменко догнал рядового Маланьина и одновременно с ним завернул за скалу. Глянул вперед, и его мозг мгновенно пронзила мысль: опасность!

Нет, капитан не увидел никого, но опытный взгляд «срисовал» ситуацию, Фоменко понял, что в скалах спрятались душманы. Перед ними как на ладони каждый, кто появится из-за поворота. Капитан крикнул:

— Всем — стоп! Немедленно назад!

Полин остановился и недоуменно посмотрел на командира, а Володько и Маланьин продолжали водить рамками миноискателей над поверхностью, их уши были закрыты наушниками.

И в этот момент случилось то, что должно было случиться в такой ситуации. Ударил залп. Саперы упали, взвизгнула и завалилась на бок Альфа. Скалы, в которые упиралась дорога, ощерились вспышками автоматного и пулеметного огня. Фоменко успел укрыться за выступ большого камня. Лишь на секунду он обернулся и крикнул радисту:

— БТР и танк на прямую наводку!

После этого все его внимание переключилось на солдат. По тому, как Маланьин лежал неловко уткнувшись лбом в дорогу, понял: самая большая беда с ним. Володько стал медленно отползать к скале, которую они недавно обогнули, чуть шевельнулся Полин. Он дергал за поводок Альфу и что-то говорил ей. А дорога кучерявилась от пуль. С визгом они врезались и в камень, за которым укрылся Фоменко.

Приблизился бронетранспортер, Фоменко одним прыжком вскочил на него и быстро влез вовнутрь. Приказал приготовить автоматический гранатомет и бросил механику-водителю:

— Лукьянов, как только повернешь за скалу, стань как можно ближе к камням. Там дорога чуть пошире, танк сможет орудием работать! Давай жми!

Бронетранспортер двинулся вперед. Только он показался из-за поворота, как по броне сразу же застучали пули. Фоменко повел огонь из пулемета. Из-за бронетранспортера выскочили лейтенант Кузнец и солдат. Они подбежали к Маланьину, подняли его и понесли за бронетранспортер. Пригибаясь, держась рукой за левое плечо, отходил Володько. Только Полин медлил. Он, не обращая внимания на свистевшие рядом пули, возился с Альфой. Наконец он, взяв собаку на руки, шатаясь, медленно, совершенно не пригибаясь, пошел к бронетранспортеру. Прямо за поворотом Полин осторожно положил Альфу на большой

плоский камень. А мимо санитары пронесли на носилках Маланьина.

Фоменко приказал пулеметчику бить длинными очередями по душманам, а сам через нижний люк выбрался из бронетранспортера и, словно не было душманских пуль, стал жестами руководить движением танка, который медленно выползал из-за поворота. Нет, две броневые машины не могли разминуться, но половина корпуса танка выглядывала из-за бронетранспортера. Экипаж танка получил возможность вести огонь, что он, не мешкая, и сделал. Из люка появился афганский солдат. Он быстро развернул пулемет, и через несколько минут ровный мощный стрекот пулемета ДШК влился в общий гул боя. Это сыграло свою роль. Было видно, как бандиты заматались, отдельные из них откровенно побежали, прыгая с камня на камень.

Впереди бронетранспортера появились Святцев, Тюкачев и еще двое саперов. Во что бы то ни стало надо было проверять дорогу. Кое-где душманы еще продолжали вести огонь, и пули с визгом отскакивали от камней. Но саперы работали. За ними, буквально по пятам, двигался бронетранспортер, а следом шел танк. Его левая гусеница шла по самому краю обрыва. Видно, что водитель-механик не из новичков.

К Фоменко подошел лейтенант Кузнец. Перекрикивая грохот выстрелов, сказал:

— Маланьин убит, Володько — ранен. Убита Альфа.

Фоменко молча кивнул головой. Он ведь сам уже все видел. И сейчас обязан был не отвлекаться от боя, больше думать о живых.

Послышались тяжелые разрывы. Это начала бить артиллерия по перевалу. Тяжелые стодвадцатидвухмиллиметровые снаряды кромсали скалы, пытаясь достать все живое, укрывавшееся за ними.

Прошло еще несколько минут, и сопротивление было подавлено.

Фоменко сразу же ввел в действие еще два отделения. Теперь саперы получили возможность работать одновременно на трех участках. Несмотря на то, что артиллерийские снаряды продолжали разрываться на перевале, саперов защищала от их осколков высокая скала, в обход которой и шла дорога.

Боковое охранение афганского батальона под прикрытием артогня смогло зайти душманам во фланг. Солдаты

дружно атаковали бандитов на самой верхушке перевала, а танки поддерживали их своим огнем. Оставшиеся в живых душманы побежали вниз. Путь был свободен. Колонна медленно перевалила высшую точку и, набирая скорость, устремилась вниз, где ее ждали жители большой долины, спрятанной в обширных горных массивах.

ПОБЕГ

Они бежали долго. Откуда только брались силы у измученных, ослабевших от голода парней? Изредка они переходили на шаг, потом снова начинали бежать. Они пересекли какую-то рощу, затем поле, несколько арыков. Леонов бежал первым, за ним с автоматом Николаев. Впереди, всплывая темным пятном, опять была какая-то «зеленка». Ребята вбежали в нее. Стало совсем темно, и они пошли шагом.

— Километров пять отмахали,— тяжело дыша, сказал Леонов.

— Не меньше. Главное, чтобы не сбились и не кружили вокруг лагеря. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально,— ответил Леонов, у которого на самом деле силы были на исходе. Он глотнул побольше воздуха.— Основное для нас — отойти подальше и к утру найти укромное местечко.

— Антон, стой! — вдруг воскликнул Николаев.— А где магазин? Мы же потеряли магазин! — Он лихорадочно вертел в руках автомат.

Леонова словно током ударило. Он нащупал в руках Николаева автомат... Да, магазина в автомате не было. Антон нагнулся и начал шарить руками по земле.

— Растяпа! — дрожащим от гнева голосом сказал он.— Тоже мне, солдат нашелся! Ему доверили оружие, а он коту под хвост магазин сунул! Что стоишь?! Ищи!

Николаев спустился на землю, но искать не стал.

— Бесполезно все это, Антон. Магазин выпал из автомата, когда я сбросил его с дувала. И, когда мы бежали, магазина в автомате уже не было. Я в спешке и волнении не сообразил, что несу не оружие, а обыкновенную игрушку.

Леонов со вздохом поднялся на ноги.

— Эх ты! Мы же остались безоружными, и теперь нечем отбиваться, чтобы подороже отдать свою жизнь.

Они медленно, натываясь на деревья, пошли вперед.

Вскоре Леонов дотронулся до плеча Николаева.

— Ты прости меня, я погорячился...

— Брось, Антон. Я бы и сам себе морду набил. Действительно — растяпа.

— Ладно, забудь об этом. Автомат возьмем с собой, хоть пугать в случае чего будем.

— Это точно. Главное, что мы удрали. Скоро утро, надо обязательно найти местечко, где сможем укрыться. Потом решим, что делать дальше.

— Конечно, нам будет нелегко: без еды, без оружия, не знаем языка и даже направления, куда топать...

— Ничего. Когда солнце взойдет, определим направление. Я думаю, что лучше всего двигаться на северо-восток, к афганской границе.

— А может, на Исламабад или Карачи?

— Я считаю — это бесполезно. Без карты, через всю страну — попадемся. Лучше идти к горам. Там больше шансов попасть к своим. Правда, не знаю, как быть со жратвой. Вот если бы удалось запастись хотя бы лепешками, а в горах воду найдем.

Вскоре роща кончилась, и они остановились у небольшого арыка. Вода с тихим журчанием текла у ног, но хотя и хотелось пить, они не стали этого делать. Решили потерпеть.

— Давай подождем рассвета,— предложил Николаев.— Отыщем какое-либо строенье или же в «зеленке» укромное местечко найдем.

— Иного выхода у нас нет,— согласился Антон.

Они сели под деревом. Несмотря на то, что ночь была бессонной и усталость сковывала тело, спать не хотелось.

— Ты знаешь,— нарушил молчание Николаев,— только сейчас я понял, что мы бежали. Честное слово, раз десять щипал себя: уж не сон ли это.

— А я понял это тогда, когда мы перелезли через дувал и побежали вдоль улочки...

— Антон, смотри, светает!

Они смотрели на восток, где все ширилась на небе светлая полоска. Но на земле еще властвовала ночь. Николаев мечтательно вспомнил:

— Лет пять назад батя взял меня с собой на рыбалку. Мы ночевали на берегу Волги. Как только начало приближаться утро, батя разбудил меня, и мы начали готовиться. Он у меня страстный рыбак и к этому занятию относится ох как серьезно! В темноте накачали мы лодку, и тут появи-

лась на небе вот такая же светлая полоска, а батя шутит: «Смотри, гусь лапчатый, не прозевай, как день зарождается. Ты же у меня поспать — герой и в жизни рассвета не встречал». И вдруг появились первые солнечные лучи. Красота! Даже сейчас с благодарностью вспоминаю ту картину. А ты, Антон, встречал когда-нибудь рассвет?

— Я? — улыбнулся Леонов. — Да, встречал. — Он помолчал немного. — Есть у меня девушка. Катериной ее зовут. Вместе в школе учились. Впереди меня в классе сидела. Я часто за косы ее дергал... Помню, как после девятого класса нас, несколько ребят, направили в пионерский лагерь пионервожатыми. Мы с Катериной в один лагерь попали. Когда кончалась третья смена, после костра, позагоняли мы малышню по палатам спать, а сами — человека восемь — пошли бродить вдоль лесной опушки. Темно, тепло. Идешь босиком по траве, а она шелковая, нежная...

Антон, словно забывшись, замолчал. Алексей спросил:

— Ну и что, так до рассвета и бродили?

— Нет, — улыбнулся Антон. — Набредли мы на огромный стог, ну всей ватагой и взобрались на него. Устроились в кружок, и кто что рассказывает, а над нами небо все в звездах! Затем туман появился. Катя шепчет мне: «Скоро утро!» Посвежело, а мы все легко одеты. Ребята начали в сено зарываться, так теплее. Мы с Катей тоже что-то наподобие норы вырыли. Сидим, смеемся, а ее лицо рядом с моим... А потом вроде случайно ее голова оказалась на моем плече... Так хорошо... А Катя мне шепчет: «Антоша, посмотри — на небе полоска. Это солнышко к нам спешит, обогреть хочет!» И тут увидел я ее глаза: красивые, голубые, большие. Сам не знаю, как получилось, — поцеловал ее в губы...

— И, конечно, схлопотал по роже, — авторитетно заметил Алексей.

Леонов улыбнулся в темноте и, чуть дрогнувшим голосом, сказал:

— Нет. Через минуту она сама меня поцеловала и сказала: «Мне хорошо, Антон!» И тут появилось солнышко. А я смотрю на Катю, и мне так радостно. Хочу сказать «люблю», а не могу. Она тогда наверняка догадалась об этом. Приложила палец к моим губам, приклонила голову к плечу и шепчет: «Молчи!» Я и промолчал.

— Ну и дурак! Мог бы сказать. Что здесь такого, если любишь? И где она сейчас?

— В Брянске, в институте учится.

— Пишет?

— Ага. Провожала — плакала. Пишет, вернее, писала часто. Вот только что теперь подумает, когда узнает?

— Если любит, не подумает ничего плохого...

Рассвет приближался стремительно.

— Так, — деловито промолвил Николаев, — давай осмотримся. Черт возьми, только поле, ни одного строения.

— Действительно, куда нас черт занес? — растерянно огляделся Леонов.

Перед ними раскинулась ровная, разбитая на квадратики полей местность. Роща была редкой и хорошо просматривалась.

Николаев сказал:

— Я предлагаю спрятаться в стоге соломы.

Леонов удивленно спросил:

— Ты имеешь в виду вон те копны?

— Ага.

— Тоже мне стог. В нем даже ребенок не спрячется, не то что мы.

— А что делать? Иного выхода я не вижу. А если еще протянем немного, то и к ним незаметно не проберешься.

— Пошли! — решил Леонов и, первым перепрыгнув через арык, побежал.

Николаев последовал за ним. Они выбрали стоявшие рядом два небольших стожка и остановились у одного из них. Стожок был не более полутора метров в высоту и трех в ширину.

— А может, спрячемся по отдельности, — предложил Николаев. — Ты в этот, а я в тот?

— Не надо, — возразил Леонов. — Ведь тогда вероятность нашего случайного обнаружения увеличится вдвое.

— Пожалуй, ты прав. Тогда давай в этот...

Спрятаться в небольшом стогу вдвоем оказалось не простым делом. Парни изрядно помучились, прежде чем смогли прикрыться соломой. Чтобы лучше было следить за местностью, устроились друг к другу спиной.

За хлопотами они и не заметили, что день уже полностью вступил в свои права. Кое-где появились люди. Они ковырялись в земле лопатами с длинными черенками, возились у арыков. Крестьян становилось вокруг все больше и больше. Парни видели, как недалеко от них трое крестьян, очевидно, отец и двое его сыновей, за считанные минуты разобрали один из стожков и, загрузив солому на две двухколесные арбы, увезли.

— Ничего себе хохмочки,— мрачно пошутил Николаев.— Представляю, что будет с нами, если они вздумают увезти солому, в которой сидим мы.

Через небольшую дырку, проделанную в соломе, Леонов тоже напряженно следил за местностью и думал о том же.

— Ты бы лучше рассказал о чем-нибудь другом.

— Давай поспим,— неожиданно сказал Николаев.— По очереди. Хочешь, спи первым, а я потом?

Леонов закрыл глаза и попытался уснуть, но прошло не меньше часа, а сон не шел.

— Давай, Леша, спи ты, я что-то не могу.

— Что, нервы пошаливают? Что-то рановато, друг, в двадцать-то лет. Ну хорошо, тогда бодрствуй, а я посплю.

— Давай-давай, только не храпи.

Уснул ли Алексей, Антон не знал. Он внимательно следил за подходами к их стогу и мысленно строил планы на дальнейшее.

«Кто знает, сможем ли мы отыскать в горах пищу? Хотя о чем это я? Нам, главное, добраться до гор, а там я готов и неделю в рот ничего не брать, а этого срока вполне достаточно, чтобы выйти на людей».

Вдалеке показалось две арбы, запряженные неторопливыми, упрямо тащившими свой груз мулами.

«Наверно, опять те же крестьяне возвращаются за новой партией соломы? Как бы они не облюбовали нашу копну».

Нет, обе арбы проехали по узкой пыльной дороге стороной. Но тут в поле зрения десантника попало облако пыли, оно быстро приближалось. «Машина!» — догадался Леонов. Все его внимание переключилось на нее. Вскоре он убедился, что это был грузовик, а еще через минуту увидел, что в кузове полно людей. Машина стала, и из кузова начали выпрыгивать вооруженные люди. Они выстроились в шеренгу, и мужчина, одетый в светлую рубашку, показывал руками в разные стороны и что-то говорил.

— Леша,— тихо позвал Антон,— Леша, проснись! Кажется, приехали гости.— Леонов спиной толкнул Алексея.

— А? Что? — встрепенулся Николаев.— Что, ты захотел спать?

— Нет, Леша! Осторожно посмотри в мою сторону, только не вздумай высовываться. Там на дороге духи!

Николаев начал медленно разворачиваться. Леонов услышал его дыхание у правого уха.

— Неужели нас засекли?!

— Черт их знает. Если нас обнаружат, живыми не сдаемся! Автомат надо держать так, чтобы не было видно, что он без магазина.

— Правильно. Ты будешь держать их под прицелом, а я попытаюсь хоть одного обезоружить. На всякий случай, Антон, прощай! Спасибо тебе за дружбу!

— И тебе спасибо, Леша!

Теперь они были уверены, что душманы прибыли сюда из-за них!

Душманы группами разошлись в разные стороны. Несколько групп по три человека направились к роще, в которой парни дожидались рассвета, две группы двинулись вдоль арыка, тщательно осматривая редкие кусты, растущие по его берегам. Большинство же душманов расплодилось по квадратикам полей. Казалось, они не пропускали ни одной кочки, ни одной ямки, словно искали не людей, а каких-то мелких животных. Когда на их пути встречался стог, они не просто осматривали его, а безжалостно разбрасывали солому до самой земли. Все это парни видели. Каждый из них готовился к схватке, к последнему бою с врагом, итог которого не вызывал сомнения.

«Ну что ж, значит, не судьба мне добраться до Родины,— думал Антон, сжимая в руках металл автомата.— Но зато погибну в открытом бою! Нет, духи! Вы сейчас узнаете, на что способен комсомолец-десантник, даже если в его автомате нет патронов!»

А две тройки душманов приближались все ближе и ближе. Они, не торопясь, громко разговаривая о чем-то своем, методически разбрасывали одну копну соломы за другой. К беглецам ближе других была крайняя группа: трое бородатых, одетых в национальную афганскую одежду мужчин. Они сначала руками, а затем ногами разбрасывали солому по земле и двигались к следующему стожку. Автоматы у двух были за спиной, а третий держал свое оружие в руке за ствол. Это свидетельствовало, что поиск шел наугад. Наверное, главари определили каждой группе конкретный участок для прочески.

— Антон,— тихо прошептал Алексей,— как только подойдут ближе, постарайся прикладом оприходовать того, что держит автомат в руке, а затем целись в других, а я схвачу его автомат.

— Принято,— спокойно ответил Антон.

Вот душманы разбросали соседнюю копну, после нее очередь за той, в которой находились советские солдаты.

— Идут к нам! — напрягаясь, прошептал Леонов.

— Я готов! — тихо ответил Николаев.

Тройка приближалась. И тут случилось то, о чем никогда нельзя было подумать, особенно в этой ситуации. Неожиданно послышались громкие голоса. Парни невольно повернули головы в ту сторону. Они увидели, что от дороги к ним приближаются старик и двое молодых мужчин, которые недавно загружали соломой арбу. Впереди, держа обыкновенные крестьянские вилы наперевес, быстро шел старик. За ним сыновья. Душманы в растерянности остановились. Антон и Алексей догадались, чего так громко кричал старик. Они, конечно, поняли по его тону и жестам, что старик ругал душманов за то, что они разбросали солому. Душманы, что-то отвечая старику, стали отступать. И копна, в которой сидели беглецы, осталась нетронутой.

Старик кричал им что-то вслед, размахивал руками, а затем с сыновьями направился к разбросанной соломе, и они начали ее собирать в стог.

— Вот это да, — тихо промолвил Николаев, — и скажи теперь после этого, что на свете бога нет.

— Аллаха.

— Я бы этого старикана расцеловал бы, ей-богу! Вот молодчина, вовремя явился. Как ты считаешь, Антон, духи не вернутся?

— Не думаю. Но, по крайней мере, пока старик и эти парни здесь, они не будут разрушать копны.

— Крестьянам работы с этой соломой до вечера хватит.

— Да, а потом мы выйдем и объявим благодарность старику от имени Советской Армии и вручим грамоту.

Их охватило радостное возбуждение. Жизнь, которую подарила судьба, брала свое. Они забыли и о голоде, и о жажде.

Леонов спросил:

— Ты не видишь духов?

— Нет, смылись с глаз.

— Но грузовик-то ихний продолжает стоять.

— Ну что ж, будем ждать.

Вид душманской машины вернул их в реальный мир. Они вынуждены были ждать, пока душманы уедут. И они ждали, гадая, когда же те возвратятся к машине...

Только к вечеру душманы начали собираться у машины. Почти все сразу садились на землю.

— Намалялись, бедняги, — с притворным сочувствием прошептал Николаев. — Видишь, как с ног валяются. — И не-

ожиданно добавил: — Чтоб вы все передохли, сволочи!

— Вот так пожалел! — усмехнулся Леонов и, подтрунивая над другом, спросил: — Как думаешь, что у них сегодня на ужин?

— Ну тебя! Тоже нашел тему для разговора. Вон посмотри, старик уже рубает.

Леонов осторожно посмотрел левее и увидел, что старик и дети, устроившись у сложенного последнего стожка, ели лепешки, запивая их водой из медного кувшина. Парень судорожно глотнул слону и с трудом перевел взгляд на душманов, которые начали садиться на грузовик. Наконец машина медленно развернулась и укатила.

— Все, Антон, кажется, мы можем перевести дух. А что, если нам сейчас подойти к ним? — имея в виду крестьян, предложил Николаев. — Они злые на душманов и могут нам помочь.

— Нет, я думаю, не стоит этого делать. А если наоборот, они возмутятся, что мы залезли в их солому и духи приехали из-за нас? Что мы тогда делать будем?

Они устроились поудобнее и молчали. Каждый думал о чем-то своем. Память возвратила Леонова к друзьям. «Как там они? Как Костя Кольцов, ему до дембеля осталось совсем немного? Интересно, кто прибыл в отделение вместо меня? Как к нему отнесутся ребята, командир отделения Юра Шувалов?»

Вспомнился Леонову и замполит батальона майор Шукалин, который всегда находил время побеседовать с солдатами. Однажды, когда рота проводила учебные стрельбы, на полигон прибыл Шукалин. Тогда Леонов поразил все цели, и командир роты капитан Бочаров перед строем похвалил его. А Коля Коблик из строя тогда выкрикнул: «Товарищ капитан, для младшего сержанта Леонова самая лучшая похвала — три пирожных».

«А вам, рядовой Коблик, — ответил тогда командир роты, — за разговоры в строю — три наряда вне очереди».

— Уходят, — прервал его размышления Николаев.

И действительно, дехкане, держа в руках вилы, лопаты и небольшие котомки, медленно направились в сторону рощи.

На поле опустилась темнота. Парни выбрались из стожка и некоторое время молча стояли около него, чутко прислушиваясь к темноте. Она, казалось, давит на слух: ни шума, ни движения, ни звука.

Парни словно колебались: покидать или не покидать

им это убежище, которое недавно укрыло их от врагов.

— Ну что, — прошептал Леонов, — пошли?

— Да, потопали.

Они, тихо ступая по траве, двинулись в сторону гор, на северо-восток. Там их спасение и надежда на жизнь!

«НЕ ВОЛНУЙСЯ, МАМА!»

Павел Чайкин находился в Минске уже несколько недель. Ежедневно его навещала мать. Вместе с ней часто приходили Вера Федоровна и Лемехов. Они старались хоть чем-то обрадовать и других парней, находившихся в госпитале вместе с Павлом. Приносили сладости, конверты, бумагу, беседовали с ребятами. Они сразу же заметили особую атмосферу, которая сложилась здесь возле раненых «афганцев». Весь персонал госпиталя относился к ребятам с особым вниманием и уважением. Ребят навещали и просто посторонние люди, которые старались поддержать парней. Некоторые солдаты после возвращения на Родину еще не видели своих родных.

Дела у Павла Чайкина шли явно на поправку. Он уже научился ходить на костылях, несколько дней назад у него сняли мерку для протеза.

В присутствии матери и гостей Павел всегда улыбался, весело разговаривал, и трудно было поверить, что его душу терзали сомнения и тревога. Порой ему становилось просто страшно от мысли, что он — инвалид и ему надо привыкать к другим условиям жизни, менять ее устои.

Однажды после работы Вера Федоровна купила фруктов и решила по пути заглянуть в госпиталь.

В палате Чайкина не оказалось. Трое парней, его соседи по палате, сказали, что он на прогулке. Вера Федоровна оставила фрукты на тумбочке, предложив раненым угощаться, и спустилась вниз, где среди редких деревьев увидела Павла. Он сидел один на скамье. Его вид поразил Веру Федоровну. Вместо всегда улыбающегося, веселого парня она вдруг увидела грустного, уставшего от жизни человека. Он сидел вполоборота к ней. По его печальному лицу изредка, словно короткая судорога, пробежала горькая улыбка. Вера Федоровна не решилась его потревожить. Еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, она поспешно отошла к лечебному корпусу.

Дома Вера Федоровна позвонила Нине Тимофеевне.

Та только что пришла с работы и как раз собиралась в госпиталь. Не стала Коблик расстраивать подругу и только предупредила ее, что фрукты она может не нести. Чайкина спросила:

— Вы видели Пашу?

— Нет, его в палате не было, а во дворе я его не нашла.

С тяжелым сердцем Вера Федоровна принялась за домашние дела.

Но не прошло и десяти минут, как в прихожей зазвонил телефон. Звонки звучали часто и длинно. Вера Федоровна поспешила к аппарату и, взяв трубку, услышала голос Леоновой, мамы Антона. Поздоровавшись, она сразу же поинтересовалась:

— Вера Федоровна, голубушка, вы давно получали письма от Коленьки?

— Всего два дня назад я получила длинное письмо.

— А он об Антоне ничего не пишет?

— Он написал, что Антона усиленно ищут. А что у вас, Анастасия Макаровна, слышно?

— Все по-прежнему. Сегодня пришло письмо от командира батальона подполковника Бунцева. Он пишет, что Антон пропал ночью, во время боя, и что, скорее всего, он не убит, а захвачен душманами. Обещает, что будут искать. Рассказывает, как ребята переживают, в общем, хорошее, человеческое письмо. Но разве может оно меня успокоить? Господи, как только подумаю о том, что мой сыночек в лапах врага, что, может быть, в этот момент его пытаются, бьют, унижают, то самой не хочется жить на этом свете. Не знаю, куда броситься, к кому обращаться? Кто может дать совет? Как нам тяжело, Вера Федоровна, вы даже не представляете. Муж весь осунулся, почернел, дочь каждый день плачет. Мне временами кажется, что я схожу с ума. У меня все валится из рук, не нахожу себе места. Где найти силы, чтобы пережить все это!

Не сдержавшись, она разрыдалась. Плакала и Вера Федоровна, мучаясь, что не может найти слов утешения. Она только на секунду представила себя на месте Леоновой, и ее охватил озноб.

Договорившись о том, что созвонятся сразу же, если появятся новости, они распрощались.

Долго сквозь слезы смотрела Вера Федоровна на фотографию сына. Молодой, красивый, с чуть заметной улыбкой он смотрел прямо на мать. «Сыночек мой, что мне

сделать, чтобы судьба была милостива к тебе?! Если бы я могла быть рядом с тобой, уберечь тебя от беды!»

Нет, не могла сидеть в этот вечер дома Вера Федоровна. Она долго бродила по улицам, но сколько ни успокаивала себя, пытаясь думать о другом, ее сердце все с большей тревогой частило в груди.

Не покидала ее тревога и дома. И ночью никак не могла уснуть, ходила по комнатам, беспокоя Сергея.

В прихожей тихонько скулил пес Кузя. Вера Федоровна вышла к нему. Кузя потянулся к руке. Вера Федоровна погладила его.

— Ну что ты, Кузя, не спишь?

Повизгивая, пес беспокойно закружил вокруг нее. «Уж не заболел ли он? — подумала Вера Федоровна. — Завтра надо будет ветеринару его показать». Она пошла в кухню, попила воды и стала у окна. Кузя прижался к ее ноге, и она почувствовала, что он мелко дрожит.

Утром она приготовила завтрак и, не дожидаясь, пока проснется Сергей, направилась пораньше на работу. Решила как можно скорее управиться с делами и обязательно свозить Кузю в ветлечебницу.

Но так случилось, что работы было много, и Вера Федоровна смогла лишь в обеденный перерыв забежать домой. Кузя лежал в коридоре на своей подстилке. Он почти не реагировал на появление хозяйки, вода и еда остались нетронутыми.

— Ну что с тобой, Кузя? — гладила пса по голове Вера Федоровна. — Что болит? А гулять хочешь?

Раньше стоило принести слово «гулять», как Кузя начинал визжать от радости и носиться по квартире, нетерпеливо требуя, чтобы быстрее одевали на него ошейник с поводком. Но сейчас Кузя даже не шевельнул ухом и остался лежать в прежней позе.

Вера Федоровна, возвратившись на работу, отыскала номер телефона ветлечебницы и, позвонив туда, поинтересовалась, до которого часа можно привезти на обследование собаку. Оказалось, что лечебница работала до девяти вечера.

Ехать в эту самую лечебницу пришлось через весь город. В душном автобусе свободных сидений не было, и Вера Федоровна с Кузей на руках стояла на задней площадке. Ее толкали, прижимали к поручню, тянувшемуся вдоль стекла, кое-кто поругивал: «Автобус в транспорт для собак превратили!»

Вера Федоровна не реагировала на это. У нее на сердце росла тревога. И дело, конечно, было не только в болезни пса. Она возилась с собакой, стараясь отвлечься от беспокойных мыслей о сыне.

Показав Кузю врачу, Вера Федоровна даже с каким-то безразличием восприняла его слова о том, что Кузя совершенно здоров.

Она не стала дожидаться автобуса и, взяв такси, поехала домой. В подъезде сразу же заглянула в почтовый ящик — пусто.

«Может, Сережа уже взял письмо», — подумала она и заспешила домой.

Сергей открыл дверь и, увидев тревожное лицо матери, спросил:

— Ну, что врач сказал?

— Все нормально, Кузя здоров.

— А чего же тогда ты такая расстроенная?

— Сережа, письма не было?

— Нет, мам, только газеты, да и письмо же мы получили пару дней назад. Он же и так часто пишет. Звонили Чайкина и Лемехов. Они пошли в госпиталь. Возможно, позвонят позже. Ты кушать будешь? Я приготовил твой любимый салат.

— Спасибо, Сереженька, я не хочу.

Вера Федоровна направилась в свою комнату. Сергей, увидев, как за ней понуро поплелся пес, прикрикнул:

— Кузя, на место!

Пес медленно побрел к своей подстилке и сел, а когда закрылась дверь за Верой Федоровной, неожиданно завыл.

Даже Сергей потрясенно замер.

Вера Федоровна тут же выскочила из комнаты.

— Что, что с ним?! Что это значит? — громким шепотом спросила она. Голос у нее срывался, лицо было бледным, а в глазах застыл страх.

Сергею тоже было не по себе, но, увидев в таком состоянии мать, он испугался за нее и, обняв за плечи, увлек обратно в комнату.

— Ничего, ничего, мамочка. Кузя просто себя плохо чувствует, вот и воет.

А в коридоре снова послышался вой. Даже не верилось, что маленькая собачка может издавать такой жуткий, леденящий душу звук. Сергей бросился в коридор и щелкнул выключателем. Но раздался щелчок, и в квартире стало темно.

«Перегорели пробки», — понял Сергей. Пока он в темноте открывал дверь, затем возился с электросчетчиком, Вера Федоровна сидела на диване и широко открытыми глазами глядела в темноту. А в коридоре снова раздался жалобный вой. В нем было столько боли, что, казалось, сама душа этого преданного, беззлобного и ласкового пса рвалась наружу.

Наконец вспыхнул свет. Вера Федоровна позвала: — Кузя, иди ко мне!

Пес вошел в комнату, но, не доходя до нее, неожиданно лег и начал ползти. Подполз и положил голову на ее ногу.

Вера Федоровна наклонилась к нему и погладила. — Ну что с тобой, Кузя?

Ей было страшно. Захотелось вскочить и куда-нибудь бежать, кричать и требовать, чтобы кто-нибудь немедленно позвонил туда, в Афганистан, и спросил, все ли в порядке у ее сына. Но куда побежишь? Кто позвонит?

Она почувствовала себя совсем беззащитной, бессильной перед судьбой. Ей оставалось только одно: ждать. Вера Федоровна твердо решила, что, как только наступит утро, она направится в военкомат и будет требовать, чтобы немедленно по телефону или радио связались с кем надо и выяснили все о ее сыне.

В комнату вошел Сергей. Сел рядом и обнял ее.

— Mamочka, ты не волнуйся, у него все в порядке. Я уверен: завтра-послезавтра мы получим очередное письмо. Успокойся и ложись спать, все будет хорошо.

Уходя в свою комнату, он взял Кузю. В эту ночь мать и сын так и не уснули.

В КИШЛАКЕ

Банда Саида Ака, не принимая боя, сразу же бежала в горы. Расстроенный Фоменко хотел сразу же силами своей роты организовать преследование, но командир афганского батальона предложил свой план, суть которого сводилась к тому, что советская саперная рота и одна рота батальона остаются в кишлаке для разминирования полей и оказания помощи населению, а Муртази Раим вместе с двумя ротами движется на поиск банды.

— А какие силы оставляете для прикрытия артиллерии? — поинтересовался Фоменко.

— Артиллерия, бензовозы и другие автомашины в

сопровождении танков и бронемашин уже идут сюда. Я уверен, что они придут без происшествий.

Подумав, Фоменко согласился с планом комбата.

Советская рота разместилась в соседнем кишлаке, в заброшенной, полуразрушенной крепости. От нескольких когда-то огромных зданий остались только стены. Местные жители рассказывали, что во времена Амина авиация разбомбила эти красивые дома и их не стали восстанавливать. Да и заниматься ремонтом было некому. Хозяин — один из местных богачей — еще до революции уехал из этих мест.

Фоменко привлекла эта крепость тем, что вокруг нее сохранился невысокий в полтора-два метра дувал. «Броня» была расставлена внутри этих дувалов так, что наружу выглядывали только пулеметы и орудия. Теперь ей были не страшны выстрелы гранатометов даже с близкого расстояния.

В крепости сохранился сад, имелся колодец. Фоменко понимал, что придется задержаться в этих местах не на один день, и поэтому размещал роту основательно. Палатки установили под кронами деревьев, на свободном месте развернули кухню.

Хотя до вечера еще было далеко, командир роты решил в этот день не приступать к работе на полях и дать людям отдохнуть.

Проследив, как рота обустраивается, Фоменко взял с собой Рустамова и направился на бронетранспортере к соседнему кишлаку, где размещалась афганская рота.

Комроты, молодой, худощавый и, как большинство афганцев, чернявый старший лейтенант, провел капитана по расположению своей роты. Фоменко не удержался и покритиковал:

— Что же это вы так плохо людей разместили? Ни палаток, ни спальников для ночи?

— О, мы ведь к такой жизни очень хорошо приспособлены. Видите, у солдат цадари — одеяла по-вашему? Для афганца цадар — это и постель, и шинель, словом, дом и целое состояние. А вот остальное все в порядке: кухня, штабная палатка, связь, дозоры выставлены, контакт с населением установлен.

— Ну и как обстановка?

— Люди рады нашему приходу. У меня только что была делегация старейшин — от каждого кишлака по одному.

— И какие у них просьбы? Проблемы?

— Да, просьб у них много и почти все по вашей части. Просят поля от мин очистить, электросвет наладить. Они очень обрадовались, когда узнали, что мы им электро-станцию доставили. Просят два трактора починить.

— Да-да, я помню. Мне еще мое начальство говорило, что школу надо восстановить...

— Школу мы сами восстановим, люди для этого у меня есть. Учителя, прибывшие с нами, уже пошли ее смотреть. А я задержался, потому что старейшины, узнав, что среди пленных есть Али Мохаммад, просили его освободить во имя памяти об его отце.

— Это, конечно, ваше дело, — задумчиво произнес Фоменко, — но этот Мохаммад, по-моему, действительно оказался в банде случайно, да и помог нам здорово. Если бы не он, то наверняка потерь бы мы имели больше. Да и причина, почему он оказался в банде, уважительная...

— Я тоже так считаю, но этот вопрос должен решать командир батальона. Я так и сказал старейшинам, вроде все поняли, кроме одного. Вон он идет к нам.

Фоменко обернулся. К ним подходил седовласый в простом одеянии глубокий старик. Старик приложил правую руку к груди и поздоровался:

— Салам алейкум!

Фоменко, соблюдая афганский обычай, тоже приложил руку к груди и с легким поклоном ответил:

— Салам алейкум, отец!

Капитан ожидал, что старик сейчас начнет просить об освобождении Али Мохаммада. Но старик с достоинством повел разговор о другом. Поинтересовался здоровьем, пожелал счастья советскому капитану, его детям. Как и положено, о жене — ни слова.

— Как ваши дела, как здоровье, дедушка? — поинтересовался Фоменко.

Рустамов перевел.

Старик ответил, что здоровье у него хорошее. И тогда Фоменко сказал:

— Я желаю вам и всей вашей семье здоровья и счастья.

Старик некоторое время молчал, глядя мимо капитана, а потом спокойным и ровным голосом сказал:

— Нет у меня семьи, сынок. Убили всех душманы. Трех сыновей, их жен, девятерых внуков и мою жену. Жаль, что тогда меня дома не было, вместе с ними ушел бы с этого света. А так хожу по земле один и сам не знаю зачем...

— За что же так они?

— Не знаю. Старший сын мой был учителем, младший — трактористом. Пришла банда, начали трактор разбивать, а затем поджечь хотели, а сыновья заступились, не давали им творить это злодейство. А тут они узнали, что старший сын — учитель. И сразу же устроили резню... А я в это время был в другом кишлаке. Сердце из груди хотело выскочить: такое предчувствие было. Когда увидел дым над своим кишлаком — это шайтаны мой дом подожгли, — сразу понял, что страшная беда свалилась на мою седую голову. Когда прибежал, то было уже все кончено... только дом догорал.

Старик замолчал, оглянулся на шум моторов. Это к кишлаку приближались бензовозы, а затем неожиданно обратился к советскому и афганскому офицерам:

— Сынки, дайте мне автомат. Я должен отомстить душманам.

— Не надо вам воевать, аксакал, — дотронулся до его руки командир афганской роты, — обещаем, что мы отомстим душманам, их злодеяния не останутся безнаказанными.

Старик грустно кивнул головой и в знак благодарности приложил морщинистую, натруженную руку к груди.

Фоменко, желая как-то отвлечь старика от грустных мыслей, спросил:

— Скажите, отец, что заминировали душманы в вашем кишлаке?

— Они успели взорвать два колодца, большего сделать мы им сами не дали. Тогда они заминировали наши поля. На минах подорвался в соседнем кишлаке трактор. Почти каждый день гибнет скот, да что там скот, уже человек десять дехкан и их детей нашли свою смерть на полях. Месяц назад эти шайтаны взорвали гору и перекрыли воду, которая шла на поля нашей долины, а без воды всем нам — смерть. Дехкане решили не пускать душманов в кишлаки. Уже не раз мы вынуждены были с оружием в руках защищать себя и кишлаки от них. Только в четырех ближних кишлаках от пуль бандитов погибло семнадцать дехкан. Мы все молим аллаха, чтобы он послал свой гнев на головы этих шайтанов.

Старик снова сделал паузу, а затем, очевидно, решив, что он задерживает офицеров, неожиданно попрощался и ушел.

— А знаешь, друг, — задумчиво глядя вслед старцу,

сказал Фоменко, обращаясь к афганскому офицеру, — я на твоём месте отпустил бы Али Мохаммада. Уверен, что командир батальона одобрил бы твои действия и для населения это было бы хорошим знаком.

— Я тоже так думаю, — согласился командир роты. — Сейчас же дам команду отпустить его.

После этого они оговорили некоторые вопросы по взаимодействию ночью и разошлись по своим ротам.

Ночь прошла спокойно. Рано утром Фоменко сыграл роте «подъем» и после завтрака собрал командиров взводов. Перед командирами боевых машин пехоты и бронетранспортеров поставил задачу попытаться отремонтировать тракторы и запустить передвижную электростанцию, разобратся с электросетью кишлака.

Он выделил по взводу на поля первых трех кишлаков, решив, по мере разминирования, переходить на другие участки.

Вскоре началась работа. Советская и афганская «броня» блокировали все подступы к кишлакам, надежно прикрыли саперов.

После этого Фоменко с Рустамовым направились к командиру афганской роты. Тот сообщил, что связь с батальоном устойчивая, но банду пока не нащупали. Увидев огорчение на лице Фоменко, он добавил:

— Не волнуйтесь, товарищ капитан. Наш командир батальона хорошо знает эти места, я уверен, что банда от него не ускользнет. Ночью ко мне приходил Али Мохаммад. Он сказал, что знает район, где может находиться банда, и попросил отправить его к Муртази Раиму. Рано утром одно отделение на двух БМП направилось к горам. С ними поехал и Али Мохаммад. Только что нам сообщили, что они уже на КП батальона.

— Это хорошо. Кто знает, может, Али Мохаммад и окажет помощь, — согласно кивнул головой Фоменко и спросил: — С чего вы начали?

— Школой занялись.

— Ясно. Пойду посмотрю, как там мои ребята с тракторами управляют.

Возле фруктового сада четверо солдат во главе с сержантом Мусоновым возились у колесного трактора. Старый, добитый, много раз отремонтированный трактор имел жалкий вид.

Мусонов — механик-водитель БМП — считался в роте самым опытным специалистом. До службы в армии он рабо-

тал трактористом. И кому, как не ему возглавить «ремонтную бригаду»? На Мусонове был старый маскировочный костюм, служивший ему рабочим халатом. Парень, уже весь в мазуте, улыбнулся командиру.

— Скоро оживет эта «сборная мира», товарищ капитан!

— Ты уверен, Игорь?

— Так точно.

— А если какой-нибудь детали не хватает?

— У осла возьмем, — из-под трактора ответил кто-то.

Фоменко заглянул под трактор.

— Кто же это у меня специалист по ослиным деталям?

А, это ты, Лукьянов...

— Так точно, товарищ капитан. Я, как всегда, с тыла попытаюсь достать противника.

Фоменко внимательно оглядел разложенные вокруг трактора десятки снятых с него деталей и озабоченно сказал:

— Мужики, а вы уверены, что все эти железяки поставите точно на свои места?

— Не волнуйтесь, товарищ капитан, — успокоил его Мусонов, — мы их даже ночью не перепутаем. Думаем, к обеду сможем запустить движок.

— Ну, хорошо, братцы, продолжайте. А мы вот с товарищем Рустамовым посмотрим, как управляются со вторым трактором.

Вторая «бригада» возилась у «своего» трактора в самом центре кишлака. Вокруг толпились жители и во все глаза смотрели на шурави, которые пытались вдохнуть жизнь в старую железную рухлядь.

Фоменко громко спросил:

— Ну, как тут у вас?

«Бригаду» возглавлял старший сержант Обухов. Он и ответил:

— Неважно, товарищ капитан. Не хватает некоторых деталей. Вот посмотрите, — он ткнул рукой в двигатель, — здесь нет, вот здесь нет. Даже карбюратор отсутствует.

Вдруг командира роты кто-то тронул за рукав.

— Рафик!

Фоменко оглянулся и увидел старика, с которым вчера уже встречался. Старик что-то быстро сказал. Рустамов перевел:

— Он, товарищ капитан, предлагает осмотреть трактор, который стоит у него во дворе. Этот трактор душманы подожгли, но ведь многие детали сохранились.

— А что? Это идея!

— Понял, товарищ капитан! — ответил Обухов и взглянул на старика: — Ну что, дедуля, показывай своего погорельца!

Старик и без перевода понял, чего хочет светловолосый шурави, повернулся и первым зашагал к своему бывшему дому.

Командир роты не стал дожидаться их возвращения, справедливо считая, что помочь ремонтникам советом или личным участием он все равно не в силах, и направился туда, где его опыт и знания могли бы оказаться полезными. Он шел к месту работы саперов.

Взвод Святцева уже проверил довольно обширную территорию. Впереди работал сам командир взвода. С ним был Цезарь, который, захватывая полосу метров в шесть, змейкой двигался по ней.

Фоменко спросил:

— Как дела, Павел Сергеевич?

Старший прапорщик остановился, вытер рукой пот.

— Нормально, товарищ капитан. Обнаружили одиннадцать мин. Шесть противопехотных и пять противотанковых. Противопехотки итальянские, а противотанковые — шведские. Я составил их описание.

Святцев достал из нагрудного кармана лист бумаги и протянул его командиру роты. Тот развернул и негромко начал читать:

— Мина М-1-102 шведского производства. Вес мины 8 килограммов, вес взрывчатого вещества — 7,5 кг. Диаметр — 36,5 см, высота — 7 см. Взрыватель механический. Мина выполнена из тротила повышенной мощности. Имеет взрыватель с приводом малой площади, что способствует повышению взрывоустойчивости мины.

Капитан сунул листок в карман.

— Ничего нового из себя эта штукавина не представляет. Их Швеция уже третий год продает Пакистану. Кошкой их снимаете?

— Да. Я приказал не рисковать.

— Правильно. Как думаешь, Павел Сергеевич, сколько времени понадобится, чтобы проверить поля этого кишлака?

— Думаю, что завтра закончим здесь и перейдем к следующему кишлаку.

Фоменко мысленно прикинул, сколько времени уйдет на проверку долины, и озабоченно произнес:

— Выходит, не меньше недели придется здесь торчать.

— Да, где-то так. Духи не только отвели воду, но и подорвали несколько каризов, а затем подходы к ним заминировали.

— Сколько таких минирований?

— Пока обнаружили два. Но крестьяне говорят, что всего в кишлачной зоне таких пакостей не менее двух десятков наберется.

— Ясно. Продолжайте работу, а я посмотрю, что во втором взводе делается.

— Понял, товарищ капитан. Оттуда уже несколько взрывов доносилось. Лейтенант Кузнец решил мины подрывать на месте.

Фоменко и Рустамов направились ко второму кишлаку не полем, а по дороге, окружным путем. Не было смысла рисковать и ради сокращения расстояния идти по непроверенной местности.

Сразу же за крайним домом, обнесенным дувалом, увидели палатку. Это второй взвод поставил ее для того, чтобы был тент для короткого отдыха и перекура. Направились к ней. Слева к палатке шел командир взвода лейтенант Кузнец. Он увидел Фоменко лишь тогда, когда отбросил крышку огромной фляги-термоса и зачерпнул кружку воды. До подхода командира роты он успел осушить кружку и зашагал навстречу. Фоменко жестом прервал его доклад и спросил:

— Сколько сняли?

— Четырнадцать.

— Каких?

— Да вот, — Кузнец подошел к палатке и показал на лист бумаги, прикрепленный к брезенту. — Все такие.

Фоменко прочитал: «Внимание! На вооружении противника, заминировавшего проверяемую территорию, итальянская противопехотная мина ТС-50. Состоит из высокопрочного пластмассового корпуса, в который залито 50 граммов взрывчатого вещества гестода, предохранительной крышки и запала. Мину мятеежники могут устанавливать прямо на пахоте, вдоль арыков и в тени деревьев, а также на тропах вдоль полей. Для обезвреживания необходимо: подорвать накладным зарядом, укладываемым рядом с миной».

Фоменко сел на пяточок выгоревшей травы.

— А почему ты решил подрывать мины?

— Четыре штуки с элементами неизвлекаемости.

— А где замполит?

— Он полчаса назад на БТР уехал в третий взвод. По

его приказанию эту информацию, — кивнул головой на листовку лейтенант, — повесили, чтоб каждый, кто придет попить воды, прочитал.

— Святцев нашел несколько мин в каризах, имей это в виду.

— Понял. Для их проверки я выделил одно отделение, которое только что двинулось туда.

Вдруг Рустамов воскликнул:

— Товарищ капитан, к нам Цезарь мчится!

Фоменко оглянулся и увидел пса. Он бежал по их следам, улавливая запах верхним чутьем.

— Это Святцев его направил. Что-то там случилось? — озабоченно промолвил командир роты.

Высунув язык и тяжело дыша, Цезарь уперся хозяину передними лапами в грудь и попытался лизнуть в лицо. Но Фоменко увернулся и, нащупав на ошейнике кармашек, вытащил оттуда записку.

«Товарищ капитан! Вас разыскивает командир афганской роты. У него есть новости. Святцев».

Фоменко посмотрел на лейтенанта Кузнец.

— Извини, браток, к тебе пока не пойдем. Надо срочно с афганскими товарищами встретиться.

Фоменко кивнул головой Рустамову, и они быстрым шагом направились к кишлаку. Рядом с Фоменко засеменил Цезарь. Пес не скрывал своей радости: он опять вместе с хозяином!

Командир роты находился у себя и, увидев советского капитана, заулыбался и направился навстречу.

— Радиограмма от командира батальона пришла! Банду окружили. Али Мохаммад помог. С его помощью и нашли.

— Бой идет?

— Пока нет. Командир предложил им сдаться. Если через полчаса не сдадутся, наши откроют огонь.

— Карта есть у вас? — поинтересовался Фоменко.

— Конечно. Прошу в палатку.

Фоменко достал из полевой сумки свою карту и, глядя на афганскую, лежавшую на столе, где кружком было обведено местонахождение банды, перенес данные на свою. Спросил:

— О советском солдате ничего не слышно?

— В том-то и дело, что нет. Поэтому командир батальона и вступил с бандитами в переговоры, боясь, что во время боя может погибнуть и ваш солдат.

— Четверо и пятый — главарь.
— Ясно. Пойду к радиостанции, доложу своему командованию.

— А я — своему, — улыбнулся Муртази Раим.

Через час Фоменко получил радиограмму: «Пленных, которые дают показания о Николаеве, и все документы отправьте вертолетами в город Кабул. По афганской линии такая команда дана. Вертолеты будут у вас через два часа. Генерал-лейтенант Дубик».

Фоменко направился к комбату. Тот подтвердил:

— Да, команду я получил. Конвой готов. Ждем вертолеты.

«САЛАМ АЛЕЙКУМ, ШУРАВИ!»

Первую половину ночи они шли почти без отдыха. Большие яркие звезды служили ориентиром для выбора направления. Однажды прошли рядом с каким-то кишлаком. Собаки учуяли их и подняли такой лай, что он еще долго слышался даже тогда, когда они отошли на приличное расстояние.

Уже было далеко за полночь, когда парни решили сделать короткий привал. Они опустились на пыльную землю. Николаев наткнулся рукой на занозистую верблюжью колючку и чертыхнулся:

— Черт бы побрал эту землю: только пыль да колючки.

— Ничего, — устало отозвался Леонов, — колючки — не мины. На них и наступить можно.

Алексей лежал на боку, подложив под голову руку, Антон — на спине и глядел в небо. Они не тратили сил на разговоры. Да и о чем сейчас можно было говорить? Каждый понимал, что самое главное — дойти до гор. Через полчаса Леонов поднялся.

— Ну что, Алексей, пошли?

— Да. Я готов.

Они снова двинулись вперед. Справа, далеко светилась часть неба. Это отражение огней Пешавара. Как им хотелось дальше уйти от этого города, которого они ни разу не видели, но который стал им враждебен.

— Скоро надо будет думать, где провести день, — тихо сказал Леонов.

— Не только об этом, но и о жратве и воде придется ломать голову.

— Да, ты прав. У меня уже живот прилип к спине.
— Попить воды, пожрать да поспать, что больше надо солдату? — мрачно пошутил Николаев, но Леонов не согласился.

— Не трепись! Я согласен с голодухой подохнуть, но не паду духом! У нас с тобой одна цель — возвратиться в часть и смыть с себя позор, которым мы покрыли себя.

— Ладно тебе, — примирительно сказал Николаев. — Я же так, пошутил.

А ночь уже подходила к концу. Воздух посвежел, одна за другой угасали звезды.

— Я думаю, Антон, что нам не стоит рисковать и пора серьезно заняться поиском места, где можно укрыться. До рассвета час, не больше.

— Так не видно же ни черта!

— Что да, то да. Но мы же солдаты, а значит, должны и ориентироваться на местности, и уметь видеть даже ночью.

— В таком случае, мы с тобой плохие солдаты.

— Это почему же?

— А ты что, видишь какое-нибудь строение, «зеленку» или хотя бы яму?

— Пока нет, но если постараюсь...

— То снова наведешь нас на собак, — прервал его Антон.

— Ну, ты даешь! — возмутился Николаев. — Сам пер впереди, как бульдозер. Хорошо, что на центр деревни не наткнулись, а то собаки добавили бы на наших шикарных нарядах еще по несколько вентиляционных дыр.

Сейчас они шли не торопясь, пытались увидеть на фоне светлеющего неба какое-нибудь строение, деревья или кусты. Наконец им повезло. Впереди, чуть левее, был кишлак. Истекал последний предрассветный час.

Они начали осторожно приближаться к селению. Сначала зашли на посевные площади. Поля здесь маленькие, все жмутся к кишлаку. На их пути встретился арык. Какая в нем вода, не видно, но парни не сдержались и напились.

— Хоть бульканье в брюхе будет, — пошутил Николаев.

Вскоре они наткнулись на невысокий дувал. Осторожно перелезли и оказались в саду. Несколько десятков деревьев, какая-то растительность. За садом был высокий дувал. Отыскали калитку: закрыта.

Леонов молча тронул Николаева за рукав и потащил вдоль дувала. Вскоре они наткнулись на невысокий глиня-

ный забор. Перелезли и оказались в другом саду. Справа стоял такой же высокий дувал. Отыскивали калитку — заперта. Облазили весь сад, но места, где можно укрыться, не нашли.

Начало светать. Они уже обошли по кругу весь кишлак и, отчаявшись, решили покинуть селение. И тут на небольшом пригорке заметили какое-то сооружение. Не сговариваясь, направились туда. Это оказалась маленькая мечеть. Пошли дальше.

Они завернули за угол и увидели одинокое, маленькое строение. Оно находилось метрах в десяти. Парни сделали несколько шагов, и вдруг Леонов сдавленно выдохнул:

— Ложись! — И сам упал на землю.

Николаев тоже поспешно лег.

— Ты что?

— Там люди! — пальцем показал вниз на поле Леонов. — По-моему, они нас увидели. Давай доползем до сарая, оттуда посмотрим.

Они по-пластунски доползли до сарая и осторожно выглянули из-за угла. Несколько крестьян стояли посреди небольшого квадратного поля и, приложив руки к глазам — встающее солнце ослепляло их, — смотрели в их сторону.

— Да, наверно, заметили, — озабоченно промолвил Николаев. — Может, подумают, что показалось, или не разобрали, кто мы?

Крестьяне вскоре опять принялись за работу.

— Ну что будем делать, Леша?

— Я предлагаю остаться здесь. Спрячемся в сарае.

— Риск, конечно, большой. Но иного выхода у нас нет.

Они заглянули в дверь. Перед ними было небольшое помещение с земляным полом. Вошли внутрь, закрыли за собой простенькую, всю в щелях дощатую дверь.

Впереди был трудный, полный напряженного ожидания день.

Николаев внимательно осмотрелся.

— Жаль, что подход только с одной стороны виден.

— Здесь я чувствую себя еще хуже, чем в копне.

— Что поделаешь, борьба за свободу требует и сил, и нервов, — философски заметил Николаев. — Давай подреми, а я подежурю. Пока рано, и вряд ли кто-нибудь сюда придет.

— А может, нам надо бы в мечети спрятаться?

— Трудно сказать, где лучше. В мечеть могут и прийти, а чего переться сюда, в пустой сарай?

Вскоре Леонов задремал. Николаев осторожно переместился к двери и поминутно заглядывал в щели. Пока все было спокойно. Вспомнилось последнее письмо от родителей. Его писала мать. Сколько беспокойства было в ее словах, когда она умоляла Алексея быть осторожным, не играть в храбрость. Мать просила, чтобы он не отрывался от ребят, не отвлекался. «А я, как назло, сделал все наоборот. Эх, мама, мама, как ты была права. Даже не будучи военным человеком, не видя обстановки, в которой оказался твой сын, ты чувствовала беду своим сердцем... Жаль, что письмо и фотографии мои попали в руки духов».

Солнце сместилось, и теперь его лучи через щель падали прямо в глаза. Николаев вдруг весь похолодел. Он увидел, что недалеко от сарая стоит какой-то человек и осторожно следит за дверью.

— Антон, вставай! Там стоит какой-то мужик!

Теперь уже вдвоем бросились к двери и заглянули в щель. Мужчина стоял на месте и продолжал смотреть на дверь. На его лице можно было прочесть растерянность. Вдруг он сказал:

— Рафик, друг, шурави!

Голос звучал с большим акцентом, но по-русски.

— Черт! — прошептал Леонов. — Он знает, что мы здесь!

— Нам лучше не выходить. Встретим их у дверей, легче будет сопротивляться.

— Шурави, выходи... — опять сказал мужчина.

— Тон вроде не враждебный. Он словно хочет поговорить, — предположил Николаев. — Может, выйти к нему?

— Выйдешь, а у дверей уже духи стоят. Нет, прежде чем погибнем, на паре духов здесь уложим!

А мужчина, не трогаясь с места, спокойно продолжал:

— Друг, я — друг... приходи гости... — чувствовалось, что он с трудом подбирает слова. — Я видел... ты ехал сюда...

— Эх, была не была, — махнул рукой Леонов, — давай рискнем! В случае чего, ты работаешь автоматом, а я — кулаками.

Леонов приоткрыл дверь.

Увидев русского, мужчина улыбнулся и, прижав руку к груди, сказал:

— Салам алейкум, рафик!

— Салам алейкум, — настороженно ответил Леонов и предложил: — Иди сюда.

Мужчина, не колеблясь, вошел в сарай. Он был среднего роста, худощав, с небольшими усами и бородкой.

Леонов спросил:

— Ты один?

— Да, да, один, — поспешно закивал головой мужчина.

Ему на вид было не более двадцати пяти лет.

— Ты афганец?

— Пуштун.

— Откуда русский знаешь?

— Я жил в Кандагаре. У меня был дукан. Сам научился русскому языку.

— А как здесь оказался?

— Плохо при Амине было. Меня хотели арестовать, а это значит — убить... Мы с отцом, два брата, мать и сестра приехали сюда.

— Где живете?

— В кишлаке. Здесь недалеко.

Николаев не выдержал и выглянул за дверь. Там никого не было. Леонов продолжал спрашивать:

— Как ты узнал, что мы здесь?

— Мы вас увидели, когда вы от кишлака шли сюда. Вчера у нас в кишлаке были двое душманов и двое полицейских. Они сказали, что разыскивают русских солдат, которые совершили тяжкие преступления против аллаха. Эти люди обещали каждому, кто сообщит, где находятся беглецы, или тому, кто убьет их, большое вознаграждение.

— И сколько они обещали?

Парень смущенно отвел в сторону глаза.

— По сто тысяч за голову.

— А кто, кроме тебя, еще видел нас?

— Отец, два моих младших брата и сестра. Мы все были на поле, когда вы прошли сначала к мечети, а затем вошли сюда.

То ли парень все больше вспоминал русские слова, то ли солдаты начинали привыкать к его манере говорить, но Леонов и Николаев понимали его без труда.

— А почему ты пришел к нам один?

— Чтобы вы не испугались, да и приход всей нашей семьи мог вызвать у людей подозрение.

— Ну и как вы намерены поступить?

— Отец сказал, что русские всегда были друзьями афганцам, и сказал, что вам надо помочь.

Парни переглянулись: неужели к ним пришла удача?

— Вам нужны кров и еда. Мы же понимаем это. Мы

приглашаем вас в наш дом, а затем вместе подумаем, что делать дальше.

У парней мелькнула одна и та же мысль: а не пытается ли этот человек заманить их к себе домой.

Леонов сказал:

— Но днем к вам домой идти нельзя.

— Да, конечно, нельзя. Вы посидите здесь до вечера, а потом я вас заберу.

— А поесть и воды ты нам можешь принести? — с надежной спросил Николаев.

— Конечно. Я сейчас же вам принесу.

Парень сразу же ушел.

— Как думаешь, Леша, повезло нам или на провокацию нарвались?

— Давай порассуждаем. У мусульман есть такой обычай: если человек пришел к нему в дом, то ни один волосок не упадет с его головы. Если бы они хотели нас схватить, то, по-моему, не стали бы к себе в дом приглашать. Им же ничего не стоит вызвать душманов сюда и получить вознаграждение.

Парни были в смятении. Они никак не могли разобраться: радоваться этой встрече или же огорчаться и готовиться к худшему.

Афганец пришел быстро. Он принес большой кувшин воды и свежие лепешки, которые еще были теплыми. Антон и Алексей сразу же набросились на еду. Афганец сел напротив и с нескрываемой жалостью смотрел на них.

— Это все, что мы взяли с собой на поле. Вечером обязательно покормим вас рисом и мясом.

— Как тебя зовут, друг? — поинтересовался Леонов.

— Азизи.

— А почему ты хочешь, чтобы мы обязательно пошли к тебе домой?

— Я и мой отец приглашаем вас, но если вы не ходите, то мы не обидимся.

Леонов сказал:

— Нам надо подумать. Ты не возражаешь, Азизи?

— Нет, конечно. Я приду к вам вечером, и как вы захотите, так и поступим.

Он не стал забирать кувшин, в котором еще оставалась вода, и ушел.

Тщательно взвесив все «за» и «против», парни решили довериться Азизи, и когда тот пришел, сообщили ему об этом.

— Правильно. Вы очень устали, и вам обязательно надо отдохнуть, да и душманы успокоятся, а то рыщут, как собаки, по всем дорогам.

Они дождались темноты и вышли из сарая. Спустились с горы и направились к тому же кишлаку, в котором прошедшей ночью пытались найти укромное местечко.

По крутой, узенькой лестнице, в полной темноте, парни поднялись на второй этаж и оказались в маленькой комнате. На одеяле, постеленном прямо на глиняный пол, сидел седой старик. Недалеко от него на полу стояла керосиновая лампа. Старик при виде гостей встал, и его тень заколыхалась на стене и потолке.

Парни тихо и смущенно поздоровались. Старик ответил «салам алейкум» и, приветливо улыбаясь, жестами пригласил садиться. В комнате никакой мебели, кроме небольшого прямоугольной формы низенького стола, не было. Антон опустился на одеяло, рядом сел Алексей. Старик некоторое время молча и пристально рассматривал русских парней. О чем он думал в тот момент, трудно было предположить: на лице — вековой покой и непроницаемость. Правда, пауза была непродолжительной. Старик поинтересовался здоровьем — знак уважения к гостям — и только после этого сказал:

— Меня зовут Саид Хасан.

Старик с помощью Азизи коротко рассказал о себе, как и почему он решил покинуть свою Родину.

Кто они, старик не спросил. Согласно обычаю у гостя об этом не спрашивают, если захочет, сам расскажет.

Леонов, понимая, какие рассказы распускают о них душманы, пытаясь привлечь население к поиску беглецов, коротко сообщил, кто они и как оказались в Пакистане.

Старик спокойно заметил:

— Мы и не поверили душманам. Но все равно, уважаемые, вам надо опасаться, здесь живут разные люди. Одни из жадности, другие, поверив душманам, могут сообщить им о вас.

В комнату вошел молодой парень. Он молча поставил перед гостями поднос с дымящимся рисом и тут же удалился. Хозяин дома предложил:

— Дети, кушайте на здоровье.

У парней потемнело в глазах. Они не могли отвести глаза от еды.

— Мы уже давно не умывались. Можно ли помыть руки? — Леонов с трудом поднялся.

Азизи с готовностью вскочил на ноги.

— Пойдемте во двор.

С удовольствием умывшись, парни больше сдерживать себя уже не могли и набросились на еду. Затем пили крепкий зеленый чай.

Хозяева видели, что у русских буквально слипаются глаза, и Саид Хасан, дождавшись, пока унесут посуду, встал на ноги и жестом указал на дверь в углу комнаты.

— Там можете отдохнуть, а утром поговорим о деле.

Уставшие от напряжения и бессонницы, осоловевшие от еды, покачиваясь, прошли парни вслед за Азизи в маленькую комнату и тут же свалились на ватные матрацы.

Первым проснулся Леонов. Привычным движением руки проверил: на месте ли автомат. Открыл глаза и увидел низкий глиняный потолок. Огляделся. Алексей, свернувшись калачиком, сладко спал. Леонов поднялся и подошел к небольшому оконцу. Оно выходило во двор. Там у колодца стояла молодая девушка. Вчера ее парни не видели. Антон завороченно смотрел на девушку. Сзади слышался шорох. Николаев проснулся.

— Что, уже утро?

— Давай вставай, соня! Или ты живешь по принципу: солдат спит, а служба идет?

Николаев тяжело поднялся с пола и подошел к окошку.

— Ух ты, как хорошо! Воды — сколько хочешь, голод не мучает, духов нет — красота!

— Побриться бы, — потрогал рукой подбородок Леонов.

— Это ты, глядя на нее, о бритье мечтаешь, — кивнув головой в сторону девушки, спросил Николаев.

— Ну тебя! Нужна она мне, — буркнул Леонов и отошел от окна.

В этот момент в комнату вошел Азизи.

После взаимных приветствий, выяснений, как спалось гостям, Азизи предложил идти завтракать.

Саид Хасан во время беседы сидел на маленькой мягкой подушке и теребил морщинистой рукой бороду. Леонов спросил у старика:

— А вы не хотите вернуться домой, в Афганистан?

Старик долго раздумывал, прежде чем ответить.

— Сейчас пока рано говорить об этом... Хотя некоторые уже возвращаются. Вы, конечно, не слышали о приказе Гульбуди́на Хекмати́ара? Он требует, чтобы каждый, кто хочет вернуться в Афганистан, был казнен на месте.

— Ну а если, никому ничего не говоря, собраться и уехать?

— Э, дорогой, это не так просто, — грустно улыбнулся Саид Хасан.

Постепенно они перешли к главному: как быть дальше.

— Понимаете, — говорил старик, — у вас очень мало шансов добраться до границы. Сейчас душманы да и пакистанские власти увеличили на дорогах свои посты.

— Это из-за нас? — поинтересовался Николаев.

— И из-за вас, и из-за того, что многие беженцы бегут домой, а их не пускают. Людей ловят, сажают в тюрьму, расстреливают на месте. Только за то, что человек слушает афганское радио, грозит смерть.

Говорили о разном, но каждый раз возвращались к ситуации, в которой оказались советские солдаты. Чувствовалось, что старик искал решение, его вопросы только на первый взгляд казались случайными, не связанными друг с другом. Солдаты рассказали о том, как их захватили душманы.

Саид Хасан спросил:

— А не боитесь, что вас снова схватят, ведь тогда вам грозят пытки и смерть?

— Нет, отец, — твердо сказал Леонов, — мы не боимся смерти. Если не суждено нам вырваться отсюда, то лучше смерть!

Переведя эти слова, Азизи попросил:

— Отец, разреши мне пойти с ними?

— Подожди, сынок, — ласково сказал Саид Хасан, — мы еще не решили, как это сделать. Ты лучше налей гостям чаю, видишь, их пиалы пусты.

В разговорах прошел почти весь день. Как ни тревожно было у парней на душе, они с интересом слушали, как живет афганским беженцам на чужбине.

— Конечно, тот, кто смог обзавестись здесь дуканом, или, вот как я, имеет автомашину да еще и землю, или же получает поддержку от богатых родственников, тот ставит на стол рис и раз в неделю мясо. Но таких афганцев мало. Ну, разумеется, я не имею в виду таких, как Раббани, Хекматиар, которые полностью находятся на обеспечении империалистов, да и награбили они — один аллах знает сколько, — тихо говорил Саид Хасан.

— Посмотрели бы вы, — с горечью говорил Азизи солдатам, — как живут беженцы в лагерях! Голод, болезни косят людей. Небольшая палатка на десять человек. А ведь

все они поверили таким, как Хекматиар, и были обмануты.

— Здесь оказались не только обманутые, — добавил Саид Хасан, — немало среди беженцев и тех, кто испугался угроз со стороны баев и душманских главарей, которые требовали, чтобы люди покинули свои дома и уходили в Пакистан или Иран.

Старик и его сын оказались людьми неплохо информированными. Они довольно хорошо разбирались в обстановке. Этому способствовало и то, что они, имея автомобиль, много разъезжали по близлежащим районам, разговаривали с людьми.

Потом старик спросил о жизни крестьян в Советском Союзе. Саид Хасан и Азизи удивлялись услышанному, порой, не скрывая своих сомнений, отрицательно покачивали головами.

Парни, видя это, горячились, доказывали, что говорят правду.

— Да что вы удивляетесь и не верите нам, — с обидой в голосе говорил Леонов. — Ведь у вас, в Афганистане, медицинская помощь, учеба детей в школах уже тоже бесплатные.

— Или возьмите хотя бы такой вопрос, как земельный, — поддержал друга Николаев. — В Афганистане за землю, которая выдается крестьянам, государство же не берет деньги. Настанет время, и ваши дехкане будут получать пенсию, отдыхать в санаториях и домах отдыха.

Наступил вечер, и старик, словно подводя итоги разговора, сказал:

— Значит, сделаем так: вы сегодня переночуете у нас, а завтра утром я на машине повезу вас к границе.

— А может, лучше ночью? — подал голос Леонов.

— Ночью на машине, да еще в сторону границы, не подъедешь. Идти вам пешком тоже нельзя. Они кроме постов выставляют засады и вас точно схватят. Поэтому лучше всего вам спрятаться в кузове. Вы сядете у самой кабины, а остальную часть заложим дровами. А по дороге я подберу пару пассажиров, с ними и подъедем поближе к границе. Высажу вас в горах, продам в кишлаке дрова и вернусь обратно.

Азизи предложил:

— Отец, а может, разреши я их отвезу?

— Нет. Это сделаю я. Во-первых, к старому человеку меньше придираются будут, а во-вторых, если что и случится, то ко мне они не будут так жестоки.

После этого был ужин, а затем парни направились в отведенную им комнату. После их ухода Саид Хасан сказал Азизи:

— Если меня схватят душманы, бери всех своих и уходи в Афганистан. Сам знаешь, сын мой, чем рискуем, и не надо допускать, чтобы эти шакалы вырезали всю нашу семью, обесчестили твою сестру.

Леонову и Николаеву наконец повезло. Они повстречались действительно с бескорыстными, честными и смелыми людьми.

Наступило утро. Снаряжали машину всей семьей. Советских солдат разместили у самой кабины, укрыли одеялами, а затем заложили дровами.

Вскоре машина медленно выехала со двора и по пыльной дороге направилась в северо-западном направлении. Через каждые десять — пятнадцать километров машину останавливали посты. Солдаты слышали, как старик разговаривал с кем-то, затем садился в кабину и заводил мотор.

Изредка в пустынных местах Саид Хасан останавливал машину и тщательно осматривал кузов: не расползлись ли на дорожных ухабах дрова. Громко говорил «хуб» и снова садился за руль. Прошло не менее двух часов езды, и вот ребята услышали, как во время одной из остановок в кабину сели несколько человек. В таком микрогрузовике на переднем сиденье, рядом с водителем могло сесть два или три человека. Машина начала останавливаться все чаще и чаще, первый признак того, что приближались к границе.

При остановке Саид Хасан спокойным голосом объяснял, кто он и куда едет, предъявлял документы и после беглого осмотра кузова ехал дальше. Недалеко от гор люди, которых он подвозил, сошли, и он остался в кабине один. Скоро горы, там один из последних кордонов, а потом в каком-нибудь безлюдном месте можно будет высадить этих полубившихся ему шурави.

Саид Хасан был горд, что смог помочь русским солдатам и, мурлыча какой-то мотив, смело подъезжал к посту. Вот один из солдат жестом показал на обочину неширокой дороги: стань здесь. Саид Хасан плавно затормозил. Увидел, что на посту кроме солдат есть и душманы. Предъявил документы. Приказали выйти из кабины. Двое душманов осмотрели кабину и, подойдя к кузову, заглянули туда. Один из них сказал:

— Разгружай дрова!

— А зачем? Неужели не видишь: дрова как дрова. А я старый человек, и мне тяжело их таскать...

— Разгружай, старик, дрова, — потребовал второй душман. — А не то перевернем твою колымагу и вытряхнем все на дорогу.

— Зачем обижаешь старого человека, — попытался урезонить их Саид Хасан. — Тогда я уеду обратно, а вам пусть будет стыдно!

Он направился к кабине, но один из душманов вынул ключ из замка зажигания.

— Нет, старик, сначала мы посмотрим, что ты везешь, а потом можешь и поворачивать!

Саид Хасан понял, что дело плохо, и торопливо стал вытаскивать из кармана деньги.

— Возьмите, только не задерживайте меня, я очень тороплюсь. Назад буду ехать бакшиш привезу.

Один из душманов протянул руку и взял деньги, но второй заулыбался:

— А чего это ты боишься, старик? А вдруг ты везешь тех людей, которых мы ищем?

Второй душман примирительно сказал:

— Ладно, старик, мы поможем тебе. — И, шагнув к кузову, начал разгружать дрова.

Саид Хасан, побледнев, схватил длинную корягу:

— А ну, отойди от машины! Это моя собственность, и я не дам ничего трогать твоими грязными руками!

А вокруг уже собралось до десятка солдат и душманов. Некоторые из них с хохотом начали помогать разгружать «тойоту». Это был конец, и Саид Хасан взмахнул корягой, пытаясь дотянуться до спины ближайшего душмана.

Но кто-то опередил его и ударом кулака сбил на землю. На старика уселись двое и прижали его к земле.

Душманы разгрузили дрова и приподняли одеяла.

Леонов, держа автомат за ствол, бросился вперед. Он сшиб с ног растерявшихся на миг двух душманов, но страшный удар сзади по голове швырнул его на землю. Николаеву тоже удалось выскочить из кузова, он отбросил от себя несколько человек, но на нем повисло четверо и свалили его на землю.

Саид Хасан напряг все свои силы и смог сбросить с себя душманов. Он вскочил на ноги, схватил булыжник и замахнулся. Но тут душман вскинул большой пистолет. Прозвучали один за другим два выстрела, и Саид Хасан спиной опрокинулся на капот своей машины.

А окровавленных русских парней душманы связывали и тащили в сторону. Леонов не чувствовал ударов прикладами. Его сердце разрывалось от боли, что погиб пожилой афганец, который пожертвовал своей жизнью ради советских солдат.

«СЫНОЧЕК!!!»

Была суббота. С самого утра Вера Федоровна начала собираться в райвоенкомат, но по совету Сергея позвонила туда и спросила, будет ли на месте военком Сумский. Дежурный офицер ответил:

— У нас военком полковник Чернов.

— Как Чернов? — обрадованно переспросила Вера Федоровна. — Он же, как мне сказали, уехал.

— Да, он уезжал на учебу, — пояснил дежурный, — но уже вернулся. Ему присвоено очередное звание, и он продолжает службу у нас.

— Он будет сегодня в военкомате?

— Сейчас он уехал на аэродром и будет здесь часа через три.

Вера Федоровна не стала спрашивать, можно ли сегодня обратиться к Чернову, она была уверена, что полковник примет и поймет ее.

Одно то, что ей не надо будет унижаться и обращаться к ставшему ей неприятным майору Сумскому, подняло у нее настроение. Даже волнение и тревога двух прошедших дней поулеглись, стало спокойнее на душе.

Решив, что в военкомат пойдет после обеда, Вера Федоровна принялась за уборку.

Сергей, чмокнув мать в щеку, ушел на работу. Вера Федоровна тщательно убрала свою комнату, затем вторую, перешла в кухню. Пес Кузя продолжал понуро лежать на своей подстилке, изредка беспокойно ворочаясь и повизгивая. «Все-таки он приболел, уже третий день не может есть, бедняжка».

Вера Федоровна погладила Кузю. Тот лизнул ее руку, чуть взвизгнул, отвернулся и, вытянув шею, положил голову на пол. Глаза его были грустны.

Вера Федоровна навела в квартире порядок и начала собираться в военкомат. Она взяла хозяйственную сумку, решив после военкомата заглянуть на рынок. Закрyla на замок дверь и направилась вниз.

Она слышала, что в подъезде, внизу, много людей: раздавались негромкие голоса, тяжелые шаги. Вера Федоровна спустилась на этаж ниже, повернула к следующему лестничному маршу и вдруг увидела, что к площадке между первым и вторым этажами медленно поднимался офицер, а за ним солдаты в голубых беретах несли что-то тяжелое.

«Десантники, как мой Коля,— подумала она, и тут страшная догадка, словно молния, ослепила ее.— Так это же гроб, цинковый гроб! Нет, нет, это не ко мне... Это к кому-то другому!!!»

В этот момент офицер ступил на лестничную площадку и увидел Веру Федоровну. Некоторое время он печально смотрел на нее и, ничего не говоря, снял фуражку.

Вера Федоровна, словно отгоняя дурное видение, издала какой-то звук и молча отгородилась обеими руками.

Солдаты с гробом на плечах тяжело взойшли на площадку и, упершись в офицера, остановились. Вера Федоровна видела лица только двух парней, находившихся с этой стороны гроба. Они тоже смотрели на нее!

— Нет, нет! — закричала Вера Федоровна, прижимая руки к груди. — Только не это!

Она начала пятиться назад, вверх по лестнице. Офицер и солдаты двинулись за ней.

Вера Федоровна, не помня себя, кричала:

— Этого не может быть!

Она повернулась и побежала к своей площадке. Вбежала в узенький, темный коридорчик и лихорадочно возилась с замком. А страшная процессия следовала за ней. Вот она уже достигла третьего этажа. Впереди быстро поднималась женщина в белом халате. Она спешила к Вере Федоровне, которая, чтобы скрыться в квартире от этого ужаса, торопилась открыть замок. За гробом, опустив голову, с трудом переставляя ноги, шел полковник Чернов.

Открыв дверь, Вера Федоровна попыталась тут же закрыть ее за собой. Но подоспевшая врач не позволила ей это сделать.

— Не надо, Вера Федоровна, держитесь, дорогая! С большим горем мы к вам...

Дико вскрикнув, Вера Федоровна бросилась в свою комнату. Следом за ней шли врач и офицер.

Бедная женщина убегала от них. Из ее уст неслось только один протяжный звук: а-а-а-а!

Вдруг она бросилась к окну и открыла балконную дверь. Первым опомнился офицер. Он успел обхватить поперек

тела готовую выпать, обезумевшую от горя Веру Федоровну.

— Не надо, не надо, голубушка! — мягко говорила подоспевшая на помощь офицеру врач.

Вера Федоровна, как во сне, смотрела мимо них, через балконную дверь в комнату, где солдаты поставили на пол гроб. Схватившись рукой за сердце, она медленно начала оседать и бессильно повисла на руках офицера и врача.

Они внесли ее в комнату, положили на диван, но врач передумала и сказала:

— Перенесем ее в другую комнату. Она не выдержит тут, рядом с гробом.

Они отнесли ее в комнату Сергея. Врач тут же взялась за шприц, а офицер, бледный, с дрожащими руками, прошел на балкон, поднял с пола свою фуражку и, вернувшись к солдатам, тихо сказал:

— Посмотрите в кухне табуреты, гроб поставим на них.

Вскоре цинковый гроб стоял на четырех табуретках, а из кухни, куда забился под стол пес Кузя, неслось протяжный вой. У подъезда, на лестнице у дверей квартиры толпились люди, слышались возбужденные голоса.

В квартиру вошли военком Чернов и три женщины. Полковник сказал:

— Это соседи, побудут с матерью.

Офицер, а это был замполит роты, старший лейтенант Бакин, кивнул головой и тихо приказал солдатам:

— Идите во двор и ждите меня.

Солдаты с беретами в руках направились к выходу. Чернов, выяснив у женщин, где работает Сергей, начал по телефону разыскивать его. А во дворе десантников окружили люди. Слышались голоса:

— Расскажите, как это случилось?

— Его убили в Афганистане?

— Вы оттуда?

Но солдаты, насупившись, молчали. Они выполняли приказ: кто они и откуда, где погиб Коблик — не говорить.

«ПРОСТИ МЕНЯ, МАМОЧКА!»

Мисник сидел в своем небольшом полутемном кабинете и хмуро обдумывал только что прочитанное письмо жены. Галина с горечью и возмущением писала о Бунцевой, о том, как Анна резко изменилась.

Он искренне и мучительно переживал за своего друга. Осмысливая случившееся, Мисник задавал себе один и тот же вопрос: как могло случиться, что у Бунцева распалась семья.

Мисник развернул письмо и снова перечитал слова жены: «Позавчера я пришла к Ане и, вызвав ее на улицу, так как в квартире находился ее новый приятель, еще раз поговорила начистоту. И еще раз убедилась, что Анна уже не та, моя верная и душевная подруга. Снисходительно глядя на меня с какой-то вызывающей улыбкой, она стала убеждать меня в том, что жизнь одна и тратить дни на бессмысленное ожидание мужа — глупость. Я ей говорю: одумайся, твой муж находится на войне, он постоянно рискует жизнью, в любой момент может погибнуть, твоей дочери Леночке нужен отец. Ты же видишь, что она ждет не дожидется его. А она мне с наглой улыбкой отвечает: «Брось, Галя, меня учить. Я, молодая женщина, хочу жить, а не тешиться ожиданиями. Время-то идет, а вдруг вернется инвалидом?»

Что мне было ей сказать? Да и не слушала она моих слов. Покрутилась около меня: «Посмотри, какая я роскошная женщина!» И помчалась к своему кавалеру...

Родной мой, не поверишь: весь вечер я проплакала. Такая обида за Михаила меня взяла! Он — прекрасный человек! Я представляю, как ему сейчас тяжело. Как и чем ему помочь?! Ты уж посмотри за ним, поддержи. Не дай бог, еще глупость какую упорет...»

Мисник аккуратно сложил письмо и положил в нагрудный карман. «Пойду к комбату, побуду с ним».

Но не успел Мисник дойти к дверям, как в кабинет стремительно вошел Бунцев.

— Я приказал дежурному поднять батальон по тревоге.

— А в чем дело?

— Генерал-лейтенант Дубик распорядился. В кишлаке Исакхейль душманы напали на пять грузовиков стройбата. Захватили шестерых солдат и офицера. Что с ними — неизвестно.

— Как это случилось?

— Не знаю. Генерал приказал немедленно ехать туда. Наши летчики наблюдают бой. Им трудно разобраться, где свои, а где — чужие.

Мисник бросил взгляд на карту.

— До Исакхейля девять километров...

— Да, через пятнадцать — двадцать минут будем там. Главное, чтобы наши продержались это время.

— Их всего лишь семеро...

— Черт знает, что происходит, — чертыхнулся Бунцев, — как они так оказались, да еще и без сопровождения брони? Все знают, что возле этого кишлака орудуют несколько душманских банд...

Они вышли из помещения. Батальон готовился к походу. С ревом выстраивались в колонну боевые машины пехоты, чадили дымом бронетранспортеры, мощно и гулко ревя двигателями, занимали свои места в колонне танки. Десантники повзводно бежали к боевым машинам и вскакивали на них.

Бунцев взял у подбежавшего к ним сержанта свой автомат и подсумки с запасными магазинами и гранатами, вернулся к Миснику:

— Остаетесь в гарнизоне. Роту капитана Бочарова подготовьте к десантированию, договоритесь о вертолетах. Проверьте готовность резервного подразделения.

Глядя, как комбат подбежал к штабному бронетранспортеру, легко вскочил на него, Мисник подумал: «Нет, наверное, это к лучшему, что он сам идет в бой. Там не до личных переживаний».

Колонна тронулась в путь, а Мисник направился в штаб, в центр боевого управления. Из штаба ВВС сообщили, что все пять наших машин горят, и у летчиков сложилось впечатление, что бой уже прекратился. Мисник с тревогой взглянул на радиста.

— Комбат на связи?

— Так точно.

Мисник взял микрофон и доложил Бунцеву о сообщении летчиков.

— Понял, — ответил Бунцев. — Мы уже на подходе, наблюдаем дым.

Батальонная колонна при подходе к месту боя разбилась на три группы. Две из них свернули с дороги и пошли каменистой равниной, обхватывая кишлак и «зеленку» с флангов. Третья группа, развернув пушки влево и вправо, продолжала идти по дороге. Бунцев хорошо понимал, что душманы могли заминировать оставшийся отрезок пути или же организовать засаду. Но слишком уж высока цена каждой секунды, и комбат торопил своих.

А вот и место происшествия. Все пять машин горят. Передний танк сошел с дороги и прямо по кювету, заполненному водой, начал обходить колонну. Вскоре он остановился и занял позицию впереди нее. По приказу Бунцева

к нему присоединились два БМП. Остальные машины размещались по обеим сторонам от дороги. Бунцев с бронетранспортера осматривал местность. Стояла тревожная тишина. Солдаты спешились и, развернувшись в цепи, начали двигаться в обе стороны от дороги. Бунцев приказал одному взводу БМП продвинуться на пятьсот метров вперед. На небольшой высоте пронеслись две пары вертолетов, тут же радист протянул комбату микрофонную трубку:

— Товарищ подполковник, вас вызывают пилоты.

Бунцев услышал голос Першина:

— К югу от вас «зеленка». Они двигались туда.

— Понял, — ответил Бунцев и бросил взгляд на замполита.

Шукалин взял переносную радиостанцию и, связавшись с командиром третьей роты, которая двигалась в южном направлении, приказал увеличить интервалы между солдатами в цепи. Затем дал команду одному взводу боевых машин поддержать третью роту. БМП сразу же двинулись вслед за цепью солдат роты старшего лейтенанта Пузанова.

Бунцев попросил Першина осмотреть местность с юга. Вертолеты, рискуя получить очередь из-за дувала, летели на высоте сто — сто пятьдесят метров.

— Никого, — односложно бросил в микрофон Першин. — Как сквозь землю провалились.

Знал бы командир эскадрильи, что душманы, сделав свое черное дело, и впрямь скрылись под землей.

Радист окликнул комбата:

— Товарищ подполковник, вас вызывает старший лейтенант Пузанов.

Бунцев взял микрофон и сразу же услышал голос командира роты. Тот доложил, что обнаружил своих.

— Как они? — тревожно спросил Бунцев.

— Двести четырнадцать, — ответил Пузанов, что по кодовой таблице обозначало, что они убиты.

— Все?

— Да, — глухо подтвердил Пузанов.

— Организуйте охрану места и продолжайте проческу местности. Я сейчас буду, — распорядился Бунцев и, соскочив с бронетранспортера, приказал замполиту остаться за него на КП, а сам в сопровождении отделения автоматчиков на боевой машине пехоты направился к Пузанову.

Вскоре Шукалин сообщил по радиостанции, что к ним на помощь со стороны Кабула идет афганское армейское

подразделение. Бунцев посмотрел на карту. К югу в сторону Газни шла шоссейная дорога. «Надо постараться перехватить банду, не дать уйти к Вардаку!» Повернулся к командиру отделения:

— Связь с начальником штаба батальона, быстро!

Майор Мисник ответил сразу же. Бунцев приказал, чтобы он выбросил десант на вершины гор, отделявшие долину от провинции Вардак.

В этот момент БМП въехала в «зеленку», и сидевшие на броне солдаты насторожились: место было опасным. Механик-водитель сначала сбавил скорость, а метров через триста — четыреста и вовсе остановил машину. Впереди стеной стояли деревья. Не мешкая, Бунцев спрыгнул на землю и приказал командиру отделения:

— Четверым занять позицию вокруг БМП, остальным за мной!

Опытные солдаты знали свое дело. Они отлично понимали смысл команды «За мной!». Один из них пошел впереди комбата, остальные — по сторонам и сзади, так, чтобы не допустить нападения на комбата. Правда, эти меры оказались напрасными. Старший лейтенант Пузанов уже спешил навстречу. Он доложил:

— Старший лейтенант и шестеро солдат убиты. Бандиты издевались над ними, лица обезображены... Одного паренька, связанного по рукам и ногам, бросили на копну соломы и подожгли ее.

Бунцев скрипнул зубами.

— Покажи это место!

Они прошли не более двухсот метров и оказались на довольно большой площади, свободной от зарослей и деревьев. Мягкая, обработанная почва, небольшой арык. В разных местах виднелись несколько копен соломы. Прямо в центре — еще дымящееся пятно от сгоревшей копны. А там полуобгоревший, черный, как уголь, труп.

— Кто он?

— Еще не знаем, товарищ подполковник.

Бунцев и присоединившиеся к нему афганские офицеры подошли ближе. Недалеко, метрах в двадцати, лежали изуродованные тела офицера и пятерых солдат. Бунцев медленно обошел поляну и тихо приказал Пузанову:

— Товарищ старший лейтенант, свяжитесь с Кабулом, пусть пришлют экспертов. Все это надо зафиксировать. Афганский майор по-русски сказал Бунцеву:

— Здесь очень много каризов. Душманы наверняка скрылись в них.

Комбат спросил:

— Куда они тянутся эти каризы?

— В разном направлении. Есть и такие, которые доходят до гор, потайных пещер.

— Ваши предложения?

— Надо продолжать поиск и обязательно полностью блокировать район.

— Ваше подразделение направилось к югу?

— Да,— майор взглянул на часы.— Они уже наверняка спешили и сейчас продвигаются в направлении, которое вы указали.

— Спасибо,— Бунцев говорил коротко и сухо. Он еле сдерживался.

Афганский майор понимал его состояние.

— Клянусь, мы узнаем, кто эти шакалы, и отомстим им за смерть наших советских друзей.

— Я посоветовал бы вам, товарищ майор, связаться с командованием и попросить сообщить министерствам внутренних дел и госбезопасности. У них больше возможностей быстро установить, какая банда учинила это злодеяние.

Подошел Пузанов и доложил:

— Генерал-лейтенант Дубик уже направил сюда специальную группу.

— Хорошо. Что нового?

— Нашли три лаза в каризы. Мои люди ведут проверку.

— Проследите, чтобы были осторожны. Можно напороться на мину или засаду.

— Я связался с майором Шукалиным, попросил собак.

— Правильно.

Бунцев разговаривал с афганскими офицерами, отдавал приказание подчиненным, а его голову настойчиво сверлила мысль: кто послал группу советских военнослужащих в район, где хозяйничали душманы?

Над головой пронеслась пара вертолетов. Радист протянул комбату наушники и микрофон. Сообщал Першин:

— Южнее, в пятнадцати километрах, наблюдал продвижение афганского подразделения. Они идут от шоссе к западу. Душманов не наблюдаем. Наш десант высаживается в горах на указанных точках.

Бунцев увидел спешившего к нему командира второй

роты. Пузанов держал в руках какой-то сверток. Закончив разговор с Першиным, Бунцев пошел ему навстречу. Тот доложил:

— Вот, в одном из каризов обнаружили. Душманы наверняка туда смылись.

Пузанов развернул сверток, и Бунцев увидел бронежилет.

— Что-то новое? — спросил он.

— Так точно, керамический японский.

Бунцев достал пистолет и выстрелил в защитный жилет. Пуля надорвала: только матерчатую обшивку. Подполковник пнул жилет ногой.

— Прикажи, чтобы бросили в БТР, потом рассмотрим.

Подполковник повернулся и направился к бронетранспортеру, где его дожидался с передвижным КП замполит.

— Бочаров на связи?

— Да. Только что сообщил, что рота заняла вот эту позицию,— Шукалин показал на карте уже отмеченные карандашом места, где находилась первая рота.

— Растянута большая,— задумчиво произнес комбат.— А места там паршивые: ущелья, каньоны, сотни пещер.

— Да и троп очень много.

Бунцев еще некоторое время смотрел на карту, а затем подошел к радисту.

— Связь с первой ротой.

Медленно, растягивая слова, Бочаров доложил:

— У меня порядок, нахожусь на заданных позициях, укрепляюсь.

— Возможно, тебе придется остаться на ночь, подготовься и имей в виду, что от автомобильной дороги с востока в твоём направлении движется афганское подразделение. Скоро тебе сообщим их частоты.

Бунцев сразу же связался с Мисником и попросил продумать план действий на случай, если Бочарову понадобится помощь.

Афганское подразделение не успело до наступления темноты соединиться с советской ротой и остановилось на ночь в восьми километрах от нее.

Уже стемнело, когда комбат еще раз связался с Бочаровым. И хотя голос у командира роты был спокойным, подполковник уловил в его словах озабоченность.

Бунцев еще и еще раз проигрывал варианты действия Бочарова.

Бочаров переговорил по радио с командирами взводов, требуя, чтобы они лично разобрались с каждым отделением, продумали взаимодействия людей и связь между собой, огневую поддержку друг друга.

В заботах наступила ночь. Под прикрытием темноты двинулись в секреты небольшие группы десантников.

Отделение старшего сержанта Шувалова получило задание выдвинуться к югу и держать под контролем четыре тропы, ведущие к позициям роты.

Шувалов, разбивая отделение на группы, назначил Коблика старшим одной из них, выделив ему в подчинение Банявичуса и Турлакова. Им поручалось занять позицию между двумя тропами и не пропустить противника к вершине, где находилась их рота. В ночном бою самое страшное — это внезапность, и надо было во что бы то ни стало обнаружить противника на подходе.

Коблик уже не раз бывал в дозорах и чувствовал себя сейчас уверенно. Он поручил Турлакову следить за тропой справа, а Банявичус контролировал тропу слева.

Ночное афганское небо необычайно красивое. Низко висят огромные яркие звезды. В горах стоит величественная тишина. Луна светит ярко. Можно было разглядеть любой камушек. С одной стороны было хорошо: противник незамеченным не пройдет, но, с другой стороны, очень легко можно выдать и себя. Десантники не сговариваясь натянули на лица пятнистые маски и замерли.

От мысли, что они находятся впереди всех и от них зависит сейчас многое, даже жизни ребят, которые сидят на позициях выше, Коблик и его товарищи испытывали гордость и большую ответственность.

Николай вспомнил о доме, о друзьях. Он так задумался, что вздрогнул, когда небо неожиданно озарилось всполохами. Раздался мощный гул, огненные стрелы понеслись за перевал.

Десятки ракет летели со стороны Вардака в долину, где находился их батальон. Но тут послышались и близкие разрывы. Коблик оглянулся. На вершинах гор виднелось множество огневых всполохов.

— Мужики, это же нашу роту обстреливают.

И тут же Банявичус дернул Коблика за рукав:

— Коля, духи!

На тропе, расположенной слева метрах в двадцати, Коблик ясно увидел длинную цепочку людей. Они направлялись вверх к позициям роты.

«Не ошибся наш капитан! — одобрительно подумал Коблик о Бочарове. — Точно высчитал их маршрут».

В этот момент Коблик увидел душманов и на правой тропе. Они двигались медленно. При лунном свете это выглядело как при замедленной киносъемке.

Наклонившись к друзьям, Коблик тихо прошептал: — Мужики, по местам! Подпустим поближе и начнем. Я открою огонь первым.

Пока Банявичус и Турлаков занимали свои позиции, Коблик выбирал, по какой тропе ударить ему самому. Если Банявичус и Турлаков были вооружены автоматами, то у Коблика на этот раз был ручной пулемет.

Душманская цепочка, которая шла по левой тропе, чуть опережала другую, и Коблик взял на прицел ее. Он решил выждать, пока первые душманы подойдут на одну линию с ними, и тогда ударить.

Наконец первые душманы вышли на одну линию с Банявичусом, и Коблик плавно нажал на крючок. В грохот пулемета сразу же влились длинные автоматные очереди. Первый залп всегда дается длинными очередями. Противник сразу не укроется, и его даже секундная растерянность всегда на руку тем, кто в засаде и первым открывает огонь.

Вся цепь душманов залегла, а Коблик развернул пулемет направо и, увидев, что здесь душманы, будучи застигнутыми на открытом участке, еще продолжают метаться в поисках укрытия, сразу же открыл огонь.

Первая часть задачи группой выполнена. Противник обнаружен и остановлен, а значит, факт внезапности им утрачен.

Коблик слышал, что где-то недалеко идет стрельба, следовательно, и там душманы напоролись на секреты десантников.

К этому моменту Бочаров уже успел дать для реактивной артиллерии цели — места пусков душманских реактивных снарядов. Ответный удар последовал мгновенно, и Бочаров разрывы смог наблюдать визуально. Душманы прервали ракетный обстрел, и до его слуха теперь донеслись недалекие автоматные и пулеметные очереди, слышались взрывы гранат.

Замысел душманов стал ясен: ракетным огнем сковать советские воинские подразделения в долине и десантировавшихся на вершины гор, а затем одновременным ударом с севера и с юга уничтожить роту Бочарова и дать возможность блокированным душманам уйти через перевал.

Бочаров принял решение отвести на основной рубеж всех, кто был в боевом охранении, чтобы используя все виды оружия, имеющегося в роте, отбить атаку.

Бунцев одобрил решение командира роты и спросил, нужна ли помощь авиации. Бочаров был опытным командиром и, реально оценивая ситуацию, понимал, что ночной бой придется вести с противником, находящимся на близком расстоянии, а это значит применение авиации будет нецелесообразным. Отказавшись от нее, он уверенно сказал замполиту:

— Господствующие высоты у нас, боеприпасов хватает, ночь продержимся. Сейчас главное, чтобы все наши благополучно отошли сюда.

Он приказал дать три красные ракеты: сигнал для боевого охранения отойти к вершинам. Вскоре в одном, потом в другом месте стрельба затихла, это группы прекратили огонь и начинали отход. Только в одном месте шла частая стрельба. Находившийся рядом с командиром роты Бакин тревожно сказал:

— Это у Медведева бой. Наверное, духи на одну из наших групп сильно напали, скорее всего, парни не могут оторваться.

Через минуту командир взвода Медведев доложил, что группа из трех человек оказалась зажатой двумя большими бандами.

— Кто старший в группе? — спросил Бочаров.

— Рядовой Коблик. С ним Банявичус и Турлаков.

— Что думаешь предпринять?

— Силами взвода ударить по обеим душманским бандам, которые засели вдоль двух троп, во фланг и деблокировать группу.

Бочаров понимал, что, пока душманы начнут атаку на роту, пройдет некоторое время. Наткнувшись на передовые посты и секреты, они понесли потери и приостановились. Это замешательство давало возможность Бочарову лучше подготовиться к отражению атак противника.

То, что душманы повернут назад, не надо было и думать. Во что бы то ни стало они решили вырвать из окружения банду, напавшую на советскую колонну.

А внизу продолжалась стрельба. Это группа Коблика продолжала бой.

— Смотри, никак отойти не могут, — озабоченно проговорил Бакин. — Хотя бы Медведев успел на помощь.

Бочаров не ответил. Он сам переживал за солдат и хоро-

шо понимал, какие ситуации могут быть в ночном бою, когда численно превосходящий противник со всех сторон наседает на троих солдат. Правда, парни смелые и опытные. Сейчас главное, чтобы они не подпустили близко душманов: Капитан часто и беспокойно поглядывал в ту сторону, где за небольшим хребтом шел бой. Он понимал, что взвод Медведева в этот момент из всех сил спешит на помощь Коблику и его друзьям, и молил судьбу, чтобы они не опоздали.

А в группе Коблика ситуация сложилась грозная. Душманской пулей заклинило пулемет Коблика. Он попытался отремонтировать его, но, увы, уже через несколько секунд понял, что это невозможно. У него оставалось только шесть гранат. Но, действительно, беда ходит не одна, а с детками. Ударил душманская очередь в камни, за которыми прятался Банявичус, и одна из пуль вонзилась в его грудь. Турлаков бросился к нему. Банявичус лежал на правом боку. Одной рукой он зажимал рану, а в другой продолжал держать автомат. Турлаков быстро перевязал друга, уложил его пониже и подполз к Коблику.

— Коля, Банявичус ранен в грудь. Его надо срочно к медикам, в роту.

Коблик видел, что душманы обложили их уже с трех сторон. Парень лихорадочно искал выход. Он немало повидал, и приобретенный опыт подсказывал ему единственное решение. Коблик, не теряя времени, тоном приказа сказал:

— Феликс, оставь мне автомат Банявичуса, три полных рожка и четыре гранаты, а сам тащи его к нашим. — Я прикрою!

— А ты?!

— Я прикрою! Втроем мы не сможем отойти. Не теряй время! Выполняй приказ! Альгирдас же кровью исходит! Вперед!

Турлаков тоскливо посмотрел по сторонам, молча положил перед Кобликом четыре гранаты, ужом проскользнул к лежащему уже без сознания Банявичусу, взял его автомат и передал его Коблику.

— Коля, а может, я останусь?

— Не тяни время, Феликс, — резко сказал Коблик. — Чем раньше ты уйдешь, тем больше шансов останется и у меня.

Турлаков молча кивнул головой и заспешил к Банявичусу. Прежде чем подхватить его, Турлаков дал длинную

очередь по вспышкам душманских автоматов. Затем приподнялся, перекинул автомат за спину и, взяв раненого под руки, начал тяжелый подъем по желобу.

Коблик перевел автомат на одиночный огонь, но стрелять не спешил. Пусть душманы как можно позже узнают, что он остался один и что патроны на исходе. Меняя позицию, он сместился чуть правее и устроился за двумя большими камнями. Один из них прикрывал его от места, где он недавно находился. Туда душманы могут бросить гранату, а камень уберет его от осколков.

Но вот по тропе, идущей правее, мелькнуло несколько теней. Душманы пытаются пробиться вперед. Коблик, стараясь целиться как можно тщательнее, трижды выстрелил.

Посмотрел налево и сразу же перевел рычажок на автоматический огонь. Душманы группой наседали. После его длинной очереди они залегли и открыли бешеный огонь. Вокруг десантника засвистели, зацелкали, высекая искры из камней, пули.

Коблик сменил позицию и, видя, что душманы снова зашевелились, дал две короткие очереди.

Пока ему удавалось обманывать противника, который наверняка считал, что он не один. Но слишком уж быстро таяли патроны. Вскоре у него остался один, последний магазин. Самое главное для Николая было задержать душманов, чтобы ребята, его друзья, смогли отойти повыше.

По сторонам послышалась частая стрельба, это с боем прорывался к Коблику его взвод. Но Николай считал, что это ведут бой другие заслоны. Не знали об этом, к несчастью, и наседавшие на Коблика душманы. Они, подготавливаемые главарями, все ближе и ближе приближались к советскому солдату. Теперь они поняли, что он один. А Коблик, стараясь бить наверняка, менял позиции, таская за собой чехол от спальника с десятью гранатами.

Для непосвященного это может показаться и не мало, но, когда порой даже на один выстрел приходится отвечать броском гранаты, иначе следующая может уже не потребоваться, то это количество покажется ничтожно малым.

И вот наступил момент, когда в его руках осталась единственная, последняя граната. Он внимательно посмотрел в ту сторону, где должны были находиться его друзья, и облегченно вздохнул: их уже не видно, они уже далеко, возможно, уже в роте.

Коблик, пригибаясь, двинулся вверх, но вдруг присел за камень. На его пути замаячило не менее десятка душманов.

Глянул направо — тоже приближаются. При лунном свете хорошо видно, как все плотнее сжимается кольцо. Вот душманы уже рядом, плечом к плечу стоят вокруг него.

Николаю очень хотелось швырнуть гранату туда, где столпилось много душманов, но ведь потом — плен.

Коблик уже решил, что ему делать, и молил судьбу только об одном: пусть душманы не стреляют, а подойдут поближе. Он незаметным движением вырвал чеку, и теперь его пальцы крепко сжимали гранату. Коблик даже не обратил внимания на то, что стрельба, которая раздавалась недалеко, прекратилась. Это его взвод подавил сопротивление противника и был уже в несколько сот метров от него. Но, чтобы пройти по крутым горам даже несколько сот метров, потребуется время, а душманы уже рядом. Чтобы не пугать их, Николай демонстративно бросил автомат на камни и выжидал, когда душманы приблизятся вплотную. Он слышал их радостные голоса. Они считали, что русский сдастся.

И, когда не менее двух десятков душманов оказались вокруг него, Николай подумал: «Прости меня, мамочка!» — и разжал руку.

«ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН»

Трудно сказать, сколько дней находились в тревожном забытии жестоко избитые Леонов и Николаев.

Наконец Леонову удалось уснуть. Ему приснился сон. В небе, ровно гудя всеми четырьмя моторами, медленно плывет «черный тюльпан», так солдаты и офицеры называли самолет, перевозивший на Родину погибших, а внизу хорошо видны маленькие квадратики полей. Там — афганская земля. Самолет чуть наклонился, сделал небольшой поворот, и Антону в глаза ударило горячее, ослепительное солнце. Он отворачивается от иллюминатора и смотрит в полумрак длинного салона.

«Постой, постой, — удивляется он, — а почему я здесь один? Где же сопровождающие? Почему не видно гробов? А, значит, везут только меня. Значит, погиб только я. Это хорошо, что я один... значит, ребята живы. Они отомстят за меня. Жаль, что командир не дал сопровождающего. Кто же расскажет маме и папе, что со мной случилось? Они так и не узнают, как я погиб... Эх, Коблик!.. Ты же обязан был меня проводить. Мы же — друзья, а ты не упр-

сил командира роты совершить со мной последний полет! А почему на мне парашют? Я же мертв!»

Самолет накренился, Леонов снова взглянул в круглый иллюминатор и сразу же увидел, как с земли к «черному тюльпану», словно огненные щупальцы, тянутся яркие светлячки. «Да ведь это же духи стреляют по самолету!» Антон хотел громко крикнуть, чтобы его услышали пилоты, но тут обшивку самолета вспорола очередь снарядов. Он успел подумать, что это, скорее всего, бьет швейцарский «Эрликон», и тут же увидел огонь. Антон посмотрел налево — огонь, повернул голову направо — огонь! Весь салон был в огне, и самолет, медленно заваливаясь на крыло, начал падать.

«Все, — подумалось ему, — самолет сбит. Надо помочь экипажу прыгнуть. Но где пилоты? Почему я их не вижу? Неужели их зацепило? Постой, а почему я не чувствую перегрузки, ведь самолет уже в штопоре? А, я же мертвый! Значит, даже мертвым не увидят меня родители, Маринка! Но тогда почему я чувствую боль, я же неживой? Какой жаркий огонь!»

Антон чувствовал, как языки пламени нестерпимо начали жечь все его тело. Он попытался руками закрыть лицо, но руки были словно чужие. Они не слушались его. Антон попытался отпрянуть от огня. Вскрикнул и проснулся.

Некоторое время лежал на спине, соображая, что с ним и где он. Сознание постепенно возвращалось, и Антон вспомнил страшную реальность: он, советский солдат, десантник, снова в руках у душманов.

С большим трудом поднял перебитую руку к лицу. Осторожно провел пальцами по колючей щетине, потрогал запекшиеся болячки и грустно подумал: «Лучше бы они меня убили». Антону хотелось умереть, он устал от физической боли и душевных мук.

— Что ты стонешь? — услышал Леонов голос Николаева. Осторожно повернул голову и увидел друга. Его лицо напоминало какое-то кровавое месиво, еле угадывались щелки глаз. Антон попытался пошутить:

— Леша, а ты меня видишь?

— Конечно, только вот не узнаю тебя, ты ли это? Эти гады изрядно испортили твой портрет.

— Не волнуйся, дорогой, они тебе тоже перетасовали все веснушки. Чердак болит?

— Еще как! Да и ребра, наверное, все перелопатили, вздохнуть не могу. Точно как у тебя было.

— Кажется, я снова в такой же ситуации, по-моему, все кости перебили.

— Нет, ноги, наверное, целы.

— А знаешь, что мне приснилось? «Черный тюльпан». Лечу я вроде на нем, вернее, меня он мертвого везет, а тут обстрел, самолет загорелся и начал падать...

— От этого и застонал? — спросил Николаев и, не дожидаясь ответа, уверенно заявил: — Значит, долго жить будешь, Антон. Моя бабушка умела сны разгадывать. К ней по утрам многие соседи бегали, каждая хотела выяснить, что означает ее сон. Так вот она говорила, что если человек во сне видит себя мертвым, значит, жить ему еще много лет.

— Спасибо, постараюсь, — грустно пошутил Леонов, — только, если честно сказать, жаль.

— Чего жаль?

— Жаль, что не имею такого счастья — домой на нем улететь.

— Брось, Антон, мы же живы, а значит, не все потеряно. Знаешь, кого мне жаль?

— Старика?

— Ага. Он ведь, спасая нас, погиб. А кто мы ему? Чужаки.

— Для хорошего человека нет своих и чужих. Для него все — люди... Мне тоже жаль его. Сколько жить буду — не забуду.

— Душманы на его семью наверняка набросятся.

— Вполне могут... Интересно, что с нами они сделают? Хоть бы убили поскорее.

— Нет, Антон, я не думаю, что они сделают это сразу. Иначе, зачем нас сюда тащили? Там бы сразу и прикончили.

Снова наступила тяжелая тишина. Николаеву вспомнился дом. Родители писали, что скоро получают новую квартиру. С рождения Алексей вместе с ними жил в маленьком домике на тихой, захолустной улице. Отец давно работает в исполкоме, заведует отделом, и когда мать пыталась его упрекнуть, что они могли бы уже давно получить нормальное жилье, отец всегда спокойно отвечал: «А ты знаешь, мать, сколько в Иваново людей вообще не имеют жилья? А у нас какой бы там не был, а дом, к тому же и приусадебный участок есть. Вот ты, врач, первую помощь кому оказываешь? Тому, кому хуже других, так ведь?» И мать замолкала. Весной и осенью в дождливые дни по их улице ни пройти ни проехать. А вот в этом году, как писала сестра, асфальт положили, чисто стало.

И снова Николаеву вспомнился старик, который пытался их спасти. Алексей спросил:

— Антон, а правильно мы сделали, что старика и его семью подвергли такой опасности?

— Если бы знали... — тихо ответил Леонов и, помолчав, добавил: — Кто мы ему? Никто! А вот словно за родных детей беспокоился, несмотря на то, что мы в глазах мусульманина — неверные. Что и говорить, чертовски жалко этого старика, вину чувствую перед ним. Зачем мы согласились, чтобы он нас вез, лучше бы пешком пробирались.

— Не говори. Поступок этого старого человека напоминает мне агаву.

— А что это?

— Цветок. Агава цветет только один раз — в конце своей жизни. Дает жизнь новому стебельку, который растет с огромной скоростью. Так и старик. Хотел, чтобы мы жили.

— Это правильно... — поддержал Леонов.

Договорить он не успел.

На дверях лязгнули металлические запоры. На пороге показались двое. Солдаты узнали их сразу же. Это был американец Роберт и блондинка Людмила. Они остановились недалеко от дверей, некоторое время молча рассматривали солдат. На их лицах можно было прочесть и отвращение и тень сострадания одновременно. Конечно, это было не удивительно, вид пленников был ужасен.

Американец заговорил, голос его был резким, сухим и категоричным:

— Вы совершили еще одно тяжкое преступление, и вас может постигнуть самое суровое наказание, вплоть до казни. Если хотите жить, то должны без всяких условий согласиться на безоговорочное сотрудничество с нами. Ответ буду ждать ровно час.

Американец выждал, пока блондинка переведет, и повернулся к дверям. Но его остановил Леонов:

— Одну минутку, господин хороший.

Американец остановился. Антон чуть приподнялся на локоть и продолжал:

— Вот что мы вам скажем: вы не теряйте целый час на ожидание ответа, а катитесь отсюда сразу же. На измену Родине мы не пойдем ни через час, ни через год.

Женщина криво ухмыльнулась и перевела. Американец молча вышел. Хлопнула дверь, лязгнули запоры, и в комнате повисла гнетущая тишина.

Через несколько минут ее нарушил Николаев. Он со стоном придвинулся поближе к Леонову, спросил:

— Как думаешь, что они будут делать?

— Мне до лампочки, что они будут делать, — почему-то со злостью ответил Антон и вдруг предложил: — Послушай, Леша, давай, когда придет к нам еще кто-либо, бросимся на них, вцепимся руками в горло, а там пусть что хотят, то и делают, зато еще парочку негодяев на тот свет отправим. Все равно нам от них не вырваться, а жить в плену — совесть не дает!

Николаев грустно улыбнулся.

— О чем ты говоришь, братуха? На кого мы сможем броситься, если даже подняться не в силах.

Леонов молчал. От понимания своего бессилия ему хотелось плакать, и стон отчаяния вырвался из его груди.

— Я думаю, Антон, — еще больше понизил голос Николаев, — что нам остается одно — копить силы, чуть-чуть встать на ноги, а затем снова бежать. Видишь, они же не хотят нас убивать, на что-то надеются, выжидают. Ясно, что не так уж часто советские к ним в лапы попадают. Вот и возятся с нами, думают сломать нас, уговорить или заставить изменить присяге.

За дверями послышался шум шагов и голоса: в комнату вошла группа мужчин. Один из них знаками приказал подниматься. Парни с трудом, помогая друг другу, встали. Какой-то бородач рукой показал на дверь, и они, шатаясь, медленно двинулись к выходу. Яркое, стоявшее в зените солнце резануло по глазам, и парни невольно зажмурились. Душманы прикладами автоматов толкнули их в спины и подвели к стоявшей метрах в пяти «тойоте». Это был небольшой пикап, разукрашенный желтой, голубой и белой краской. Влезть в кузов даже этой низенькой машины ребята не могли, и водитель открыл борт. Они с трудом продвинулись поближе к кабине и легли на ребристый металлический пол. Сзади, тоже на полу, только на ватных подушках устроились двое бородачей с автоматами. Затем хлопнули обе двери. Это означало, что в кабину сели двое. Сразу же завелся мотор, и машина тронулась. По бокам и сверху кузов был обтянут брезентом, но сзади оставался открытым, и парни увидели, что машина выехала из широких ворот, створки которых тут же закрыли двое мужчин. Клубы пыли ворвались в кузов, и постепенно она оседала толстым слоем на лица и одежду. Когда через полчаса быстрой езды парни взглянули друг на друга, то,

несмотря на жесточайшую тряску и сильные боли, не смогли не улыбнуться: оба были похожи на мельников.

Охранники часть чалмы обмотали вокруг лица, закрыли носы и рты, а раненым приходилось дышать густой пылью. Они постоянно чихали и кашляли. Казалось, охранники не обращали на них никакого внимания, но стоило Николаеву пошевелиться, как один из них направил на него автомат и что-то громко крикнул.

Николаев небрежно бросил:

— Кого пугаешь, ублюдок? — И спокойно, даже демонстративно занял более удобную позу.

Второй охранник пальцем сделал жест, словно он нажимает на спусковой крючок. Николаев пальцем покрутил у виска. Охранник неожиданно улыбнулся и, проведя ребром ладони по горлу, показал вверх. Леонов беззлобно ругнулся и показал ему кукиш. Казалось, это позабавило обе стороны, и, вполне возможно, такие изъяснения продолжались бы долго, но машина сбавила ход и въехала в какие-то ворота. Один из охранников отбросил задний борт и жестом приказал выходить. Морщась от боли, Леонов и Николаев вылезли из машины. От небольшого домика к ним приближалось трое. Охранники подтянулись, подобоострастно заулыбались. Трое остановились в двух шагах и некоторое время молча рассматривали советских солдат. Через несколько минут один из них, наверное, старший, негромко произнес несколько слов и, резко повернувшись, зашагал прочь.

Остальные двое засеменили за ним.

Охранники тут же подтолкнули прикладами пленников, приказывая таким образом идти в глубь двора.

— Смотрины кончились, — тихо промолвил Леонов.

— Да. Кажется, мы им не очень понравились.

— Особенно ты со своей испорченной фотографией.

— Ну это еще как сказать. В следующий раз уточни у них, кто больше из нас не внушает им доверия, — пошутил Николаев и добавил: — Однако смотри, Антон, кажется, наши апартаменты.

Их явно вели к невысокому дувалу с узенькой деревянной калиткой, которую предусмотрительно открывал вооруженный душман.

Они оказались в небольшом квадратном дворе, где ровными рядами, казалось, прямо на земле, были уложены восемь металлических решеток. Вдруг один из сопровождавших поднял решетку, и парни увидели под ней черный

проем ямы. Они остановились, но душманы неожиданно сильно толкнули в спины, и они полетели вниз.

От падения и удара о земляной пол оба потеряли сознание, а когда пришли в себя, то над ними высоко вверх виднелась ржавая с толстыми прутьями металлическая решетка.

— Ну вот, — тихо промолвил Леонов, — кажется, мы и дома.

Николаев выплюнул кровь.

— Да, похоже. Только квартирка что-то больно мала, всего метра четыре будет, не больше.

— Зато потолки высокие, да и воздуха свежего сколько хочешь.

— Ага, и небо в крупную клеточку.

Ребята поняли, что они в душманской тюрьме, и вскоре притихли, думая о том, что их ждет впереди.

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Прошло три недели после похорон Николая Коблика. Веру Федоровну уже на следующий день отвезли в больницу. Первые дни она сутками лежала на постели. Измощенное слезами лицо было мертвенно-бледным, черты заострились. Она молча, не моргая, смотрела в потолок. Соседи по палате, зная о ее горе, тайком плакали, пытались утешить ее, но Вера Федоровна была безучастна ко всему. Даже ежедневные посещения друзей и сослуживцев не трогали ее. Ее мысли были где-то далеко.

Сергей прибегал к ней по несколько раз в день. Молча сидел у постели, также молча гладил ее руки и, не прощаясь, уходил. Он старался держаться хотя бы при матери и на людях, а когда дома оставался один, падал на кровать и громко навзрыд плакал, уткнувшись лицом в подушку. В квартире часто слышался протяжный вой Кузи. Но проходило время, Сергей вставал, умывался и направлялся на работу. Там не знали о его горе. Для Сергея это было даже и лучше: меньше сочувствующих слов и взглядов.

Сергей, увидев, как в их квартиру вошли родители Леонova, впервые за эти трудные дни грустно улыбнулся: он надеялся, что их приезд хоть немного расшевелит мать.

Они все, не теряя времени, поехали в больницу. В отделении, где находилась Вера Федоровна, знали о ее горе и никаких препятствий для ее посещения не чинили.

В палате кроме Веры Федоровны находилась пожилая женщина. Она тут же поднялась с постели, сунула ноги в тапочки и вышла в коридор.

Леонова первой подошла к постели Веры Федоровны, наклонилась к ее безучастному, словно окаменевшему лицу и громко разрыдалась, опустила на колени и обняла Веру Федоровну.

— Миленькая вы моя, мужайтесь! Ваше горе безмерно, но я вас прошу, держитесь!

У Веры Федоровны впервые появилось осмысленное выражение. Она оторвала от одеяла исколотую шприцами руку и тихонько погладила по голове Анастасию Макаровну, затем тихо сказала сыну:

— Сереженька, дай, пожалуйста, табуретки.

Сергей пододвинул табуретку Леонову, а на вторую осторожно усадил Анастасию Макаровну. Она тут же пододвинулась поближе к кровати и взяла руку Веры Федоровны, прижала к своей груди.

— Мы только позавчера вечером обо всем узнали, вчера отпросились на работе и вечером выехали сюда.

Вера Федоровна спросила:

— Об Антоне ничего не слышно?

Голос у нее был сухой, надтреснутый. Сергей даже не узнал его.

Леонова покачала головой.

— Нет, Вера Федоровна, мы ничего не знаем. Даже не можем добиться, чтобы нам сообщили подробности, толком объяснили, как все это произошло.

— Я тоже ничего не знаю, как погиб мой сыночек, — тихо сказала Вера Федоровна и достала из выдвижного ящика тумбочки конверт, вынула из него сложенный пополам листок. — Вот все, что мне сообщили: героически погиб при исполнении интернационального долга, проявив при этом мужество, героизм и отвагу. А я ведь хочу знать все: что он делал в последние часы и минуты своей жизни, кто был с ним рядом, как это случилось... Соберусь немножко с силами и напишу командиру, выскажу ему все.

Хоть и тяжелый завязался разговор, но Сергей облегченно вздохнул. Наконец-то мать заговорила, а это значит, что, изливая душу, она начнет хоть чуть-чуть мириться со страшной мыслью о том, что Коля утрачен безвозвратно. А Вера Федоровна продолжала:

— Как только встану, сразу же займусь памятником Коленьке. Говорят, что это тоже проблема.

— Это бесчеловечно, когда и в таких случаях надо все выбивать... — задумчиво сказала Анастасия Макаровна.

Ее муж понимал, о чем она думает, проговорил:

— А вот мы не знаем, то ли памятник заказывать, то ли все еще надеяться на чудо. Может, и сейчас лежит он где-нибудь среди камней, даже незахороненный, а солнце и ветер иссушивают его тело...

— Не думайте так, — прервала его Вера Федоровна, — у вас есть еще надежда, и вы обязаны жить ею. Всякое бывает, мне почему-то кажется, что его вполне могли захватить душманы, об этом же мне и Коля писал. Даст бог, все уладится, и приедет ваш Антон.

Леоновы и Сергей более трех часов были в палате, и за это время ни больные, ни врачи не заходили туда. Оказалось, что у дверей, как на пост, стала соседка по палате и никого не пускала. Она поняла, что этот разговор целесообразный для Веры Федоровны.

Вера Федоровна спросила у Леоновой:

— Сколько дней вы у нас будете?

— Миленькая вы моя, Вера Федоровна, меня же только на трое суток отпустили, мужа на столько же.

— Остановитесь у нас, Сереженька вам город покажет.

— А не стесним?

— Что вы! — возмутился Сергей. — Вы же к нам приехали. А мама постарается за эти дни на ноги встать. Правда, мам?

Вера Федоровна чуть-чуть улыбнулась.

— Постараюсь, сыночек. Постараюсь. Ты только уж посмотри за гостями, корми их хорошенько...

Немного отдохнув, Леоновы и Сергей поехали на Северное кладбище. Могила Николая находилась недалеко от входа, слева от большой аллеи. Она была вся в венках и букетах цветов. У простого, выкрашенного красной краской столбика стоял портрет Коли. В форме десантника, чуть улыбающийся, с открытым добрым лицом, он смотрел на живых. Анастасия Макаровна плакала. Муж молча держал ее под руку и, сжав зубы, не отрывал взгляда от портрета.

Сергей заглянул под небольшую деревянную скамейку, вкопанную недалеко, и чертыхнулся. Ведерка и маленькой лопатки, которые сутки назад положил под скамью, не стало. Он пошел вдоль могил: может, кто-нибудь взял и забыл положить на место.

В этот момент к Леоновым, сильно хромя, тяжело опираясь на палку, подошел молодой парень. Он остановился

сзади и тихо поздоровался. Леоновы оглянулись. Анастасия Макаровна несмело спросила:

— Вы Павел? Павел Чайкин?

— Да,— удивленно ответил Павел, глядя на незнакомых ему людей.

— А мы родители Антона Леонова. Вы знали его?

— Антона?! Конечно, знал, мы же с ним в одном батальоне служили. Антон и Коля друзьями были.

— Да-да, мы знаем.

— Я сегодня выписался из госпиталя и сразу же сюда, даже маме не сказал. Когда я напоролся на мину, мы вместе участвовали в операции. Тогда отделение Антона, в котором был и Коля, попало в засаду. Ребята сражались как герои.

— Да-да,— согласно кивнул головой Сергей Алексеевич.— Антон нам писал об этом. Он рассказывал и о вас. Мы знаем, что вы первым заметили ракету и первым бежали к ним на помощь. Антон считал, что вы спасли его и все отделение от смерти.

— О нем ничего не слышно?

— Нет,— печально ответила Леонова.— Совершенно ничего не слышно.— Она чуть заметно кивнула головой на могилу: — Вот, видите, еще одного вашего товарища не стало. Забрала война его от мамы, от семьи... от вас... Жить бы ему еще да жить.

Павел тяжело опустился на скамейку и долго смотрел на портрет Коблика. В его взгляде были и боль, и печаль, и даже вина, которую он чувствовал при мысли, что он живой, пусть даже инвалид, но живой; а вот Коля уже никогда не увидит ни солнца, ни зелени, ни людей.

Леоновым очень хотелось поговорить с Павлом, ведь он служил рядом с их сыном, общался с ним, но они видели, в каком Павел состоянии, и не стали вести разговор.

На следующий день в квартире Веры Федоровны было многолюдно. Пришли мать и сын Чайкины и Лемехов.

Сергей, как заправская домохозяйка, хлопотал у стола. Ему помогала Анастасия Макаровна, которая вместе с мужем уже успела с самого утра сбежать на базар, а затем в больницу. Разговор за чаем длился долго. Общая беда словно породнила этих людей, которые раньше даже не слышали друг о друге. У каждого из них была своя боль и своя тревога, но сейчас они вели разговор о Вере Федоровне, о ее страшной беде и думали о том, что им предпринять, чтобы хоть немного уменьшить ее боль, разделить ее горе.

ВСТРЕТИЛИСЬ СО СВОИМИ

Прошел почти месяц, прежде чем Леонов и Николаев смогли уверенно держаться на ногах. Их глубокая яма днем быстро нагревалась, в ней стояла страшная духота, а ночью она также быстро превращалась в холодильную камеру. Парни сильно мерзли и от холода не могли заснуть. Кормили только два раза в день: утром, как правило, каждый получал лепешку и чай без сахара, в обед маленькую миску какой-то бурды, называемой супом, немного фасоли или риса с томатным соусом и кружку воды. Вечером — вода.

Пока сидели в яме, с ними никто не разговаривал.

Антон и Алексей решили, что душманы и их западные инструкторы усомнились в том, что им удастся завербовать пленных.

Однажды утром, сразу же после «завтрака» двое душманов подняли вверх решетку и молча спустили вниз узенькую лестницу. Один из них жестом приказал пленникам вылазить.

Первым поднялся Леонов и, прикрывая рукой глаза от солнца, оглянулся. Во дворе было много душманов. Когда Николаев оказался рядом, один из охранников пошел впереди, а второй стволом автомата показал солдатам, чтобы они шли за проводником. Сам он двигался сзади. Пленных подвели к небольшому двухэтажному дому.

Сразу же в маленьком мрачном коридорчике пошли вниз по настолько узенькой лестнице, что локти упирались в шершавые стены.

Остановились на небольшой площадке. На стульчиках у металлической двери сидели двое охранников. Парням бросилось в глаза, что оба вооружены пистолетами, засунутыми за широкие ремни. Охранники большим длинным ключом открыли дверь.

Сначала в дверь толкнули Леонова, затем Николаева. Дверь тут же закрылась, сухо щелкнул замок. Солдаты молча осматривали помещение. Оно было большим. Высоко, под самым потолком, малюсенькое с металлической решеткой окно. Света от него было мало, но в полумраке парни уже неплохо видели. В комнате, или, вернее, камере, была целая группа людей. Они молча смотрели на вошедших. Николаев первым обратил внимание на то, что некоторые из них были одеты в форму военнослужащих Советской Армии. Алексей неожиданно поздоровался:

— Здравствуйте!

И растерялся, услышав, родные русские слова:

— Привет!

— Здравствуйте!

Все сидевшие сразу же зашевелились, некоторые повскакивали на ноги, обступили Леонова и Николаева.

Теперь было уже ясно, что парни встретились со своими. Один из них, высокий заросший большой бородой и усами парень, представился:

— Старший сержант Тамарин. Нас здесь девятнадцать солдат. Кто вы?

Леонов и Николаев переглянулись: не очередная ли провокация. Хотя чего бояться? Ведь душманы все равно знают их фамилии. И Николаев сообщил, кто они. Сразу же на парней обрушился град вопросов: давно ли они с Родины? Когда и как оказались в плену? Где жили в Советском Союзе?

Сначала новички отвечали сдержанно, но затем разговорились и сами стали расспрашивать. Оказалось, что в подземной камере душманы собрали советских солдат, захваченных в разное время и в разных местах. Некоторые из них находились в плену по два-три года. Все худющие, с истерзанными телами, измученными лицами, в изодранной одежде.

До поздней ночи шел разговор. Николаев и Леонов узнали, что они находятся в душманской тюрьме, расположенной вблизи пакистанского города Кветта. В этой тюрьме кроме советских солдат душманы содержат не менее трехсот афганских военнослужащих, которые находятся в длинных барачного типа зданиях.

В первый вечер Николаев и Леонов поближе познакомились с Тамариным, Жураковским, Мещеряковым. Леонов обратил внимание на худого, изможденного парня. Он сидел, покачиваясь из стороны в сторону, и, не обращая внимания на громкие разговоры, весь ушел в себя. Антон спросил у старшего сержанта:

— Что с ним?

Тамарин тихо ответил:

— Это Валера Киселев. Во время боя он сорвался со скалы, а когда пришел в сознание, то был уже в лапах у духов.

— Да, но, по-моему, здесь нет таких, кто сдался сам?

— Конечно, но Валера находится в плену уже три года,

больше, чем любой из нас. Он стал плохо видеть, его мучают боли в суставах, открылись и гниют раны.

Леонов со щемящим чувством боли и сострадания смотрел на парня, который был похож на сухого, сморщенного старика. Глухо спросил у Тамарина:

— А он не пытался бежать?

— Почти все мы пытались. Может, поэтому и согнали нас всех сюда, откуда, по-моему, рвануть невозможно.

Леонов с тоской осмотрелся. Их камера почти вся под землей. Это ясно по количеству ступеней лестницы, по которой спускались. Поверхность земли где-то на уровне оконца. Решетки — с толстыми прутьями, загнанными прямо в бетонную стенку, руками такие не выломаешь. Потолок — тоже из бетона. Зло чертыхнулся:

— Похоже, что так. Наверное, специально для тюрьмы строили.

— Ну ладно, братцы, — произнес старший сержант, — давайте отдыхать. Никто не знает, что день грядущий нам готовит.

— Ты, наверное, старший в группе? — спросил у Тамарина Николаев, устраиваясь рядом.

— Я — старший по званию, и мне ребята приказали быть старшим.

Леонов после пережитого долго не мог уснуть. Встреча со своими принесла и радость и огорчение одновременно.

«Черт возьми, если нас столько здесь, в одном только месте, сколько же во всех душманских тюрьмах?! — Он беспокойно повернулся на другой бок и, успокаивая себя, подумал: — Как бы там ни было, а нас теперь целый коллектив, почти взвод. А взвод солдат — это сила. Так что поживем — увидим».

С этими мыслями он и уснул. А утром в камеру четверо безоружных и молчаливых мужчин внесли три чайника, девятнадцать металлических кружек и девятнадцать лепешек. Потом они переговорили между собой и один, сходяв куда-то, принес еще две лепешки и две кружки.

— Чуть о вас не забыли, — пошутил Тамарин и, отломав кусочек лепешки, положил его на кружку, стоявшую перед Киселевым.

— Ешь, Валера.

Николаев и Леонов с удивлением смотрели, как все ребята отламывали от своих лепешек кусочек и клали перед Киселевым.

Тот возмущенно отодвинул все это от себя:

— Вы что, мужики, совсем сдурели! Не надо мне вашей помощи. Я сам скоро поправлюсь.

— Вот когда поправишься, тогда и не будем давать, — решительно сказал Тамарин и приказным тоном добавил: — Ешь, тебе говорят. Мы здесь все будем держаться друг друга до конца.

Антон и Алексей молча отломали от своих лепешек по кусочку и положили их в общую кучку.

Мещеряков тихо объяснил новичкам:

— Валера сильно ослаб, и мы вчера решили хоть как-то поддержать его.

— Правильно решили, — согласно кивнул головой Николаев.

После того как посуда была убрана, знакомство продолжалось. Тамарин по очереди рассказывал о ребятах:

— Вон в том углу, — кивнул он головой на двух солдат, сидевших чуть отдельно от других, — Вакеев и Брей. Оба сильно переживают. Андрей — это Вакеев, допустил ротовейство. Пошел по нужде за скалу, а никому не сказал, чтобы подстраховали. Духи его и сцапали. А вот с Бреем дела похуже. Похоже, что труса сыграл. — Тамарин увидел, как сузились глаза у Леонова, и положил руку ему на колено. — Не надо, Антон. Сам он нам, конечно, подробностей не рассказывал, но даже по отрывочным сведениям, которые он сообщил, видно, что попал он в плен не в бою. Но, по-моему, он парень честный, и поэтому не придумывает о себе ничего.

— А второй?

— Что, второй? Я же сказал, что он попал в плен из-за своей оплошности.

— А может, врет?

— Нет, здесь ложь высвечивается сразу. Вам же обоим мы поверили сразу.

Николаев прошелся по камере и остановился как раз под окном.

— А что, мужики, если достать напильник, то эти прутья можно перепилить. Я точно помню, что у дома охраны нет.

— А дальше что? — мрачно спросил Мещеряков. — Ну выйдем отсюда, ну выберемся из двора. А дальше? До первого же духа или пакистанского солдата?

— Перестань! — неожиданно громко прервал его Леонов и вскочил на ноги. — Под лежащий камень и вода не течет. Неужели вы хотите сдохнуть в этой яме?! Нас же целый взвод. Это — сила! Мы вон с Лешей вдвоем и то

смогли рвануть. А такой командой мы можем не только рвануть, но и весь душманский гарнизон в этой тюрьме перебить, да заодно и афганским пленным помочь.

— Правильно, ребята! — поддержал новичков Тамарин. — Нечего нам слюни распускать. Мы — армия, а поэтому делаем так: по очереди ведем наблюдение за двором, изучаем их распорядок, размещение охраны, короче говоря, ищем выход из нашего положения. Согласны?

Все молчали, только один солдат спросил:

— А как мы будем за двором наблюдать, ведь чтобы до оконца дотянуться, надо ростом в три метра быть?

— А ты подставишь свою спину, а я на шее посижу и посмотрю, — ответил, улыбаясь, старший сержант.

— А потом что, местами поменяемся? — спросил солдат.

— Правильно мыслишь, Викулин.

— Правильно, командир, — вскочил на ноги солдат-узбек. — А я попытаюсь с теми, кто нам пищу приносит, разговор завязать. Вдруг кто-либо нам сочувствует.

— Давай, Сейсейбаев, действуй, может, тебе повезет.

— Надо подумать, как через дувалы перелезть, — подал голос кто-то из дальнего угла. — Они же, поди, метра четыре высотой.

Леонов поднял руку.

— Тихо, товарищи. Мы вам сейчас расскажем, как мы действовали.

И Леонов, рассказ которого изредка дополнял Николаев, подробно сообщил о том, как им удалось бежать, что пришлось пережить и как их снова схватили.

Когда он закончил, в камере стояла гнетущая тишина.

— Смотри-ка, каким оказался старик, — задумчиво сказал Викулин. Он сидел на полу, обхватив руками худенькие колени, и казался совсем ребенком. — Даже жизнью рисковал ради спасения советских ребят. Таких людей в Пакистане, наверное, по пальцам можно пересчитать...

— Нет, Викулин, — перебил его Тамарин, — люди с чистой совестью везде есть. Думаю, что Антон своим рассказом еще раз подтвердил, что безвыходных ситуаций не бывает.

Кто знает, может, Тамарин хотел своей уверенностью поддержать дух тех ребят, которые поникли головами, а может, действительно появление в их компании Леонова и Николаева всколыхнуло у него надежду на освобождение. Как бы там ни было, а люди настраивали себя на борьбу

«Я ВАШЕГО СЫНА ТУДА НЕ НАПРАВЛЯЛ!»

Вера Федоровна выписалась из больницы совсем неожиданно. Врач не стал спорить и уговаривать остаться. Он выписал рецепты на лекарство и сказал:

— Хорошо, мы вас выписываем сегодня, даем вам освобождение от работы еще на семь дней, но, по крайней мере, первые три дня вы обязаны быть дома, побольше отдыхать, не волноваться.

Вера Федоровна, с удовольствием вдыхая чистый воздух, направилась к телефонной будке. Хотела позвонить на работу Сергею, но передумала и подошла к автобусной остановке. Решила, прежде чем попасть домой, съездить на кладбище.

Вера Федоровна понимала, что ей сейчас нельзя волноваться, но разве сердцу матери прикажешь? Она хотела встретиться со своим сыном. Да, он лежит в могиле, но она погладит своими руками землю, которая приняла в свои объятия Колю, она посидит рядом, посмотрится на его фотографию, и ей станет легче.

На могиле было много цветов, и Вера Федоровна с благодарностью подумала о тех, кто не забывает ее сына и приходит на могилу.

Поправив цветы, нежно провела рукой по стеклу рамки, где был Колин портрет. «Коленька! Родной мой! Хоть в нескольких метрах ты от меня, но так далеко, что не дотянуться до тебя! Почему ты ушел из жизни раньше меня?!»

Вера Федоровна не заметила, как заговорила вслух:

— Ты же согласишься со мной, Коленька, что несправедливо, когда мать хоронит сына, а не он ее.

Обессиленно опустив руки, она села на скамейку. Одинокая, подавленная, она ощущала вокруг себя только пустоту, которая все сильнее давила на нее.

Вера Федоровна достала из сумочки таблетку валидола и положила под язык. Она не знала, сколько прошло времени, когда вдруг услышала голос Сергея:

— Вот она где!

Сергей сел рядом и обнял ее.

— Я приехал в больницу, а мне говорят: выписалась. Бросился домой — нет. Понял, что ты, скорее всего, сюда поехала.

— Да, я же так давно здесь не была, — жалобно сказа-

ла Вера Федоровна и, подняв глаза, увидела Чайкина. — Здравствуй, Пашенька!

Павел опустился рядом на скамейку.

— Я сегодня получил письмо от ребят из Колиной роты. Ребята просят передать вам привет и сообщают адрес госпитала, где находится Банявичус. Он уже поправляется.

— Да-да, спасибо. Я позавчера получила от него письмо, а вчера от Турлакова. Только не пойму, почему мальчики не хотят мне рассказать, как погиб Коленька. Я написала злое письмо командиру батальона...

Сергей встал и потянул ее за руку.

— Мама, пойдем. Тебе пока надо лежать. Ты и так злостный нарушитель постельного режима.

На следующий день Вера Федоровна поспешила в военкомат. Еще когда она лежала в больнице, Лемехов посоветовал не мешкать с оформлением памятника.

Шла в военкомат с тяжелым сердцем. Ей не хотелось встречаться с майором Сумским. Но оказалось, что Сумский уже уволен из армии.

Пока один из офицеров готовил необходимые документы, полковник Чернов поинтересовался ее здоровьем. Вера Федоровна уклончиво ответила, что все нормально. Чернов сказал:

— К нам в военкомат приходили студенты института народного хозяйства и ребята из профессионально-технического училища, где учился ваш сын. Они решили ухаживать за могилой, взять шефство над вами.

— Да-да, я знаю. Они приходили ко мне в больницу. Хорошие ребята.

Вошел офицер. Чернов подписал бумагу и, протягивая ее Коблик, пояснил:

— С этой бумагой вам надо обратиться в исполком. Там обязаны вне очереди изготовить памятник. И еще, Вера Федоровна, у нас вам надо получить тысячу рублей на изготовление памятника.

— Зачем мне они? Я сама хочу установить своему сыночку памятник...

Чернов обошел стол и, остановившись напротив, мягко сказал:

— Вера Федоровна... Поверьте, мне нелегко вести такой разговор. Прошу вас, не надо ожесточаться. Все понимают вас и искренне сочувствуют вашему горю.

Хоть и тяжелый разговор был, но Вера Федоровна ушла из военкомата с добрыми мыслями о военкоме.

Чувствуя усталость, дома сразу же прилегла. Скоро пришла Чайкина. Вера Федоровна была рада ей и поделилась новостью.

— Завтра пойду хлопотать дальше. Хочу заказать памятник по своему эскизу. Его сделал Сережа. Сейчас покажу.

Она направилась в другую комнату и вынесла вылепленный из пластилина эскиз.

Нина Тимофеевна долго рассматривала его.

— Вы хотите, чтобы Коля был в форме?

— Да. Обязательно в десантной. Думаю, что мастера смогут это сделать.

— Не знаю, как на это посмотрят те, кто занимается памятниками.

— Неужели и там могут быть бюрократы? — недоверчиво спросила Вера Федоровна.

— А где их нет? Сегодня я узнала о парне, который служил в Афганистане, награжден орденом. Он приехал недавно в Минск и куда ни ткнется, везде равнодушие и отчужденность, даже в институт, несмотря на то, что на него распространяются льготы, и то не приняли. Парень мучается, без жилья, без денег.

— Безобразие. Неужели так могут издеваться над таким парнем. Кто вам об этом рассказал?

— Пашенька. Он член клуба воинов-интернационалистов. Ребята из клуба собрали этому парню немного денег, а вчера у него эти деньги украли. Вы бы видели, как он переживал, даже раны у бедняги открылись.

Нина Тимофеевна понимала, чтобы вывести Веру Федоровну из сильнейшей депрессии, следует меньше говорить сочувственных слов, а стараться отвлечь.

Вера Федоровна возмутилась:

— Что же это такое?! Парень воевал, был ранен, а над ним так издеваются. Нина Тимофеевна, познакомьте меня с ним, я куда угодно дойду, но обязательно добьюсь правды, помогу ему.

— Хорошо, Вера Федоровна, постараюсь с Павликом и этим парнем прийти к вам.

Утром Вера Федоровна была в исполкоме. Она вошла в кабинет, хозяин которого должен был принять решение по ее заявлению. Еще не старый, но с легкой сединой на висках, невысокого роста мужчина даже поморщился, прочитав заявление.

— Опять с этими памятниками. А вы в управлении бытового обслуживания были?

— Нет. Мне в военкомате сказали, что я должна сначала в исполком обратиться.

— Мало ли что могут сказать!

Вера Федоровна хотела возразить, но поняла, что называть этому чинуше фамилию военкома, это значит обидеть доброе имя полковника Чернова. Поэтому тихо, сдерживая себя, сказала:

— Зря вы так о людях говорите. Человек, направивший меня сюда, не глупее вас. Вы находитесь на государственной службе и подскажите, что мне делать и куда обратиться.

— Я же вам сказал: обращайтесь в управление бытового обслуживания. Если там не решат, то тогда обратитесь ко мне.

Вера Федоровна пешком пошла в управление бытового обслуживания и постучала в нужную дверь. Не услышав ответа, вошла. Сидевший за столом мужчина хмуро, кивком головы ответил на приветствие и, не отрываясь от бумаги, спросил:

— Что у вас?

— Хочу заказать памятник погибшему сыну.

— В пятом кабинете были?

— Мне сказали, что по льготной очереди надо обратиться к вам.

— Какие основания у вас на льготную очередь?

— Вот, бумага из военкомата, — она протянула через стол справку.

Пока мужчина читал ее, достала из сумки эскиз, изготовленный Сергеем, и поставила его на стол.

— Я бы хотела заказать вот такой памятник...

Мужчина бросил беглый взгляд на эскиз.

— Мы всем «афганцам» делаем одинаковые памятники.

— Почему одинаковые? Мой сын не такой, как другие.

— «Не такой», «не такой», а я вам отвечу: у нас есть соответствующее указание.

— Чье указание?

— Инстанции. Уверен, что вы еще захотите и надпись на памятнике сделать, что он погиб в Афганистане.

— Да. При исполнении интернационального долга...

— Слышал, слышал. Не вы первая об этом заявляете. Можно написать только одно: «Погиб при исполнении служебного долга».

Вера Федоровна подумала, что правы были врачи, когда требовали, чтобы она лежала несколько дней дома. Она чувствовала, как все сильнее билось сердце, постепенно отнималась левая рука и боль острой иглой вонзилась под левую лопатку.

— Но неужели нельзя учесть пожелание заказчика, я же деньги плачу?

— Ну предположим, не только вы, но и государство целую тысячу вам отвалило.

— Как вы смеете!

— А в чем дело? Я исполняю свой служебный долг.

Вера Федоровна тяжело и медленно поднялась со стула. Растягивая слова, тихо произнесла:

— За такое исполнение служебного долга убивать надо, — взяла из его рук справку военкомата и направилась к дверям.

Мужчина бросил в спину:

— Я вашего сына туда не направлял, и нечего здесь требовать того, чего не положено.

Вера Федоровна вышла в коридор. Словно в тумане увидела стул, села на него и потеряла сознание.

ФРАНЦУЗЫ СООБЩАЮТ

Бунцеву позвонил генерал-лейтенант Дубик. Он, как всегда, был краток, голос в трубке звучал сухо:

— К вам направился подполковник Джалал, у него есть предложение. Продумайте план действий, письменное распоряжение получите сразу же.

«Что там еще придумало начальство? Если информация исходит от Джалала, то, скорее всего, речь пойдет о Леонове. А может, у Джалала иные сведения? Скажем, о предстоящем нападении душманов или каком-нибудь складе с оружием?»

Вошел замполит.

— От Ани ничего нет?

Комбат молча покачал головой, глядя мимо Шукалина. Затем тихо сказал:

— Да и к чему это? Все кончено.

— А может, все уладится? Перебесится?

— Не надо, Владислав, — твердо сказал Бунцев, — все кончено...

— Но...

— Вот здесь, — Бунцев пальцем ткнул себя в грудь, — все кончено... Холод и... пустота... Пусть живет как знает.

— Миша, так ведь дочь...

— Я это не хуже тебя понимаю. Вернусь домой, поговорю с Анной, может, не будет перечить, чтобы Леночка со мной осталась... Ну а если упрется, то все равно дочь не брошу, сделаю все, чтобы она чувствовала, что отец рядом.

— Ладно, Миша, извини, что лезу в душу.

На столе резко и нудно зазвонил телефон.

Докладывал дежурный офицер на КПП:

— Товарищ подполковник, здесь находится афганский подполковник по фамилии Джалал. С ним еще несколько человек. Он говорит, что вы его ждете?..

— Да-да, жду. Проводите товарища Джалала ко мне!

Не дожидаясь ответа, Бунцев положил трубку на аппарат и по другому телефону прямой связи позвонил в штаб. Коротко бросил начальнику штаба Миснику:

— Иван Павлович, заходи ко мне, Джалал прибыл.

Мисник и Джалал, которых сопровождал дежурный офицер, вошли в кабинет вместе. Бунцев уже хорошо усвоил афганские обычаи и после обычной, довольно длительной процедуры взаимных приветствий усадил гостя за стол, к делу переходить не торопился. Джалал сам заговорил:

— Сегодня утром к нам прибыл из провинции Вардак старик. Он рассказал, что сам он из России. Много лет назад он бежал из вашей страны.

— Наверное, «беляк»? — спросил Мисник.

Джалал вопросительно посмотрел на Бунцева. Тот пояснил:

— Этот старик, наверное, бежал от нашей революции?

— Да-да, именно об этом он и говорит, но еще он рассказывает о каком-то советском солдате, которого душманы через кишлак, где находился этот старик, везли в Пакистан. Он знает, кто главарь банды. Старик утверждает, что недавно в кишлаке Исакхейль эта банда напала на советскую автоколонну. И еще старик говорит, что банда сегодня ночью снова появилась в кишлаке. Ему удалось установить, с какой целью она прибыла из Пакистана.

— А где этот старик? — спросил замполит.

— У проходной, в моей автомашине.

В сопровождении Джалала и Мисника в кабинет вошел старик. Редкие белесые волосы на голове, большая седая борода, афганская национальная одежда. Было непривычным в этом старике только то, что он держал в руках свою

чалму, которую мусульмане с головы не снимают. Он тихо, с низким поклоном поздоровался и представился:

— Бывший русский интеллигент и, как у вас говорят, белогвардеец, контрреволюционер и так далее. Я уже почти шестьдесят лет живу в Афганистане. А вот сейчас пришел в Кабул с тем, чтобы увидеться с русским командованием, так как располагаю интересными сведениями.

Когда старик говорил о встрече с советским солдатом, Бунцеву с трудом удавалось скрывать свое волнение. Старик, без сомнений, рассказывал о Леонове. Даже Шукалин не выдержал и спросил:

— А что о себе вам рассказал солдат?

Старик грустно улыбнулся:

— Он не верил мне, несомненно восприняв меня за провокатора, — старик сделал небольшую паузу, по его лицу пробежала еле заметная грустная и растерянная улыбка. — Да и американец, которому я переводил, и главарь банды Каримулла мне тоже явно не доверяли и не позволяли общаться с этим молодым человеком. Одно могу сказать: ваш солдат, как и положено исконно русскому, держался гордо и независимо и, конечно, с врагом ничем не делился. Признаться, это мне было приятно.

— Но и что же вас привело к нам? — спросил Бунцев.

— Совесть. Да-да, совесть и, если хотите... гордость. Я встретил настоящего русского, у которого любовь к Отечеству и долг — превыше всего. И, когда я снова увидел в кишлаке Каримуллу и его банду, когда один из душманов захлеб мне рассказывал, как они напали на безоружных русских солдат в кишлаке Исакхейль, как издевались над ними, не скрою, все это потрясло меня так, что мне хотелось убить рассказчика. От душманов я узнал, что они снова направляются в район Пагмана, чтобы уничтожить в кишлаках тех, кого на прошедших джиргах дехкане избрали в руководящие крестьянские органы. Кроме того, банда везет много оружия, в том числе ракеты и мины. Все это они хотят спрятать в горах в своих складах.

— Откуда вы все это знаете? — спросил Мисник.

Старик откровенно посмотрел на начштаба.

— Вы не сомневайтесь, я не обманываю вас. Все как на духу говорю. Жизнь прожита, и прожита не так, как хотелось. Может быть, вы когда-нибудь добрым словом вспомните заблудшего бывшего русского. Кстати, господа, — старик запнулся, назвав офицеров господами, но поправляться не стал, — вместе с бандой идут двое фран-

цузов. Они знают английский и со мной почти целый час разговаривали. Каримулла хитрая лиса, понимает, что раз иностранцы со мной беседуют, то и защитить могут. Поэтому, не скажу, на сей раз он ко мне хорошо отнесся и при мне говорил о своих планах, очень хочется ему задание своих хозяев выполнить. Наверное, хороший куш обещали.

— Куда они конкретно направляются, не знаете? — спросил комбат.

— Нет, об этом при мне разговора не было. Но из кишлака они точно по горам пойдут.

— Сколько у них человек в банде?

— Сейчас шестьдесят — семьдесят — не больше, а вот тогда, когда вашего солдата вели, сотни полторы было.

— А почему их сейчас так мало? — поинтересовался замполит.

— Я думаю, у них цель другая: оружие доставить и этих французики охранять. И еще я понял, что их где-то хорошо потрепали, еле ноги унесли...

— Хорошо, — поднялся Бунцев, — вы не обидетесь, если мы попросим вас посидеть несколько минут в другом кабинете?

Старик ушел.

— Товарищ Джалал, ваше мнение?

Джалал не торопился с ответом. В комнате наступила тревожная тишина. Наконец Джалал заговорил:

— Сведения, которые мы получили из Пакистана и из кишлака Джалез, подтверждают слова этого старика, — Джалал осмотрел всех офицеров. — Каримулла — страшный человек, хуже шакала. Кстати, в нападении на автоколонну с вашими солдатами кроме банды Каримуллы принимала участие еще одна банда, мы ее установим в ближайшие дни. Нам удалось выяснить, как колонна оказалась в кишлаке Исакхейль. Они в городе сбились с пути, повернули в район Шахринау и тогда поняли, что заблудились. Среди ваших солдат был таджик. Он увидел таксиста, подошел к нему и спросил, как проехать в карьер. А таксист оказался душманом. Поняв, что советские солдаты заблудились и по дальней дороге направил их в сторону кишлака Исакхейль, где находились две банды, а сам более коротким путем проскочил и предупредил душманов. Мы задержали таксиста. На первом же допросе он признался и все рассказал. Так что старик не врет. А вот что банда Каримуллы схватила Леонова — для меня открытие.

Мисник возбужденно прошелся по кабинету.

— Я думаю, командир, надо поднимать по тревоге батальон и — вперед.

— Боюсь, что не успеете, — с сомнением покачал головой Джалал. — Банда сегодня, когда стемнеет, уйдет из кишлака Джалез.

Бунцев решительно подошел к столу и снял телефонную трубку.

— Генерала Дубика, срочно!

Генерал-лейтенант был у себя, Бунцев доложил обстановку.

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите нам перехватить банду. Людей у них немного, и хватит одной роты. Это позволит скрытно занять удобную позицию.

Дубик некоторое время молчал, и Бунцев представил себе, как генерал рассматривает карту, обдумывает предложение.

— Выделяю вам эскадрилью Першина. Действуйте, товарищ подполковник.

Но тут вмешался Джалал:

— Товарищ подполковник, я подготовил на всякий случай тоже один разведвзвод, который находится недалеко отсюда, мы обязаны отомстить за смерть наших советских друзей. Поэтому вношу предложение создать совместный отряд.

Генерал Дубик не возражал против совместных действий, только сказал, что добавит еще вертолетов для десантирования.

Командир батальона тут же связался с вертолетчиками. Те подтвердили, что примут десантников на борт прямо с площадки батальона.

Когда Бунцев, готовый к полету, с автоматом и тяжелым вещмешком вышел из штаба, над батальоном один за другим заходили на посадку вертолеты. Первой приземлилась машина комэска. Першин по узкой металлической лесенке быстро сошел на землю, стащил с головы шлем и, улыбаясь, протянул руку комбату.

— Привет, Михаил Петрович! Так что, работаем вместе?

— Конечно, ты же со своими орлами уже давно получил прописку в нашем батальоне.

Они обменялись рукопожатиями, отошли чуть в сторону, чтобы не мешать отделению старшего сержанта Шувалова. Он, как всегда, не смущаясь, что за посадкой наблюдают

офицеры, спокойно, слегка подталкивая в заплетные рюкзаки солдат, усаживал их в вертолете.

Бунцев перевел взгляд на другие вертолеты, посадка советских и афганских солдат заканчивалась. Достал из планшета карту.

— Давай, Антоныч, еще раз оговорим задачу.

— Так мы еще с тобой ее ни разу не оговаривали, — улыбнулся Першин.

— Но твое командование поставило задачу?

— Это конечно.

— Но я хочу тебя попросить: к району десантирования надо подойти незаметно, а это почти невозможно. Поэтому ты нас высадишь на склонах этих гор. Мы их перейдем и ночью встретим духов вот на этой тропе. — Бунцев показал на нанесенные на карту карандашные пометки.

— А, вот как ты хочешь! А мне командир говорил, что я должен прямо к месту засады доставить...

— Сделай, как я попрошу.

Першин хлопнул по плечу комбата:

— Ладно. Ну что, поехали?

Вертолеты взлетели и, чуть наклонившись носом вперед, понеслись низко над землей. Высота — пятнадцать — двадцать метров. В иллюминаторах мелькают близкие верхушки деревьев, дувалы, плоские белые крыши домов.

В наушниках щелкнуло, и комбат услышал голос Першина:

— Миша, идем на минимальной. К району высадки подойдем со стороны Пагманских хребтов, там меньше риска быть засеченными душманскими наблюдателями. На всякий случай сделаем пару ложных посадок, чтобы сбить духов с панталыку.

— Понял, — ответил Бунцев и улыбнулся. «Сбить с панталыку» на языке Першина означало сбить с толку, ввести в заблуждение. — Николай, а как там твой Душман?

— Царапается, зараза! — засмеялся Першин. — Я его научил мяукать по команде. Сейчас хочу научить команду «фас» выполнять. Зверюга что надо, только одного меня и признает. Он ведь других котов не знает.

— Чем кормишь?

— Чеками, — пошутил Першин, но тут же сообщил: — Идем на ложную посадку.

— Ладно, о Душмане потом расскажешь.

Вертолеты еще дважды скрывались за хребтами, для постороннего глаза явно производили посадку и опять взмы-

вали в небо. Воздух держал плохо, было жарко. Наконец вертолеты пошли на настоящую посадку. Десантники быстро выскакивали из машин и под прикрытием пыли бежали прочь, ложились на землю, изготовившись к стрельбе.

Уже через минуту над вечным безмолвием гор снова стояла тишина. Подполковник огляделся: вокруг голые скалы, они раскалены, кажется, приляг — и припечет, как на сковородке, даже через толстые подошвы горных ботинок чувствуется жар. Ни расщелины, ни пещерки.

Бунцев распорядился:

— Здесь остаемся до вечера. Людям замаскироваться, огня не разводить, вести наблюдение.

Он сменил позу, затекла нога, удобнее откинулся спиной на горячий камень: над ним — голубое-голубое небо. «У нас оно не такое, — подумалось Бунцеву, — оно темнее, нет, роднее». Защемило сердце, соскучился комбат по Родине, по дочурке. В детстве не все гладко было в их семье. Отец сильно болел, и мать надрывалась, выбивалась из сил, чтобы хоть как-то прокормить четверых детей. Потом стало легче. Старший брат, окончив школу, пошел на завод, зарабатывал неплохо, затем средний брат начал работать. На семейном совете решили: быть Михаилу военным, а его сестре Тане — врачом.

Военное училище, служба в различных местах, женитьба и вот теперь — Афганистан. Здесь, даже в кругу своих товарищей Бунцев все больше стал чувствовать себя одиноким. Сидя меж камней, он вспомнил Першина, его кота по кличке Душман и подумал: «А может, и мне завести кота? Смотри, как он привязан к своему хозяину». Бунцев знал, что ранее Першин не любил котов, но однажды у сетчатого забора увидел маленького котенка. Не понимая, зачем он это делает, взял его в руки. Когда почувствовал тепло маленького живого комочка, который жалобно пищал и неожиданно лизнул его палец, что-то шевельнулось в душе летчика, и он взял его с собой. В комнате Першин жил один. Котенок быстро освоился, с удовольствием пил порошковое молоко, ел консервы и быстро рос. Правда, был он нелюдим. Не шел ни на какие контакты с посторонними людьми, и если кто-либо из летчиков тянулся к нему, то царапался и кусался, прятался под стул или лез под кровать, а затем вдруг неожиданно нападал на гостя. За это и получил он кличку Душман. Кот был смышленным, к столу за едой не лез, не выпрашивал ее, а просто ждал, когда

хозяин его позовет. Он не любил ласки, но в то же время обожал игры, и в свободные минуты Першин с удовольствием возился с ним. Бунцев как-то раз, зайдя в гости к Першину, попытался подержать Душмана на руках. Это кончилось тем, что кот молниеносно ударил его лапой по лицу, и подполковнику несколько дней пришлось объяснять друзьям, откуда у него царапины.

Лежа на раскаленном камне, Бунцев грустно подумал: «А ведь Першин, наверное, сейчас уже возится со своим котом-бандитом».

Между тем день уже медленно угасал. Солнце вот-вот должно скрыться за вершинами гор. Комбат был рад тому, что душманам не удалось их обнаружить. Он немного повременил и отдал приказ: всем готовиться к движению.

Бунцев шел в середине цепочки. Впереди шел командир разведвзвода старший лейтенант Иванько, в хвосте — командир роты Бочаров. Связь — постоянная, нервы напряжены, как струны. Каждый понимал, что идут они по территории, которую душманы считают своей. Узенькая тропа вилась между каменными великанами, а на них было нагромождение огромных осколков скал, удобных мест для засады.

Бунцев хорошо знал, что душманы, воспользовавшись примирением и тем, что правительственные силы в одностороннем порядке прекратили огонь, стали лихорадочно нападать именно в таких глухих, труднодоступных местах.

Луна, казалось, зависла над каменной ложбиной, лежавшей на стыке двух огромных гор. Их вершины отчетливо виднелись высоко в небе. Временами чудилось, что десантники идут не по земле, а по какой-то безжизненной таинственной планете. Ровный серебристый свет словно подчеркивал атмосферу безмолвия и вечности.

Идущий следом радист тихо сказал:

— Товарищ подполковник, афганские разведчики уже на месте.

— Что наблюдают? — встрепнулся Бунцев.

— Пока все спокойно. Они оседлали дорогу с двух сторон.

Тропа пошла вниз, завилалась, зазмеилась между скалами. Ноги стали скользить на появившейся на тропе мелкой россыпи песочно-каменной смеси.

А вот и та дорога! Пыльная, вся в колдобинах, она тянулась с юга на север. Душманы считали эту дорогу своей

и часто использовали ее для доставки оружия в районы, прилегающие к столице.

К Бунцеву подошел Бочаров.

— Товарищ подполковник, разведчики предлагают разместить КП на той стороне, там есть удобное местечко.

— Хорошо, пошли, — согласился Бунцев и добавил: — Не забудьте следы убрать с дороги.

— Так точно, товарищ подполковник. Это сделают разведчики третьего отделения, которое замыкает колонну.

Бунцев быстро поднялся к разведчикам. Огляделся. Да, видимость прекрасная, а большие камни — надежное укрытие от пуль. Бунцев развернул карту, определил координаты своего местонахождения и, приказав радисту сообщить их данные в штаб батальона, занялся распределением сил.

Взводы быстро заняли свои позиции, провели связь и стали ждать. Все замерло, снова наступила такая привычная для этих мест тишина. Горный холод леденит тело. В такие минуты пройтись бы, размяться, но — нельзя. Не желательно даже позу менять: слышимость такая, что даже дыхание людей, сидящих где-то за ближним камнем, и то чувствуется. А может, это кажется, что слышно дыхание? Может, это так дышат горы? А может, время неуловимо шестит в скалах, унося секунды, минуты и часы в вечность?

Бунцев взглянул на часы: до рассвета не более двух часов. «Что же там у них? Неужели духи изменили свои планы и оставили нас с носом?»

Вскоре поступил первый сигнал.

Бунцев вызвал к себе старшего лейтенанта Медведева через посыльного.

Медведев бесшумно заскользил между камнями и вскоре предстал перед комбатом.

Подполковник тихо сказал:

— Наши только что сообщили, что по данным афганских товарищей душманы выехали из кишлака с большим опозданием, совсем недавно. Они считают эту дорогу своей и намерены ехать днем.

— Понятно, боятся в темноте угодить в ущелье, а с включенными фарами ночью ехать, значит, на десятки километров демаскировать себя.

— Да, похоже они так и посчитали, — согласно кивнул комбат. — Я первому взводу, который напротив вас находится, уже поставил задачу, теперь послушайте вы. Ночью

трудно было отличить, где находится в караване машина, в которой едет главарь. Ну а днем можно попытаться это сделать. Наверняка он не поедет ни в первой машине, ни в последней. Если бы нам удалось его захватить, он мог бы многое сообщить о Леонове.

— Вы хотите...

— Да, Анатолий Александрович, — назвал неожиданно командира взвода по имени и отчеству комбат, — я хочу попытаться взять главаря банды Каримуллу живым. Первым начнет третий взвод. Они ударят по головной машине, а по последней ударят разведчики. Если же так случится, что хвост пройдет мимо разведчиков, то по последней машине ударят ваши.

— Ясно...

— Не торопитесь, товарищ старший лейтенант, — прервал Медведева комбат. — Вы обязаны ударить из гранатометов только по последней автомашине, и не более. Снайперы первого и вашего взводов должны уничтожить только тех душманов, которые будут представлять для нас наибольшую опасность: пулеметчиков и гранатометчиков. Предупредите снайперов вести огонь только по ним. И еще прикажите, чтобы по иностранцам не стреляли.

— А как мы отличим, если они одеваются как духи да и вооружены также?

— Надо попытаться, Анатолий Александрович.

— Понял, товарищ подполковник, разрешите провести инструктаж, а то не ровен час, приблизятся господа духи, а мои ребята уж очень переживают за Леонова!..

— Действуйте, товарищ старший лейтенант, затем переговорите с афганским командиром, договоритесь о взаимодействии.

Медведев тенью заскользил между камнями обратно. Не мешкая, он позвал к себе командиров отделений и провел инструктаж, затем в сопровождении переводчика направился к позициям афганского разведвзвода.

Лейтенант Вали Мамад по афганскому обычаю протянул Медведеву руки.

— Салам алейкум, рафик!

Медведев объяснил ему замысел комбата.

Вали Мамад озабоченно покачал головой:

— Бандиты Каримуллы обучены прекрасно, могут с ходу послать пулю в глаз. Смерти не боятся и в плен вряд ли сдадутся. Обычно они в безвыходном положении

подрывают себя. Дать таким опомниться, значит, подвергнуть себя смертельной опасности.

— Ничего, друг, — дотронулся до руки афганского офицера Медведев. — Мы ведь тоже не лыком шиты. Мои снайперы уничтожат водителей, гранатометчиков и пулеметчиков, а ваши люди должны через мегафоны предложить духам сдаться.

Утром кое-где над позициями появились маскировочные сети. Через них душманскому наблюдателю, засевшему где-нибудь на вершине горы, вряд ли удастся разглядеть укрывшихся десантников. Бунцев приказал выделить несколько маскировочных сетей и для афганских солдат. После некоторого оживления опять наступила тишина. Солнце уже жгло, как обычно в это время. Высоко в небе, словно приклеенные, застыли орлы.

— Приготовиться! — тихо скомандовал Бунцев, которому наконец подали сигнал.

Радист спокойно повторил эту команду в микрофон.

Никто не пошевелился: полная маскировка, полное напряжение сил, последние томительные минуты ожидания!

Медведев находился недалеко от командира роты. Рядом со старшим лейтенантом удобно устроился между двумя камнями снайпер Попов. Он деловито снял чехол с прицела и приложил приклад винтовки к плечу. Сигналом для атаки должен был служить его выстрел, и ефрейтора занимала только одна мысль: как бы не промахнуться. Мимо проехал мотоциклист. Он внимательно осматривал скалы. За ним проехал второй. Попов через оптику прицела даже рассмотрел его лицо: молодое, напряженное, заросшее. За мотоциклистами — пикап «тойота». Кузов покрыт брезентом. Затем проследовал «симург» — тоже микрогрузовик. Когда с позицией Попова поравнялась третья машина, Медведев тихо сказал:

— Володя, огонь!

Попов плавно нажал на спусковой крючок. За его выстрелом сразу же открыли огонь и другие снайперы. Афганский снайпер с первого выстрела остановил головную машину. Из кузовов начали выскакивать душманы. Чувствовалось, что даже неожиданное нападение не выбило их из колеи. Они сразу же бросались на землю, прятались за камни и открывали бешеный огонь. Их замысел был ясен: лавиной огня, пусть неприцельного, напугать противника, выиграть для себя время.

Бунцев приказал своим прекратить огонь, тоже самое

сделал и афганский разведвзвод. Через несколько минут душманы, удивленные тем, что по ним никто не стреляет, также замолкли. Кое-кто из них, воспользовавшись паузой, короткими перебежками или ползком занимал более удобную позицию. В этот момент послышался громкий, усиленный мегафоном голос командира афганского взвода. Он говорил на дари:

— Вы все окружены, поэтому предлагаем не терять напрасно своих жизней и сдаваться. Согласно декрету правительства о примирении, к тем, кто не будет оказывать вооруженное сопротивление, правительственные силы будут относиться лояльно. Повторяю.

И командир взвода повторил свои слова на языке пушту.

В ответ ударили душманские автоматы и пулеметы, заухали, посылая огненные стрелы, гранатометы.

Бунцев взял в руки микрофон и громко прокричал командиру третьего взвода:

— Гранатометчиков и расчеты пулеметов — уничтожить.

Шувалов находился чуть левее снайпера Попова и командира взвода. Он увидел, что несколько душманов копошатся у двух находившихся в середине машин. Одни что-то подкладывали прямо под днище, а другие разматывали бикфордовы шнуры. Шувалов понял: хотят взорвать наиболее важный груз.

Несмотря на плотный огонь, командир отделения короткими перебежками бросился к Медведеву.

Медведев выглянул из-за камня. Да, душманы вот-вот подожгут шнуры! Старший лейтенант громко крикнул:

— Ефрейтор Попов! Огонь по подрывникам!

Попов был всего в двух метрах и, несмотря на грохот боя; услышал голос командира. Не оборачиваясь, он кивнул головой и начал прицеливаться. Сначала по очереди он уничтожил душманов, которые тянули бикфордовы шнуры к большому камню, а когда к убитым бросились еще двое, чтобы схватить шнур, Попов тут же их остановил.

Бунцев напряженно следил за боем. Радист доложил:

— Товарищ подполковник, командир роты Бочаров сообщает, что в третьем взводе есть раненые.

Бунцев приказал:

— Попроси командира афганского взвода, чтобы еще раз предложил духам сдаться. Пусть предупредит, если не подчинится — уничтожим!

И опять над горами послышался громкий голос Вали Мамада. Он повторил требование прекратить сопротивление и добавил:

— Каримулла, мы знаем, что ты здесь. Прекрати бесполезное сопротивление и зря не губи людей! Все равно тебе отсюда не выбраться, не бери на свою душу и этот грех. Аллах не простит этого!

Душманы прекратили огонь, они слушали Вали Мамада.

— Поймите, люди, вы полностью окружены, ваше сопротивление приведет к гибели.

В этот момент от небольшого камня к Бунцеву метнулась человеческая тень. Это был Бочаров. Он, тяжело дыша, стащил с головы каску и ладонью вытер пот с лица.

— Черт, жарко!

— А ты не скакал бы по скалам, как лань, было бы прохладнее...

— Срочная информация, товарищ подполковник. Афганцы наши-то молодцы, они смогли распознать, что Каримулла и иностранцы в пятой машине. Вон посмотрите, с тремя антеннами.

Бунцев схватился за бинокль. Увидел японский джип «тойоту». Действительно, три антенны торчат, и зло бросил:

— И чего это снайперы мешкают, почему антенны не сбили? Душманы уже где-то десятый сеанс проводят...

Молоденький сержант-радист перебил комбата:

— Товарищ комбат, к нам сейчас доберется командир афганского взвода, у него какие-то ценные сведения.

В этот момент Медведев доложил, что тяжело ранены его заместитель и один солдат.

Бунцев нетерпеливо выглянул из-за камня: где же командир афганского взвода?

А тот появился сзади, словно из-под скалы вылез, и сказал:

— Товарищ подполковник, разрешите я со своим взводом возьму Каримуллу?

— А как ты это сделаешь, браток? — Бунцев хмуро кивнул головой в сторону возобновивших бешеный огонь душманов.

— А вы прикажите своим солдатам сконцентрировать огонь на всех машинах душманов, кроме той, где находится Каримулла.

Бунцев выглянул из-за камня и решительно взмахнул рукой.

— Давай действуй! А этих мы сейчас заставим замолчать.

На душманов обрушился шквал огня. Они наверняка только сейчас поняли, в каком положении оказались и что предложения правительственных сил сдать были вполне обоснованными. Их огонь заметно ослабевал.

И в этот момент афганские солдаты бросились к пятой машине. Замелькали приклады, значит, началась рукопашная.

Бунцев хотел приказать разведчикам оказать помощь афганским солдатам и взял микрофон, но сказать ничего не успел. Душманы прекратили огонь. Комбат тут же дал команду «отбой» своим.

Наступила тишина. Из-за камней с поднятыми руками выходят уцелевшие душманы. Бунцев насчитал всего девять человек. Подполковник перевел взгляд на пятую машину, там уже солдаты связывали душманов. Комбат громко крикнул вставшему во весь рост Бочарову:

— Товарищ капитан, прикажите собрать пленных где-нибудь в стороне, прочесать местность, осмотреть машины, проверить, нет ли сюрпризов с дистанционным управлением или часовым механизмом.

Бочаров по камням запрыгал вниз.

Бунцев обернулся. К нему спешил афганский лейтенант.

— Мы взяли шестерых, в том числе Каримуллу и двух иностранцев. Последние говорят, что они французы, и требуют их немедленно отвезти в посольство.

— А что Каримулла говорит?

— Пока ничего, только зубами скрипит да смотрит шакалом, того и гляди в глотку вцепится. Мы их связали. Может, вместе поговорим с ними, товарищ подполковник?

— Э нет, дорогой, — улыбнулся Бунцев, — твои пленные, ты и говори с ними. И еще, прикажи своим солдатам взять под охрану и тех, кого мои ребята захватили.

— А как мы их доставим? Пешком пойдем?

— Нет, скоро вертолеты прилетят, вместе и полетим. Они спустились к дороге. К Бунцеву подошли командир взвода Медведев и сапер. Медведев доложил:

— В ящиках вот такие гранаты.

А сапер пояснил:

— В каждом ящике по сто гранат. Это ручные гранаты, заполненные стальными шариками, покрытыми ртутно-хромовым составом. Когда такой шарик проникает в тело

человека, этот состав приводит к мгновенному поражению нервной системы и смерти. Мы такие гранаты захватывали весной в Хаки-Джаборе. Помните, товарищ подполковник, когда командир третьей роты был ранен?

— Помню, браток, помню, — ответил Бунцев. — В каких машинах их нашли?

— В тех двух, что духи пытались подорвать, а им снайпер Попов помешал.

— Что там еще?

— Ящики с тридцатисемимиллиметровыми снарядами, начиненными отравляющими веществами, американские химические мины осколочно-фугасного действия. Очень много упаковок, где находятся пеналы с таблетками.

— Пойдем посмотрим, — бросил Бунцев и направился к машинам.

Медведев неторопливо рассказывал:

— Мы такие пеналы с таблетками уже захватывали. Это яд фостоксина. Таблетки предназначены для заражения водных источников и продуктов питания.

Они обошли грузовичок и остановились сзади. Солдаты продолжали разгрузку. Старший сержант Шувалов, руководивший разгрузкой, пояснил, показывая небольшую баночку со светлым порошком:

— В ней, по-моему, цианистый калий, граммов четырех будет. Запах, когда откроешь, миндального ореха — верный признак этого яда.

— А вы бы поменьше нюхали, товарищ старший сержант, а то не ровен час и вдохнете, — строго сказал подполковник и выразительно посмотрел на командира взвода. Тот даже покраснел: его подчиненные нарушили порядок осмотра трофеев.

К Бунцеву стремительно приближался Вали Мамад.

— Товарищ подполковник, один из французов знает русский язык и очень настоятельно просит переговорить со старшим от советского подразделения.

— А вы им сказали, что они в плену у афганской, а не у Советской Армии?

— Конечно, но они очень просят...

— Ладно, давайте их сюда, поговорим, если господа «журналисты» так настойчивы.

В сопровождении одного автоматчика подошли французы. Оба высокие, чернявые. Их руки, в отличие от пленных душманов, связаны не были. Один из них заговорил сносно по-русски:

— Господин офицер, мы — французские журналисты и просим вас передать нас французскому посольству.

— Вы знаете, где вы находитесь? — сухо спросил подполковник.

— Конечно, в Афганистане...

— Хорошо, тогда я вам поясню, что Афганистан — суверенное государство и хозяева здесь они, — Бунцев рукой показал на Вали Мамада. — Вы нарушили границу их страны, вы без спроса вместе с бандитами перевозите оружие, в том числе — химическое. Вы должны вести все переговоры только с представителями афганской власти.

Второй француз что-то сказал своему попутчику, тот спросил:

— Мой товарищ интересуется, нет ли среди захваченного вами оружия французского производства?

— Мы пока не видели.

— Вот видите, — обрадовался француз, — Франция не участвует в боевых действиях.

— Франция — нет, но некоторые французы — да, — спокойно ответил Бунцев и добавил: — Кстати, совсем недавно мы вместе с подразделением афганской армии захватили склад с оружием, где среди прочего вооружения имелись переносные зенитные ракеты «Мистраль». Эти ракеты — французские.

Француз перевел слова подполковника своему товарищу, и они смущенно замолчали.

Бунцеву доложили о скором прибытии вертолетов, и он хотел уйти.

Однако французы проявили настойчивость. Тот, который знал русский язык, остановил подполковника.

— Господин офицер, мы хотим сделать важное сообщение.

— Слушаю вас, — снова повернулся к нему Бунцев.

— У вас карта при себе?

Бунцев заколебался: стоит ли иностранцу показывать карту? Француз это понял и предложил:

— Если не хотите показывать свою, то прикажите принести мою сумку, там есть карта.

Бунцев развернул свою.

Француз некоторое время смотрел на нее, несколько раз внимательно осматривал местность, кинул взгляд на часы и точно указал место, где они находились.

— Вы нас встретили здесь?

— А во Франции всех журналистов учат разбираться по карте? — чуть улынулся Бунцев.

Француз засмеялся.

— Согласен, поймали меня. — Он пальцем указал на точку: — Вот здесь, как видите, водный источник. Там имеется пещера, где держат девять пленных афганских офицеров и трое или четверо русских солдат.

— Откуда вам это известно? — поинтересовался Бунцев.

— Мы хотели с ними побеседовать, а сообщили нам, естественно, оппозиционеры.

— Какая там охрана?

— По-моему, небольшая. Человек двадцать — двадцать пять. Они охраняют склад с оружием и пленных. В задачу старшего нашего отряда входило доставить на склад дополнительное оружие и привести в Пакистан пленных.

— Радиостанция у них имеется?

— У охраны? Конечно. Надо иметь в виду, что и вооружены они прекрасно. Кстати, на складе оружия вполне достаточно, чтобы им полностью укомплектовать целый полк и даже более.

— Какой партии принадлежит склад?

— Исламской партии Афганистана. Склад создан по личному указанию Гульбуддина Хекматиара.

— Для какой цели?

Француз снова улыбнулся.

— Не думаю, что открою большой секрет, если скажу, что оппозиционеры сейчас довольно интенсивно складывают в неприступных местах оружие, которое им пригодится после ухода советских войск из Афганистана.

Бунцев задумчиво смотрел на карту: «До склада километров шесть. А что, если там действительно наши ребята?»

Он приказал напоить и покормить французов, а сам направился к радисту.

Пока радист вызывал генерал-лейтенанта Дубика, комбат обдумывал план.

Однако генерал приказал ему оставаться на месте, а операцию по захвату склада и освобождению пленных возглавить капитану Бочарову. Делать было нечего, приказ есть приказ, и подполковник, вызвав к себе своих офицеров, пригласил командира афганского взвода.

Посоветовавшись, пришли к выводу, что с Бунцевым останутся два взвода и одно афганское отделение, а остальные силы направятся к водному источнику.

Сидевший недалеко с погонями летчика капитан вступил и, что-то сказав в микрофон, позвал Бунцева:

— Товарищ подполковник, вертолеты на подходе.

Бунцев взял наушники и микрофон. Ему сразу же ответил Першин. Подполковник спросил:

— Как скоро появитесь над нами?

— Через пятнадцать минут, — ответил Першин и пошутил: — Что, соскучились?

— Точно. Да и работа есть для вас.

Бунцев сообщил координаты пещеры и коротко поставил задачу вертолетчикам.

И вот над дорогой появились вертолеты. Три из них сразу же пошли на посадку. Началась погрузка. Душманов и охрану из афганского разведвзвода посадили во вторую машину, в первую же загрузили раненых.

Загруженные вертолеты взмыли вверх, они сразу же в сопровождении пары боевых машин взяли курс на Кабул. Раненых как можно быстрее надо было доставить в госпиталь. А на дорогу сразу же приземлилась следующая тройка. Солдаты работали сноровисто. Бунцев видел, как оба француза, сидя в теньке под охраной афганского автоматчика, с интересом наблюдают за погрузкой.

Радист коротко доложил:

— Капитан Бочаров сообщает, что они уже в пещере, духи оказывают слабое сопротивление.

Бунцев нервно прошелся вдоль большого валуна. Ох, как не любил он находиться в такие минуты далеко от места боя. На душе гораздо спокойнее, когда видишь все своими глазами и можешь действовать мгновенно.

Бочаров и Иванько вместе с первыми же солдатами ворвались в пещеру. В ней было мрачно и сыро, где-то в глубине слышался шум падающей воды. Справа лежали и сидели пленные. Это были афганские военнослужащие.

«Где же наши?» — подумал Бочаров и тут же услышал голос Иванько:

— Товарищ капитан, идите сюда!

Бочаров зашел в противоположный конец пещеры. При свете карманных фонарей он увидел советского солдата. Афганский и советский медики хлопотали около него. Изможденный, раненый, он был в тяжелом состоянии. Бочаров присел около него.

— Кто ты, браток?

— Младший сержант Утянский, — тихо ответил лет двадцати паренек. Он понимал, что его форма превращена в лохмотья и уже ничего не говорит о звании, и поэтому представился по уставу, но тут же добавил: — Игорь. Я — из Куйбышева. В случае чего, сообщите родителям и моему командиру старшему лейтенанту Нечаюку, что я духам не поддаюсь. Получил ранение в ноги и голову, был без сознания. Поэтому и смогли меня захватить.

— Успокойся, Игорек. Теперь все уже позади. Сейчас тебя отправим к нашим, в госпиталь. Скажи, где еще могли припрятать наших ребят?

— Живые здесь все, — Утянский, тяжело и часто дыша, рукой показал в темноту. — Там они закрыли воду, и она постепенно заполняет огромную впадину. Всех погибших бросали туда.

— Наши там есть?

— Да, трое... Рядового Костю Кулькова эти гады связали и живого... бросили.

— Фамилии еще двух знаешь?

— Да, сержант Мухин Володя. Он от пыток умер. И рядовой Постников Коля. Душманы у него фотографию нашли. Он на ней с командиром и ребятами своего взвода сфотографирован. Бандиты и какие-то два иностранца требовали, чтобы Постников их фамилии назвал, а Коля им фигу показал. Они его палками со свинцовыми наконечниками били, а когда он потерял сознание, бросили в воду. Туда же бросали и убитых афганцев.

«Сколько там замученных? Кто они? — думал капитан. — Сможем ли мы узнать, кто еще из наших погиб в этой пучине?»

Бочаров вызвал КП и доложил обстановку Бунцеву.

Выслушав донесение, комбат подошел к французам и негромко сказал:

— Спасибо. Одного из четверых мы спасли...

ЗАПИСКА

Дни шли за днями. Ребята уже хорошо изучили двор, своих охранников, которые дежурили в три смены.

Леонов и Николаев познакомились со всеми пленными. По единодушному мнению образовали взвод. Командиром был избран старший сержант Тамарин, а его заместителем младший сержант Леонов.

Некоторые солдаты мысль о побеге сначала восприняли как несерьезную затею, но постепенно даже они воспряли духом. Еще больше стали уделять внимания ослабленным, чтобы они побыстрее окрепли и могли обходиться без посторонней помощи. Особенно тяжело было Мещерякову и Киселеву. Парни практически не могли самостоятельно ходить по камере. Они лежали на бетонном полу, молча переносили страдания.

Вот и сейчас Киселев лежал с закрытыми глазами, а Мещеряков отрешенно глядел в потолок. Леонов подсел к ним, дотронулся до плеча Мещерякова:

— Что грустишь, Серега? Сильно болит что-нибудь?

— Душа болит, сердце болит от того, что мы, солдаты, в плену у этих пакостников, — он поморщился и лег поудобнее. — Я клянусь, что не вцепился в горло хоть одному из них и не прихватил с собой на тот свет. Смог же это сделать Володя Каширкин.

— А кто он?

— Отличный парень, рядовой. Его духи без сознания взяли после того, как БТР наскочил на фугас. Володе ногу оторвало, а он, придя в себя, руками и уцелевшей ногой отбивался от духов.

Антон понимал, что Мещерякову надо дать возможность излить душу, выговориться. Поэтому он попросил:

— Расскажи мне Серега, как ты оказался у духов и о парне этом, о Каширкине.

— Да попал я в их лапы, как и ты, и Каширкин, как большинство наших ребят: будучи без сознания. Помню, пришел в себя, чувствую, что по рукам и ногам крепко связан. Вскоре оказался в Панджшере. Слышал небось об этом ущелье?

— Там, где лазурит духи добывают? Слышал. Наш батальон там бывал.

— Да, там Ахмад-Шах командует духами. Страшный район. Горы до самого неба. Ущелья глубоко в землю уходят. А духов с любыми, самыми современными видами оружия — хоть пруд пруди. Меня привезли в кишлак. Сразу же привели какого-то иностранца. Все уговаривал меня написать расписку о том, что я добровольно ушел из части и прошу политического убежища на Западе. Ну я, конечно, послал его куда положено. Иностранец тут же ушел, и за меня, наверняка по его команде, взялись духи. Били тонкой металлической цепью, резиновой палкой, шлангом с завинченной на конце большой гайкой. До

костей, сволочи, тело рассекли. Лупят, а их переводчик по-русски долдонит: «Примешь ислам?! Примешь ислам?!»

Меня на дворе приковали цепью к двум разлагавшимся трупам, даже без сознания слышал их запах. Не помню, сколько дней прошло. Пришел в себя и вижу: сбрасывают недалеко от меня с арбы нашего парня. Ноги у него нет, вместо ноги кровавое месиво. Духи заставили крестьян бросать в него камнями. Затем привязали его веревкой к лошади и в небольшую пещерку отволокли. Думали, наверное, что он скончался. Пещера была недалеко, к вечеру и меня туда бросили. Смотрю, а парень жив. Когда мы чуть окрепли, удалось сбежать. Ну куда денешься в Панджшере, когда все вершины ихние? Нас поймали, били долго и ногами и цепями, чем попало. После этого мы расстались. Однажды один дух, который чуть-чуть по-русски разговаривал, мне неожиданно рассказал целую легенду об одном русском, которого смерть не брала. Я сразу же догадался, что речь идет о Володе Каширкине. Он несколько раз убежал, его ловили и зверски избивали, а он выживал и снова пытался бежать.

Как-то раз во время налета афганской авиации на душманскую базу Володя снова убежал. Но куда может убежать изможденный парень на костыле? Дух мне сказал, что его поймали и убили.

Мещеряков помолчал и с тихой яростью промолвил:

— И почему я не сделал того же? Лучше в земле лежать, чем здесь вшей и блох кормить.

— Ничего, друг, потерпи. Теперь нас много, рванем все вместе.

— Нет, Антон, я уже отбегался. Сдохну в этой яме.

— Ты что, спятил?! Брось, Серега, не дрейфы!

Мещеряков грустно улыбнулся.

— Нет, Антон, я точно знаю, что моя песня спета. Не смогу я даже эту камеру пересечь...

В дверях послышался лязг запоров, и разговор пришлось прервать. Вошли четверо мужчин и женщина. Леонов сразу же отыскивал глазами Николаева: узнает ли он старую знакомую Людмилу Торн? Николаев тоже посмотрел на Антона, узнал, значит.

— Мальчики, здравствуйте, — весело сказала Торн. — И в ответ на глухое молчание капризно спросила: — Чего вы на меня-то сердитесь? Я же здесь ни при чем. Я за вас болею, хочу вам помочь. Я недавно приехала из Штатов. Везила туда одного вашего паренька. Он оказался умнее

вас и сейчас дышит воздухом свободы и любви. Неужели вам хочется умереть в этой яме? Вы же знаете, что для Советов вы — отрезанный ломоть, да и контрреволюционеры отрицают, что вы в плену. Со мной пришли журналисты. Они хотят лично убедиться, как с вами здесь обходятся.

— Они писать об этом будут? — хмуро спросил Тамарин.

— На Западе свобода печати, и если они найдут что-нибудь интересное для своих газет, то, конечно, напишут. Так что старайтесь им понравиться, мальчики, — с улыбкой закончила она.

— Вот пусть и расскажут, как нам здесь живется, — сказал Викулин. — Только правду.

— Мы уже забыли, что такое свежий воздух, солнце, — добавил Салуецкий.

— Нас здесь почти не кормят, издеваются.

— Почему о нас не хотят сообщить советскому посольству? Красному Кресту?

Возмущенные голоса доносились со всех сторон.

— Тише, тише, мальчики, — подняла руку Торн, — спокойно. Мы будем с каждым из вас беседовать в отдельности и всех выслушаем.

Она повернулась и, увлекая за собой мужчин, вышла.

— Мужики, честное слово, они что-то задумали! — подхватился Николаев. — Наверняка какую-то провокацию.

— Хотят побеседовать с каждым по отдельности, это какая-то ловушка, — согласился Тамарин.

Вакеев вскочил на ноги.

— Товарищи, а если нам объявить бойкот? Будут вызывать по одному — не ходить и требовать, чтобы разговаривали сразу же со всеми, со всем коллективом.

Леонов тоже поднялся.

— Нет, ребята, давайте не отказываться от беседы. Но каждый пусть требует одного: передачи нас советскому посольству или встречи с представителями пакистанских властей. Пусть они убедятся, что нас даже по одиночке не сломить.

Принесли еду. Леонов и Николаев чуть не вскрикнули от удивления. Среди шестерых молчаливых мужчин, принесших еду, был и их старый знакомый возница. Вел он себя так, словно никогда не видел ни Леонова, ни Николаева. Когда он наливал Леонову в маленькую металлическую мисочку суп, коротко взглянул ему в глаза. Антон в этом взгляде уловил доброжелательность, а когда принимал

миску, то под пальцем почувствовал маленький бумажный комочек. Он отошел подальше от раздатчиков пищи и незаметно положил комочек в карман. Сердце билось громко и часто, мысли путались.

«Неужели это какой-то сигнал? — думал он, с нетерпением дожидаясь, когда раздатчики уйдут. — Не зря же этот афганец так часто оказывается рядом с нами».

Когда пленники остались одни, Леонов осторожно развернул бумажку и тут же воскликнул:

— Петя, Тамарин! Леша! Идите сюда!

На бумажке было по-русски написано: «Советские друзья, здесь, в душманском центре, вас содержат в тюрьме. Мы — афганские солдаты, сержанты и офицеры, которые попали в плен, тоже находимся в тюрьме. Наши тюрьмы расположены в одном дворе. Через человека, который принесет вам записку, передайте список всех вас. Мы сможем переправить его через афганское командование вашему руководству, и они потребуют от пакистанского правительства возвратить вас на Родину. Да здравствует афгано-советская дружба!»

— Вот это да! — тихо воскликнул Николаев.

Но Тамарин приложил палец к губам: молчи, мол. И спросил Леонова:

— Как ты считаешь, не провокация ли?

Леонов не успел ответить. Лязгнули запоры, и в камеру вошли четверо. Двое с короткими израильскими автоматами остались у дверей, а двое безоружных подошли к Мещерякову. Один из них легонько пнул его ногой и жестом показал, чтобы он вставал.

Мещеряков отрицательно покачал головой и рукой показал на ноги. Сейсейбаев громко объяснил душманам, что Мещеряков не может передвигаться сам.

На удивление солдат, душманы восприняли слова Сейсейбаева с пониманием. Подхватив Мещерякова, они вывели его из камеры. Дверь захлопнулась, и парни сразу же взволнованно заговорили между собой.

Тамарин, пользуясь тем, что его никто из солдат, кроме Николаева и Леонова, не слышит, сказал:

— О записке пока никому ни слова. Ребят будут вызывать на допрос, как бы кто не проговорился в горячке.

Антон и Алексей согласно кивнули головами.

Леонов и Николаев подробно рассказали Тамарину о вознице. Тот слушал внимательно, изредка задавая вопросы. Леонов сменил позу и задумчиво продолжал:

— Понимаешь, Петя, меня смущает только то, что он появился здесь в одно и то же время с этой Торн. Уж не выполняет ли он ее задание?

— Ну а какую цель душманы или Торн хотят достигнуть? — спросил Николаев. — Что им наши фамилии не известны? Известны.

— Не скажи. Не все ребята называли свои фамилии. По крайней мере, трое, у которых на момент плена не было при себе документов, не сказали им, кто они. Так что, может быть, и из-за фамилий комедию эту затеяли. Но в то же время, мы не имеем права игнорировать эту записку. Среди афганцев, особенно офицеров, многие учились в Советском Союзе и хорошо знают русский язык. Меня лично не смущает то, что записка написана грамотно. Да и этот афганец, передавая записку, действовал крайне осторожно. Передал ее только тому, кому сам верит.

— Я думаю, что нам не следует составлять для них список фамилий, — Леонов задумался. — Давайте для начала завяжем переписку. Попросим, к примеру, нарисовать схему этого центра с указанием душманской системы охраны. И выясним, насколько они правдивы с нами.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Тамарин. — Только где нам бумаги найти, писать же не на чем?

— Ответим на этой и заодно бумаги попросим.

— Как бы не так, — горько усмехнулся Николаев. — А ручка или карандаш у вас есть? То-то.

— А может, спросить у ребят? — предложил Леонов. Тамарин встал и громко, чтобы перекричать парней, продолжавших между собой разговор, спросил:

— Ребята, может, у кого карандаш есть?

— Что, решил домой письмецо черкнуть? — съехидничал кто-то.

— Нет, он решил воззвание написать, — поддержал другой.

Все примолкли. Конечно, ни карандаша, ни ручки не было. В наступившей тишине особенно громко лязгнули запоры, открылась дверь, и в камеру те же двое ввели под руки Мещерякова. Один из них, очевидно, старший, ткнул стволом своего автомата Брея, который был ближе к дверям, и громко сказал:

— Буру!

Брей встал и молча направился за душманами.

Как только они вышли, парни сразу же обступили

лежавшего на полу Мещерякова. Он, не скрывая слез, плакал.

— Что, били тебя? — спросил Тамарин.

Мещеряков молчал. Леонов подложил ему под голову свою куртку.

— Серега, они издевались над тобой?

Мещеряков, глотая слезы, заикаясь, сказал:

— Они мне, сволочи, дали прослушать передачу их радиостанции на русском языке, записанную на магнитофон. Там говорится, что я сам, добровольно, перешел на их сторону и сейчас воюю в банде против своих.

— Перестань, Сергей, — положил руку на грудь Мещерякову Леонов, — они же — провокаторы. Все, что хочешь, придумают. Мне, знаешь, что они подсовывали?

— Знаю. Журнал, где ты с автоматом сфотографирован, а рядом убитые мирные жители лежат. Там еще есть фотография твоего военного билета. Один из дружков этой Торн меня даже пытался убедить, что ты уже дал согласие написать расписку.

— Как, дал согласие?! — ошарашенно переспросил Леонов. — Я же их, гадов, сейчас зубами грызть буду!

Тамарин положил руку на плечо Леонову.

— Успокойся, Антон! — Он встал на ноги и обратился ко всем: — Видите, товарищи солдаты, они хотят посеять между нами недоверие и таким образом склонить к предательству. Никто не должен верить этим провокаторам. Мы — солдаты Советского Союза и верность Родине сохраним навсегда! Так что никаких сомнений друг в друге!

— Конечно.

— Правильно, не поддаваться на провокацию, — дружно отвечали ребята.

В этот момент в камеру ввели Брея, и старший душманской группы ткнул стволом автомата в Леонова. Антон поблелел и молча посмотрел в лица своих товарищей. К нему подошел Тамарин и твердо сказал:

— Запомни, Леонов! Никаких шуточек и физических протестов! Понял? Я тебе запрещаю любые действия против них. Ради всех нас сдержи себя, Антон.

Леонов молча кивнул головой. Во дворе его встретило море света. От яркого солнца глазам стало больно.

Один из охранников грубо толкнул его автоматом в спину и что-то зло сказал. Леонов и сам понимал, что стоять ему не дадут, и зашагал к небольшому домику.

Внутри было прохладно, работал кондиционер. Его

ввели в довольно большую комнату, где кроме Торн и четырех мужчин, сопровождавших ее в момент посещения камеры, Антон увидел американца Роберта. Тот улыбался ему как старому знакомому. Роберт сидел за столом, на котором лежали стопка бумаги и шариковые ручки.

«Вот бы спереть!» — подумал Антон, вспомнив о записке.

— Как вы себя чувствуете? — спросил через переводчика Роберт. В его верхней челюсти хищно блеснул золотой зуб.

— Нормально, — ответил Леонов. Он теперь увидел несколько журналов, разбросанных на столе. В одном из них, наверняка, те провокационные фотографии.

Антон усадили возле стола на металлическом стуле. Он даже успел подумать, что если схватить этот стул, то можно кое-кому из этих господ и ребра пересчитать. Но тут же вспомнил слова Тамарина, которые звучали как приказ, и отбросил эту мысль. Роберт обошел вокруг стола и уселся напротив.

— Я уверен, что вы, Антон, деловой человек и в конце концов примете единственно верное решение и согласитесь с нашим предложением. Информация, которой мы располагаем, свидетельствует о том, что даже те, кому неожиданно повезло и им удалось вырваться из душманского плена, а таких, скажу вам откровенно, четверо, причем бежали они еще на территории Афганистана, уже находятся в лагерях далекой Сибири. Им всем военно-полевой суд дал по пятнадцать лет. Неужели вы думаете, что сейчас они не жалеют, что убежали от своей судьбы? Мне искренне жаль вас, молодого, современного и умного человека. Для вас же выбора нет. Для оппозиционеров вы — пустое место. В любой момент они вас отправят в небытие, или же вы заживо сгниете в их яме. Пакистан неоднократно официально заявлял, в том числе и Советам, что ни одного русского военнослужащего в качестве пленного на территории страны нет. Так что и пакистанскому правительству совершенно невыгодны и неприемлемы любые акции, связанные с вашим побегом или освобождением.

— А как же выкрутятся пакистанцы, если я или кто-нибудь из моих товарищей окажется в вашей стране? — неожиданно спросил Леонов, обдумывая, каким бы образом завладеть хотя бы листком бумаги и ручкой.

— Если вы согласитесь на предлагаемый вариант, — еще больше оживился Роберт, он даже успел бросить в

сторону Торн радостный взгляд,— то мы все устроим.

— Каким образом вы все это устроите?

— Очень просто. Вы пишете официальное заявление, что добровольно сдались душманам, и просите правительство любой западной страны предоставить вам политическое убежище. Ну а как вы попали в избранную страну, уже никого не будет интересовать. Вы свободный человек, можете проживать где хотите.

Леонов кивнул на журналы, лежавшие на столе.

— Это в них мои фотографии? Можно посмотреть? — и, не дожидаясь ответа, Антон потянулся к стопке бумаги, взял несколько листов и начал ими вытирать руки.

— О да, конечно, посмотрите,— Роберт сам дотянулся до одного из журналов.— Вот, пожалуйста, здесь они. Я понимаю, что в данном случае, налицо нечестный прием, но что поделаешь, на войне люди хотят обхитрить друг друга. Иначе не выживешь.

Антон небрежно смял листы бумаги и посмотрел по сторонам: куда бы выбросить. Сделав вид, что не желает выбрасывать бумагу на пол, сунул в карман. В душе парень был рад: фокус удался. Никто из присутствующих ничего не заподозрил.

Полистав журнал, пристально и долго смотрел на фотографии и, с огромным трудом сдерживая себя, подумал: «Господи, и эта грязная провокация подается во многих странах как правда о нас, советских солдатах!»

— Я пойду.

— Вы хотите подумать? — спросил Роберт.— Пожалуйста, думайте. Я надеюсь, что благоразумие возьмет верх.

— Я могу взять ручку и несколько листов бумаги с собой? — рискнул задать вопрос Антон.

— Нет, нет. Писать вам лучше всего здесь, без свидетелей,— поспешно ответил Роберт.

А Торн добавила:

— Зачем вам выслушивать упреки от тех, кто не понимает этой ситуации.

Леонов направился к дверям. Ни Торн, ни Роберт, ни молчавшие все время журналисты не протестовали. Они боялись торопить события, чтобы не спугнуть солдата.

Придя в камеру, Антон рассказал обо всем Тамарину и Николаеву. Они тщательно разглядели оба листа бумаги и ломали голову, как добыть ручку или карандаш.

Наступила ночь. Леонов долго не мог уснуть, ворочал-

ся с боку на бок. Все его мысли были о побеге, и он обдумывал все новые и новые варианты. Уснул он поздно, а проснулся от разрывающего душу крика:

— Серега, Серега, зачем ты это сделал! Сергей!

Леонов вскочил на ноги и увидел, что в петле, сделанной из разорванной рубашки, висел Мещеряков. Сережа повисился ночью.

«ПРОШУ ВАС СЧИТАТЬ МЕНЯ СВОИМ СЫНОМ...»

Вера Федоровна находилась в больнице уже десять дней. Ей стало лучше, и Вера Федоровна просила врача выписать ее. Врачи колебались, опасались за ее здоровье.

Как-то после обхода врачей в палату вошел ее сын Сергей вместе с высоким симпатичным десантником. Десантник молча подошел к постели и, не обращая внимания на то, что в палате лежали еще три женщины, опустился на колени, притянул к своему лицу руки Веры Федоровны и, целуя их, сказал:

— У меня нет мамы, я прошу вас считать меня своим сыном. Мы с Колей были как братья, и я ему обязан жизнью.

Только сейчас Вера Федоровна поняла: к ней пришел Банявичус. Она притянула к себе его голову и поцеловала.

— Здравствуй, Альгирдас! Здравствуй, сынок!

Все были взволнованы этой встречей и не могли без слез слушать десантника. Плакали и обе женщины врачи, которые вошли в палату вслед за парнями. Одна из них, лечащий врач, подошла к Вере Федоровне, взяла ее руку, чтобы пощупать пульс.

Вера Федоровна попросила:

— Алла Кирилловна, милая, для меня самое лучшее лекарство — это приезд Альгирдаса. Я вас очень прошу, выпишите меня.

Ее поддержал Банявичус.

— Доктор, если можно, выпишите Веру Федоровну. Завтра сюда приезжают мои друзья Турлаков и Шувалов. Нам предоставлен краткосрочный отпуск, и мы договорились, что сначала навестим мать Коли, а затем поедем к своим родным.

Доктор не смогла отказать, и через полчаса Вера Федоровна шла по улице с Сергеем и Альгирдасом.

Дома она сразу же попыталась заняться обедом, но

Сергей и Альгирдас не позволили ей это. Парни сами приготовили обед, а затем они втроем поехали на Северное кладбище.

Как всегда на могиле было много свежих цветов.

— Даже не знаю, кто их приносит,— сказала Вера Федоровна.

По дороге назад зашел разговор о памятнике, и Вера Федоровна начала рассказывать Альгирдасу о своем посещении исполкома и управления бытового обслуживания, но Сергей перебил ее:

— Мама, не успел я тебе рассказать. Нам звонил начальник управления бытового обслуживания.

— А чего он звонил?

— Извиняться за своего работничка. И вообще, я решил, что ты больше этим вопросом заниматься не будешь. Я работаю посменно и постараюсь все сделать сам.

Банявичус спросил о Чайкине и, услышав, что тот уже дома, заволновался.

— Сергей, ты должен мне помочь с ним встретиться.

Вера Федоровна сказала:

— А мы давайте сделаем так: как только приедут Шувалов и Турлаков, мы пригласим к нам и Чайкина Павла с мамой, и Лемехова Ивана Леонидовича, у него тоже сын погиб в Афганистане.

Сергей спросил:

— Мама, а ты помнишь, Нина Тимофеевна рассказывала о бывшем солдате-интернационалисте?

— Это о том, которого не приняли в институт? Конечно, помню. Я даже хотела с ним встретиться, но попала в больницу.

— Я его позавчера видел. Он шел вместе с Павлом. Парень симпатичный,— Сергей повернулся к Альгирдасу,— высокий, красивый, он в разведrote служил. Имеет два ордена Красной Звезды и медаль «За отвагу». Понял?

— Молодец. Где он служил в Афгане?

— Я не спрашивал. Скажу Павлу, пусть завтра возьмет его с собой, познакомишься.

— С удовольствием. Да, а у нас Юра Шувалов награжден медалью «За отвагу».

— Вот завтра и поздравим,— сказала Вера Федоровна.

На следующий день в квартире было шумно. В центре внимания собравшихся были трое десантников: Банявичус, Турлаков и Шувалов.

Сначала десантники за столом чувствовали себя нелов-

ко. Все думали о Коле, однако разговора о нем не заводили, боялись за Веру Федоровну. Только Алефин был спокоен. По просьбе Веры Федоровны, его привели с собой Чайкины. Ни одним словом, ни одним взглядом он не показывал, что и ему нелегко. Без работы, без денег, он держался в этой ситуации молодцом. Громко и весело смеялся, рассказал пару анекдотов. На него было приятно смотреть. Высокий, красивый. Ради такой встречи Саша надел свои награды: два ордена Красной Звезды и медаль «За отвагу». И только позже, благодаря его разговорчивости и непринужденности, разговор как-то незаметно и естественно зашел об Афганистане. И затронул эту тему Александр. Он единственный, кто выпивал свой бокал до дна. Раскрасневшийся, с растегнутым галстуком, он чувствовал себя как дома.

— Вы, ребята, где служите в Афгане? — спросил Алефин Турлакова.

— Под Кабулом.

— А в Герате не бывали?

— Нам пришлось во многих местах бывать, но в Герате точно не были.

— Жаль, там есть, где развернуться нашему брату. Мне случалось одному с пятнадцатью душманами в рукопашной сходиться. Но ничего, жив, здоров, как видите. Хотя, скажу вам, бывали моменты, когда с жизнью прощался,— и без всякого перехода Александр вдруг спросил: — Ну а вы какие-нибудь награды имеете?

Десантники отчужденно молчали. Сергей не выдержал и ответил за них:

— Конечно, Юра, насколько я знаю, награжден медалью «За отвагу».

— Не только я,— хмуро заметил Шувалов,— но и Альгирдас и Феликс тоже представлены к наградам.

— Молодцы! — одобрительно сказал Алефин. — У вас шанс есть и кое-что повыше получить. — И он кончиками пальцев прикоснулся к своим орденам.

Алефин, подогретый вином, все время хотел говорить о своих боевых делах. Шувалов и его друзья все больше мрачнели. Не только им, но и всем присутствующим было не по себе от рассказа Александра. Получалось, что рядовой Алефин решал задачи комдива.

Вера Федоровна, улучив момент, спросила:

— Саша, я слышала, что у вас здесь дела идут неважно? Как с институтом?

— А у кого из нашего брата, воина-интернационалиста,

идут дела хорошо? Так и у меня. Куда ни сунься — на дверь показывают. А мне тоже жить надо. Я — сирота, помогать мне некому. Сунулся в институт, я ведь еще три года назад в военном училище учился, первый курс закончил, но захотел рядовым Родине послужить и пошел в армию, а когда возвратился, решил продолжать учебу в гражданском вузе, закон же не запрещает, но из-за бюрократов оказался у разбитого корыта. Отказали мне, теперь ищу работу, а тут еще с квартирой... Нашел однокомнатную квартиру. Хозяин одинокий там живет, за границу на два года уезжает работать, а мелочный — жуть. Говорит: «Пушу тебя, по полсотни в месяц будешь платить, но за два месяца заплати мне вперед, причем только чеками».

А где я возьму чеки? Те, что были, я уже давно израсходовал, жить и одеваться надо же было.

— Ну и что вы думаете делать? — спросил Лемехов.

— Буду искать работу, а на следующий год буду поступать в институт.

— Правильно. За жизнь надо бороться.

— Я уже устал от борьбы, — обреченно махнул рукой Александр. — Вот ребята не дадут солгать, сколько приходилось нам бороться в Афгане. Скажи, Павел, что я не прав?

Чайкин смущенно пожал плечами.

— Пережить и увидеть нам довелось, конечно, много, но ведь там за нас, как говорится, думали командиры и наши действия сводились к выполнению приказа.

— Во-во, — хохотнул Александр, — это ты правильно сказал о приказе. А ты не задумывался, что по такому приказу ты на мину наступил? Там нашего брата никто и не считает. Я уверен, что для командиров главное — выслужаться перед начальством. И что ему солдат? Он, может, за то, что ты или сын Веры Федоровны проявили героизм, награду получил.

— Не смей так говорить! — вдруг хлопнул ладонью по столу Шувалов. — Наши командиры переносят все тяжести службы в Афганистане наравне с нами. Они, также как и мы, топают по минным полям, лезят по скалам, да еще не забывают, чтобы все солдаты были сыты. Вот у нас, — Шувалов по очереди посмотрел на Банявичуса и Турлакова, словно призывая их в свидетели, — командир роты Бочаров да и другие офицеры сами не будут есть, пока не убедятся, что солдаты все поели, в бою вместе с нами в цепи идут, рядом позиции занимают. Что, ребята, я не то говорю?

— Правильно, Юра, — поддержал его Банявичус и насмешливо посмотрел на Алефина. — Я почему-то не уверен, что твой командир имеет столько высоких боевых наград, как ты. И ты его поливаешь грязью зря.

— Кстати, Саша, и меня и Николая не трогай, — заговорил Чайкин. — Я нарвался на мину не потому, что мне кто-то приказал, а потому, что бежал на помощь своим друзьям.

— А Коля Коблик, — дрожащим от волнения голосом сказал Турлаков, — отдал жизнь не по чьему-то приказу, а спасая нас с Альгирдасом, наши жизни. Не знаю, может, ты, Александр, выпил лишнего, но все равно надо уважать людей, которые с тобой делились хлебом и водой. Кстати, кто, как не твои командиры, представляли тебя к наградам? Или ты, может, сам писал представления и подписывал их?

— Ну, это ты брось, — смущенно пробормотал Алефин, — я свои награды заслужил кровью. Я не жалел ни сил, ни жизни, когда вступал в рукопашную с десятками душманов. Помню, как-то насело на наше подразделение человек сто. Ребята тикать начали, а я засел за камень и, наверное, полсотни душманов уложил, но так и не подпустил к своей позиции. Да и как я мог подпустить, когда около меня лежал пакет с очень важными бумагами. Все тогда говорили, что Героя мне дадут, а дали всего-навсего Красную Звезду. — Он пальцем прикоснулся к ордену. — А позже я узнал, что командира роты, которого и близко не было в том бою, представили к ордену Ленина, что после этого говорить? А будь у меня орден Ленина, разве я болтался бы сейчас без дел?

— Ничего, ничего, Саша, — начала успокаивать Алефина Вера Федоровна. — Мы постараемся восстановить в отношении тебя справедливость. Я завтра же или послезавтра пойду к ректору, объясню, ну а если не послушает, то найду дорогу к кому следует.

— Бесполезно все это, — безнадежно махнул рукой Алефин. — Вокруг одни бюрократы, и что им до бывшего солдата.

Вскоре все вышли из-за стола, и женщины стали готовить чай.

К Алефину, рассматривающему фотографию Николая, подошел Турлаков.

— Саша, подойди к ребятам.

Алефин пожал плечами и молча пошел за Турлаковым. В комнате Сергея были Шувалов и Баявичус.

— Саша, мы втроем решили тебе немного помочь. Вот скинулись, — он протянул тоненькую стопочку чеков. — Здесь сто рублей. Возьми, больше у нас нет, осталось по пятерке на жевательную резинку.

— Ну что вы, ребята, — расстрогался Алефин, — не надо. Вы же не богачи.

Разговор за чаем затянулся допоздна. Когда Алефин, сославшись на то, что ему надо обязательно увидеть кого-то из своих друзей, ушел, Лемехов попросил десантников:

— Ребятки, расскажите нам о Коле.

Вера Федоровна, бледная, с бессильно опущенными руками, отрешенно смотрела перед собой. Ребята рассказывали, как они рядом служили, как воевали. Правда, не было в их рассказе героических схваток одного человека с группой душманов. Парни говорили о бое очень скупое. Чувствовалось, что воспоминания не доставляют им удовольствия.

И только Феликс подробно рассказал о бое, в котором погиб Николай.

В конце Шувалов тихо добавил:

— Когда мы приблизились к тому месту, где Коля подорвал себя, то насчитали вокруг него семнадцать трупов бандитов.

Вера Федоровна, справившись с собой, сказала с сожалением:

— Я сгоряча написала вашему командиру батальона злое письмо. Вы ему передайте, чтобы он извинил меня. Я завтра же напишу ему об этом сама.

Уже давно разошлись гости. Вера Федоровна подошла к окну. С новой силой заняло сердце, ни на минуту не находит оно себе покоя, все болит и болит...

ПРОВЕРКА

В батальон пришла радостная весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР двадцать три человека были награждены орденами и медалями.

Бунцев и Шукалин собрали командиров рот и, сообщив им об Указе, поздравили Бочарова с орденом Красного Знамени. Высокий, мощный, Бочаров стоял растерянный

и радостный. Шрам на его левой щеке от волнения стал красным.

Бунцев говорил:

— Награды будут вручать генералы Дубик и Щербак, так что тогда и будем официально поздравлять. А сейчас я хочу вам сообщить еще одну новость. Как говорится в известной пьесе Гоголя, к нам едет ревизор. В штаб ограниченного контингента прибыла группа проверяющих. Они проведут проверку некоторых частей и подразделений. К нам тоже пожалуют. В последнее время у нас было много боевых действий, возможно, кто-либо из командиров упустил что-нибудь в бумажных делах. Поэтому разберитесь.

Шукалин, увидев, что командир закончил, встал.

— Очень хорошо, что младший сержант Леонов тоже награжден. Наши солдаты до сих пор волнуются за его судьбу. Поэтому факт его награждения медалью «За отвагу» надо использовать для работы с личным составом. И еще, старший сержант Шувалов награжден повторно, теперь уже орденом Красной Звезды.

Шувалов сейчас в краткосрочном отпуске, — Бочаров посмотрел на комбата. — Он вместе с Турлаковым и Баявичусом заодно посетят семью погибшего Коблика.

— Да-да, мы знаем, — заметил Бунцев и с горечью подумал: «Эх, дорогой Евгений Михайлович, ты даже не представляешь, какой шум поднял один из больших начальников, узнав о том, что мы отправили троих солдат посетить мать погибшего. Пожалуй, то, что батальон будет подвергнут проверке, этот факт служит основной причиной».

Однако промолчал комбат. Когда офицеры ушли, он подошел к замполиту.

— Так говоришь, Щербак возмущался тем, что к нам едут ревизоры?

— Да, ты же знаешь, он мужик прямой и при всех старшему группы проверяющих заявил: «Батальон Бунцева почти постоянно проводит боевые действия. У него самые большие потери среди всех войсковых частей ограниченного контингента, и поэтому забота о каждом солдате и память о каждом погибшем там священны. Мы бы не возражали, если бы проверяющие заменили трех отпускников на время их отсутствия».

— Так и сказал? — расхохотался Бунцев. — Нет, ничего не скажешь, стоящий мужик генерал!

— Так и Дубик же возмущался, требовал не унижать проверкой боевых командиров нашего батальона. Он даже

в Москву какому-то большому начальству пытался дозволиться, но не застал его.

— В батальоне у нас провалов в служебной и боевой подготовке нет. Поведение наших военнослужащих тоже не вызывало нареканий, так что переживем, Владислав Альбертович.

На лице Бунцева погасла улыбка. Он подошел к окну, достал из нагрудного накладного кармана письмо и, не оборачиваясь, протянул Шукалину.

— Вот отчего душа болит. Теряем ребят, которые уходят из жизни раньше своих родителей. Это страшно, Владислав! Прочти письмо матери Коблика. Уже который день ношу его с собой. Жжет оно мне сердце, ночами маюсь, как помочь матери. Читай вслух.

— «Здравствуйте, товарищ подполковник! Извините меня, но я решила вам еще раз написать. Из вашего казенного сообщения мне неясно, как погиб мой сынок. Говорят, что командир — это и отец солдата. Какие же вы отцы, если не уберегли моего Коленьку, послали его в самое пекло? Господи, что же это такое? За что меня жизнь так наказывает?! В конце войны погиб мой отец. Потом мать поехала к нему на могилу и попала в автоаварию и тоже умерла. Я жила и воспитывалась в детском доме. Выросла, вышла замуж. Через восемь лет муж погиб в аварии на заводе. Я не пала духом, потому что мои сыновья были для меня самой жизнью. Старший отслужил в армии, работал на заводе и заочно учился в институте. Решил жениться, я не перечила. Но когда до свадьбы осталось шесть дней, свалилось на нашу семью страшное горе — неожиданно мой Саша, спасая тонущего ребенка, утонул сам. Еле оправилась я от горя и потрясения. Единственным утешением были два младших сына. Средний Сережа и младший Коля. Росли ребята прекрасными мальчиками, дружили между собой, помогали как могли друг другу. Коля учился в ГПТУ, пристрастился к мотоциклу, стал ходить в ДОСААФ, да еще на киностудию, куда его пригласили для участия в киносъемках. Сережа тоже служил в десантных войсках, возвратился домой. Однажды в дождливый день привел Коленька мокрую грязную собачонку и говорит: «Мама, посмотри, какая она несчастная, голодная... Давай оставим ее у себя. Жалко, она же тоже жить хочет!» Ну, конечно, оставили мы эту собаку, дали кличку Кузя. Наступило время Коленьке в армию идти. Проводили честь по чести. Ушел он, а мое сердце чувствовало беду. Писала ему

письма и просила об одном — быть осторожным. А Коля писал домой бодрые письма, в которых убеждал меня, что он в полной безопасности. Милый мой мальчик! Он, даже находясь в пекле, думал о покое своей матери! Но разве материнское сердце обманешь? Считала я денечки, которые оставались до его приезда, а сама, честно скажу, не верила в его счастливое возвращение... И вот это случилось. После похорон Коленьки я долго лежала в больнице. Кузя по ночам до сих пор воет. Сергей постоянно ходит с красными от слез глазами. Он, мой Сереженька, не догадывается даже, что в материнском сердце появилась новая тревога. Теперь уже за последнего сыночка, Сергея. Ведь его тоже могут призвать на переподготовку. А если попадет в Афганистан? Поэтому и решила вам написать. Долго ли вы там, в Афганистане, будете? Пора наших солдат возвратить домой, их отцам и матерям...» — Шукалин закончил читать, и гнетущая тишина повисла в кабинете.

Бунцев надел фуражку.

— Ну что, комиссар, давай пройдем по хозяйству, посмотрим, как дела, с людьми поговорим.

Они вышли на солнцепек и не спеша направились в дальний конец батальонного городка, где размещались саперы. Бунцев спросил:

— Ты слышал, Фоменко скоро уедет от нас?

— Слышал. Прекрасный специалист. То, что сделал для нас этот капитан, трудно переоценить. Если не возражаешь, я переговорю с Антоненко, подготовим представление на Фоменко?

— Давай готовь, Антоненко поддержит нас. Такому офицеру и Героя не жалко.

— Шутка ли, четыре контузии, а сколько тысяч мин обезврежено только им одним?!

У штабной палатки их встретил командир саперной роты. Чуть шепелявя — вместо выбитых зубов он так еще и не успел поставить искусственные, — капитан доложил, чем занимается личный состав роты.

Как всегда рядом с Фоменко стоял Цезарь. Уши торчком, взгляд внимателен. Цезарь знал, как надо держать себя, когда хозяин встречает командиров.

Бунцев кивнул головой на пса:

— Возьмете его с собой, когда придет замена?

— Конечно, — Фоменко потрепал Цезаря по загривку. — Он уже отработался. Три подрыва пережил, да и с

другими работать уже не сможет. Привязался ко мне так, что выход один: быть вместе до конца.

В роте, как всегда, был порядок: оружие вычищено, инструменты зачехлены, боевые машины не только выдраены, но и подкрашены.

— Молодцы, — похвалил Шукалин. — Серьезно готовитесь к проверке.

— А у нас всегда порядок, товарищ майор, — с обидой заметил Фоменко. — А что касается проверки, то на это мы внимания не обращаем. Я старшему прапорщику Святцеву сказал о том, что к нам, возможно, пожалуют проверяющие, а он махнул рукой и тут же взялся по этому поводу травить анекдоты.

— Ну и о чем они? — улыбнулся Бунцев.

— А мы давайте пройдем за вон тот БТР, услышите.

Они втроем подошли к пятнистому бронетранспортеру, стоявшему в тени больших деревьев, и увидели группу офицеров, в центре которой на ящике из-под мин восседал старший прапорщик Святцев.

— Так вот, приезжает во взвод проверяющий и говорит командиру, что так вот и так, есть у нас информация, что вы плохо учите солдат и еще хуже заботитесь о них.

Надо заметить, что командир взвода в отличие от меня, — Святцев даже не улыбнулся, — действительно был далеко не лучшим, но и проверяющий тоже из таких.

Так вот, командир взвода вскочил на ноги и говорит: «А я вам докажу, что у меня во взводе все в порядке. Вот видите, идет солдат?» Он подозвал солдата и, выждав пока тот представится, говорит: «У него на ногах носки», — и приказывает солдату: «Снимите левый сапог!» Солдат снял сапог, и проверяющий увидел, что у того действительно на ноге носок. А комвзвода уже подзывает второго солдата и, заявив проверяющему, что у этого солдата на ногах портянки, приказал снять правый сапог.

Пошли они в класс. Проверяющий выбирает одну из тем и предлагает командиру взвода провести по ней занятия. Комвзвода провел, а затем, что ни спросит, все тянут вверх руки, хотят отвечать. Кого ни поднимет командир взвода, все великолепно отвечают.

Отметив это, проверяющий предложил показать ему, как кормят людей.

В столовой первую порцию повар дает проверяющему. Ну проверяющий, естественно, следит, а что повар другим даст. А тот всем — по полкурицы.

Отобедал проверяющий, написал о результатах проверки прекрасную справку, оформил, как говорится, все документы, ну а перед самым отбытием из взвода отозвал в сторону командира и тихонько спрашивает: «Слушай, друг. Меня выдвигают на командира роты. Поделись со мной секретом, как тебе удастся все так наладить? Я же чувствую, что здесь что-то не так, но вижу, ни один проверяющий не подкопается». А командир взвода интересуется: «А справку не переделаешь?» А тот клянется, что никому и словом не обмолвится. Махнул рукой комвзвода и говорит: «Ладно, слушай, расскажу. Дело в том, что у меня во взводе все люди на правой ноге носят портянки, а на левой — носки». — «Ну, а как же с занятиями, я же сам видел, как все слушатели вверх руки тянули?» — «А это проще пареной репы», — отвечает командир. — У меня тот, кто знает, поднимает левую руку, а тот, кто не знает — правую». — «Молодец, — говорит проверяющий. — Ну а как с курицей? Я же сам видел, как каждому повар по полкурицы отвалил». — «Вот с курицей посложнее было, — вздохнул командир. — С трудом одну отыскали. Дальше все просто: половину курицы тебе повар положил, ну а вторую... к черпаку привязал».

Грохнул дружный хохот, а Бунцев, улыбаясь, первым пошел прочь.

К нему по дороге подбежал дежурный офицер по штабу и доложил:

— Товарищ подполковник, на КПП батальона находится подполковник Джалал. Он хочет вас видеть.

— Проводите его ко мне, — приказал Бунцев и направился к штабу.

Джалал был одет в хорошо подогнанную форму, которая очень шла ему.

— Наше правительство решило французов, которых взяли с бандой, депортировать из страны, не предавая их суду, — во время беседы сказал Джалал.

— Это дело вашего правительства, — заметил Шукалин.

— Наше руководство учло их поведение после пленения. Я уже шесть раз допрашивал Каримуллу. Сначала он ничего не говорил, затем юлил, врал. И вот, наконец, по-настоящему начал торговаться за свою шкуру. Он признался и в отношении Леонова, и рассказал о нападении на советскую колонну в кишлаке Исакхейль. Говорит, что приказ о расправе над пленными отдал не он, а главарь второй группы, которая участвовала в нападении на колонну.

— А что он говорит о Леонове? — спросил Бунцев.

— Они его случайно обнаружили без сознания в расщелине. По дороге он, когда пришел в себя, пытался прыгнуть в пропасть, но его перехватили.

— Где он сейчас?

— Каримулла не знает, — Джалал неожиданно улыбнулся. — Но знаю я. Сегодня прибыл мой разведчик и сообщил, что в одном из учебных центров, принадлежащих партии Хекматиара, недалеко от пакистанского города Пешавар душманы оборудовали тюрьму. В этой тюрьме они содержат более двухсот пленных афганских военнослужащих и там же, только в отдельном помещении, в подвале — двадцать одного советского солдата. Среди них — это точно — находятся Леонов и Николаев.

— А этот Каримулла не знает о тюрьме?

— Говорит, что нет. Я думаю, что так может быть. Он же используется своими хозяевами для боевых действий и почти все время находится на территории Афганистана.

— Да, вся сложность в том, что пакистанские власти отрицают тот факт, что в их стране содержатся наши военнослужащие, — задумчиво произнес Шукалин. — И сейчас важно добыть доказательства, причем настолько неопровержимые, чтобы можно было припереть этих господ, как говорится, к стенке.

— Да-да, мы так и считаем. Я хочу, чтобы мой человек сфотографировал этот центр, ваших и наших пленников, даже попытался записать их показания на магнитофон. Кстати, я недавно был у командующего царандом зоны «Кабул» генерал-лейтенанта Сайфулло. Он сообщил, что и у них имеются сведения о душманских тюрьмах на территории Пакистана. Так что обобщим все эти данные...

Джалала прервал резкий зуммер прямой связи с батальонным центром боевого управления. Бунцев поднял трубку. Докладывал начальник штаба майор Мисник:

— Товарищ подполковник, к нам прибыла группа проверяющих.

— Хорошо. Я сейчас приду к вам.

Бунцев, взглянув на Шукалина, понял, что тот догадался, о чем шла речь.

Подполковник извинился перед Джалалом и, попросив продлить беседу с замполитом, вышел из кабинета.

ЕЩЕ ОДНА СМЕРТЬ

В камере, расположенной в глубоком подвале, наступили еще более тяжелые времена.

После того как покончил с собой Мещеряков, душманские охранники набросились с гибкими железными прутьями на пленников. Но измученные, истощенные солдаты как могли сопротивлялись, и когда несколько душманов с окровавленными лицами оказались на полу, избиение прекратилось.

Тело Мещерякова унесли, все удрученно молчали. Душманы их не кормили, и только к вечеру двое мужчин принесли металлический бачок с водой. Одним из них был возница. Увидев его, Леонов зубами разогнул металлический крючок на брюках и острым концом проколол палец, а затем, макая в кровь крючок, на кусочке бумаги написал: «Нам нужны бумага и карандаш». Улучив момент, сунул записку вознице.

Тревожная ночь наступила в камере. Не спалось. Все ворочались. Леонов попытался думать о доме, но мысли все время возвращались к Мещерякову. Вдруг Антон понял, что самоубийство, которое еще совсем недавно казалось самому единственным выходом, сейчас он воспринимает как поспешный ход и признак малодушия.

«Нет, надеяться на то, что ты своей смертью понудишь духов проявлять к советским пленным больше человечности — бесполезное дело. В нашем положении единственный выход — это борьба», — думал Антон и сам не заметил, как подкрался тяжелый, тревожный сон.

А утром его снова разбудил истощенный крик.

— Ребята, ребята, да проснитесь же! Смотрите, что Валера сделал.

Антон вскочил на ноги и увидел, что повесился Киселев. Николаев стоял рядом и со слезами на глазах недоуменно спрашивал:

— Мужики, что же это? Зачем он это сделал, когда есть надежда убежать отсюда?

В дверях показались двое охранников. Увидев мертвеца, как по команде вскинули руки к небу и бросились прочь.

В этот момент послышался голос Жураковского:

— Ребята, смотрите! — он пальцем показывал на стену. И все увидели, написанные кровью слова: «Простите нас, товарищи, мы не хотим вам быть помехой. Да здравствует Родина. — И ниже: — Киселев, Мещеряков».

Все оцепенели. Так вот оно что! Мещеряков и Киселев, понимая, что их состояние не позволяет им передвигаться, договорились погибнуть, чтобы не мешать остальным, если вдруг удастся побег.

В этот момент в камеру группами начали врваться душманы. Засвистели в их руках бичи. Они обжигали и рассекали тело до костей.

Не прошло и десяти минут, как душманы, навалившись по двое-трое на одного пленника, вытащили солдат на улицу, где продолжали яростно избивать.

Леонов, пытаясь хоть как-то защитить голову от гибких железных прутьев и тонких цепей, успел подумать о погибших парнях: «Эх, ребята, вы не предвидели такой исход!»

Была уже середина дня, когда Леонов, закованный в цепи, лежал в каком-то полутемном сарае. Туда зашли американец Роберт и Людмила Торн. Увидев их, Леонов огромным усилием воли заставил себя сесть.

Торн переводила слова Роберта:

— Леонов, неужели вы не понимаете, что такие акции вам не помогут и все вы умрете страшной мученической смертью? Вы же сами толкаете душманов на то, чтобы вас отправили на тот свет.

А Леонову не давала покоя одна мысль: «Только бы не разлучали нас! Только бы оставили всех вместе!»

И Антон решил не молчать. Уселся поудобнее, опершись спиной о стенку, и тихо сказал:

— Господин Роберт, я уже говорил вам, что советские солдаты не боятся смерти. Если хотите, то давайте сделаем так. Пусть нас всех соберут вместе, и я поговорю с ребятами. Обещаю, что больше никто не повесится.

— О, это мы уже предусмотрели,— холодно улыбнулся Роберт.

— У каждого из вас руки цепями приковали к ногам. Теперь не сможете поднять руки выше пояса.

Леонов, улыбаясь, посмотрел сначала на Торн, потом на американца.

— Господин Роберт, вы плохо знаете нас. Если мы захотим умереть, то нас ничто не остановит. Если надо, мы перегрызем себе вены. Но вы правы, самоубийство — не лучший выход из нашего положения. Повторяю, я смогу убедить своих друзей не делать этого.

— Хорошо, Антон Леонов. Я скажу, чтобы вас всех отправили обратно в подвал.

Двое душманов привели Леонова в камеру. Она была

пуста, но вскоре стали вводить ребят. На них было страшно смотреть. Теперь каждый мог передвигаться или стоять только согнувшись.

Тамарин, как только появился в камере, сразу же начал пересчитывать парней. К вечеру все были вместе. Теперь их стало девятнадцать. Солдаты как могли начали хлопотать над ранеными. У Викулина гибкий металлический бич выбил глаз, и сейчас в его левой глазнице кровоточила страшная рана.

Леонов встал. Голос его звучал твердо и официально:

— Товарищи солдаты! То, что сделали Мещеряков и Киселев, требует осуждения каждого из нас.

— Они поступили как герои,— возразил Салуецкий.— Они доказали врагам, что советским солдатам, комсомольцам неволя хуже смерти.

— Прекрати,— с трудом поднимаясь на ноги, прервал его Тамарин.— Не надо забывать о том, что мы пусть небольшое, но войсковое советское подразделение, а это значит, что каждый должен быть верным Присяге, Родине и до конца исполнять приказы. Перед нами стоит задача: всем, повторяю, всем до одного, вырваться из вражеского плена. Поэтому впредь такие действия будут рассматриваться как трусость.

Леонов и Тамарин сели рядом и тихо переговаривались. Антон рассказал Тамарину о беседе с американцем.

Старший сержант некоторое время молча расчесывал растопыренными пальцами свою лохматую бороду. Потом попытался встать, но вызвал произвольный смех у ребят: так нелепо выглядела его сгорбившаяся фигура. Короткая цепь позволяла только сидеть, а стоять и лежать люди могли только крючком.

— Жаль, теперь до окошка не дотянуться,— проворчал Жураковский,— ни черта не увидим, что делается во дворе.

— Как теперь бежать будем? — тоскливо спросил кто-то из парней.

— Спокойно, мужики,— Тамарин старался говорить убедительно.— Нет безвыходной ситуации. Будем искать решение.

Все старались говорить на любую тему, кроме самоубийства. Киселев и Мещеряков не выходили из головы, но уже начал действовать молчаливый уговор — о них ни слова.

— Слушайте, ребята,— раздался громкий голос Сей-

сейбаева,— они специально нам в камеру еще и вшей под-селили!

— Нет, это только для тебя персонально они подбро-сили,— заметил Салуецкий.

— Они тебе такую кару придумали,— поддержал Жу-раковский.

— А ты их, Сейсейбаев, цепью, цепью,— посоветовал Вакеев.

Сейсейбаев с отвращением пытался сбросить на пол вшей. Они отравляли существование всем пленникам, раз-дражая тело. Леонов вспомнил, что об этих насекомых он читал у Пикуля, и решил немного развлечь парней.

— А знаете ли вы, что вши отомстили гетману Мазепе за предательство и заели его?

— Ну так уж и заели? — недоверчиво сказал кто-то.

— Кто помнит, когда была битва под Полтавой? — Леонов устроился поудобнее.

Все молчали.

— Ну так вот слушайте, двоечники! Русские войска разгромили шведов под Полтавой 8 июля 1709 года. Швед-ский король Карл XII вместе с Мазепой бежали, но рус-ские их настигли и окружили в Бендерах.— Антон взглянул на Сейсейбаева и спросил: — Сейсейбаев, ты знаешь, где находится город Бендеры?

— В Турции,— под хохот слушателей, не задумываясь, ответил Сейсейбаев.

— Молодец! Тебя отсюда одного нельзя отпускать. Точ-но не в ту сторону побежишь. Бендеры, Сейсейбаев,— это молдавский город.

— Рассказывай дальше! — торопили солдаты.

— Так вот, Петр I потребовал от Карла XII выдачи Мазепы. А Мазепу охватил такой панический страх, и ско-рее всего от этого на него напали вши. Мазепа выл и скреб-ся, стряхивал, точно как ты, Сейсейбаев, вшей горстями, но они мгновенно возвращались. Мазепу заели вши.

— Ты неправду говоришь! — возмущился Сейсейбаев.— Они меня грызут уже сколько месяцев, а я живу!

— Правильно. Ты же не предатель. Но не один Мазепа поплатился жизнью. Вши в своё время заели римского дик-татора Суллу. Мало того, они, эти маленькие насекомые, загрызли огромного иудейского царя Ирода, а испанского короля Филиппа Второго вши продолжали грызть в гробу даже мертвого.

Леонова отвлек Тамарин.

— А если попросить у духа, который записку принес, какого-нибудь лекарства для ран? Боюсь, как бы у Вику-лина не случилось заражение.

— Тогда надо Сейсейбаева проинструктировать.

— Ага. Давай его сюда.

Леонов негромко позвал:

— Сейсейбаев, иди сюда.

Они поставили перед Сейсейбаевым задачу: незаметно для других душманов попросить лекарство у возницы для тяжелораненых.

— А как я его узнаю? — спросил Сейсейбаев.

— Я покажу тебе его,— успокоил Леонов и добавил: — Мы постараемся отвлечь внимание тех, кто с ним придет.

Сейсейбаев молча кивнул головой и почему-то спросил у Леонова:

— Слушай, а ты не обманул меня? Город Бендеры точно находится в Молдавии?

— Иди ты...— чертыхнулся Леонов.— Давай лучше по-ближе к дверям пробирайся.

В полдень принесли еду. Леонов показал Сейсейбаеву на возницу, а сам вместе с Николаевым и Тамариным начали говорить остальным душманам все, что взбредет в голову, отвлекая внимание от возницы.

Вечером возница не только передал Сейсейбаеву не-большой сверток, но и успел шепнуть, что он постарается принести лекарство.

Когда охранники ушли, Тамарин, не прячась, развернул записку.

— Товарищи, нам удалось установить связь с афган-скими военнопленными, которые содержатся душманами в этом же центре. Предупреждаю, это для каждого из нас — военная тайна. Говорю вам об этом для того, чтобы вы видели, что побег реален.— Тамарин негромко начал читать: — «Дорогие советские друзья! Мы знаем о вашем протесте. Знайте, мы с вами. Посылаем вам бумагу и ка-рандаши. Человек, который передаст все это — верный товарищ. Он нам сказал, что у вас есть люди, которые знают дари. Лекарство он вам достанет. Сообщите, что еще надо.

Да здравствует афгано-советская дружба!»

— Здорово! — восхитился Салуецкий.— У нас есть связи!

— Радоваться еще рано,— заметил Николаев.— Один наш неточный шаг, и все потеряно. Нам надо притупить бдительность охраны.

— Не только охраны,— добавил Тамарин.— С этого момента мы должны вести себя и с духами, и с их иностранными советниками спокойно. Надо, чтобы они подумали, что мы смирились со своей судьбой.

Тамарин оторвал от листа маленький кусочек и, тщательно выводя слова, написал:

«Товарищи, если можете, пришлите нам схему-план этого объекта. Укажите на нем, где стоит охрана, ее количество, в каких помещениях находитесь вы сами. Нас всех заковали в цепи, постарайтесь найти и передать нам напильник или что-нибудь, чем можно пилить металл».

Протянул записку Леонову.

— Отдашь ему. А ты, Сейсейбаев, постарайся выяснить у связного, выведут ли на улицу военнопленных.

— Есть,— четко ответил Сейсейбаев.

Парни на глазах подтянулись. Они явно воспрянули духом.

И когда Тамарин начал объяснять Леонову, почему он решил сказать всем о переписке, Леонов перебил его:

— Ты очень правильно сделал, Петя, я только жалею, почему мы раньше не сообщили об этом. Может быть, и Валерий с Сергеем остались бы в живых.

— Вряд ли. Они сами передвигаться не могли и, чтобы не обременять нас, решили пожертвовать собой. Жалко ребят до слез.

Тамарин подошел к двери и громко постучал. Сразу же открылось небольшое окошко, и в нем появилась заросшая рожа охранника.

Тамарин подождал Сейсейбаева:

— Скажи ему, что мы просим прислать к нам самого старшего.

Сейсейбаев на дари сказал все это охраннику.

Охранник, ничего не сказав, захлопнул оконце.

Потянулись томительные минуты ожидания.

Прошло не менее часа, и окошко открылось. В нем худощавое, усащенное лицо.

— Что вы хотели?

Тамарин через Сейсейбаева спросил:

— Вы старший?

— Да.

Мы вас очень просим оказать медицинскую помощь нашим раненым.

— Не надо было бунт поднимать, тогда бы и целы были,— усмехнулся душман.

— Ваши охранники сами напали на нас.

— Зачем вешаетесь?

— Больше такого ни с кем не случится.

Душман снова ухмыльнулся. Он был приятно удивлен тоном разговора шурави и с любопытством осмотрел всех.

— Хорошо, подумаем.

Окошко захлопнулось.

В ИНСТИТУТЕ

На вокзале Вера Федоровна протянула Шувалову конверт.

— Юра, здесь письмо командиру вашего батальона Михаилу Петровичу Бунцеву. Я была неправа, о чем и пишу ему.

— Хорошо, Вера Федоровна, я передам. Но и вы нам пишите.

— Конечно, Юрочка, сынок, я буду писать вам, но и вы, ребятки, не забывайте меня. Вы все для меня — родные,— и Вера Федоровна заплакала.

Удрученная, с ноющим сердцем, она пришла домой, выпила лекарство и стала ждать Сергея, который работал во вторую смену.

Какое-то смутное беспокойство не давало Вере Федоровне заниматься домашними делами. И вдруг она догадалась. Ее беспокоил Алефин. Когда Вера Федоровна возвращалась домой, то случайно увидела Алефина и Солдунова. Они стояли у входа в магазин и весело разговаривали.

«Нет, такой человек ничему хорошему не научит Александра, который и так находится в ужасном положении»,— подумала она о Солдунове и решила завтра же идти в институт.

Утром ректора на месте не было, и Вера Федоровна попросилась на прием к проректору.

Еще довольно молодой, энергичный проректор по учебной работе принял Веру Федоровну доброжелательно. Она, когда начинала разговор об Алефине, о себе сказала только то, что ее сын воевал в Афганистане, поэтому ее волнует судьба бывшего воина-интернационалиста.

— Так, говорите, он закончил первый курс? — спросил проректор.

— Да, а затем его призвали в армию.

— Служил в Афганистане? Награжден?

— Да, я же говорю...

— Пусть зайдет ко мне. Я не вижу причин для отказа бывшему солдату.

Поблагодарив, Вера Федоровна сразу же позвонила Чайкиным.

— Пашенька, здравствуй, я не разбудила тебя?

— Здравствуйте, Вера Федоровна. Я не спал, ремонтировал уют, и пока добрался от кухни до телефона, прошло много времени.

— Паша, нужно срочно разыскать Алефина! Только что я была в институте, проректор ждет его. Я встречу Сашу в вестибюле института.

«Что-то голос у Павла не такой, как обычно. Все ли у него в порядке?»

Уже не первый раз Вера Федоровна ловила себя на том, что ей становится легче, когда мысли заняты заботами о других, в первую очередь об «афганцах». И вот сейчас, сидя в фойе института, она спокойно думала об уехавших вчера десанниках, друзьях сына, что их ждет?

В фойе показался Алефин. Он сразу же бросился всем в глаза. Высокий, красивый, с боевыми наградами. Вера Федоровна не без удовольствия отметила, с какой завистью и восхищением оглядывались на Александра парни. Проректор в кабинете был один, девушка-секретарь тут же пропустила их в кабинет.

Увидев Александра, проректор встал, тем самым высказав уважение к фронтовику.

Оформление необходимых документов много времени не заняло.

Вера Федоровна облегченно вздохнула и радостными глазами посмотрела вокруг. Еще бы! Она помогла человеку, который своими боевыми делами заслужил уважение и внимание других.

А вечером домой к Коблик пришла Чайкина. Заливаясь слезами, женщина говорила:

— Господи, какая несправедливость, сколько жестоких людей вокруг!

— Что случилось, Нина Тимофеевна? — бросилась к ней Вера Федоровна.

Она усадила гостью на диван в своей комнате, накалапала валокордина.

— Выпейте, на вас же лица нет, и скажите, в конце концов, что случилось?

— Мой Паша написал заявление о выделении ему как

инвалиду автомашины. Вы же знаете, ходить на протезе он не может.

— Да-да, ну и что?

— Сегодня комиссия ему отказала.

— Как отказала?!

— А вот так. Взяла и отказала: «Вам не положен автомобиль, потому что остаток ноги у вас длинее на два сантиметра нормы, которая позволяет выделять автомобиль инвалиду». — Нина Тимофеевна закрыла лицо руками и зарыдала: — Господи, именно эти два сантиметра не позволяют ему ходить с протезом. Ему так больно! А он так мечтал получить автомашину, вся надежда на нее! Хотел поступить в институт, активно заняться делами клуба воинов-интернационалистов.

— Когда он был на комиссии?

— Сегодня утром.

«Так вот почему у него был такой голос», — догадалась Вера Федоровна. Ее охватили гнев и возмущение. Она не могла сидеть и все время ходила по комнате.

— Безобразие, так это оставлять нельзя! Бюрократы, бессердечные люди! Я представляю состояние Павла.

Она, наконец, села рядом с Чайкиной, обняла ее за плечи.

— Успокойтесь, дорогая, я уверена, что все будет хорошо, выделяют ему этот автомобиль, никуда не денутся.

— Ой, Вера Федоровна, неужели вы не понимаете, что дело не только в автомашине, а в отношении к человеку? Протезы делают как инквизиторские орудия пыток. Спросите у Лемехова, как он мучается с протезом. Они — врачи, а понять не могут, что молодого безногого парня лишают возможности жить нормальной человеческой жизнью. И плачу я не оттого, что ему машину не выделили, а оттого, что мне стыдно перед сыном за этих людей.

Я вчера была в минздраве, и там один чинуша чуть ногами не затопал: «Да знаете ли вы, что мы не имеем права нарушить инструкцию!» Он так и не понял, к чему я его призывала... А ведь я просила у него не машину, сгорит она! Я согласна своего сыночка на руках носить. Я ведь просила и требовала одного: не унижать и не оскорблять его. Он не заслужил такого отношения.

Вера Федоровна потянулась за плащом.

— Нина Тимофеевна, идемте к вам, побудем с Пашенькой. Успокойтесь, я уверена, все уладится.

На улице шел дождь, но они не стали садиться в трол-

лейбус. По дороге Нина Тимофеевна успокоилась, и когда они вошли в квартиру, улыбаясь, спросила у сына:

— Ну и чем ты тут занимаешься без меня?

К их удивлению, на лице у Павла не было и тени грусти. Он рукой показал на стол, где лежал голубоватый конверт.

— Я письмо получил от ребят из нашей роты. Я словно сам там побывал, а они мне еще и подарок сделали.

Павел подошел к серванту, достал фотографию и протянул ее почему-то не матери, а Вере Федоровне.

— Это нас как-то замполит роты сфотографировал.

Вера Федоровна взяла небольшой любительский фотоснимок, и руки ее задрожали. На фото рядом с Павлом и еще одним солдатом стоял ее Коля.

— Коленька... — прошептала она.

Нина Тимофеевна, заглядывая через плечо Веры Федоровны, спросила у Павла:

— Когда вы сфотографировались?

— Где-то за неделю до моего ранения. Мы стояли втроем недалеко от спортплощадки, а тут мимо идет наш замполит и говорит: «Давайте я вас для истории сфотографирую». Снял с плеча фотоаппарат, щелкнул затвором и пошел дальше. Видите, не забыл фото прислать. Молодец!

Вера Федоровна не могла оторвать взгляда от фотоснимка.

— Вера Федоровна, возьмите себе эту фотографию, — тихо сказал Павел.

— Как дела у Алефина? — Нина Тимофеевна старалась отвлечь гостью.

— О, все в порядке. Он уже студент, можете его поздравить. Теперь очередь за Пашей. Он же имеет право на льготы.

— Да, но сначала надо с ногой довести дело до конца...

— А что с ногой? — перебила его Вера Федоровна. — Подумаешь, два сантиметра им мешают...

— Так они и мне мешают, — в свою очередь перебил Павел, — из-за них не могу протез надеть.

— И что ты хочешь сделать? — насторожилась Нина Тимофеевна.

— Хочу сделать операцию, — коротко и неожиданно жестко ответил парень и, опираясь на костыли, тяжело направился в другую комнату.

— Как операцию? — воскликнула Нина Тимофеевна, бросаясь за ним.

— Мама, послушай... — Павел обернулся, лицо у него было спокойным. — Ты же прекрасно знаешь, какие боли я переношу из-за того, что у меня культя длинее. Если сделаю операцию, то я смогу спокойно передвигаться и автомашина мне не понадобится.

— Правильно, Пашенька, — поддержала его Вера Федоровна, — жизнь жестока и за право быть счастливым надо бороться. Я получила письмо от шестерых матерей. У них сыновья погибли в Афганистане. Женщины предлагают создать Клуб или Совет или еще какое-нибудь объединение матерей погибших воинов-интернационалистов.

— И что они будут делать? — спросила Нина Тимофеевна.

— Помогать семьям погибших, заботиться об инвалидах да о тех ребятах, которые отслужили и вернулись домой.

— Правильно. Ведь каждой матери, чьи дети погибли там, — поддержала Нина Тимофеевна, — в первую очередь нужно душевное, теплое слово. Вы, Вера Федоровна, посоветуйтесь с Иваном Леонидовичем Лемеховым. Он очень интересуется этим вопросом.

Было уже поздно, когда Вера Федоровна собралась уходить. Она уговорила Нину Тимофеевну не провожать ее и пешком пошла домой. Хотелось побыть одной, и сильный частый дождь ей не был помехой.

СБИТА ВЕРТУШКА

Проверяющих оказалось четверо: старший группы подполковник и трое младших офицеров. Их форма резко отличалась от той, которую носили военнослужащие ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Все четверо — показательно-подтянутые, с блестящими нашивками и петлицами.

Подполковник сухо спросил у Бунцева:

— Замполит батальона, надеюсь, не в отлучке?

Комбат вспыхнул, хотел ответить резко, но заставил себя сдержаться.

— Заместитель командира батальона по политической части майор Шукалин не в отлучке.

— Так где же он?

— Беседует с представителем министерства государст-

венной безопасности Афганистана подполковником Джалалом.

— Как беседует? Он, надеюсь, поставил в известность кого следует о предстоящей встрече и беседе с представителем иностранного государства?

Бунцев перевидал на своем веку разных проверяющих. Этот, скорее всего, из тех, которые приезжают с одной целью: найти недостатки, и потому заставил себя вести с ним разговор спокойно.

— Товарищ подполковник, эта тема не для разговора в присутствии военнослужащих, которых она не касается. Если не возражаете, пройдемте ко мне.

— Не возражаю. Пойдемте, но попрошу пригласить замполита и начальника штаба.

Как Бунцев и предполагал, замполит уже закончил разговор с Джалалом и, проводив его, поспешил к комбату. Они встретились в узком коридоре. Шукалин по-уставному доложил, что встреча с подполковником МГБ закончена и что он о результатах беседы сделает письменное донесение.

Одного взгляда на проверяющих было достаточно Шукалину, чтобы выбрать правильную линию поведения.

В кабинете командира батальона руководитель группы проверяющих сообщил о цели проверки: учебная и боевая подготовка, политико-воспитательная и индивидуальная работа с личным составом, плановая работа, сохранность боевой техники, сохранение служебной и государственной тайны, наличие внеуставных отношений.

— Короче говоря, — усмехнулся Бунцев, — полная инспекционная проверка.

— Не совсем, — заметил подполковник. — Мы, как видите, не затрагиваем финансовые и тыловые вопросы.

— И то только потому, что вам, несмотря на вашу личную просьбу, — хмуро заметил Шукалин, — не дали специалистов в этих областях. Но дело не в этом, мы покажем все, что пожелаете.

Проверяющие приступили к работе незамедлительно.

Уже через сутки стал ясен их замысел: особое внимание уделить первой роте, проверить служебную деятельность комбата и его замполита.

Подполковник потребовал письменных объяснений от Бочарова и замполита роты Бакина по обстоятельствам пропажи младшего сержанта Леонова и направления в отпуск сразу трех солдат. На недоуменные вопросы

Бочарова и Бакина, зачем это нужно, ведь по факту пропажи Леонова штабом и политотделом ограниченного контингента проводилась тщательная проверка, подполковник раздраженно произнес:

— Надо же, в конце концов, кому-то по-настоящему разобраться, что у вас творится в батальоне. То солдаты дезертируют, то превращаете боевое подразделение в дом отдыха, сразу почти половину отделения отправляете в отпуск и таким образом прячете их от боевых действий.

Шрам на щеке Бочарова набух, сделался красным, глаза сузились. Он медленно подошел к проверяющему и хрипло сказал:

— Товарищ подполковник, уверен, что вам никто не давал права оскорблять смелого и преданного советского солдата — младшего сержанта Леонова Антона Сергеевича. Он никогда не был дезертиром.

Рядом с Бочаровым встал его замполит. Бакин добавил:

— Солдаты, которые убыли в краткосрочный отпуск, имеют боевые награды и в бою стараются быть на самом тяжелом участке. А что касается вашего мнения о том, что батальон — дом отдыха, то советую вам, товарищ подполковник, сходить хоть разок с нами на боевые.

— Как вы разговариваете со старшим по званию? — побагровел подполковник.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не появление командира батальона. Бунцев не слышал, что раньше говорил проверяющий, но по словам командира роты и его замполита понял все. Бунцев подошел к проверяющему.

— Товарищ подполковник, вы и ваши подчиненные занимаетесь деятельностью, которая не соответствует заданию, полученному вашей группой. Оскорблений и унижений подчиненных мне солдат и офицеров я не допущу. Поэтому о вашем поведении немедленно доложу своему командованию.

Бунцев чуть ранее узнал, что капитан из группы проверяющих требовал от четверых солдат письменных подтверждений того, что их плохо обучают, о них не заботятся, а когда те заявили, что это неправда, накричал на них и прогнал. Возмущенные солдаты пришли к замполиту батальона. Бунцев решил поговорить с подполковником и пошел его разыскивать. И вот оказалось, что и подполковник ведет себя так же, как и его подчиненный.

Возвратившись в кабинет, Бунцев поднял трубку аппарата прямой связи с генерал-лейтенантом Дубиком. Бунцев попросил разрешения немедленно прибыть в штаб ограниченного контингента.

В штабе Бунцев был через час. Выслушав его, генерал хмуро сказал:

— Хорошо, товарищ подполковник, разберемся.

Бунцев направился к своему «уазику». В машине кроме водителя был еще автоматчик. Уже смеркалось, а ехать надо было через весь город да еще по равнине вдоль аэродрома. Автоматчик открыл заднюю дверку и попросил:

— Товарищ подполковник, сядьте, пожалуйста, сзади, а я впереди.

— Спасибо, Попов, я поеду на своем месте.

«Уазик» резко рванулся с места. Опытный водитель хорошо знал порядок, который был в штабе ограниченного контингента: в темноте одиночные автомашины с территории штаба без сопровождения бронетранспортера или БМП не выпускались. И водитель спешил проскочить КПП, пока еще совсем не стемнело.

Проехали удачно, только дежурный офицер на КПП покачал головой им вслед.

Улицы Кабула с наступлением темноты быстро пустеют. Вскоре наступит комендантский час, и тогда все перекрестки, улицы будут перекрыты. Сейчас «уазик» шел по широкой улице, которая через километров пять упрется в здание аэропорта. Даже сквозь шум мотора хорошо слышался гул вертолетов. Они уже начали патрулирование. Советские летчики откликнулись на просьбу афганских властей оказывать помощь по засечке позиций душманских ракетных установок, когда те начинали обстрел города. С помощью вертолетов артиллерия мгновенно могла открывать огонь по душманским позициям.

И вдруг Бунцев увидел на небе яркую вспышку. До слуха донесся звук взрыва. «Неужели вертолет? — холодея, подумал подполковник. — Да, точно вертолет, вон виден светящийся свет ракет». Стреляли двумя ПЗРК — переносными зенитно-ракетными комплексами. А к земле уже летели объятые пламенем куски вертолета. Их свет на мгновение выхватил из темноты парашют.

Бунцев приказал водителю:

— Поворачивай вправо, держи направление на место падения! — А сам схватился за микрофон. Ему ответили сразу же. Бунцев сообщил: — Наблюдаю падение вертолета.

Он сбив к востоку от аэродрома в районе джелалабадского шоссе. Видел парашютиста, следуя в этот район. Сообщите летчикам, доложите в штаб!

Машина на большой скорости неслась по неровной дороге. Они ехали через какой-то, казавшийся безлюдным кишлак. Сейчас ухо надо было держать остро. В любую секунду из-за дувала или просто из-за куста можно было ожидать нападения. Можно было напороться и на группы обеспечения операторов зенитно-ракетных комплексов. Бунцев взял себе правую сторону дороги, а Попову приказал следить за левой.

Попов сразу же метнулся к левой дверце. Проскочили один кишлак, затем второй, потом въехали в третий. Бунцев хоть и не ездил по этим кишлакам, но ориентировался хорошо. Он был уверен, что выскочат на джелалабадскую дорогу. Так оно и получилось. Машина перебралась через арык и тяжело въехала на насыпь, по которой проходила асфальтированная дорога.

— Налево! — приказал Бунцев. — Жми на всю железку.

«Уазик» на большой скорости понесся по пустынному шоссе. Через несколько километров на поле увидели сразу несколько костров. Это горели обломки вертолета. Но где же искать пилотов? Ясно, что скоро придет помощь. Но сейчас дорога каждая секунда.

Бунцев повернулся к водителю:

— Поставь машину поперек шоссе и освети поле!

Нет, в свете фар людей они не заметили.

— Давай к крайним домам!

Через минуту они уже были у высокого дувала, за которым прятались жилые дома.

Пока Бунцев при свете фар осматривал поле, он успел отметить и направление ветра, и направление падения вертолета, припоминая вспышку, прикинул приблизительную высоту, на которой настигла ракета вертолет. Поэтому не случайно подполковник приказал водителю ехать к крайним домам. Он решил начать проческу именно с этого кишлака, считая, что парашютисты могли опуститься здесь.

Они побежали вдоль узкой улочки, зажатой с двух сторон высокими дувалами. Ждать, что кто-либо из пилотов обозначит себя ракетой или выстрелами, не следует. Они наверняка затаятся, чтобы их не нашли душманы. И Бунцев решил сам подавать сигналы, повернулся к Попову:

— Ты держись от меня метрах в пятнадцати и будь готов ко всему.

Стремительно двигаясь по улочке, Бунцев периодически кричал:

— Товарищи! Мужики! — Именно это слово должно было убедить пилотов в том, что кричат свои. — Где вы, отзовитесь, мы свои — десантники!

Бунцев выбежал на маленькую площадь, крикнул несколько раз и остановился. Куда теперь? Прикинул: если повернуть направо, то, скорее всего, попадешь к полю, где обломки вертолета, и Бунцев побежал левее. Следом, соблюдая дистанцию, с автоматом наизготовку мчался ефрейтор Попов. Они пробежали по улочке, которая все круче начала забираться влево, и оказались в зарослях. Домов не стало, а по сторонам — «зеленка». Подполковник пробежал еще с десяток метров и остановился. Стал и Попов, настороженно водя стволом автомата по сторонам. Бунцев сложил руки рупором и поднес ко рту. Но крикнуть не успел. Впереди коротко ударил автомат. Свиста пуль слышно не было — значит, не по ним. И вдруг там застрекотало уже несколько автоматов.

— Попов, за мной! — выдохнул подполковник и бросился вперед, но через десяток шагов остановился и тихо сказал: — Попов, пойдем параллельно через заросли. Если духи обложили наших, то наверняка нас будут поджидать со стороны дороги. Огня без команды не открывать. Сначала разберемся, в чем дело. Пригибайся пониже, на огонь не лезь.

Теперь они бежали через густой, колючий кустарник.

Опять коротко ударил автомат. Пригибаясь, осторожно они прошли еще метров двадцать. Бунцев залег, то же самое сделал Попов. И тут впереди совсем недалеко послышался голос:

— Э, советский, сдавайся!

«Черт возьми, в этом Афганистане русский язык знают и друзья, и враги».

В этот момент ударил автомат. Три-четыре трассирующих пули впились в кустарник, откуда слышался голос.

«Ага, ясно, значит, кто-то из наших находится правее», — догадался Бунцев.

Подполковник подполз к Попову.

— Ну-ка, браток, дай мне две гранаты, а сам по кругу зайди в тыл летчику. Только не приближайся к нему, он может тебя по ошибке расстрелять. Будь осторожен, можешь встретиться с духами. Бей только наверняка и после этого кричи летчику, что ты свой.

Попов протянул Бунцеву две гранаты и, отползая, попросил:

— И вы, товарищ подполковник, будьте осторожны.

Бунцев внимательно смотрел вперед. Оттуда послышался голос:

— Шурави, сдавайся, мы тебя сейчас будем убивать.

«Не будете!» — ответил про себя Бунцев, чуть поднялся и метнул на голос гранату.

— Ребята, пилоты, это я, подполковник Бунцев, гранату в духа бросил! Слышите меня?

И вдруг кто-то сказал на чисто русском языке:

— Слышу, но как я увижу, что ты свой?

«Пилот», — обрадовался комбат. И торопливо сказал:

— Пока давай вместе будем отбиваться, а потом разберемся.

— Понял, — после продолжительного раздумья ответил летчик.

Бунцев сменил позицию, чтобы затихшие духи на голос не ударили, и громко крикнул:

— Попов! Ты слышишь меня?

Но вместо ответа раздалась короткая очередь, и только после этого послышался голос ефрейтора:

— Так точно, слышу.

— Это ты стрелял?

— Так точно. Духи к летчику с тыла заходили.

А летчик вдруг спросил:

— Подполковник, как ты назвал себя?

— Бунцев. Подполковник Бунцев.

— А имя отчество?

— Михаил Петрович.

— Ты кто по должности?

— Да комбат я, из парашютно-десантного батальона.

Бунцев стремительно перебежал правее. И вовремя! Только он успел упасть, как недалеко от дерева, за которым он укрывался, разорвалась граната. А пилот сразу осмелевшим голосом сказал:

— Подполковник, идите ко мне. Я штурман Першина, мы же с вами знакомы.

Бунцев сразу же вспомнил высокого симпатичного капитана — штурмана.

— Так, порядок! — упал рядом с пилотом комбат и громко крикнул: — Попов, ты можешь к нам прорваться?

— Есть! — ответил Попов. Оказалось, что он уже и так

находился рядом. Он стремительной тенью метнулся к командиру.

— Вот два автомата и магазины запасные. У духов забрал, теперь они им больше не потребуются.

Бунцев деловито начал распределять обязанности:

— Ты, Володя, бери на себя тыловой сектор, ты, капитан, — левый, а я — правый.

— Не могу я, товарищ подполковник, — слабым голосом произнес капитан. — У меня что-то с ногой.

Бунцев в первую очередь коснулся ноги. Рука нащупала бедро, а дальше... ничего нет.

«Оторвало», — понял Бунцев и коротко бросил: — Попов, жгут, быстро!

Попов достал жгут, протянул его подполковнику и стал разрывать упаковку перевязочного пакета. Но тут снова открыли огонь душманы.

— Держись, браток, сейчас перевяжу.

А сам подумал: «Посветить бы хоть чутко, чтобы раны видеть!»

Пилот тихо пояснил:

— Мне ногу винтом рубануло, часть строп перерубило, еле приземлился. — Потом спросил: — А где майор Першин?

У Бунцева задрожали руки: «Господи, так это же машина Николая подбита! Першина сбили!»

А капитан прошептал:

— У меня в комбинезоне сигнальные ракеты... обозначьте себя... — И потерял сознание.

Бунцев знал, что ракеты у пилотов должны находиться в накладном боковом кармане брюк, и быстро отыскал их.

Мерцающая красная ракета высоко взвилась в небо. Бунцев успел при ее неясном свете в «зеленке» увидеть тени душманов и дал по ним очередь. Чтобы поддержать солдата, стараясь быть веселым, спросил:

— Как думаешь, попал?

— Не видел, — простодушно ответил Попов и, прицелившись, тоже дал короткую очередь.

«По времени, — думал Бунцев, внимательно осматривая подступы с тыла, — наши уже должны быть на месте падения. Только бы Першин спасся, только бы он остался живым!»

Попов тихо позвал:

— Товарищ подполковник! А, товарищ подполковник! Я вижу прямо перед собой четырех духов. Наверное, сове-

щают, что дальше делать. Я проползу метров пять — семь в их сторону, а вы вторую ракету запустите, они залягут, а я их — гранатой.

— Давай, Попов, только осторожно, не высовывайся!

Он выждал пару минут и запустил вторую сигнальную ракету. Она была белой и неплохо осветила местность. На мгновение мелькнула фигура Попова, и впереди рванул взрыв. Попов в два броска вернулся к Бунцеву.

— Порядок, уверен, что накрыл точно!

— Потом провер... — Бунцев замер на полуслове. В небо взмыли одновременно не менее десятка ракет. И сразу же вспышки душманских автоматов начали быстро смещаться вправо.

— Бегут! — воскликнул Попов и длинной очередью прошил «зеленку».

Бунцев не торопился подавать голос и только тогда, когда ясно услышал голоса: «Бунцев! Попов! Где вы?» — отозвался. К ним бросилась группа людей. Первым был Бочаров.

— Живы? Не ранены?! — ощупывал он по очереди подполковника и ефрейтора.

Принесли носилки. На них уложили пилота и четверо санитаров в сопровождении группы автоматчиков быстро понесли его к кишлаку.

Бунцев спросил у Бочарова:

— Что с Першиным? Нашли его?

— Не знаю. Мою роту бросили сюда. Мы прочесывали кишлак, когда увидели вашу ракету.

— Бочаров, у тебя с собой собаки есть?

— Так точно. Четыре. Их саперы взяли.

— Пусти собак впереди и продолжай проческу. Дай мне одного радиста, я — к месту падения вертолета. — Комбата беспокоила судьба Першина.

Бунцев, Попов и радист быстро подошли к кишлаку. Афганские солдаты уже вели там осмотр дворов. Бунцев сел в машину, и она прямо по полю поехала к месту, где упал вертолет. Там уже было много людей.

К Бунцеву подошел командир вертолетного полка и, пожав ему выше локтя руку, глотая слезы, сказал:

— Коля Першин не прыгнул. Он там... — И кивнул головой на одну из ям, где лежали спрессованные в лепешку остатки передней части кабины вертолета.

У Бунцева закружилась голова, в глазах потемнело, и, застонав, он тяжело опустился на пахоту.

ПЕРЕДАЧА

Жизнь в цепях стала совсем невыносимой. Ребят сейчас поддерживала только мысль о побеге.

Уже установилась регулярная переписка с афганскими пленными, парни получили от них немного лекарства, чистые тряпки. Бинтом пользоваться было нельзя: душманы сразу бы заподозрили что-то неладное. Однажды утром пленники услышали какой-то шорох сверху и увидели, что в окошко, находящееся под самым потолком, кто-то просунул небольшой сверток. Он тяжело стукнулся о пол, внутри что-то звякнуло. Его поднял и развернул Тамарин, и все увидели два небольших напильника и три коротких ножовочных полотна. Была и записка.

Тамарин взял записку, а остальное протянул Леонову.

— Антон, спрячь в углу.

Оглянувшись на дверь, Тамарин негромко начал читать: «Товарищи, передаем вам напильники и пилки, а также план центра, где мы с вами находимся. Вы просите информировать вас о вражеских силах и центре. Здесь одновременно и учебный центр, и большая база, всего насчитывается до 1400 человек. Основная задача центра — обучение душманов ведению боевых действий и организации террористических акций на территории Афганистана. В центре имеется полигон и три больших склада с оружием. Центр подчиняется исламской партии Афганистана, главарем которой является Гульбуддин Хекматиар. Мы узнали, что в центре готовят операторов ракетных комплексов для стрельбы по воздушным целям, пулеметчиков, снайперов, подрывников и специалистов по применению различных ядов. Выпуск производится раз в шесть месяцев. Через две недели состоится очередной выпуск. Здесь на короткое время останется значительно меньше человек. Это в основном преподаватели из числа пакистанских военных, иностранные инструкторы, руководство центром, охрана складов, самого центра, ну и наши охранники. Мы считаем, что это самый удобный момент для восстания. Мы вступили в контакт с некоторыми из наших охранников, они нам помогут выйти из камер. Изучайте план центра и готовьтесь. Ваши афганские братья».

Все возбужденно зашумели, Тамарин поднял руку.

— Спокойно, товарищи! — Он огляделся, даже пошарил рукой по полу. — А где же план? Антон, посмотри в свертке.

Леонов быстро развернул сверток, но там, кроме ножо-

вочных полотен и напильников, ничего не было. Осмотрели всю камеру, однако ничего не нашли.

— А вдруг тот, кто бросал сверток, уронил план где-нибудь во дворе, а духи найдут его? — предположил Вакеев.

Все настороженно притихли. Неужели конец их мечте?

Тамарин тихо сказал:

— Будем ждать нашего связного. Сейсейбаев, ты скажи ему о плане, а сейчас давайте напильники и ножовочные полотна спрячем в пол в разных местах, записку съедим.

Наступило гнетущее ожидание. Тамарин, гремя цепями, подошел к Леонову, тяжело опустился на пол.

— Сейчас главное знать, не прокололись ли где афганцы.

— Ближайшие дни покажут, — ответил Леонов и, глядя на Викулина, сказал: — Пора бы Арнольду сделать перевязку. Тянут сволочи.

— Хорошо, что хоть тот раз нас послушали и перевязали его.

— У четверых ребят высокая температура, раны не заживают...

Договорить Леонову не дали двое душманов. Загремели засовы, открылась дверь. Этих душманов уже хорошо знали пленники. Они обычно приходили за кем-нибудь на допрос. Они рукой поманили Леонова, и один из них, показывая на дверь, приказал:

— Буру!

Тамарин скороговоркой тихо сказал:

— Антон, если будут уговаривать перейти к ним, не отказывайся, сделай вид, что колеблешься, требуй медпомощи.

Леонов медленно побрел к двери.

Его вывели во двор. Шел дождь, и сюда пришла осень — дождливая пора. Привели его в знакомое помещение. А там уже ждали Роберт и Торн. На их лицах приветливые улыбки.

Роберт на сей раз избегал обычных вопросов о здоровье, настроении. Тон у него был сугубо деловым.

— Советское командование издало обзорный приказ о дисциплине во всех воинских частях. Там идет речь о том, что большинство солдат, сержантов и прапорщиков достойно исполняют свой интернациональный долг, но есть и такие, которые совершают уголовные преступления: кражи у афганцев, взломы магазинов, торгуют бензином, консервами. Этот приказ особо клеймит позором тех, кто дезерти-

ровал и перешел на сторону врага. Приказ называет фамилии пятерых таких людей, и знаете, какие фамилии там называются?

— Нет, откуда мне знать?

— Я вам сообщу.— Роберт взял со стола лист бумаги и прочитал: — Вакеев, Брей, Мещеряков, Николаев, Леонов.

Антону было ясно: начинается очередной сеанс обработки, и он подумал: «Только бы не били, не искалечили, ведь через две недели начнется самое главное». Ему вспомнились слова Тамарина, и Антон сделал удивленное лицо:

— Но вы же знаете, что мы не дезертировали.

— Но, увя,— улыбнулась Торн и, не переводя слова Леонова американцу, сказала: — Мы такой справки с гербовой печатью выдать вам не можем.

Только после этого она перевела американцу вопрос и свой ответ. Тот рассмеялся.

— Но зато можем вас познакомить с одним русским, может, вы его захотите послушать.

Он кивнул охранникам и что-то резко сказал. Те, подталкивая, вывели Леонова из комнаты, провели по неширокому коридору и толкнули в одну из дверей. В небольшой комнате за журнальным столиком сидел молодой мужчина. Он встал, пошел навстречу Леонову, протянул руку и представился:

— Юрий Миллер. Специально приехал из Англии. Хочу помочь своим соотечественникам.

У него была небольшая аккуратная русая борода, одет в национальную афганскую одежду, говорил на чистом русском языке, и Леонов удивленно его рассматривал.

— О, я рад, что заинтересовал тебя, Антон. Кстати, у тебя старинное и такое прекрасно русское имя — Антон. Я представитель издательства «Посев», наш журнал является рупором народно-трудового союза. Слышал о таком?

Леонов не ответил. Миллер слегка подталкивал его в спину и, делая вид, что не замечает цепей на руках и ногах Антона, подвел его к журнальному столику, усадил в кресло.

— Вот посмотри мои журналы.— Он рукой указал на разбросанные по столу несколько журналов «Посев». — Если хочешь, можешь взять с собой, считаешь со своими друзьями по несчастью. Пока мы одни, я хочу предложить тебе сотрудничество. Нет-нет, я не имею в виду там разные военные тайны, бог с тобой, я не об этом. Я имею в виду человеческое сотрудничество ради твоей жизни.

Миллер наклонился и достал из-под стола диктофон.

Деловито щелкнул тумблерами, подставил к Леонову микрофон.

— Для начала назови себя, Антон.

— Я попрошу выключить эту балалайку,— вскипел Леонов.— Иначе я с вами разговаривать не буду.

Миллер выключил диктофон, и в этот момент в комнату вошли Роберт и Торн. Леонов обратился к американцу:

— Господин Роберт, не могли бы вы объяснить этому господину, что записывать на магнитофон человека, закованного в цепи, неэтично.

Торн перевела, и Роберт что-то сказал по-английски Миллеру. Тот поспешно убрал со стола диктофон. Роберт сел напротив Леонова, а Торн осталась стоять. Роберт дружелюбно спросил:

— Вы не хотите поесть?

Антон сделал вид, что колеблется, а затем ответил:

— Нет. Обо мне могут плохо подумать мои друзья.

— Какое настроение у ваших товарищей?

— Пока ребята думают, советуются,— неопределенно ответил Леонов.

— Ну а ваша какая позиция?

— Кому хочется умирать в этой яме?

— Ну и что вы говорите своим друзьям?

— Я говорю, что надо искать выход.

— А выход у вас один: просить политическое убежище. Не так ли?

Леонов лихорадочно обдумывал ответ. Он боялся осторожным словом вызвать подозрение у этих людей. Во что бы то ни стало надо продержаться две недели, не дать их разлучить друг с другом.

Американец убеждал его:

— Вы же неглупые люди и должны понять, что у вас только два пути: остаться здесь под Пешаваром навсегда или же жить в свободной демократической стране.

— Причем жить хорошо,— добавила Торн,— беззаботно, имея и жилье, и прекрасную работу, и шикарную автомашину.

А Леонова словно кипятком обдало: «Выходит, наша база находится не под Кветтой, а под Пешаваром!»

Антон повернулся к Роберту:

— Я хочу попросить, чтобы врач осмотрел тяжелораненых, особенно того, у кого выбит глаз. Прошу вас, господин Роберт, помогите нам.

— Хорошо, я скажу, но вы скорее принимайте какое-

либо решение. Зачем таскать на себе эти цепи? Поймите и нас, пока мы бессильны что-нибудь для вас сделать. Душманы, насколько мне известно, намерены снова применить к вам акты физического насилия.

Это была явная угроза, но Леонов сделал вид, что не придает ей особого значения, и тяжело поднялся с кресла.

В камере его ждали с тревогой и нетерпением. Антон подробно, стараясь не упустить ни одной мелочи, рассказал о беседах с американцем и Миллером.

Принесли еду, и у ребят оборвались сердца. Связника среди тех, кто принес обед, не было. Хотя изможденные до предела организмы нуждались в еде, все ели без аппетита. Настороженно вели себя и охранники. Двое из них с автоматами наизготовку стояли в проеме двери.

Тягостное ожидание тянулось весь день, а затем еще и следующие сутки. Все решили, что душманы, обнаружив план, схватили связника. Предположения высказывались одно страшнее другого. Но на третий день, когда, казалось, все потеряно, в камеру вместе с другими разносчиками пищи вошел и связник. Он, как всегда, молча начал раздавать пустые железные миски, и Леонов в своей на дне увидел сложенный лист бумаги и маленькую шариковую ручку. Антон дрожащими руками все это спрятал под себя. Николаев взял его миску и подошел за супом. Душман, который разливал, показал Николаеву, что тот хочет получить паек дважды, но Алексей рукой показал на Леонова и притронулся к голове.

— Ты что, не видишь, человек заболел, я для него стараюсь.

Душман понимающе сказал «саис» и налил в миску черпак бурой жидкости.

Парни еле дождались ухода душманов и сразу же окружили Леонова. Антон развернул бумагу. Там оказалось два листа. На одном из них был план.

Все вздохнули с облегчением. Послышались голоса: — Прочтите записку! Что в ней?

Тамарин развернул записку и, увидев большой текет, удовлетворенно крикнул.

«Товарищи! План передаем с некоторым опозданием, возникла необходимость еще раз кое-что уточнить в нем. Нам стало известно, что пакистанское правительство предпринимает лихорадочные усилия объединить семь крупнейших контрреволюционных партий и создать из них представителей так называемое временное правительство, ко-

торое хотят поставить у власти сразу же после вывода из нашей страны ваших войск...» Далее в записке шли краткие сведения о крупнейших контрреволюционных партиях. Пленники внимательно слушали, пытаясь запомнить эти группировки.

«...Сообщаю вам о себе,— читал дальше Тамарин.— Я полковник афганской армии Мохаммад Наим. В плен попал раненым. Несколько лет учился в Советском Союзе (вы, наверное, можете судить это по моим письмам).

От базы, где мы с вами находимся, до границы с Афганистаном, недалеко. Наши предложения: мы, афганские военнопленные, пользуясь тем, что среди охраны есть наши люди, нападаем на охрану, захватываем оружие и заранее созданными группами атакуем штаб базы. Затем убираем охрану и караулы у складов. Специальная группа освобождает вас. Потом вместе решим, что делать дальше».

Тамарин медленно порвал на мелкие кусочки записку. Затем развернул план базы. Сразу видно, что чертил человек военный. На ней все ясно: где охрана, где штаб, а где расположены тюрьмы, склады и другие помещения.

Тамарин обвел всех радостным взглядом.

— Ну что, товарищи, живем?!

Солдаты взволнованно заговорили, перебивая друг друга.

— С сегодняшнего дня начинаем подготовку к победе.— Тамарин говорил тихо, и все замолчали.— Будем подпихивать друг другу кандалы изнутри так, чтобы эти места не были заметны для душманов. В нужный момент распилим полностью.

Когда страсти немного улеглись, Тамарин отвел Леонова и Николаева в дальний угол.

— Ребята, у меня есть такое предложение. Вы сами понимаете, что шансов у нас прорваться к границе Афганистана очень мало. Даже если мы и прорвемся, то впереди трудный и опасный путь. Нам всем хочется, чтобы на Родине узнали всю правду о нас. Поэтому я хочу попросить, чтобы вы согласились с предложениями американца и поехали в одну из стран, с которыми Советский Союз поддерживает дипломатические отношения. А потом, выбрав момент, явились в наше посольство.

— Ты что! — вскопил на ноги Леонов.— Совсем сдурел?!

Возмутился и Николаев:

— Поищи для этой цели других! Мы будем со всеми до конца. Или все вместе прорвемся, или все вместе погибнем!

— Спокойно, не орите! — повысил голос и Тамарин. В камере стало тихо, все заинтересованно смотрели на них.

Тамарин объяснил, о чем идет речь.

Антон видел строгие, задумчивые, измученные лица товарищей. Ему до слез стало жалко и себя, и этих молодых людей.

Первым подал голос Викулин:

— Я считаю, что в этом есть смысл. А может, действительно на Родине думают, что мы предатели. Это страшнее смерти. Подумайте, мужики, может, вам ради нас всех и стоит пойти на этот шаг.

Другие сомневались в целесообразности такого поступка: заставят дать подписку, предложат выступить перед журналистами, потребуют дать сведения об армии. Но все же большинство поддерживало Тамарина.

— Мы же таким образом изобличим пакистанское правительство во лжи.

— Спасем других наших парней, которые томятся в душманских тюрьмах в Пакистане.

— Сообщим о себе правду на Родину.

— На Родине выступите перед иностранными журналистами и расскажите всю правду.

Брей сочувственно смотрел на Антона и Алексея.

— Ой, хлопцы! Я понимаю, как это тяжело — публично отказать от Родины.

Тамарин насколько мог приподнял руку и твердо сказал:

— Тихо, товарищи! Младший сержант Леонов и рядовой Николаев, слушайте приказ! Вам поручается от имени военнослужащих, содержащихся в этой камере, попросить политическое убежище, а затем, при первом же удобном случае, явиться в советское посольство и все рассказать. В связи с этим, в целях конспирации, вам запрещается наносить какие-либо повреждения кандалам, пусть их душманы снимут сами.

ОН — НЕ «АФГАНЕЦ»!

Последнее время Вера Федоровна поняла, что ее жизнь наполняется новым смыслом. К ней все чаще стали обращаться такие же, как и она, убитые горем женщины. Вера Федоровна чем могла помогала им. Она не стеснялась пойти в любую инстанцию, добиваясь справедливости в отношении

семей погибших. Вера Федоровна завязала переписку со многими матерями погибших в Афганистане ребят.

Как-то после работы Вера Федоровна забежала в госпиталь к Павлу Чайкину. Он все-таки рискнул на еще одну операцию, чтобы получить возможность ходить без постоянных мучительных болей. В палате лежали еще трое молодых парней. Все они «афганцы». Один паренек был неместным. Уже прошел месяц, как его навестили родители, живущие в далеком Свердловске. Вера Федоровна не поленилась еще раз сходить на рынок — благо он был недалеко — купить фруктов и снова вернулась в палату, угостила паренька и его соседей по палате.

Поговорив с ребятами и взяв у них письма, чтобы бросить по дороге в почтовый ящик, Вера Федоровна ушла.

Сергея дома еще не было. Вера Федоровна знала, что он договорился со своей девушкой встретиться после работы. С грустью подумала о том, что у Сергея все шло к свадьбе, но беда с Колей отодвинула эти планы на неопределенный срок.

Долго ворочалась в эту ночь Вера Федоровна. Слышала, как пришел поздно Сергей, как он, стараясь не шуметь, после ужина мыл посуду. Проснулась, как всегда, в шесть тридцать, приготовила завтрак и пошла на работу.

В это время она еще не знала, что сегодня ей придется столкнуться еще с одной подлостью.

Ровно в десять позвонил ее начальник и спросил:

— Вера Федоровна, вы ходатайствовали о зачислении в институт бывшего солдата-«афганца»?

— Да.

— Тогда позвоните проректору, у которого вы были.

Удивленная тем, что она понадобилась, Вера Федоровна тут же позвонила проректору.

— Вы бы не могли приехать ко мне к двенадцати часам? — спросил проректор.

— Ну, разумеется, — не раздумывала она.

— Ну вот и хорошо, — сказал проректор, — тогда и поговорим.

Терзаемая любопытством, Вера Федоровна входила в кабинет проректора. Она не сомневалась, что причина ее приглашения одна — Алефин, и, увидев Александра в кабинете, не удивилась. Здесь же находился незнакомый молодой человек в очках. Позже Вера Федоровна узнала, что он секретарь комитета комсомола института.

Проректор предложил Вере Федоровне стул и спросил:

— Вы хорошо знаете этого человека? — проректор указал на Алефина.

— Нет, я его знаю недавно, — смутилась Вера Федоровна. — Мне о нем рассказали друзья, и я решила ему помочь. А что случилось?

— Сначала я вам сообщу, кто он, — жестко глядя на Алефина, сказал проректор. — Он самозванец и проходимец! И никакой он не сирота. У него родители живы и здоровы. — И жестом останавливая Веру Федоровну, которая хотела что-то сказать, продолжал: — Да-да, он всего лишь обыкновенный жулик. Этот молодой человек никогда в Афганистане не был и никаких ранений не получал.

— Как? А награды?! — схватила за сердце Вера Федоровна.

— Объясните, молодой человек, женщине, которая потеряла в Афганистане сына, где вы получили два ордена и медаль, — потребовал проректор.

— Одолжил, — пробормотал Александр.

— У кого? — так же жестко спросил проректор.

— У бабушки.

— Господи! — тихо воскликнула Вера Федоровна. — Так что же это?! Ты же мне, да не только мне, рассказывал, как воевал, как сражался, бывало, один сразу против целой группы душманов... — Вера Федоровна со слезами на глазах смотрела на проректора и секретаря комитета комсомола: — Вы бы слышали, как он врал трем ребятам, которые на несколько дней приехали в отпуск и теперь снова в Афганистане! Он поучал их, как надо воевать!

— Я теперь не удивляюсь этому, — сказал проректор. — Он и здесь, выдавая себя за героя-фронтовика, такое рассказывал студентам... Они же его избрали членом комитета комсомола. Еще позавчера он выступал в средней школе, призывал школьников равняться на него.

— Его судить надо! — тихо сказала Вера Федоровна. — Я даже не представляю, что с ним сделают ребята, бывшие «афганцы», которые тоже верили ему, хотели помочь.

— Морду набьют и правильно сделают, — поднялся секретарь комитета комсомола.

— Гнать его в шею из института и обязательно сообщить куда следует о его поведении! — воскликнула Вера Федоровна.

— Правильно! — поддержал ее проректор. — Он совершил преступление, равное предательству, и должен за это ответить. — Проректор повернулся к Вере Федоровне: —

Я допросил вас приехать, потому что этот тип настаивал на этом. Утверждал, что вы его простите.

— Он наглец, спекулирующий на святых чувствах матери! — воскликнула Вера Федоровна и от возбуждения вскочила на ноги.

НОЧНЫЕ СРЕЛБЫ

В тот вечер Бунцев сразу даже не заметил, что был легко ранен в руку. Он натянул на повязку рукав форменной куртки и, тяжело ступая, направился к своему «уазику».

«Как все просто, — подумалось Бунцеву, — взлетел Николай, упал и — нет человека. О чем он думал в этот миг?»

Приехав в батальон, Бунцев сменил грязное обмундирование и сразу же направился в штаб. А там старший группы проверяющих допрашивал начальника штаба. Майор Мисник выслушивал вопросы, которые подполковник задавал громко и раздраженно, и спокойно отвечал. Увидев комбата, Мисник прервался на полуслове, сделал два шага навстречу Бунцеву и, взяв под козырек, четко доложил:

— Товарищ подполковник, за время вашего отсутствия в батальоне никаких происшествий не произошло, личный состав действует согласно плану. По вашему приказу мною первая рота направлена для прочески района падения вертолета. Три минуты назад капитан Бочаров доложил, что рота задание выполнила и возвращается в расположение батальона. Потерь нет, связь устойчивая. В девятнадцать ноль-ноль на аэродром прибыло пополнение. Этим же рейсом прилетели старший сержант Шувалов, а также рядовые Банявичус и Турлаков. Докладывает начальник штаба майор Мисник.

Бунцев, отыскав на карте место падения вертолета, молча стоял. Он мысленно прощался со своим другом Першиным.

К нему подошел подполковник и спросил:

— У вас когда отбой?

— Как во всех частях и подразделениях Советской Армии, — хмуро ответил комбат.

— Ну что ж, тогда через два часа после отбоя прошу поднять батальон по тревоге для выбытия на полигон для ночных стрельб.

— Эх, товарищ подполковник, — с какой-то грустью и даже сожалением глядя на этого задиристого, нервного

проверяющего, сказал Бунцев. — Мы здесь столько провели ночных стрельб, что на всю оставшуюся жизнь хватит.

— Это меня не интересует. Я действую согласно плану, утвержденному моим командованием.

— А знаете ли вы, что до полигона ночью идти не имеет смысла, противник часто минировал дорогу. Стрельба же на самом полигоне демаскирует, и нас могут обстрелять душманы. Нужны ли нам неоправданные потери?

— Прошу выполнять мои требования, — сухо ответил подполковник и вышел из кабинета.

Бунцев взглянул на начштаба.

— Слышал, Иван Павлович?

— Слышал... — Мисник еще хотел что-то сказать, но Бунцев перебил: — Тогда исполняй. Прикажи с собой взять по три боекомплекта. На полигоне израсходуем не более одного. — И после небольшой паузы спросил: — С нашими парнями, что прибыли из отпуска, не беседовал?

— Не успел. Да как тут успеешь, когда этот, — он кивнул на дверь, куда вышел проверяющий, — пристал как банный лист... Я знаю, что Шукалин их к себе вызывал.

Бунцев посмотрел на часы. Ложиться отдыхать уже не имело смысла. Устало сказал:

— Проследи за ротой Бочарова. Я буду в кабинете замполита.

Шукалин был один. Он сразу же сообщил:

— Беседовал с Шуваловым, Турлаковым и Баяновичусом. Я доволен, что мы их послали к матери Коблика. Поддержали наши мальчики ее здорово. Шувалов только сильно огорчен. Письмо, которое написала нам Вера Федоровна, таможенники отобрали.

— Как отобрали? — возмутился Бунцев. Это же не передача.

— А вот так. Взяли и отобрали. Письма тоже нельзя передавать.

— Идиотизм какой-то.

Гибели Першина Бунцев старался не касаться, но Шукалин вдруг сказал:

— Нам надо будет принять участие в церемонии отправления гроба с телом Першина. Сколько раз вместе воевали, сколько раз он выручал нас! В каких только переделах он не был, а тут на тебе! В обычном ночном полете, прямо над Кабулом...

— Война... — задумчиво произнес Бунцев и поднял трубку аппарата прямой связи с ЦБУ: — Бочаров прибыл?

— Да, рота устраивается на отдых, — ответил Мисник.

— Ну пусть пару часиков отдохнут. Я знаешь что думаю? Давай-ка мы направим разведчиков и саперов обеспечить дорогу на полигон.

— Я сам хотел это предложить, — обрадовался начальник штаба. — Такого приказа от проверяющего вряд ли дождешься.

Бунцев рассказал Шукалину о своей встрече с генерал-лейтенантом Дубиком.

Шукалин грустно сказал:

— И откуда в нашей армии берутся такие люди, как этот подполковник? Я на своем веку уже перенес, наверное, сотню проверок. Разные люди попадали, но такого, как он, встречаю впервые. Представляешь, не успели Шувалов, Баяновичус и Турлаков прибыть из аэропорта в батальон, как он их к себе вызвал. Начал расспрашивать, кто, куда и зачем их направлял; передавал ли что-нибудь кто-либо из офицеров в Союз. Даже интересовался, нет ли здесь среди офицеров их родственников. Я посчитал необходимым доложить генерал-майору Щербак о неправильных действиях руководителя группы проверяющих и его подчиненных.

— А что сделает Щербак или тот же Дубик, когда проверку прислали свыше? Кому-то же выгодно было выставить нас в таком свете. Комбат горько улыбнулся. — Ну ладно. Я в ЦБУ, скоро будем поднимать батальон, так что готовься, Владислав Альбертович.

— А я готов. Вот только письмо жене закончу.

— Привет передавай.

— Спасибо, передам. А тебе писем не было?

— Нет. Все кончено. Она, насколько мне известно, уже вышла замуж.

На полигон прибыли без происшествий. Правда, тому способствовали разведчики и саперы. На дороге были обнаружены и сняты две итальянские противотанковые мины.

Когда Бунцев поставил об этом в известность проверяющего, тот кисло ухмыльнулся. Эта улыбка говорила о том, что подполковник сомневался в правдоподобности сказанного. Еле сдерживаясь, чтобы не сорваться, Бунцев приказал разведчикам и саперам продолжать контролировать дорогу, пока батальон не пройдет обратно.

Стрельбы прошли нормально. Да и как они могли проходить иначе, когда стреляли люди, которые знали цену точного выстрела и умели вести огонь днем и ночью даже в боевой обстановке.

Правда, не обошлось и без курьезов. Когда боевые машины начали строиться в колонну, неожиданно на полигон упало сразу несколько душманских ракет. Море огня — ракеты были зажигательными — запылало вокруг. Грохот, свист, разрывы осколков.

Комбат сориентировался мгновенно. С юга от полигона была равнина, примыкающая к городу, с севера — горы. Из-за гор вели огонь душманы.

Ракеты не могли поразить батальон, так как техника и люди были сконцентрированы ближе к горам. А вот командный пункт, где находился штаб батальона и проверяющие, оказался в зоне разрывов. Офицеры действовали четко, быстро и, что поразило проверяющих, совершенно не обращая внимания на обстрел.

Бунцев приказал колонне сдвинуться еще ближе к горам, затем отдал распоряжение одному из офицеров связаться с ближайшим артиллерийским подразделением. Повернувшись к начальнику штаба, приказал:

— Определите месторасположение позиций противника.

Третьему офицеру поручал связаться с советскими постами, расположенными на господствующих высотах, они-то должны видеть, откуда бьет противник.

Бунцев все приказы отдавал спокойно, не повышая голоса. Руководитель группы проверяющих вдруг увидел, что там, где офицеры работали с картой, виден луч фонарика, и истерично закричал:

— Кто там демаскирует? Немедленно погасите свет!

— Отставить! — ровным голосом сказал Бунцев: — Продолжайте работать, товарищи! — И повернувшись к руководителю группы проверяющих, пояснил: — Мы хорошо знаем эту территорию. Душманы с вершин дальних гор засекли выход нашей колонны в район полигона, поэтому и бьют по площадям. Здесь, на полигоне, их наблюдателей нет, и корректировать огонь они не могут. На всех ближайших вершинах находятся наши посты.

В этот момент несколько ракет разорвалось недалеко от КП. Все продолжали работать как ни в чем не бывало. А проверяющий от неожиданности бросился на земляной пол, покрытый толстым слоем пыли. Мало того, падая, он уронил табурет, и в панике, когда снова рядом разорвалась ракета, укрыл табуретом голову.

Мисник, подошедший к комбату с докладом о том, что цели артиллерии даны и сейчас будет нанесен по душман-

ским позициям удар, откровенно рассмеялся и с издевкой спросил:

— Может, бронезилет принести, товарищ подполковник?

Но Бунцев тут же его одернул:

— Товарищ майор, занимайтесь своими делами.

Комбат в этом проявлении страха со стороны подполковника увидел обычное человеческое чувство: «А кому не страшно в первый раз, да еще ночью?»

— Все позиции противника засечены, и наша артиллерия начала их обработку. Если не возражаете, я дам команду строиться в походную колонну.

Проверяющий, не услышав в словах комбата ни подвоха, ни насмешки, скороговоркой промолвил:

— Да-да, надо побыстрее уходить отсюда.

Радист, сидевший в самом углу, неожиданно обратился к Бунцеву:

— Товарищ подполковник, вас вызывает командир разведзвода.

Бунцев назвал свой позывной. А затем, выслушав Иванько, приказал:

— Держите их у себя, как только подойдем, передадите нам. И еще, предупредите кротов, что последние пять коробок в колонне предназначены для них и для вас. Будете следовать вместе с нами. Как понял?

Комбат пояснил проверяющему:

— Разведчики взяли троих духов, они хотели еще мины поставить, рассчитывали, черти, что не подумаем о своей безопасности на обратном пути.

— Думали, что, обнаружив первые две мины, мы решим, что путь безопасен и в обратном направлении, — оживился проверяющий.

Бунцев тут же приказал Миснику:

— Сообщите в штаб ограниченного контингента о захвате пленных. Пусть свяжутся с афганской стороной и попросят забрать их у нас. Это можно будет сделать, — Бунцев взглянул на часы, — через два с половиной часа.

— Их же надо допросить, — сказал проверяющий.

— Это дело афганской стороны, — коротко ответил комбат.

В свой городок батальон возвратился без происшествий, и комбат приказал личному составу отдыхать. Усталый, еле передвигая ноги, он направился к себе в «бочку». Прежде чем войти, взглянул на небо. До рассвета не больше часа.

Разделся, лег и словно куда-то провалился. Сон пришел мгновенно.

Но Бунцев не был бы Бунцевым, если бы ровно в пять тридцать он не проснулся. Прошло еще двадцать минут, и комбат выбритый, аккуратный вошел в ЦБУ. Дежурный офицер доложил обстановку, а затем показал радиограмму. Группе проверяющих предписывалось немедленно покинуть батальон и вылететь в Ташкент.

— Когда придет старший группы, — приказал Бунцев, — доложите, что я буду у себя.

Планируя работу на день, он не забыл урвать время и для посещения госпиталя. Он уже знал фамилию капитана и решил обязательно навестить его.

Перед самым завтраком из ЦБУ сообщили, что комбат, вместе с замполитом вызываются в штаб ограниченного контингента.

В кабинете командующего было много людей. Среди военных выделялся человек в гражданской одежде. На него еще раньше обратил внимание Бунцев. Высокий, крупной кости, широколицый, он сел за стол рядом с командующим и начал читать какие-то бумаги.

Командующий взглянул на часы и проговорил:

— Товарищи! Представляю вам Чрезвычайного и Полномочного Посла Советского Союза в Республике Афганистан...

«Так вот почему мне его лицо знакомо, — подумал Бунцев. — Как же это я его сразу не узнал? Хотя он тогда, когда вручал награды, был одет в форму посла».

Посол поднялся и начал говорить. Голос у него был с хрипцой, но громкий и уверенный.

— Вчера нам сообщили из нашего министерства иностранных дел, что пакистанская сторона отрицает то, что на территории их страны находятся пленные военнослужащие Советской Армии. Однако совершенно достоверные данные неопровержимо свидетельствуют об обратном. Поэтому мне поручено просить командование ограниченного контингента обобщить всю информацию, которая будет сопоставлена нашим правительством с другими данными для определения всех возможных мер для возвращения наших солдат, попавших в руки душманов, на Родину.

Затем посол охарактеризовал политическую обстановку в Афганистане и сказал, что в настоящее время сложилась вполне благоприятная ситуация для решения афганской проблемы.

— Вы знаете, товарищи, что принято решение о выводе наших войск из Афганистана. Городки, посты, заставы вместе со всеми строениями и оборудованием будем передавать афганским вооруженным силам. Просьба проследить за тем, чтобы все передавалось в полном порядке. У нас есть план вывода войск, и он будет осуществляться точно и в срок.

После перерыва Дубик и Щербак, проводив посла, продолжили совещание. Только сейчас Бунцев получил ответ на вопрос, который он себе уже не раз задавал: почему он, комбат, приглашен на это совещание, где больше ни одного комбата не было. Второму парашютно-десантному батальону предписывалось обеспечить безопасность выводимых из Афганистана советских подразделений на участке шоссе, который начинается сразу же от Кабула.

Двойное чувство охватило Бунцева. С одной стороны, было радостно думать о том, что кончались мытарства по горам Афганистана; сейчас его батальон повзводно займет постоянные позиции, а значит, и потеря будет поменьше. С другой стороны, радость предстоящего возвращения на Родину сливалась с грустью о том, что его батальон будет выведен из Афганистана в числе последних подразделений советских войск.

Сразу же после совещания Бунцев прямо из штаба связался со своими и, выяснив обстановку, решил заехать в госпиталь. Забежал в армейский магазин, расположенный прямо на территории штаба ограниченного контингента, купил фруктов, соков, конфет и поехал в госпиталь.

В госпитале он быстро отыскал в хирургическом отделении нужную палату. Врач, высокий молодой майор, сообщил, что состояние капитана Ольхова «обычное послеоперационное», и разрешил быть у него не более десяти минут.

Реанимационная палата представляла собой отгороженный угол в большой палате. Перегородкой служили простыни, в «палате» одна койка, на ней — капитан Ольхов. Ему двадцать семь лет, симпатичный, голубоглазый. Бунцев помнил, что он чуть выше среднего роста, стройный. Теперь перед ним лежал парень с впалыми щеками, глаза то ли от боли, то ли от не прошедшего еще наркоза затуманенные.

— Ну, здравствуй, браток, — прикоснулся к его локтю Бунцев. — Как ты?

— Здравствуйте, товарищ подполковник! Все нормально. Вот лежу и как раз о вас думаю... Не знаю, как вас и благодарить. Вы же мне жизнь спасли.

— Да что ты, дружок? Ты сам себя спас.

— Нет, нет, если бы не вы, то был бы в лапах духов, хотя, конечно, последний патрон оставил бы для себя. Наверняка бы погиб, кровью бы истек...

Бунцев сел на стул, поставил на тумбочку два целлофановых пакета и предупредил:

— Фрукты не мыты. Скажешь сестричке, помое.

— Спасибо. Зачем это вы?

И капитан вдруг сам начал рассказывать:

— Мы с Николаем Антоновичем взлетели на патрулирование. Полет обычный, рядовой. Не на боевые же вылетели, я даже книгу прихватил, думал висеть нам в воздухе долго, почитаю немного. Сделали один круг, второй. Высота где-то шестьсот — семьсот метров. На третьем развороте вдруг взрыв. Свет в кабине погас, слышу сильный запах дыма. Вызываю по переговорному устройству Першина — глухо. А вертолет начал заваливаться вправо, и тут я услышал голос Першина: «Приказываю, прыгай!» — «А ты?» — спрашиваю. А он: «Ольхов, прыгай, внизу же кишляк! Я протяну». — Глаза Ольхова стали влажными, голос задрожал. — И тут же раздался второй взрыв, а может, это машина начала разваливаться, не знаю. Я понял, что падаем уже вертикально вниз. Схватил автомат, рванул аварийный кран и еле выбросился. Почти сразу же раскрыл парашют, земля же недалеко. Смотрю, а мимо три или четыре горящих костра летят. Успел подумать, как бы купол парашюта не сожгли. Поднял голову и вижу догоняет меня бешено вращающийся винт с редуктором. От света этих костров я его-то и увидел. Идет по наклонности прямо на меня... Не буду врать... испугался, решил, что смерть моя меня догоняет. Правда, инстинкт сработал, я потянул на себя стропы, чтобы парашют в сторону спланировал. Может, это и спасло. Винт пронесся рядом. Ногу мне отрубил и перерубил несколько строп. Сознание помутилось, пришел в себя уже на земле, а парашют, вернее, купол его, за кроны деревьев зацепился. Открыл лямки, освободился от строп и тут вижу тени между деревьями... Понял — духи. Открыл огонь, решил жизнь подороже продать. А тут вы, словно с неба свалились, ей-богу!

И вдруг Ольхов неожиданно спросил:

— Товарищ подполковник, а как Першин? Он выпрыгнул?

— Не знаю, браток, — соврал Бунцев, отводя глаза в сторону. — Проческу проводили другие, результатов еще

не знаю. У меня ночные стрельбы были, а с утра в штабе на совещании. Прямо оттуда к тебе и приехал.

Из-за простыни-перегородки выглянула медсестра и тихо сказала:

— Товарищ подполковник, ему больше нельзя.

— Да-да, иду. — Бунцев встал и спросил: — Может, тебе домой пару слов черкнуть? Кто там у тебя?

— Родители... мама, папа, жена... доченька, ей третий годик... — Голос у Ольхова задрожал, он прикрыл правой рукой глаза и заплакал.

— Ну что ты, Вячеслав... — Бунцев не мог найти нужных слов. — Успокойся, все нормально. Главное — ты жив! Мы же — солдаты.

ПИСЬМО РОДИНЕ

Побег был делом решенным, и подготовка к нему велась полным ходом. Правда, были и неожиданные трудности. Взять хотя бы кандалы. Казалось, что проще, пили их потихоньку, и дело с концом. Ну а если душманы хотя бы у одного пленника заметят, что кандалы подпилены? Что они сделают со всеми, даже страшно предположить. По крайней мере, вместе бы их больше не держали. Долго ломали головы и в отношении Антона и Алексея. О том, что Николаев и Леонов поедут в западную страну, афганские военнопленные и их связной не знали. Парни, боясь утечки информации, решили их в курс дела не вводить. Встал вопрос, а как поведут афганские друзья, когда узнают, что двое советских военнопленных «предали»? Не откажутся ли они от своего плана?

Тамарин предложил, чтобы Николаев и Леонов дали согласие за день до восстания, но тут же возникли опасения, а если их не вызовут к себе представители западных государств.

— Пусть сами попросятся к ним на беседу, — предложил кто-то.

Но Жураковский резонно заметил:

— А если никого из них не окажется на базе, что тогда?

В конце концов пришли к выводу, что ребята начнут искать встречу с иностранцами за три дня до побега.

Николаев и Леонов начали заучивать наизусть данные на каждого из пленных. О том, что они находятся в тюрьме на территории Пакистана, надо было сообщить кому сле-

дует. Кто-то из парней предложил, чтобы каждый написал короткую записку родителям, но, подумав, отвергли эту идею. Почти два десятка записок спрятать было трудно. И вот родилась идея написать короткое коллективное письмо, на котором всем расписаться и указать сведения о себе.

Взялись за письмо и сразу же начался спор: к кому обращаться. Целый день ушел на составление записки, а когда закончили, Тамарин ее зачитал:

— «Родина! Тебе пишут твои сыновья, которые не по своей воле оказались в плену у душманов. Сейчас мы находимся в учебном центре (базе) вблизи пакистанского города Пешавар. Нас постоянно унижают, избивают, морят голодом, не оказывают медицинской помощи. Двое наших товарищей Валерий Киселев и Сергей Мещеряков не выдержали этих издевательств и повесились. Каждый из нас скорее умрет, чем предаст тебя! На все наши требования связать нас с представителями Советского Союза или Красного Креста, нам отвечают отказом и говорят, что пакистанское правительство никогда не подтвердит, что на ее территории находятся советские военнослужащие. Здесь, на базе, в тюрьме находятся несколько сот пленных афганских солдат и офицеров. Они смогли установить с нами связь, и мы вместе решили поднять восстание, чтобы вырваться из подземелья и прорваться в Афганистан. Иного пути у нас нет. Мы поручаем нашим товарищам младшему сержанту Леонову Антону Сергеевичу и рядовому Николаеву Алексею Федоровичу сделать вид, что они согласны уехать в одну из западных стран, а там, при первом же удобном случае, явиться в советское посольство и сообщить о нашей судьбе.

Родина! Мы остаемся твоими сыновьями. Если не вернемся, не суди нас».

Тамарин обвел всех внимательным взглядом.

— Все правильно?

— Да.

— Тогда пусть каждый, поменьше занимая места, напишет свои данные и распишется.

Вдруг подал голос Викулин:

— Ребята, у меня есть предложение. — Он выждал пока наступит тишина. — Я предлагаю фамилию, имя, отчество, а также город, откуда призван, писать шариковой ручкой, а расписаться своей кровью.

— Зачем это? — непонимающе спросил Тамарин.

— А затем, что группа крови каждого из нас известна в частях, где мы служили. Это во-первых, а во-вторых, все поймут, что это письмо — наша клятва Родине.

Все согласились, и скоро письмо, где против каждой фамилии стояла подпись кровью, было готово. Стали думать, куда можно спрятать его. Все понимали, что Леонова и Николаева, конечно, переоденут. Значит, письмо должно лежать в таком месте, откуда его можно будет в момент переодевания незаметно и быстро взять.

Сделали так: положили записку глубоко в карман брюк, а затем чуть выше перевязали узеньким шнурком, оторванным от майки.

— Если будут шарить по карманам, то не заметят, — уверенно сказал Сейсейбаев.

В это время в камеру зашло шестеро душманов. Четверо кроме израильских автоматов «узи» держали в руках нагайки с тонкими металлическими хлыстами. Переводчик скомандовал:

— Встать, когда зашел к вам господин!

Все бросили взгляд на Тамарина и Леонова. Те продолжали сидеть, и ребята не сдвинулись с места. Переводчик вопрошающе смотрел на коротконового, жирного, с круглым плоским лицом и большой лысиной мужчину. А тот уставился маленькими глазками в Жураковского, который как сидел спиной ко входу, так и остался сидеть.

— Встать! — пнул его ногой переводчик. — Я приказываю встать!

Жураковский чуть повернул голову к переводчику и спокойно сказал:

— Послушай, ублюдок, если ты еще раз притронешься своей вонючей ногой, то я тебя этой цепью задушу.

Переводчик испуганно отступил и что-то сказал своему господину. Тот что-то переспросил у него, а затем бросил несколько слов охранникам. Двое их них, подскочив к Жураковскому, начали бить его нагайками. Тонкие, из металлических нитей хлысты, словно острые ножи, рассекали рубашку, пронзали тело до костей. Ребята бросились на защиту товарища. Цепи, которыми были скованы солдаты, на этот раз сослужили добрую службу. Держа перед собой, ребята, словно щитами, защищались ими.

Тамарин крикнул:

— Мужики, не бейте их, нам нельзя этого делать!

Душманы отступили к дверям, а один из них дал короткую очередь в потолок. Солдаты отошли к противопо-

ложной стороне, спрятав за собой Жураковского. Николаев окликнул Сейсейбаева и сказал ему:

— Объясни им, что избивать себя мы не позволим.

— Правильно,— поддержал его Тамарин,— и обрати их внимание, что никого из них мы не ударили.

Сейсейбаев, вытирая кровь на лице, обратился непосредственно к господину. Тот после его слов внимательно оглядел своих охранников и, не заметив следов насилия, удовлетворенно кивнул головой.

Затем, после небольшой паузы, он через переводчика обратился к пленникам:

— Советские солдаты, я — представитель пакистанских властей.

От неожиданности ребята замерли: неужели пакистанские власти решили заступиться за советских людей, которых насильно затащили в эту страну душманы?

А представитель продолжал:

— Я хочу сообщить вам, что мы предупредили руководителей афганской оппозиции о том, что скоро правительство Пакистана не разрешит им здесь содержать пленных. Поэтому предлагаю вам обратиться за помощью к представителям западных стран, которым оппозиционеры передадут любого из вас, кого те пожелают. Что будет с теми, кто не захочет обращаться к представителям западных стран, я не знаю. Это дело оппозиции. Могу только вам сказать, что никого из вас ни вашему командованию, ни афганскому правительству оппозиционеры не передадут. Тех, кто согласится уехать, ждет свобода и интересная жизнь.

Увидев, что пакистанец окончил свою речь, Тамарин окликнул его:

— Скажите, а Пакистан продолжает поддерживать дипломатические отношения с Советским Союзом?

— Да, конечно.

— Так почему же вы не хотите нас передать нашему посольству?

— Мы вас в плен не брали.

— А вы что, не хозяева своей страны? Или вам безразлично, что в ваш дом насильно приводят граждан страны, с которой у вас тесные связи и нормальные дипломатические отношения?

— С вами воюют афганские мусульмане, а вы для них — неверные.

— Вы не назовете своей фамилии?

— Она вам ни к чему,— ухмыльнулся пакистанец.

— А вы сами мусульманин? — спросил Леонов. — Верите в ислам? Подчиняетесь Корану?

— Я правоверный мусульманин, и Коран для меня — святой закон жизни.

— А в Коране, в суре «Доброта» говорится: «О пророк! Скажи тем, в руках которых пленные: если Аллах узнает про добро в ваших сердцах, он дарует вам лучшее...» Так скажите же об этом душманам, они же подчиняются вам, чтобы они относились к нам по-человечески, оказали медицинскую помощь и передали нас Красному Кресту.

— Я не уполномочен вести с ними переговоры. Вы лучше подумайте над тем, что я вам сказал.

И пакистанец быстро направился к выходу. Охранник и переводчик, толкаясь, вышли за ним.

Тамарин удивленно смотрел на Леонова.

— Слушай, Антон, откуда ты знаешь Коран?

— Читал. Нам показывали эту книгу, когда объясняли, как вести себя, чтобы не оскорбить афганцев, их веру в ислам.

— И ты все это запомнил?

— А сейчас многое вспоминается.

Постепенно все успокоились, ребята помогали Жураковскому. У него оба плеча были рассечены и сильно кровоточили. Несколько дней назад связной передал немного порошка и шепнул Сейсейбаеву, что им надо посыпать раны. Посоветовавшись, решили, что порошок используют позже, когда раны хоть чуть-чуть затянутся.

Наступило время обеда, но в камеру зашли охранники и увели Николаева. В последние дни представители западных спецслужб беседовали с каждым в отдельности, очевидно, решив, что уговорить по одному будет легче.

Николаев пришел через час.

— Вызвал меня Миллер. Как обычно, уговоры, обещания, ну и, конечно, угрозы.

— Ну а ты, что? — спросил Тамарин.

— Попросил время подумать.

— Когда снова вызовут?

— Обещал, что завтра.

Тамарин посмотрел на Леонова.

— Ну вот что, мужики, готовьтесь на завтра в поход.

— Как на завтра,— растерялся Леонов,— еще же есть время.

— Ну и что? Играть с судьбой мы не имеем права. Давайте подумаем, как вам себя вести.

Они уселись в углу и повели длительный разговор.

Ночь была тревожной. Мало кто спал, парни перешептывались. В помещении витал дух напряженного ожидания и тревоги.

Наступило утро. Дожливое и хмурое, с низкими тяжелыми облаками.

За Николаевым пришли скоро. Он бросил на друзей долгий прощальный взгляд и молча вышел. Его провели через весь двор, и Алексей еще раз убедился, насколько точной была схема, которую передали им афганские пленные.

В прохладной комнате его дожидались Миллер, Роберт и Торн. «Святая троица», — подумал с иронией Николаев. Первым заговорил Роберт, Торн переводила:

— Я понимаю так: благоразумие взяло верх? Надеюсь, что вы сейчас согласитесь с нашим предложением?

— Я даже не знаю, что делать... как мне быть...

— Решайтесь, Алексей, — настаивал Миллер. — Вы же приобретаете свободу, жизни!

— Мне страшно решиться... вот если бы с кем-нибудь со своих...

— А оно так и будет, — уверенно сказал Роберт. — После вас начнут соглашаться и другие. Но мы оценим то, что вы были первым.

— Все равно одному страшно. Может, я еще подумаю пару деньков?

Роберт и его помощники видели, что Николаев «колеблется», наступил такой момент, что стоит только поднажать и он, этот русский, сдастся.

И они нажимали, уговаривали, обещали.

— Давайте еще кого-нибудь из ребят позovem? — предложил Николаев. — Здесь один на один я его постараюсь уговорить уехать вместе.

— А кого бы вы хотели? — спросил Миллер.

— Любого... можно, Жураковского или Салуецкого... ведь каждый колеблется, никак не осмелится... — Николаев специально не называл фамилию Леонова, выжидал, как и договорились прошедшей ночью.

И первым кинулся американец. Он что-то сказал Торн и Миллеру, упомянув при этом Леонова. О чем он говорил, Алексей, конечно, не понял. Но то, что он произнес фамилию Леонова, Алексей не сомневался. Миллер по-русски спросил:

— А если Леонова позвать, вы сможете его уговорить? Николаев неопределенно пожал плечами.

— Зовите, попробую. Думаю, что и он в конце концов поймет...

Скоро привели Леонова. Миллер заговорил первым:

— Антон, вот Алексей принял решение переехать в одну из западных стран. Но он настолько привык к тебе, что хочет, чтобы вы начали новую жизнь вместе. — Он повернулся к Николаеву. — Ну что ты молчишь, Алексей, скажи ему сам.

Николаев «поколебался» немного, а затем встал с кресла и подошел к Леонову.

— Антон, мы же все равно погибнем здесь, сгнием как собаки. Давай уедем, останемся живыми. Пусть на чужбине, но жить. Давай, а?

Леонов сделал растерянный вид.

— А как я об этом ребятам скажу?

— А зачем говорить? Мы просто не вернемся к ним и — все тут.

— Они даже не узнают о том, что вы дали согласие, — торопил их Миллер.

— А куда мы поедем? — спросил Леонов у Николаева.

Алексей вопросительно посмотрел на Роберта. Торн перевела ему вопрос. Роберт спросил:

— В Америку хотите?

— Далеко... — задумчиво сказал Леонов.

— Тогда поезжайте в Англию, — предложил Миллер.

Леонов в смятении смотрел на Николаева.

— А может, рискнуть в Англию? Все-таки Европа...

— Давайте, ребята, решайте, не пожалеете, — Миллер волновался.

— Ну так что, в Англию? — спросил Николаев.

— А была не была! Давай!

— Ну вот и прекрасно, — по-русски сказал Роберт. И тут же деловито обратился к Леонову: — Как думаете, кто из ваших следующий согласится?

— Выждите дней пять-шесть, сами попросятся. — Антон произнес эту вынужденную фразу, а у самого даже сердце заболело от обидных слов в адрес своих товарищей, которые через несколько дней ринутся в бой за свободу.

Дальше все пошло стремительно. Тут же явились два душмана с приспособлениями и в считанные минуты сняли с них кандалы, наручники и цепи. Непривычно легкими стали руки и ноги.

Через полчаса парни в закрытом джипе в сопровождении Миллера и трех автоматчиков ехали к городу. Леонов спросил у Миллера:

— Куда мы едем?
— В Пешавар. Там приведем вас в нормальный человеческий вид и оформим документы.
— Долго это протянется? — весь напрягшись, спросил Николаев.

— Думаю, пару дней, не больше.
Где-то на окраине машина въехала в большой двор, обнесенный высоким дувалом. Во дворе стояло четыре дома. Ребят ввели в одноэтажное здание. В раздевалке, у входа в душевую, Миллер ткнул пальцем в одежду и, еле скрывая отвращение, сказал:

— Бросьте в угол это тряпье, его заберет слуга и сожжет. А вы идите мойтесь.

Когда он выходил, ребята успели увидеть двух автоматчиков с той стороны дверей.

— Охраняют, — тихо промолвил Николаев, стаскивая с себя лохмотья.

— А ты что думал? — ответил Леонов. Он вывернул карман и поспешно развязал тесемку. — Видишь, даже окон нет, чтобы не рванули такие, как мы с тобой.

Боясь, что их подслушивают, ребята не вели разговор о настоящих своих делах. Перед ними сейчас стояла важная проблема: куда спрятать письмо. Оба отчаянно цеплялись глазами за каждую деталь, но ничего подходящего не находили. Тогда Леонов заглянул в душевую. Четыре отделения, деревянная скамья, на стене крючки для полотенцев, а над ними — маленькая полочка. На нее-то и положил сложенное во много крат письмо. И вовремя. Только Леонов вернулся в раздевалку, как вошли двое. Они принесли одежду и большие махровые простыни. Эти же двое молча бросили в картонный ящик лохмотья и вышли. Ребята направились в душевую, куда манила их вода.

Дверь из раздевалки приоткрылась, и показался Миллер. В руках он держал какой-то большой флакон.

— Ребята, возьмите жидкость от вшей. Хорошенько вымойте голову и все тело. Вшей и в помине не останется, — весело сказал он и добавил: — И не забудьте, вас ждет вкусный обед.

После душа с удовольствием надели чистое белье, шорты и легкие льняные рубашки. Тело было легким, чувствовали себя так, словно заново родились.

Их вкусно накормили. Но много есть не дали. Миллер пояснил:

— У вас организмы истощены, наедаться опасно.

Потом их отвели на другую половину, где были спальня и комнаты. Миллер спросил:

— Вам каждому отдельную комнату давать или будете вдвоем в одной комнате?

Парни попросились в одну. Их привели в просторную комнату с двумя кроватями, застеленными белоснежными простынями. Леонов сунул под матрац письмо, и только они улеглись на койки, как сразу же нагрянул сон.

СОБРАНИЕ

Ребята из клуба воинов-интернационалистов пригласили Веру Федоровну на собрание. Оно было назначено на семь часов вечера, и Вера Федоровна после работы сразу же направились в клуб.

Собрание шло бурно. Даже Павел Чайкин, который на днях выписался из госпиталя, пришел. Ребята выступали один за другим и с гневом говорили об Алефине. Не стесняясь критиковали и себя за близорукость.

Вера Федоровна хотела выступить, но ее, когда она уже готовилась поднять руку, опередил Чайкин. Он даже не просил слова, а встал и на костылях прошел вперед, к тому месту, откуда все выступали. Лицо его было бледным, и трудно было понять, то ли это от того, что он лежал в госпитале, то ли от волнения. Заговорил он спокойно и тихо, но постепенно его голос становился все громче и увереннее:

— Слов нет, опозорил нас Алефин. Мне стыдно перед Верой Федоровной, к которой я сам привел в дом этого афериста, мне очень неловко перед ребятами, которые приехали навестить Веру Федоровну и сейчас продолжают воевать в Афганистане. Я согласен с выступающими. Они правильно обвиняли нас в отсутствии элементарной бдительности. Но знаете, товарищи, о чем я много думал? Мы создали вокруг себя ореол красивой и почетной жизни. И эта показная жизнь стала привлекательна для алефиных. Они захотели такой же жизни. Невольно встает вопрос, правильно ли мы живем, если наша жизнь привлекает проходимцев типа Алефина? Да, я согласен, встречи с людьми нужны, выступления в школах тоже нужны. Понятно, надо чтобы люди знали, каково нашим товарищам в знойном Афганистане. Но имеем ли мы право ограничиваться только аплодисментами и похвалами в наш адрес? Мы с вами

узнали, что такое изнуряющий труд, когда на жаре под семьдесят градусов копали окопы, сооружали укрытия или помогали афганцам строить. Мы с вами знаем, что такое первому подняться на вражеский пулемет. Так не наступила ли пора для нас всех, кто прошел службу в Афганистане, проявить себя и в мирном труде? Я не знаю, сколько сейчас в нашем городе, нашей республике бывших «афганцев», но считаю, что мы с вами должны увлечь всех настоящей работой. Смотрите, как много молодых ребят сейчас настойчиво, нередко истерично кричат и выступают за сохранение исторических памятников, а что они лично делают, чтобы сохранять эти памятники? Металлисты, панки, рокеры, хиппи проповедуют красивую жизнь без труда, под кричащую музыку, которую трудно назвать музыкой, выступают против службы в армии, и за ними тянется немало молодых людей, большинство из которых не хотят признавать своей обязанности трудиться и честно жить, а требуют чуть ли не зарплаты за бездеятельность, за свое крикунство. А мы? Мы — в стороне. Поэтому предлагаю организовать, скажем, для начала, в нашем городе учет всех «афганцев», нам в этом помогут и военкоматы, и райкомы комсомола, разобраться с каждым, чем он занимается, создать бригады для работы на производстве, на стройках и своим трудом доказывать, что мы можем не только хорошо воевать, но и хорошо трудиться. Нам надо на деле доказать, что наш образ жизни гораздо более привлекательнее праздного образа жизни. Не только рассказами о боевых буднях мы должны увлекать молодежь за собой, но и своим трудом.

Разгоряченный, Павел прошел на свое место.

— Правильно, — громко сказала Вера Федоровна и встала. — Правильно говорит Павел, но надо вот еще о чем помнить. Это по поводу исторических памятников. Да, их надо беречь, но ребята, дорогие мои, посмотрите, сколько на кладбищах заброшенных памятников погибшим воинам! За ними некому следить. Надо, чтобы пионеры взялись за это дело. Надо постараться возродить давнишнюю добрую традицию — заботу о немощных людях, одиноких стариках и инвалидах. Теперь все вспомнили важные и очень нужные слова: благотворительность, милосердие, сострадание... — Вера Федоровна хотела еще что-то сказать, но передумала и села на свое место.

Собрание продолжалось еще долго.

По дороге домой Вера Федоровна уже думала: «Милые

вы наши мальчишки, у вас виски седые, а души не постарели, они молодые и щедрые. А ведь эти парни, столкнувшись лицом к лицу со смертью, стали максималистами и нетерпимыми к любым, даже малейшим недостаткам. А многие не хотят этого замечать и считаться с этим».

Дома Вера Федоровна заказала телефонный разговор с Леоновыми, и в этот момент пришли супруги Лемеховы. Вера Федоровна была очень рада им. Общее горе как бы сроднило их, и они чувствовали потребность друг в друге. Вера Федоровна рассказала о собрании в клубе воинов-интернационалистов. А когда разговор зашел о памятнике, Лемехов сообщил приятную новость:

— Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР предусмотрели много льгот ребятам, которые служили в Афганистане, не забыли и о семьях погибших. Рассматривался вопрос о пенсиях, о жилье. Теперь можно будет писать на памятниках, где погиб воин-интернационалист, не делая из этого секрета.

— Наконец-то, — вздохнула Вера Федоровна.

Договорить она не успела. Длинные и частые телефонные звонки позвали ее к аппарату.

Анастасия Макаровна Леонова была дома, но ничего утешительного об Антоне сказать не могла.

СБОРЫ

В бою и в хлопотах время летит незаметно. Только тот, кому довелось командовать войсковой частью, может полностью представить весь объем работы, который должен проделать командир, когда его подразделение навсегда снимается с насиженного места и передислоцируется на новое.

Хлопот у Бунцева было много. Сборы, подсчет всего того, что нужно будет батальону для выполнения поставленной задачи, забота о складировании на новом месте продовольственных запасов, боеприпасов, снаряжения. А тут еще пришлось срочно заменять часть боевой техники, выработавшей свой моторесурс.

Не забывал подполковник и о капитане Ольхове. Он часто бывал у него и радовался, что Вячеслав постепенно справляется с бедой, думает о будущем.

Никогда не сможет забыть Бунцев и момент прощания с боевым другом Николаем Антоновичем Першиным. Чет-

кий и ровный строй летчиков, застывших в скорбном молчании. Медь музыкальных труб неестественно яркая для траурных проводов «черного тюльпана», увозящего цинковый гроб с телом Першина на Родину...

Но вот двери и люки самолета захлопнулись, один за другим запустились двигатели «черного тюльпана», и он, медленно вырулив на взлетную полосу, развернулся и начал разгон.

Вот и не стало еще одного хорошего, верного друга. Сколько раз, будучи вместе, они мечтали о том, что их дружба будет продолжаться и после возвращения на Родину. И вот все перечеркнуто одним вылетом.

Сегодня утром Шукалин принес комбату несколько афганских газет, в которых рассказывалось о подвиге советского летчика майора Першина, который пожертвовал собой ради того, чтобы горящая машина не упала на кишлак.

К Бунцеву подошел командир вертолетного полка.

— Пойдем, Михаил Петрович, помянем Колю.

Дверь в комнату Першина была не заперта. Вошли, включили свет. Все стоит и лежит так, как оставил Николай. Еще предстояло собрать его личные вещи и отправить домой, жене.

На стуле в углу лежал кот. Он, не обращая внимания на вошедших, безучастно смотрел перед собой.

— Удивительно, но он чувствует все,— сказал командир полка.— Уже которые сутки не ест ничего, вот так и лежит. Кот афганский, а какая привязанность!

Бунцев погладил кота. Тот не шелохнулся. Бунцев неожиданно решил:

— Отдайте его мне! Возьму его на точку, а затем с собой в Союз.

— Ну что ж, бери. Будет память о Николае.

Бунцев взял кота на руки. Обычно он сопротивлялся, царапался, не давался в руки постороннему человеку, а сейчас даже не шевельнулся.

— Ты кличку ему смени,— посоветовал командир полка.— А то привезешь домой Душмана.

— Пусть и будет Душманом. Так его Николай назвал,— осторожно глядя кота, ответил Бунцев.

Командир полка предложил подвезти Бунцева до батальона: все-таки километра три будет, напомнил он. Бунцев не отказался и вскоре был у себя. Оставив Душмана в своей комнате, он заспешил в штаб.

Мисник доложил, что подготовка батальона идет полным ходом, и показал шифровку.

— Генерал-лейтенант Дубик приказывает завтра выходить. В семнадцать ноль-ноль должны занять позиции с двух сторон трассы Кабул — Хайратон.— Мисник указкой показал на карте участок дороги, безопасность которого приказано обеспечить их батальону.

Бунцев некоторое время смотрел на карту: задание несложное. Соблюдая все меры предосторожности, пройти по шоссе колонной и по очереди принять от находящегося там подразделения его посты и заставы.

Бунцев вместе со своими заместителями уже определил, где развернуть тылы, артиллерию, где будет находиться штаб батальона. Но сейчас он еще раз прикидывал, все ли сделано для выполнения задачи, не забыто ли что.

— Значит, так... Завтра, пока колонна будет выходить отсюда, служба тыла передаст по акту городок царандою. Попросите афганских товарищей быть рано утром у нас. Думаю, часа за полтора-два сможем все оформить. К этому времени батальон подойдет к перевалу, там я вас и догоню.

Мисник грустно улыбнулся.

— Значит, прощай, Кабул?

— Да, сюда мы больше не вернемся. Но повоевать еще придется. Хотя и на боевые ходить не будем. Участок нам отведен нелегкий. Справа и слева горы, между ими и нашими позициями сплошная «зеленка», кишлаки.

— Да, эта дорога самая важная и с военной, и с политической, и с экономической точек зрения.

Бунцев вернулся в свою «бочку» — круглый, похожий на большую цистерну, жилой домик на колесах,— включил свет и сразу же увидел Душмана. Кот лежал на стуле точно в той же позе, как и в комнате Першина.

Подполковник устало стянул сапоги и лег в постель. Но потом приподнялся, взял кота и положил на одеяло рядом с собой.

Впереди ждал тяжелый, полный тревог день.

Перед самым выходом батальонной колонны из городка во второй взвод пришел заместитель командира роты старший лейтенант Бакин. Подошел к боевой машине первого отделения и позвал Шувалова:

— Вопрос о приеме вас кандидатом в члены партии рассмотрим на партийном собрании послезавтра. О месте и времени сообщу дополнительно. Постарайтесь еще раз внимательно себя проверить, вопросов наверняка будет много.

— Есть, товарищ старший лейтенант. Я буду использовать каждую свободную минуту для подготовки.

— Думаю, что все будет хорошо. Кстати, о вашем рапорте... Вы не передумали?

— Нет, товарищ старший лейтенант, я не передумал и очень прошу оставить меня на службе до вывода наших войск из Афганистана.

— Хорошо, рапорт пойдет по инстанции, не знаю, как на это посмотрит командование, но за желание спасибо. Откровенно говоря, такие опытные люди, как вы, очень нужны роте.

— Да я же это и сам вижу,— смутился старший сержант,— вон в моем отделении осталось всего лишь пятеро «старичков», а молодым помогать надо. А может быть, и Леонова сможем отыскать...

Наконец последовала команда, и колонна начала движение. Турлаков, сидя рядом с оружейной башней, весело оглянулся на сидевших на броне друзей.

— А что, мужики, вдумайтесь, мы начали дорогу домой, будем гораздо ближе к Родине.

Командир батальона стоял у КПП, через который в последний раз должен был пройти его батальон. Было грустно, глаза буквально цеплялись за каждое строение, дерево, кустик. Ведь все это сооружено и посажено руками советских воинов.

Все шло по плану. Но то, что произошло дальше, озадачило Бунцева. Его срочно позвали к машине связи. Молоденький капитан протянул трубку аппарата закрытой радиосвязи и тоненьким голосом доложил:

— Генерал-лейтенант Дубик вас требует к аппарату.

Бунцев взял трубку и медленно, чуть растягивая слова, произнес:

— Ноль-сто-пятый — на связи.

— Ноль-сто-пятый! — послышался голос Дубика. — Я — ноль-первый. При выходе из города движение остановить и ждать моего прибытия. Как понял?

Бунцев повторил приказ и, передавая трубку радисту, подумал: «Голос у генерала взволнованный. Что-то случилось».

Передача городка прошла быстро, группа афганских офицеров подписала все документы. Ровно через два часа «уазик» комбата и два бронетранспортера с охраной догнали колонну.

Батальон стоял напротив большой площадки, обнесен-

ной колючей проволокой. Одиночных машин из города не выпускали. По дороге шли под мощной охраной только колоннами. Площадка была пуста, значит, недавно ушло подразделение. Не торопясь, Бунцев двинулся к хвосту своей колонны. На душе у командира было беспокойно, тревожные мысли лезли в голову. Он видел удивленные лица офицеров. Они же понимали, что все готово к отправлению, а колонна почему-то стоит.

Подошли Шукалин и Мисник и тоже тревожно спросили:

— Что случилось?

— Не знаю,— пожал плечами комбат.— Генерал Дубик приказал стоять, сейчас сам приедет сюда.

Прибывали городские автобусы. Приехало много людей. На пустыре уже стояла целая толпа с цветами.

— Чего это они столько людей сюда привезли? — озабоченно огляделся замполит.— Здесь же окраина, и духи могут «эрэсами» достать.

Бунцев смотрел на прибывшие легковые автомашины, из которых вышли советские и афганские офицеры. Тут же, подымая клубы дыма, подошла большая автоколонна, из машин начали высаживаться и строиться афганские солдаты.

— Интересно, что здесь затевается? — спросил Мисник.— Может, поэтому нас и задержали?

— Вполне может быть,— согласно кивнул головой Бунцев и, увидев, как в сопровождении двух бронетранспортеров к батальонной колонне приближается «Волга» генерала Дубика, подтянулся.

— Сейчас все станет ясно.

Из «Волги» вышли Дубик и Щербак. Они, загадочно улыбаясь, слушали доклад Бунцева о готовности батальона к выходу из города и занятии новых боевых позиций.

Дубик оглянулся на Щербака.

— Валентин Григорьевич, может, пока не прибыло афганское руководство, раскроем секрет?

— У меня у самого язык чешется. Давайте скажем. Смотрите, сколько смятения на их лицах.

— Ну, так и быть. Слушайте, товарищи командиры, новый приказ.— И, увидев, как Бунцев и Мисник достают из планшетов карты, сказал: — Занимать позиции вдоль дороги вашему батальону не надо. Принято новое решение. После короткого митинга ваш батальон направляется в

Советский Союз.— Глядя, как медленно вытягиваются у офицеров лица, как они бледнеют, дрогнувшим голосом закончил: — На Родину, товарищи офицеры, едете, домой! Родные вы мои, поздравляем вас всех!

ВОССТАНИЕ

Леонову и Николаеву казалось, что события развиваются очень медленно. Их держали в Пешаваре уже который день, но разговора о выезде никто с ними не вел. Раз или два в день их посещал Миллер, и, когда он однажды утром приехал в очередной раз, парни поняли, что на базе что-то случилось.

Миллер был озабочен, осторожно расспрашивал, было ли им что-либо известно о готовившемся восстании. Но Леонов и Николаев вели себя спокойно и естественно, и Миллер решил, что они ничего не знают.

— Вы будете Миллера благодарить всю жизнь. Афганские пленные солдаты и офицеры, которых муджахеды держали на той же базе, где были и вы, смогли каким-то образом обезоружить свою охрану, напали на охрану советских пленных и всех ваших бывших сокамерников захватили в качестве заложников.

— Как захватили?

— Живы ли наши?

— Пока ничего не могу сообщить. Они захватили несколько зданий и отстреливаются. Видите, если бы ваши друзья согласились, как вы, на наши предложения, то находились бы сейчас в иных условиях и, самое главное, остались бы живы.— Миллер положил на стол несколько листов чистой бумаги и сказал: — Нам надо выполнить одну формальность, без которой нельзя оформить документы на ваш выезд. Напишите на имя правительства Великобритании просьбу о предоставлении вам политического убежища.

Солдаты предвидели этот момент, и перед ними стояла задача не клеветать ни на себя, ни на свою Родину, поэтому начался заранее оговоренный спектакль. Первым начал Леонов.

— А что, без бумаги нельзя? — насупился он.

— А на основании чего вам дадут визу на въезд? Кстати, заявления должны быть мотивированы. Черкнете пару слов, что я, мол, покинул свою часть и добровольно сдался муджахедам, чтобы попасть в свободную страну. Ваши заяв-

ления никто, кроме чиновников, оформляющих документы, читать не будет, поэтому не беспокойтесь, ребята, пишите. Все будет хорошо.

Николаев, глядя на Леонова, растерянно сказал:

— Что же это такое, Антон? Если я напишу такую бумагу, то мои родители и младшие сестры станут семьей предателя. Нет, Антон, ты как хочешь, а я писать не буду. Лучше уж обратно в подземелье к душманам. По крайней мере, буду мучиться я один, а не вся моя семья.

— Да, ты прав. У меня тоже дома мать, отец и сестры. Имею ли я право их подводить?

Миллер даже подскочил на своем стуле:

— Да вы что, ребята? О вас же уже доложили послу, сообщили в Англию. Думаете ли вы что говорите? Сегодня вечером с вами хотел встретиться английский лорд, член парламента. Вы подводите и себя и нас! Мы же поручились за вас, убедили, что вам можно верить!

— Нет, я не буду писать такой бумаги,— решительно заявил Леонов.— Отведите нас обратно в тюрьму. Что будет, то и будет.

— Да, это справедливо,— поддержал его Николаев.— Отведите нас к товарищам в камеру.

Миллер уговаривал, угрожал, обещал рай земной. Было видно, что он очень боится сорвать вербовку. Неожиданно он махнул рукой и выскочил из комнаты.

Алексей посмотрел на Леонова.

— Как думаешь, не переиграли ли мы?

Леонов молча пожал плечами. В неведении они просидели не меньше часа.

Миллер появился также неожиданно, как и убежал. Вместе с ним было двое мусульман. Миллер, кивнув на них, хмуро сказал:

— Они вас отведут к парикмахеру. Здесь недалеко, в следующем здании. Потом пообедаете, поговорим позже.

Парни пошли за двумя провожатыми и оказались в пыльной комнате. В углу было зеркало, напротив стоял обшарпанный стул. На столике лежали ножницы, расчески, две электрические машинки для стрижки, бритвенные принадлежности.

Худощавый, черноволосый, с маленькими усиками парикмахер натянуто улыбнулся и жестом указал Леонову на стул.

Антон сел, но изображение, которое он увидел в зеркале, заставило его вскочить. На него смотрел заросший,

лохматый, дикий человек. «Неужели — это я?! Какой ужас!»

Парикмахер принялся за работу, и вскоре в зеркале появился коротко стриженный молодой человек с впавшими щеками и лихорадочно блестящими, удивительной голубизны, глазами.

«Ну вот, дикообраз превратился в Коцея Бессмертного», — подумал он и пальцем указал парикмахеру на небольшие усики, которые тот оставил, наверное, по образцу своих: убери, мол!

Парикмахер кивнул головой и быстро сбрил их. Леонов поднялся и с любопытством продолжал смотреть в зеркало. Одежда на нем висела как на вешалке: кожа да кости.

Он отошел в сторону, уступая стул Алексею, и с любопытством следил за его реакцией.

— Мать родная! — простонал Николаев. — Я ли это? Страшилище!

После парикмахерской их отвели в комнату, где уже на столе стояла еда. Пообедав, парни почувствовали, что впадают в какое-то странное состояние: слегка кружилась голова, хотелось спать, все стало безразлично.

Николаев сразу лег и уснул. А Леонов некоторое время пытался контролировать свои мысли, но мозг все больше окутывался тяжелым густым туманом, и он, с тревогой вспоминая оставшихся в тюрьме ребят, тоже уснул.

НАЧАЛО

А на базе перед рассветом советские солдаты повскакивали с пола. Во дворе раздались автоматные очереди, громынула граната.

— Началось?! Неужели получилось?! — слышались среди парней радостные возгласы.

Тут же за дверями что-то загрохотало, что-то упало, ударил одиночный выстрел, дверь раскрылась, и на пороге появились какие-то люди. В подвале было еще темно, и кто это — не разберешь.

— Товарищи советские солдаты! — слышался взволнованный голос. — Я — полковник афганской армии Мохаммад Наим. Выходите, восстание началось!

— Взвод! — воскликнул Тамарин, — за мной. — И первым бросился к дверям.

Уже во дворе Тамарин крепко пожал руку Мохаммаду Наиму и представился:

— Командир взвода старший сержант Тамарин.

— Очень приятно, — ответил полковник, пожимая ему руку. — Сейчас мы вас вооружим.

Он повернулся и что-то спросил у своих людей. От этой группы отделилось трое и жестами пригласили советских солдат следовать за ними.

Тамарин отыскал Сейсейбаева и предупредил его, чтобы он постоянно находился рядом.

Мохаммад Наим сказал Тамарину:

— Получайте оружие, и встретимся у здания, где была ваша камера. Там и будет находиться штаб восстания. Будьте осторожны, как видите, стрельба разгорается.

И действительно, автоматные и пулеметные очереди, одиночные взрывы гранат доносились со всех сторон. В воздухе золотистой цепочкой проносились трассеры.

С разных сторон в воздух одна за другой взвились сигнальные ракеты.

Тамарин, увлекая за собой товарищей, быстро зашагал за провожающими. В длинном приземистом каменном здании без окон с одним выходом располагался огромный склад. Обе половинки большой двери были раскрыты настежь, внутри горел свет. Тамарин вошел и присвистнул:

— Ого! Здесь вооружения хватит на целую дивизию.

На длинных стеллажах и просто вдоль стен в штабелях стояло множество ящиков. Все верхние ящики, очевидно, служили образцом «товара», хранящегося в штабеле.

Вооружившись, солдаты подошли к зданию, где их ожидали афганские командиры. Было уже светло. Мохаммад Наим ставил задачу командирам групп.

Увидев Тамарина, он подзвал его к себе.

— Очаги сопротивления уже подавлены. В плен взято более двухсот душманов, многим удалось убежать, но много и погибло. Предлагаю план наших дальнейших действий. Территория базы прямоугольной формы, она обнесена высоким дувалом. Изнутри к нему примыкают восемь зданий. Все они с плоскими крышами на уровне верхнего гребня дувала. Я думаю, что эти здания мы должны использовать как узловые элементы нашей обороны. В дувале имеется трое ворот, там мы должны тоже держать значительные силы. Кроме этого, внутри базы имеется шесть строений. Я считаю, что на их крышах надо разместить средства противовоздушной обороны.

Тамарин выждал, пока полковник сделает паузу, и спросил:

— Скажите, а разве мы не уйдем в горы, чтобы пробиться к своим?

Мохаммад Наим грустно улыбнулся.

— Мы так и рассчитывали. Но есть некоторые изменения. Между базой и горами стоит пакистанская воинская часть. У нее танки, бронемашины и артиллерия. Выйти сейчас на равнину, значит, стать мишенью для авиации и артиллерии. В связи с этим я предлагаю занять круговую оборону. По радиостанции связаться с афганской армией и начать переговоры с пакистанскими властями, требуя передать нас представителям Афганистана и Советского Союза.

Тамарин понимал, что иного, более разумного пути нет. В любом случае, они вырвались из душманских застенков, вооружены и могут постоять за себя. Он нетерпеливо спросил:

— Какую позицию отводите нам?

— Среди ваших солдат есть гранатометчики?

— У нас все солдаты умеют обращаться с этой трубой.

— А наши нет, — улыбнулся полковник. — Выделяем вам вот этот дом у дувала, — он пальцем показал на восточную часть базы, — и вот эти ворота. Они находятся недалеко от дома. Это — самое танкоопасное направление. В придачу вам выделим группу наших солдат.

— Какова общая длина наших позиций? — деловито осведомился Тамарин.

— Метров сто восемьдесят, но силы вам надо держать в основном на здании и у ворот.

— Не только. Мы проделаем в дувале бойницы. Нам надо будет взять еще один станковый пулемет, пару ручных пулеметов и гранатометов. Некоторые мои ребята будут иметь при себе по несколько видов оружия и в зависимости от обстановки применять их. А мины на складе есть?

— Какие?

— Противотанковые.

Мохаммад Наим поинтересовался у одного из своих офицеров и ответил утвердительно. Тамарин сказал:

— У нас во взводе имеются минеры. Предлагаю поставить мины на наиболее опасных направлениях.

Работа закипела. На подступах к базе устанавливались мины, на крышах домов, в бойницах были поставлены крупнокалиберные пулеметы, на дома поднимались мешки с песком, за ними устраивались автоматчики и гранатометчики.

Тамарину вместе со своими товарищами и афганскими солдатами пришлось еще несколько раз бежать на склад.

К обеду к базе подошли большие автоколонны. В бинокль хорошо было видно, как из огромных военных грузовиков выпрыгивали вооруженные люди и скрывались в складках местности. Еще через час в северном направлении развернулись в цепь с десятков танков. Стоявший рядом с Тамариным Мохаммад Наим, не отрываясь от бинокля, пояснил:

— Это танки пакистанского подразделения, о котором я говорил утром. Смотрите, за танками размещают артиллерию.

— По радиации не удалось связаться со своими? — поинтересовался Тамарин.

— Пока нет. Плохо вызывать, когда частоты не знаешь. — Вдруг полковник напрягся, внимательно глядя на северо-восток.

— Кажется, к нам гости.

Прямо по долине к базе шла бронемашина. На ней развевалось белое полотнище.

Мохаммад Наим приказал своим по бронемашине не стрелять. Тамарин повторил приказ своим солдатам и озабоченно произнес:

— Как бы они на мины не напоролись.

Мохаммад подозвал одного из офицеров и сказал:

— Оставь автомат здесь, пойдешь со мной на переговоры.

— Может, вам самому не следует идти, — засомневался Тамарин. — Пусть кто-нибудь другой с ними переговорит.

— Я уверен, что пока они огонь не откроют. Потерять такие огромные запасы оружия — катастрофа. Главарям не простят сложившейся ситуации на базе. Они сейчас начнут нас убеждать сдаться.

Мохаммад Наим в сопровождении своего товарища в изорванной офицерской форме быстрым шагом направились навстречу бронемашине, которая сбавила ход и осторожно продвигалась к базе. Мохаммад Наим стремился быстрее преодолеть заминированный участок, чтобы встретить парламентариев на подходе. Из люка бронемшины выскочили двое. Один был явно душман в одежде мусульманина, второй — офицер пакистанской армии.

Разговор длился несколько минут. Парламентареры уехали, а Мохаммад Наим и его товарищ торопились обратно. Полковник, тяжело дыша, поднялся на крышу.

— Они спросили, чего мы хотим. Я ответил: возвращения на Родину или встречи с представителями советского и афганского посольств.

— Ну и что они? — спросил Тамарин.

— Сказали, такому не бывать, и дали на размышление тридцать минут. Но я думаю, что они пока не откроют огня.

— Это почему же?

— Они боятся уничтожить склады. Если склады взорвутся, то это будет видно и слышно на десятки километров. А как списать убытки в миллионы долларов?

Тамарин грустно улыбнулся:

— Мне кажется, вы не совсем правы. Смотрите, — и он рукой указал вдаль, — кажется, начинают.

Мохаммад Наим посмотрел в бинокль. В сопровождении танков и бронетранспортеров к базе, расползаясь веером, двигались десятки три грузовиков с людьми. Он отошел от бинокля и крикнул:

— К бою!

Передаваемая из уст в уста команда мгновенно облетела всех защитников базы. Мохаммад Наим приказал усилить наблюдение за подступами к базе на всех направлениях и спросил у Тамарина:

— Останемся здесь или пойдем на командный пункт? Тамарин, не задумываясь, ответил:

— Товарищ полковник, я буду со своим взводом, а вам, как руководителю, надо быть на командном пункте. Душманы наверняка будут атаковать со всех сторон. Если можно, то дайте нам связного, в случае необходимости мы пришьем его к вам.

Полковник кивнул головой и повернулся к подбежавшему офицеру. Тот, не поднимаясь на крышу, что-то сообщил.

Сейсейбаев тихо перевел:

— Он докладывает, что с других сторон пока не атакуют.

Полковник сказал «саис» и повернулся к Тамарину.

— Пока они подходят только с этой стороны. Я побуду с вами.

Когда до базы оставалось метров пятьсот, машины остановились и люди начали быстро выпрыгивать. Все они были одеты в мусульманскую одежду: широкие шаровары, длинные навывпуск рубашки. Некоторые были в жилетах и пиджаках. Они быстро разворачивались в цепь и, очевидно, по команде двинулись к базе. Мохаммад Наим по цепочке приказал без команды не стрелять.

Грузовики, поднимая тучи пыли, развернулись и ушли в тыл.

— Так, ясно, — сказал Мохаммад Наим. — Первую атаку начинают душманы. Смотри, сколько их собрали, не менее тысячи. Пакистанцы, очевидно, потребовали, чтобы базу возвратили своими силами.

— Но танки пакистанские, — заметил Тамарин.

— Действительно. И артиллерию они свою выставили, могут и авиацию поднять.

В этот момент все девять танков, сопровождавших душманов, обогнали их цепи и, приблизившись метров на четыреста, стали грозно поводить стволами орудий.

— Ишь ты, — улыбнулся полковник, — ближе боятся подходить, знают, что у нас гранатометы.

В этот момент из башни одного из танков вылезли двое пакистанских военных и, размахивая белым флагом, двинулись к дувалу. Душманские цепи замерли на линии танков.

— Ну что, пойду снова на беседу. — Мохаммад Наим начал спускаться вниз.

Через минуту он уже подходил к воротам. Кто-то из советских ребят открыл ему калитку, и Мохаммад Наим не спеша направился к пакистанцам. Первым стоял полковник, за ним с белым флагом — сержант. Пакистанский полковник, не здороваясь, сразу же заговорил:

— Неужели не понимаете, что своим безрассудным шагом вы подписали себе смертный приговор?

— А вы, полковник, — резко ответил Мохаммад Наим, — разве не понимаете, что душманы, хозяйничая на территории суверенного государства, доставляют сюда иностранных граждан и без приговора обрекают их на смерть? Теперь же мы сами подпишем смертный приговор любому, кто попытается отнять у нас свободу.

— Чего вы хотите? — спросил пакистанец более спокойно.

— Одного: передать афганских военнопленных, которых незаконно содержите в тюрьме на этой базе, представителям афганского посольства, а советских военнопленных — представителям советского посольства.

— Но это же безумство! Вы что, не понимаете? Это невозможно.

— Тогда мы будем сражаться до последнего. А вам, полковник, советую передать своему правительству и президенту Зия-уль-Хаку, что наша кровь им не простится! И еще, как военный военному скажу вам, что вы зря губите

этих людей. — Мохаммад Наим рукой показал на душманские цепи. — Вы же прекрасно знаете, что мы вооружены отлично, а вы их превращаете в обыкновенные мишени.

— А танки? А артиллерия? А авиация?

— Мы ничего не боимся и за свою свободу готовы умереть! А вы, я вижу, хотите показать, как пакистанская армия, ее офицеры и солдаты умеют героически сражаться за интересы убийц.

Пакистанский полковник негромко, возможно, чтобы не слышал сержант, пробормотал:

— Мне приказали из гуманных соображений передать вам ультиматум.

— Вы считаете, что загнать нас снова в подземелье, где нас не кормят, пытаются, убивают, и есть гуманные соображения?

— Скажите, вы кто? — вдруг спросил пакистанский полковник и сочувственно посмотрел на руководителя восставших.

— Я полковник афганской армии Мохаммад Наим.

— Где учились?

— И в Советском Союзе, и в Афганистане.

— Я понимаю вас, но поймите и вы меня. Не я, так другой исполнит приказ.

— Исполняя приказы, господин полковник, надо помнить и о совести.

Мохаммад Наим, прощаясь, кивнул головой и повернул обратно. Он не видел, как пакистанский полковник, а вслед за ним и сержант отдали ему честь.

Через несколько минут танки, выдвинутые на прямую наводку, открыли орудийный огонь. Снаряды вонзились в толстый глиняный дувал. Их разрывы поднимали вверх столбы пыли и дыма. Застучали тяжелые танковые пулеметы.

Потери у восставших пока были небольшие. Один афганский военнослужащий погиб, четыре человека были ранены, в том числе один советский солдат. Тамарин, где ползком, где перебежками между разрывами снарядов, добрался до Жураковского. Это его ранило в правое плечо.

— Ну как ты, Саша?

— Нормально, командир. Вот перевязку закончат, и — готов к бою. Я же еще ни разу не выстрелил.

В этот момент прекратился орудийный огонь, и Тамарин, выглянув в бойницу, коротко бросил:

— Начинается.

Душманы пошли вперед. Постепенно становился понятен их план. Из гранатометов разрушить ворота, а затем ворваться внутрь базы. Танки медленно двигались следом за цепью.

Когда атакующие приблизились к дувалу метров на двести, Мохаммад Наим дал команду стрелять.

Оружия у оборонявшихся было в достатке, и огонь их был кинжальный. Он сразу же заглушил крики душманов «аллах акбар»¹, и десятки их упало замертво. Наступавшие, очевидно, рассчитывали, что смогут танковыми орудиями подавить пулеметные точки. Но их оказалось слишком много, чтобы в считанные минуты сделать это. А тут еще и сами танки оказались в зоне досягаемости гранатометов. Салуецкий подловил момент, когда один из танков чуть повернулся боком и вlepил ему из гранатомета. Танк загорелся. Кто-то из афганских солдат смог из безоткатного орудия, поставленного у бреши в дувале, перебить у второго танка гусеницу. Танк развернулся боком и вскоре был подожжен.

Душманы, оставляя на земле убитых и раненых, побежали обратно. Танки снова открыли огонь из орудий и пулеметов и начали задом пятиться назад. Атака захлебнулась.

Вытирая с лица пыль, перемешанную с потом, Тамарин подошел к Мохаммаду Наиму.

— Не пойму, почему они не атаковали со всех сторон. Неужели не понимают, что такая атака ничего не дает?

— Все они понимают, — улыбнулся Мохаммад Наим. — Я думаю, что они душманов направляли в порядке наказания, а чтобы ударить со всех сторон, сил не успели собрать. Главное впереди. Уверен, что пакистанцы полезут сами, вот только не знаю, успеют ли, скоро уже вечер.

Тамарин задумчиво посмотрел туда, где должен находиться Пешавар, и подумал о Леонове и Николаеве: «Как вы там, друзья? Все ли у вас в порядке?..»

ВСТРЕЧА С ЛОРДОМ

А Николаев и Леонов в это время сидели напротив холеного, одетого в прекрасный светлый костюм мужчины. Он назвал себя, но ребята не расслышали его имени. Улыбаясь, джентльмен спросил:

¹ Аллах акбар — аллах велик (дар).

— Скажите честно, ребята, снилось ли вам несколько дней назад, что так запросто будете беседовать с английским лордом? Я — член палаты лордов Великобритании. Уже длительное время занимаюсь Советским Союзом, много раз приезжал в вашу страну. Перевел несколько книг с русского языка на английский. Я автор книги «Война, которую выиграл Гитлер». О ней в свое время много говорили. Не слышали о такой?

— Мы знаем десятки книг, — зло сказал Леонов, — в том числе и книгу под названием «История», где четко и правдиво говорится о том, что Гитлер проиграл войну.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся лорд. — Вы, конечно, правы, но моя книга показывает Гитлера в несколько ином ракурсе. — И тут лорд круто сменил тему. Сразу сделался серьезным. — Но я приехал сюда по другому вопросу, который никакого отношения к Гитлеру не имеет. Мне сообщили, что вы хотите выехать в Англию, и попросили оказать вам помощь.

Парни молчали, и лорд после наступившей неловкой паузы продолжал:

— Но мне сказали, что сегодня вы отказались писать заявления о предоставлении вам политического убежища. Так ли это?

Ответил Николаев:

— Хочу уточнить, что мы не от заявлений отказались, мы отказались писать о том, что дезертировали из Советской Армии.

— Ну, в Союзе, — небрежно махнул рукой англичанин, — вы числитесь дезертирами уже давно.

— Но это же не так, господин лорд, — сказал Леонов. — Мы не можем идти против своей совести. Тем более мы не уверены в том, что имеем дело с теми людьми, которые действительно хотят и могут нас освободить из этого ада.

— Мне понятны ваши сомнения. Тогда сделаем так: вы пишите сейчас заявления, в которых просите правительство Великобритании предоставить вам политическое убежище, а когда приедете в Англию, тогда продолжим письменные изъяснения. Не возражаете?

Леонов и Николаев, словно интересуясь мнением друг друга, молча переглядывались. Лорд достал из тоненькой кожаной папки несколько чистых листов бумаги и две шариковые ручки.

— Вот, пожалуйста, можете писать.

— Ну что, Антон? — Николаев делал вид, что колеблется.

— А что нам другое остается? — вопросом на вопрос ответил Леонов. — Давай писать.

Они написали короткие заявления. Лорд спрятал их в папку, а затем, подойдя к двери, приоткрыл ее и кого-то окликнул.

В комнату вошел высокий, светловолосый мужчина с фотоаппаратом. Лорд пояснил:

— Он сделает фотографии для выездных документов.

Мужчина окинул взглядом комнату и, поставив на нужное место стул, по очереди сфотографировал парней. Лорд пообещал, что на следующий день подготовит документы, и ушел.

Оставшись одни, ребята молчали. В этой комнате они не хотели вести разговоры, считая, что здесь установлены подслушивающие микрофоны.

Наконец пришел сопровождающий и отвел их на место. Охраняли их здесь ненавязчиво: автоматчиков не было, но ребята видели, как у большинства тех, кто с ними общался, под пиджаком или рубашкой спрятан пистолет.

Ужин был готов, и после его снова тяжелый липкий туман быстро одурманил голову. Наркотик, подмешанный в пищу, действовал быстро.

На следующее утро их разбудили рано. Быстро покормили. Средних лет мужчина, представившись сотрудником одного из английских представительств, на русском языке сообщил:

— Господа, мы сейчас выезжаем в аэропорт, откуда вылетим в Лондон.

Они сели в довольно потрепанный легковой автомобиль. На заднем сиденье рядом с ними устроился и этот представитель, а впереди рядом с водителем сел какой-то душман. Три или четыре раза их машину останавливали пакистанские патрули, и душман предъявлял какой-то документ.

К середине дня прибыли на аэродром. Лил дождь, низко над землей висели темные тучи. Машина, разбрызгивая лужи на бетоне, проехала в дальний конец и остановилась у огромного военно-транспортного самолета. По знакам на борту парни поняли, что самолет американский. Англичанин и душман вышли из машины и направились к группе военных, стоявших недалеко от самолета.

Разговор длился долго, и по жестике англичанина

ребята поняли, что у того что-то не получается. Наконец переговоры были окончены, и англичанин быстро зашагал к машине.

— Давайте, ребята, побыстрее, а то еле уговорил, чтобы этим самолетом улететь.

Николаев и Леонов вошли в огромный самолет, внутри которого стояли какие-то ящики, лежали большие тюки. Их посадили на длинной боковой скамейке. По сторонам и напротив сидело человек тридцать мужчин в европейском платье. Лица у всех серьезные, безучастные.

В полете наркотик продолжал свое угнетающее действие, и парни, прижавшись друг к другу, спали тяжелым сном.

Сколько прошло времени после вылета, сказать они не могли. Когда самолет приземлился на каком-то аэродроме, стоял уже вечер.

Парней отвели в небольшую комнату и покормили. Сопровождающий предложил по банке пива, но они отказались и жадно пили воду.

— Где мы находимся? — тихо спросил Леонов.

— Черт его знает. Судя по аэродрому, скорее всего на какой-то военной базе США. Видел, сколько военных?

— У меня немного посветлело в голове, а у тебя?

— Тоже лучше стало, — ответил Николаев и добавил: — Может, здесь прекратят нас наркотиками накачивать?

— Сейчас главное держаться. Пей воды побольше, в ней этого зелья нет.

В ярко освещенной комнате их дожидался врач. Он приказал раздеться, долго и с удивлением рассматривал их. По его злым вопросам к англичанину, Антон и Алексей поняли, что врач возмущается их состоянием и, наверняка, допытывается у англичанина, кто мог довести людей до такого состояния.

Заполнив какие-то документы, он расписался, поставил печати и протянул их англичанину. Тот поспешно увлек парней из комнаты.

По дороге к другому зданию Леонов спросил у англичанина:

— А чего злился доктор?

— Ему ваш внешний вид не понравился. Он ругал душманов за такое обращение с вами.

— А где мы сейчас находимся? — поинтересовался Николаев.

— В Европе, — туманно объяснил англичанин, показы-

вая всем своим видом, что дальнейших расспросов не желает.

У Леонова, конечно, чесался язык спросить, как они могли вылететь из одной страны и оказаться в другой без контакта с пограничниками, без проверок у них документов. Но Антон, боясь, что после этого новая порция наркотиков им обеспечена, не стал рисковать.

И вот они уже снова в каком-то помещении. Двое молчаливых молодых мужчин сняли отпечатки их ладоней и пальцев, вытерли какой-то жидкостью их руки и развели парней по отдельным комнатам.

«Неужели нас разлучили?» — панически подумал Леонов и, увидев входящего в комнату англичанина, спросил: — Почему вы нас разъединили?

— Не волнуйтесь, скоро будете снова вместе, — успокаивающе ответил англичанин и пояснил: — Вам сейчас предстоит пройти некоторые формальности, которые подтвердят, говорите ли вы правду.

«Неужели детектор лжи?» — испугался Антон, и в памяти сразу же всплыло письмо их взвода. — А если они зададут вопрос, есть ли у меня чьи-либо письма?»

Антон, конечно, слышал о детекторе лжи и, находясь на грани физического измождения, боялся в какой-нибудь момент сорваться. Это письмо для него сейчас было дороже жизни, смысл которой он видел, в первую очередь, в доставке его на Родину.

Открылась в углу дверь, откуда вышел мужчина и жестом пригласил Леонова следовать за ним.

В большой, хорошо освещенной комнате, обставленной мягкой мебелью и какой-то аппаратурой, Леонова усадили в кресло. Четверо сотрудников молча возились с бумагами и, казалось, не замечали вошедшего.

Но вот двое из них начали прикреплять Леонову датчики. Голос сзади по-русски произнес:

— Вам необходимо расслабиться и четко отвечать на вопросы. Ваша фамилия, имя, отчество?

— Леонов Антон Сергеевич.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой.

— Место рождения?

— Брянская область.

— Страна?

— Что, страна?

— В какой стране находится Брянская область? —

металлическим ровным голосом спрашивал мужчина из-за спины.

— В Советском Союзе,— ответил Леонов.

— В каких войсках проходили службу?

— В десантных.

— Сколько человек в вашем батальоне?

— Не знаю.

— В роте?

— Не знаю.

— Во взводе?

— Не знаю,— вспыхнул Леонов.— Вы задаете провокационные вопросы!

— Не надо спорить. Отвечайте на вопросы.

— Когда вам дали задание сотрудники Комитета государственной безопасности?

— Вчера.

— В каком месте?

— В Пешаваре.

— Вы давали им подписку?

— Нет.

— Где вы родились?

— В Советском Союзе, в Брянской области.

— Вы дезертировали из Советской Армии добровольно?

— Нет,— ответил Леонов и тут же спохватился:— Я вообще не дезертировал. Был контужен и без сознания попал в руки душманов.

— Отвечать на вопросы короче! — последовал приказ откуда-то слева.

— Вы хотите сбежать в Советский Союз?

— Нет.

— Когда вас завербовали сотрудники КГБ?

— Вчера.

Леонова уже начали злить эти игры в вопросы и ответы, но в то же время они и забавляли.

— У вас дети есть?

— Нет.

— Вы женаты?

— Нет.

— У вас есть любимая девушка?

— Есть.

— Где находится учебный центр, в котором вы обучались?

— Не знаю.

— Имя вашей девушки?

— Катерина.

— Вы любите ее?

— Да.

— Сколько гранатометов в вашем взводе?

— Не знаю.

— Вам доводилось стрелять из орудия боевой машины пехоты?

— Да.

— Какой его боезапас?

— Не знаю.

Когда, наконец, отключили датчики, Леонов почувствовал, что он весь мокрый от пота. Он сильно устал. И, когда в комнату вошел провожатый, Леонов зло спросил его:

— Это что, повторение душманских хохмочек?

— Успокойся, Антон,— заулыбался англичанин.— Все идет нормально. Пойдем ужинать, а затем вылетаем в Лондон.

— А где мой товарищ?

— О, не волнуйтесь, он вас уже ждет.

И действительно, в соседней комнате сидел Николаев. Англичанин провел их по коридору в угловую комнату, где был накрыт стол на двоих.

— Вы ужинайте, а я пойду заниматься нашим отъездом.

— А где здесь туалет? — спросил Антон.

— За дверями двое дежурных. Если кому-то из вас надо будет, скажите им, они проводят.

Леонову не терпелось проверить, не промокло ли от пота письмо, которое было спрятано в воротнике рубашки.

Убедившись, что все нормально, Антон вернулся в комнату. Николаев чуть слышно спросил:

— Как думаешь, что там у наших?

Леонов молча показал на потолок, стены, а затем на свои уши,— подслушивают, мол,— а затем громко сказал:

— Я думаю, что у них все в порядке.

Открылась дверь, и вошел их провожатый.

— Ребята, быстрее! Самолет ждет.

У выхода из домика их усадили в военный джип, водителем которого был американец, рядом с ним сидел автоматчик. Англичанин попросил минуточку подождать и зачем-то вернулся в дом. А Николаев вдруг вспомнил случай, когда Леонов спросил у душмана-возницы, где они находятся, и тот ответил. Теперь решил рискнуть Алексей.

— Хелло! — и, показав пальцем на зарево электрических огней города, спросил:— Бонн?

Сидевший рядом с водителем автоматчик отрицательно покачал головой:

— Мюнхен.

— Вот видишь, — победно посмотрел на Леонова Алексей, — что значит знать иностранный язык.

— Ишь ты, полиглот нашелся. Ты бы лучше спасибо сказал за информацию.

Николаев картинно наклонился вперед и произнес:

— Мерси.

Американцы переглянулись и громко рассмеялись.

Из дома выскочил провожатый, и джип быстро помчался по бетонке.

Как только вошли в салон самолета, двигатели сразу же запустились, машина начала разгон, и через минуту они были в воздухе.

Впервые за все последние дни сознание было ясным, и ребята, пользуясь тем, что англичанин сидел от них в стороне, перешептывались.

— Леша, болит у меня сердце за ребят, да и чувствую себя дезертиром, оставив их там, — Леонов сокрушенно вздохнул.

Они замолчали, думая о тех, кто остался в подземелье. Ох, как дорого заплатили бы они хоть за одну весточку от друзей.

Самолет клюнул носом и начал снижение. Сопровождающий подвел парней к легковой автомашине, из которой вышел Миллер.

— С прибытием вас, ребята, в свободный мир!

Он демонстративно начал пожимать им руки, словно кто-то фотографировал эту сцену.

Затем ребят посадили в машину, и уже по дороге Миллер сообщил:

— Теперь все для вас позади! Сейчас отвезу вас в частную клинику, где будете несколько дней. Надо, чтобы врачи поставили вас на ноги. Затем проведем пресс-конференцию, но о ней позже поговорим. Вас же еще надо подготовить к ней. На Западе реклама — это половина успеха. За хорошо проведенную пресс-конференцию можно прилично заработать.

Парни не отвечали. Им было неприятно слышать о том, что готовится пресс-конференция, но в то же время на этой же пресс-конференции можно будет рассказать правду. А удастся ли после этого вырваться на Родину?

«Все надо хорошенько обмозговать, — думал Леонов,

глядя как их машина свернула на глухую улочку и оставилась у металлических ворот. Сейчас главное не допустить ошибки... В любом случае, нам гораздо легче, чем нашим ребятам...»

Ворота долго не открывались, и Миллер торопливо вышел из машины. Леонов прикрыл глаза и попытался представить, что сейчас происходит у их друзей, оставшихся в тюрьме.

«ПРОЩАЙТЕ!»

Трое суток бились советские и афганские военнослужащие с объединенными силами душманов и пакистанской армии. Авиация и поставленная на прямую наводку артиллерия разрушили до основания огромный дувал и здания, которые примыкали к нему. И если в их развалинах еще можно было укрыться от пуль, то куда спрятаться от артиллерийского и навесного минометного огня?

Наступающие оставили целыми только четыре помещения, где размещались склады. Силы защитников все таяли и таяли.

И вот ранним утром Мохаммад Наим собрал оставшихся в живых. Оказалось всего девятнадцать человек. Было ясно, что территорию базы уже не отстоять. Решили отойти в глубь базы и занять позиции непосредственно у складов, драться до последнего дыхания. Разделились на четыре группы, по количеству складов. Наиболее крупный склад с минами, ракетными установками и другим тяжелым оружием взяли на себя Тамарин, Сейсейбаев и Викулин. Чуть позже Мохаммад Наим, создав группы для обороны других складов, сам присоединился к советским солдатам.

Пока атаки еще не было, начали отход к складам. Тяжелое вооружение, станковые пулеметы, безоткатные орудия и минометы с собой не брали, как могли вывели их со строя: разбили оптику, разбросали по щелям в развалинах затворы, другие съемные элементы, погнули стволы и забили их землей.

На складах взяли новое оружие. Группа Тамарина и Мохаммада Наима кроме автоматов вооружилась гранато-метами и тремя ручными пулеметами. В углублении, сделанном у входа, установили на прямую наводку безоткатное орудие и крупнокалиберный пулемет, вытащили из склада с десятков ящиков с ручными гранатами.

Пока было спокойно, принялись за завтрак. В душманских складах имелось много различных консервов.

Потом Мохаммад Наим осмотрел позиции у других складов. Подготовились как следует.

— Вы договорились об огневой поддержке? — спросил Тамарин.

Еще ночью, оговаривая план дальнейших действий, они обратили внимание, что расположение складов очень удачное для прикрытия друг друга.

— Да. Мы в своем секторе не должны подпускать душманов и пакистанцев вон к тому складу. — Мохаммад Наим показал рукой чуть левее. — У нас получилась круговая оборона.

— Вы спрашивали у своих товарищей, согласны ли они стоять насмерть?

— Да-да, конечно, переговорил со всеми. Сказал: кто хочет, может сдаться, мы в обиде не будем.

— Ну и как?

— Все решили стоять насмерть.

В этот момент начался артналет. Артиллерия била по развалинам, превращая их в пыль, которая огромными тучами ползла вверх, затем стелилась по земле. Вскоре от пыли уже ничего не было видно. Под прикрытием артиллерии цепи противника приближались все ближе и ближе к обороняющимся, и как только огонь прекращался, сразу бросались в атаку. Последняя такая атака вчера была отбита с огромным трудом. Повезло, что атакowali с одной стороны, это позволило Мохаммаду Наиму собрать для отражения натиска всех своих людей.

И вот прекратились разрывы последних снарядов, и наступила тишина.

— По местам, мужики! — тихо сказал Тамарин.

К станковому пулемету стал Викулин. В грязной повязке на выбитом глазу, с длинными растрепанными волосами, он деловито и спокойно готовил пулемет к бою. Сейсейбаев расставил ручные пулеметы полукругом и сейчас на несколько секунд по очереди прилег у каждого из них, прикидывал, удобно ли вести огонь лежа, не далеко ли лежат запасные магазины.

Мохаммад Наим послал снаряд в ствол безоткатного орудия и слегка поводил его из стороны в сторону: порядок!

Тамарин разложил гранатометы и ящики с гранатами для них.

— Идут! — приподнялся Викулин.

В неулегшихся клубах пыли, словно выплывая из нее, на базу шли цепи наступающих. Тамарин перекатился по дну углубления в другой конец и осторожно выглянул. Пакистанцы и душманы за ночь перегруппировались, и сейчас они окружили базу со всех сторон. Кольцо постепенно сужалось к центру, где стояли склады. Справа ударили длинными очередями афганские солдаты, и тут же их поддержала группа Тамарина. Патронов не жалели, били длинными очередями, создавая перед наступающими свинцовую стену. Наступающие залегли и повели неприцельный огонь. Викулин собранный и спокойный, не отрывался от пулемета. Часть душманов и пакистанских солдат залегла на голой земле, некоторые пытались отползти к развалинам. Викулин видел это и беспощадно строчил. Тамарин заметил, как за небольшой бугор спрятался душманский гранатометчик, и окликнул Сейсейбаева:

— Видишь бугор?

— Это тот, по которому ты ведешь огонь? Да, вижу.

— Бей по нему из гранатомета!

Сейсейбаев был отличным гранатометчиком и, если первую гранату он послал прямо в бугор, то вторую положил рядом с ним так, чтобы ее разрыв достал спрятавшегося там душмана. Они оба видели, как взрывом выбросило из-за бугра душмана, и он остался лежать на открытом участке.

Уцелевшие душманы скрылись в густой пыли. Мохаммад Наим тут же стал подтаскивать к безоткатному орудию ящики со снарядами.

— Атака длилась минут двадцать, — громко сказал он, — а я успел сорок четыре выстрела сделать... — Он прервался и сосредоточенно начал смотреть вперед. Да и советские солдаты насторожились. Они ясно слышали приближающийся шум мощных моторов.

— Танки?! — не то спрашивал, не то утверждающе сказал Сейсейбаев.

Из пыли, словно проявляясь на фотопленке, медленно выползали и все четче вырисовывались силуэты танков.

«Американские, М-60», — Тамарин схватился за гранатомет.

Сейсейбаев уже целился, а Викулин, пригибаясь, бросился к ближайшему гранатомету.

— В лоб не бить! — крикнул Тамарин. — Старайтесь в гусеницу, а затем в борт!

Грохнула безоткатка, но — мимо. Мохаммад Наим тут

же начал целиться в другой танк, который сделал поворот и его левый бок был прекрасной приманкой. Однако снаряд только скользнул по бортовой броне. Зато Сейсейбаев был более удачливым: одной гранатой разорвал гусеницу, а другой смог поджечь танк. Справа кто-то из афганцев тоже подбил танк.

В этот момент из пыли вылезла новая группа танков, а за ними — пехота. Танки не вели оружейный огонь, били только из пулеметов. Они медленно начали надвигаться на склады. Пять тяжелых бронированных чудовищ, расположившись полукольцом, ползли на Тамарина и его товарищей. За ними группами бежали душманы и пакистанские солдаты.

— Арнольд! Викулин! — крикнул Тамарин. — К пулемету! Отсекай пехоту от танков.

Викулин смог «отсесть» пехоту, но только от тех танков, которые наступали левее.

Тамарин тщательно целился в ближний к их позиции танк. Приземистый, пятнистый, с орудием, смотревшим, казалось, прямо в глаза, он медленно приближался.

«Пора!» — приказал себе Тамарин и выстрелил. Длинный огненный шлейф ударил в гусеницу. Полковник Мохаммад Наим тоже удачно выстрелил из своей безоткатки, и еще один танк стал.

Странный был бой. Пакистанские орудия молчали, боясь угодить в склад снарядами, и позиций обороняющихся поливались пулями. Не ойкнув, упал с широко раскрытым глазом Викулин. Во лбу, рядом с грязной повязкой, у него чернела дырочка. Схватился за левое плечо афганский подковник, а его даже перевязать некому. Тамарин бил из гранатомета, а Сейсейбаев — из ручного пулемета. До противника пятьдесят, сорок, тридцать метров.

— Гранатами их! — крикнул Тамарин и, хватая из ящика гранаты, одну за другой начал бросать, стараясь, чтобы падали сбоку от танков. В этот момент он почувствовал, что стала тяжелой рука. Глянул — чернеет от крови рукав.

Забросив на плечо автомат и подхватив здоровой рукой две гранаты, Тамарин крикнул:

— Уходим в склад!

Первым заскочил в склад Мохаммад Наим, за ним Тамарин, затем, дав по противнику длинную очередь, вбежал Сейсейбаев. По центру склада шел узкий проход. Спрятались за ящиками с ракетами. Оглянулись — место

подходящее: рядом с ракетами складированы мины, гранаты.

«Да, взрывоматериалов здесь сотни тонн, — подумал Тамарин. — Хороший фейерверк получится».

— Помирать — так с музыкой! — с улыбкой сказал Мохаммад Наим.

— Ну что, товарищи, — обратился к полковнику и Сейсейбаеву Тамарин. — Настал наш час! Я предлагаю взять по гранате и, когда душманы ворвутся сюда, бросить в любой ящик или штабель.

— Да, это будет наш прощальный салют! — взволнованно воскликнул Сейсейбаев.

В дверях послышалась возня, все трое из-за своих укрытий увидели группу душманов. Они осторожно шли по проходу, заглядывали за ящики.

Мохаммад Наим и Сейсейбаев напряженно следили за Тамариным. У каждого в руке американская ручная граната. Тамарин наметил для себя большой штабель итальянских противотанковых мин и показал друзьям пальцем на них. Мохаммад Наим тут же указал на длинные ящики с реактивными снарядами, а Сейсейбаев, с секунду поколебавшись, выбрал ящики с минометными минами. И они почти одновременно, без замаха бросили гранаты. Сейсейбаев почему-то заткнул уши руками. Мохаммад Наим смотрел на врагов, а губы Петра Тамарина успели прошептать:

— Прощайте!

Взрыв был такой силы, что даже за многие километры от базы вылетали стекла из окон домов, а люди выскакивали из них, считая, что началось землетрясение.

А над душманской базой и учебным центром поднималось огромное желто-черное облако, которое скоро превратилось в большущий гриб-исполин...

В ЛОНДОНЕ

Леорова и Николаева утром осмотрел врач и назначил лечение. Миллер, пообещав прийти к вечеру, исчез, и парни остались одни. Разговаривать не хотелось, солдаты не сомневались, что каждое произнесенное ими слово будет услышано и записано.

Наркотики им прекратили давать, острее стали чувствоваться раны, давил груз ответственности и за принятое

решение. Каждую минуту они думали о том, чтобы не дать использовать свои имена в какой-нибудь провокации.

После обеда им предложили подышать свежим воздухом. Молодая худощавая женщина, которая подавала пищу, открыла запасную калитку, и ребята оказались в небольшом садике. Было прохладно, и, поеживаясь, они обошли сад. Он был обнесен высоким каменным забором. Увидев металлические ворота, парни подошли к ним и с любопытством через большие щели осматривали улицу.

— Наверное, находимся где-то на окраине, — сказал Николаев.

В этот момент сзади послышался голос. Ребята обернулись и увидели уже знакомую им женщину. Она, улыбаясь, что-то говорила им и протягивала две куртки.

— Мерси, — промямлил Николаев.

Когда женщина отошла, Леонов, подзадоривая друга, сказал:

— «Мерси» говорят во Франции и, как я теперь понял, в Иваново, а здесь надо говорить «сенькью».

— Ладно, ладно, критиковать все умеют, — беззлобно проворчал Николаев и вдруг сказал: — Антон, меня волнует пресс-конференция. Что нам на ней говорить? Советских корреспондентов там не будет, это факт, и помощи нам ждать неоткуда. Клеветать на Родину, на ребят, на армию мы не будем, а это значит, нас могут обратно к духам отправить! Что делать?

— Да я тоже об этом все время думаю. В помещении не поговоришь... Давай скажем так: чувствуем себя очень плохо и, пока не придем в себя, просим никому нас не представлять. В крайнем случае, у нас есть возможность рвануть отсюда. Что для нас этот забор или ворота?

— Рвануть-то рванем, а куда денемся без знания языка, враз схватят.

— Ну ладно, хватит глазеть, а то наше любопытство может вызвать подозрение. Давай не будем ждать, пока нас позовут, и пойдем в дом сами, скажем, что чувствуем себя неважно.

— Правильно, пошли.

Когда зашли, Леонов показал женщине на голову, болит, мол, и они направились в свою комнату.

А вечером приехал Миллер. Веселый, улыбающийся. Он притащил ворох различных журналов, антисоветской литературы.

— Вот, ребята, развлекайтесь! Хотел жевательной ре-

зинки прихватить, но врач не разрешает, говорит, что у вас сильнейшее истощение и жвачки вам нельзя.

— Сколько нас здесь продержат? — спросил Леонов.

— Это трудно сказать, — неопределенно ответил Миллер. — Все зависит от вашего самочувствия. Но не огорчайтесь, вам здесь будет весело. Начиная с завтрашнего дня, я и мои друзья начнем показывать вам Лондон. О, это удивительный город! Вы убедитесь.

Парни воспряли духом. Путешествие по городу дает им возможность разведать, где находится советское посольство. Сделав вид, что их заинтересовали журналы, ребята принялись за них. С этой минуты они жили ожиданием завтрашнего дня и своего первого выхода в город.

Утром приехал лорд. Николаев и Леонов со слов Миллера уже знали его фамилию — Николас Бетел. Он был в прекрасном расположении духа.

— Сегодня типичная английская погода, — весело говорил он, не ожидая ответа на свое приветствие. — Но небольшой дождик с легким туманом не помешает вашей экскурсии по городу. У меня лично много дел сегодня, так что сопровождать вас будет Юрий и его друг Тарас. Я им сказал, чтобы они согласовали с вами маршрут.

— Мы же не знаем здесь ничего, — заметил Алексей, — поэтому нам безразлично, куда нас повезут.

— Лондон — это один из центров цивилизации и культуры. Вам, ребята, повезло, что вы сюда попали. Пока вы будете адаптироваться, я не даю разрешения журналистам на встречу с вами. Когда немного окрепнете, поговорим откровенно и серьезно. Не скрою, я рассчитываю на то, что вы поймете меня. Я взял на себя весь риск по вашему спасению и доставке сюда. Имею же я право на взаимность и понимание?

— Господин Бетел, — заметил Леонов, — но и вы должны понять нас. Мы еле передвигаем ноги, и разве нам сейчас что-либо мило? Мы, конечно, благодарны вам за то, что вы хотите нас познакомить с городом, но и экскурсии просим пока делать непродолжительные, нам надо подлечиться.

— Да-да, я понимаю. Вам передали литературу?

— Да, спасибо.

— Дадим вам еще. Кстати, из нее вы узнаете очень много интересного для себя, поймете, почему многие люди борются с коммунистическим строем. Но, не буду вас утомлять, отдыхайте, лечитесь. До встречи!

Миллер пришел не один. С ним был молодой мужчина,

который представился Тарасом, и женщина в джинсах и светлой вязаной кофте. Она кокетливо сделала легкий реверанс, когда Миллер назвал ее.

— Это наш друг Дана. Она полька, но неплохо говорит и понимает по-русски. Так что, ребята, о ее недостатках при ней не говорите. Она в гневе страшная, — смеясь, говорил Миллер.

А Дана в это время достала из своей сумки два зонта.

— На улице дождь, и зонтик необходим каждому джентльмену, выходящему из дому.

Миллер нетерпеливо прошелся по комнате.

— Итак, друзья, в путь! Вас ждут развлечения.

Они вышли на улицу, где у подъезда стоял микроавтобус. За руль сел Тарас, и они поехали. Миллер, сидевший около дверей на первом сиденье, громко сказал:

— Мы сейчас провезем вас по городу, а затем, если дождь не прекратится, посетим салон мадам Тюссо. — Он хмуро посмотрел на парней. — Слышали ли вы о салоне мадам Тюссо?

Николаев тут же отрицательно покачал головой, а Леонов неуверенно спросил:

— Это музей восковых фигур?

— О, Антон, да ты же молодчина! — воскликнул Миллер.

А пани Дана захлопала в ладоши.

— Прекрасно, Антон, значит, вы знаете Англию, ибо, как здесь говорят, тот, кто не знает о салоне мадам Тюссо, тот не знает и Англию.

Автобус выехал на огромную площадь, в центре которой установлена высокая круглая колонна. На самом вершине колонны в старинной морской форме опирался на шпагу адмирал Нельсон.

— Трафальгарская площадь! — театральным голосом объявил Миллер.

— Самая знаменитая площадь Англии, — добавила Дана. — Это же история! Нельсон! Кто не знает этого знаменитого адмирала, принесшего славу Великобритании на века? — Она хотела еще что-то сказать, но ее перебил Миллер.

— Обратите внимание вот на то большое здание с колоннами. Это — национальная галерея. Мы там скоро побываем.

Они проехали немного по мрачным улицам, и автобус остановился. Миллер начал рассказывать:

— А сейчас мы находимся в символическом центре Лондона, на площади Пиккадилли Серкус. Эта площадь одновременно является и центром рекламы и секса. Здесь есть много очень милых заведений, и если мы все очень попросим Тараса, то он нас как-нибудь сводит туда. Особенно красива площадь в вечернее и ночное время.

— А кто эти оборванцы? — спросил Леонов, указывая на сидящих и лежащих возле постамента пестро одетых молодых людей.

— А, эти? — небрежно махнул рукой Миллер. — Здесь полная свобода, и молодежь одевается так, как ей нравится. На площади вы можете увидеть разных людей: от полураздетого хиппи до ультрасовременно одетой проститутки. Кстати, женщины здесь стоят недорого.

— А что это за памятник? — поинтересовался Николаев.

— Это скульптура, изображающая бога любви Эроса, — Дана кокетливо улыбнулась Алексею.

Машина тронулась. Леонов с интересом рассматривал Лондон. Узкие улицы, на которых нет зелени, неповоротливые двухэтажные автобусы, черные, похожие на жуков такси, полицейские, одетые во все черное, в неудобных шлемах. И везде реклама: на стенах домов, на крышах... Чужой, кричащий, неудобный город.

— Гайд-парк, — громко объявил Миллер. — Это уникальное место, где каждый может говорить все, что пожелает, критиковать кого угодно.

Недалеко от дороги стояло небольшое квадратное возвышение. На него взобрался заросший, одетый в лохмотья мужчина и, жестикулируя, что-то говорил. Но самое странное — он был абсолютно один, вблизи — ни одного человека.

— Для кого он говорит? — спросил Николаев.

— А не для кого, — равнодушно ответила Дана. — Он, скорее всего, сумасшедший.

— Ну что, — деловито посмотрел на часы Миллер. — Дождь продолжается, и нам нет смысла колесить по городу. Я предлагаю ехать в салон мадам Тюссо.

Салон оказался недалеко. Когда машина остановилась напротив входа, Миллер подхватился.

— Подождите минутку, я разберусь в обстановке.

Леонов и Николаев внимательно рассматривали здание. На черном фоне длинного козырька большими белыми буквами было написано по-английски: «Мадам Тюссо».

Выше, на уровне второго этажа, на стене овальный барельеф женщины.

Дана пояснила:

— Билет сюда стоит очень дорого, но людей много, особенно туристов.

Прибежал Миллер, он торопливо вскочил в автобус, хлопнул дверь и коротко бросил:

— Тарас, поехали! — И только после, когда автобус тронулся, пояснил: — Сегодня не получилось. Ну, ничего, завтра съездим.

Леонов внимательно смотрел на улицы, он старался запомнить, в какой части города находится их клиника.

«Хотя какая она клиника? — подумалось Антону, — когда там только я и Алексей. Можно подумать, что в Лондоне никто и не болеет».

— Приехали, — объявил Миллер и добавил: — На сегодня хватит. Отдыхайте, набирайтесь сил, а завтра продолжим знакомство с городом.

В комнате молчаливая служанка сразу же принесла еду. Покушав, ребята легли в постель. Алексей негромко спросил:

— А знаешь, почему мы не попали в музей восковых фигур?

— В салон, — поправил его Антон.

— А это все равно. У входа висит расписание работы, так там написано «музей».

— Ну да ладно, так почему мы не попали туда? — спросил Леонов.

— А потому, что там было много советских туристов. Наверное, по линии «Спутника» ребята приехали. Вот господин Миллер испугался, как бы мы к ним не переметнулись.

Антон даже сел на кровати.

— И ты видел их?!

— Конечно. С нашими сумками, в советских куртках, даже отдельные голоса ребят слышал.

Но вдруг Леонов вспомнил: их же наверняка подслушивают и громко сказал:

— Ну и дурак Миллер. Неужели он не понимает, что обратного пути у нас нет!

— Это точно, — подтвердил Николаев, и предложил: — Давай спать. Говорят, что сон лечит, а то я хожу и шагаюсь.

— Да и я тоже, еле ноги передвигаю.

Отдав таким образом дань слушателям, ребята замолчали. Алексей скоро заснул, а мысли Леонова снова, уже в который раз были на душманской базе. Его все больше угнетало то, что он сейчас ест и спит нормально. Его никто не бьет, не издевается над ним, а где-то далеко такие же, как и он, солдаты страдают, а может быть, в эту минуту кто-то из них погибает.

Откуда было знать Леонову, что в это время по огромной воронке, которая была по размеру чуть меньше территории базы, в задумчивости бродят пакистанские генералы и американские советники. Военный губернатор северо-западной пограничной провинции Пакистана генерал-лейтенант Фазли Хак подошел к группе главарей контрреволюции и, глядя на Гульбуддина Хекматиара, зло бросил:

— Объявите всем, что здесь вели бой между собой ваши вооруженные отряды. Надо сделать все, чтобы информация о том, что здесь были советские пленные, не просочилась в Афганистан и на страницы прессы.

Губернатор зябко повел плечами и, не обращая внимания на низкие поклоны главарей, медленно пошел в сторону, думая скорее всего о своей судьбе.

На следующий день после завтрака на том же автобусе прибыл Миллер со своими помощниками. Привезли с десяток порнографических журналов и красочных проспектов. Миллер был весел.

— Хватит, ребята, отдыхать! Поехали на парад восковых фигур.

На сей раз все прошло без заминки. Как только приехали на место, все, кроме Тараса, направились в музей. У входа в большой зал, прежде чем спуститься по ступенькам вниз, ребята остановились. Казалось, что в зале находится много людей, целое столпотворение. Поражала одежда многих: старинная, парадная, бальные и театральные наряды.

Они спустились в зал и зачарованно смотрели на изображенных знаменитостей. Да, действительно, такого парня не видели никогда. Вот королевская семья, чуть впереди в парадном военном костюме, слегка опирающийся на шпагу, герцог Эдинбургский. Словно живые, застыли в естественной позе Людовик XVI с Марией Антуанеттой,

впереди них — дети. Прошли чуть дальше, и Дана показала на фигуру мощного мужчины, разодетого в меха, увешанного старинными украшениями и длинным узким кинжалом на цепочке у пояса. Он стоял в окружении шестерых нарядно одетых в старинные платья женщин. Дана вполголоса сказала:

— «Кровавый Генри», или Генрих VIII, со своими женами. Одним отрубил головы, с другими разошелся. Люболюбивый был мужчина. — И Дана слегка подтолкнула Леонова. — Теперь, пожалуй, таких мужчин не найдешь, а, Антон? А вот ваш царь Николай Второй и его супруга.

Между царем и его женой стал Миллер. Николаев тоже стал рядом с манекеном, одетым в полковничью форму, и сказал:

— А я выше царя на целую голову.

— А Наполеон, — заметил Леонов, — в таких случаях отвечал: «Я вас легко могу лишить этого преимущества».

— А ну тебя! — чертыхнулся Николаев и непроизвольно потер пальцем шею, но тут же недоуменно показал на трицу, двое из которых были одеты в черные костюмы, а третий в сутану.

— Ты что, неужели не узнаешь? — воскликнул Миллер. — Это же Черчилль, Кеннеди и папа римский Иоанн XXIII.

— А я-то смотрю, уж больно знакомые все лица, — протяжно ответил Николаев.

Они прошли в другой зал. Миллер торжественно объявил:

— А сейчас мы находимся в очень интересном детективном зале. Здесь размещены фигуры самых знаменитых преступников. Вот, например, — Миллер указал на широкоскулого воскового мужчину, — Пальмер. За двадцать тысяч фунтов стерлингов он отравил жену, брата и своего друга заодно. А вон, чуть дальше, — он указал пальцем на фигуру мужчины с поднятыми на уровень лица связанными руками, — убийца президента США — Освальд.

Они приблизились к восковой парочке, фигуры стояли наклонившись друг к другу, словно шептались между собой. Оба одеты в черные костюмы с бабочками, с одинаковыми прическами, лица худощавые, длинные, с небольшими бородками и усами. Миллер пояснил:

— Бурк и Хейер. Они душили иностранцев и их трупы продавали по десять фунтов.

— Тоже мне, герой, — буркнул Леонов и направился

дальше. Он обратил внимание на женщину во всем черном. Расширенные черные глаза, узкий хищный нос, широкие скулы.

— Надеюсь, эта мадам не убивала?

— Наоборот, — во весь рот улыбнулся Миллер. — Это миссис Дайер. Она брала коммиссионные с многодетных бедняков, обещала им, что их беби будут усыновлены или удочерены богатыми людьми. На самом деле она убивала этих детей. Сорок шесть их трупов были выловлены из вод Темзы.

— Не зря Темза у вас мутная, — хмуро заметил Леонов и подошел к фигуре другой женщины. Она сидела на длинной скамье и напоминала сову: большой лоб, длинный узкий нос, круглые очки, на голове шапочка, руки, сложенные на животе.

— А она кого убила?

— Она — никого. Это и есть та самая мадам Тюссо, — пояснила Дана, потом показала на фигуру лысого мужчины с прямоугольным лицом и глазами сумасшедшего. — А вот он, мистер Кристи, отличается тем, что у него на кухне полиция обнаружила чан с убитыми женщинами.

— Какой ужас! Послушайте, — взмолился Николаев, — а здесь есть зал повеселее?

— Есть, есть, — засмеялась Дана.

Они оказались в следующем зале. Леонов обратил внимание, как Миллер незаметно взглянул на часы и сразу же ускорил шаг. Он почти не останавливаясь пояснил:

— Вот эта красавица — Бриджит Бордо, а вот Иосип Броз Тито, де Голь, бразильский футболист Пеле, Вилли Брандт, а вот, — Миллер приостановился, — Мао Цзэ-дун, Брежнев и Никсон. Они, как видите, стоят рядом.

Постепенно у Леонова интерес к экспозиции начал пропадать. Он взглянул на Николаева и по его виду понял, что и ему уже надоело созерцать эти фигуры. Но Антон молчал, стараясь понять, почему заспешил Миллер. Скоро он догадался, в чем дело. Когда они уже отъезжали от музея, недалеко остановился большой автобус, а из него высыпали смеющиеся парни и девушки. Антон понял — советские!

Сжалось сердце. Первым желанием было рвануть ручку двери, выскочить из микроавтобуса и броситься к своим! Но огромным усилием воли он заставил себя сдержаться и даже отвернуться с безразличным видом.

Краем глаза Антон видел, как напряженно следит за ним Миллер, и спокойно спросил:

— Что у нас на сегодня запланировано еще?

— На сегодня? — переспросил Миллер. — А вы не устали?

— Я — да, — ответил Антон и повернулся к сидевшему сзади Николаеву: — А ты, Леша?

— Я тоже. Все время на ногах.

— Я так и знал, что вы без привычки устанете. Поэтому на сегодня все. А вот завтра Тарас вас пригласит в молодежный русский клуб. Там вы повеселитесь и познакомитесь с очень интересными людьми. Будут и симпатичные девушки. Так что набирайтесь сил.

— А если у нас появится желание пройтись, мы можем выйти на улицу и прогуляться? — спросил Николаев, а Леонов ужаснулся: «Что он мелет, дуrolей? Зачем настаивать на этом?»

Миллер, немного поколебавшись, ответил:

— Видишь ли Алексей, у вас нет никаких документов, языка вы не знаете, боюсь, что вы просто заблудитесь. Мне этого не хотелось бы, так как я отвечаю за вас.

— Да нет, — пояснил Алексей, — вы не так поняли. Я и сам никуда не хочу отлучаться. Я имел в виду, пройтись или постоять у дома, где расположена клиника.

— А, вот оно что. Если у вас появится желание, то, пожалуйста, выходите. Только, как говорится, от угла до угла, не далее.

«А что? Ты, товарищ Николаев, оказывается с головой!» — обрадованно подумал Леонов.

В клинике врач измерил у них давление, послушал трубкой и, удовлетворительно сказав «о'кей», отпустил обедать. Кормили их хорошо, и парни чувствовали себя все лучше и лучше.

После обеда обязательный сон, тоже лечебная процедура. Когда проснулись, Алексей нарочно громко предложил:

— Антон, давай прогуляемся по улице, пока не стемнело.

Леонов сделал небольшую паузу, словно раздумывая.

— Что-то не хочется. Сегодня уже находились.

— Ну и что, что находились? Надо же понемножку тренироваться. Пройдемся, разомнемся, подышим...

— А как наши хозяева такие прогулки воспримут? Еще подумают, что бежать собрались.

— Перестань, что они не понимают того, что никуда мы от них не сбежим? Лично мне хочется побыстрее на ноги стать, человеком себя почувствовать.

— Ну ладно, пошли, но только давай кого-нибудь предупредим.

Они надели свои джинсовые костюмы, нейлоновые куртки и вышли в коридор. В дальней комнате нашли англичанку, которая обслуживала их и, как могли, жестами и словами объяснили, что идут на прогулку. Та все поняла и, проводив до дверей, открыла замок, а затем показала на кнопку звонка. Ребята поняли, что когда они возвратятся, то должны нажать на кнопку, и она их впустит в дом.

Они вышли на улицу. Моросил дождь, было зябко, но в душе теплилась тревожная радость. Как никогда они почувствовали реальность своего плана. Леонов спросил:

— Ты видел сегодня у музея наших ребят?

— А как же! У меня даже мысль мелькнула, а не передать ли нам через них, при случае, письмо.

— Нет, сделаем это сами, — твердо сказал Антон. И, помолчав, добавил: — Если они подслушивают нас, то должны подумать, что мы действительно бежать не собираемся.

— Я тоже так считаю. Неплохо же у нас получилось насчет прогулки?

— Конечно, но сейчас нам надо выяснить, следят ли они за нами.

— В первый раз долго гулять не будем.

Спустя некоторое время Николаев смог-таки увидеть двоих наблюдателей.

— Следят, гады!

— А ты чего хотел? Это же естественно. Столько потратить на нас денежек и так запросто проморгать. Давай дойдем до угла и повернем обратно, не будем их волновать зря.

Они подошли к крыльцу и нажали на кнопку звонка. Дверь сразу же отворилась. В комнате «завели» разговор.

— Чертовски устал, даже жалею, что уступил тебе и пошел, — сказал Антон.

— Но одному же нельзя. Да и зря ты злишься. Мы же быстрее силы восстановим. Нет, как хочешь, а я буду стараться вытаскивать тебя на прогулку каждый день.

— Ну да, еще подумают, что мы рвануть хотим.

— Да брось ты, они прекрасно понимают, что мы к их берегу примкнули. Сейчас главное — не продешевить, лучше устроиться.

— Но и не надо торопиться с разными пресс-конференциями, а то подумают, что нас можно дешево купить.

— Ну о пресс-конференции и откровенных беседах, до тех пор пока мы не вылечимся, и речи быть не может, — ответил Николаев. — У меня еще от обычных разговоров с ними и то голова кружится.

— Да у меня также. Чуть волноваться начинаешь, так сразу же рассудок теряешь, в голове туман. Да и что говорить на такой пресс-конференции, не знаю.

— Нам надо будет с лордом посоветоваться.

Утром следующего дня заскочил Бетел. Он куда-то торопился, был в прекрасном расположении духа: весело смеялся, шутил и даже положил на стол сто фунтов стерлингов.

— Это, ребята, на мелкие расходы. Тратьте, не стесняйтесь, если понадобится, дам еще.

— Господин Бетел, — попросил Николаев, — дайте нам что-нибудь почитать.

— О чем бы вы хотели почитать?

— Ну... впереди нас ждет пресс-конференция...

— О, я понял, понял! Хорошая идея! Сегодня же вам передам кое-что, читайте.

— Нас Миллер и Тарас приглашают вечером в какую-то компанию, — вмешался в разговор Леонов. — Можно нам идти или нет?

Бетел расцвел. Он, конечно, уже знал, о чем советские солдаты вели вчера между собой «откровенный» разговор, и этот вопрос еще раз свидетельствовал о том, что впереди его ждет удача.

— Конечно, сходите. Кстати, кое с кем из тех, кто будет вам полезен, познакомитесь. — Он кивнул на деньги. — Их вам тратить не придется, за вас заплатят.

Вскоре Бетел исчез, а парни вышли на прогулку. На этот раз они прошли на квартал дальше и, погуляв минут сорок, вернулись.

После обеда поспали, а затем вышли в сад. Дождя не было, и они, гуляя по узенькой дорожке, проложенной среди кустов, перебросились несколькими словами:

— Оказывается, они не только подслушивают, а и наблюдают за нами. В комнате имеется два телеобъектива.

— Да, я заметил, как сегодня ты на эти штучки посмотрел.

— Даже в туалетной комнате у них глаза и уши.

— А как же, — усмехнулся Алексей, — надо же им

знать, насколько мы экономно туалетную бумагу расходует.

— Ничего, мы этим тоже воспользуемся.

— Чем, этой туалетной бумагой?

— Да иди ты, — чертыхнулся Леонов. — Развеселился ты что-то?

— Я просто не теряю присутствие духа.

— Ладно, хватит, пошли в дом, опять дождь начинается.

Николаев был явно на душевном подъеме. Его охватил азарт везучего игрока. Леонов же, наоборот, был собран и хмур.

Вскоре зашли Миллер, Тарас и Дана. Они приехали на новом легковом автомобиле.

На дорогу потребовалось мало времени. Вскоре они спустились в полутемный подвал с интерьером под старину. Тусклый свет выхватывал из полумрака несколько сдвинутых вместе столов. За ними сидело человек двенадцать молодых людей. При виде Миллера и его друзей все шумно оживилось. За общим столом стало теснее, сразу же налили гостям вино. Оказавшаяся между Алексеем и Антоном молодая особа по имени Вика спросила у них:

— А может, вам лучше выпить виски в честь знакомства?

— Нет, — покачал головой Леонов, — мы еще настолько слабы, что это для нас опасно.

— А от чего вы такие слабые? — игриво поинтересовалась Вика.

— От пыток и голода, — сухо пояснил Николаев.

Постепенно за столом завязался разговор, и парни все больше убеждались, что перед ними внуки белоэмигрантов. Только двое — Лева и Семен — были из тех, кто сравнительно недавно уехал из Советского Союза. Они-то и проявляли наибольшую активность, хвастались, что устроились хорошо, предлагали свою помощь Алексею и Антону. Охмелевший Семен говорил:

— Работенку можем вам дать легкую, интересную и денежную. Она вам по зубам.

— А что надо делать? — спросил Антон.

— Почти ничего. Приходит советское судно в порт, поприветствовать моряков и пассажиров, раздать им литературу или листовки кое-какие... А деньги за это хорошие платят.

— А кто платит?

— Все антисоветские организации, английские ведомства.

— Надоело все это! — вдруг впервые подал голос мужчина, сидевший рядом с Леоновым. Он уже прилично выпил. Антон сразу же обратил внимание на то, что пьет он много. — Дрянь это, а не работа, — продолжал он. — Держат на побегушках, и мы не знаем, дадут завтра денег или нет.

— Но ты, Саша, не прибедряйся, — возразил Семен. — У тебя и деньги есть, и машина великолепная, и квартира. Что еще надо человеку?

— Уважения к себе, вот что надо человеку, чтобы он чувствовал себя человеком.

— А ты что, не чувствуешь?

— Я собакой себя чувствую. Каждый день жду, что возьмет какой-нибудь босс и даст мне под зад. Куда я потом? Мне на Россию посмотреть бы...

— А ты не был в России? — спросил Антон.

— Ни разу, — хмуро ответил Саша и взялся за бокал с вином.

Вика неожиданно прочитала:

Ах, хочется жить в своем скромном домишке,
Где коврик для кошки и норка для мышки;
Чтобы ходики тикали тихо в углу
И ящик с дровами стоял на полу.

Вика повернулась к Антону и спросила:

— Не слышали эти стихи?

— Нет, чьи они?

— А вы как думаете?

— Наверное, какого-нибудь русского эмигранта.

— Нет, не угадали. — Вика проводила взглядом Семена, отходившего, пошатываясь, от стола, и продолжала: — Написала эти стихи английская поэтесса Нэнси Хейс. Понравились?

— Да.

— Я пройдусь немного. — И Вика торопливо пошла за Семеном.

— Боится, что Семен убежит, — пробурчал Саша.

А Леонов, подзадоривая Сашу, сказал:

— А куда вы все можете убежать? В Советский Союз? Побойтесь. Даже не знаете, где находится советское посольство.

— Иди ты в ж...! — махнул рукой пьяный Саша. И вдруг передразнил: — «Побойтесь, побойтесь!» А ты что, не боишься? Сам же знаешь, что посольство от этого бардака

в трехстах метрах за углом. Ты же не идешь туда? Тоже боишься?!

У Леонова даже в голове зазвенело: «Неужели это правда, что посольство недалеко? Неужели такая удача?!» Ох, как хотелось Антону задать еще пару вопросов, но, понимая, что рисковать не имеет права, он поднял свой фужер и сказал:

— Давай, Саша, выпьем, чтобы умирая, мы не жалели, что прожили жизнь не так, как надо.

— Ты прав. Я-то лично буду жалеть! — Саша снова осушил свой бокал.

Часа через два парни в сопровождении Миллера, Даны и Тараса вышли на улицу. Антон прикинул: «Если за углом, значит, направо». Он быстро сориентировался, где нужная им улица. Теперь оставалось выяснить, как называется улица, где они сейчас находятся. Когда сели в машину Антон удовлетворенно сказал:

— Отлично провели вечер!

— Что, понравилось? — оживился Миллер.

— Очень хороший вечер, интересные люди.

— Побываем там еще не раз.

— Кстати, а как называется этот ресторанчик?

Ожидая ответа, Леонов весь напрягся, хотя спрашивал с безразличным видом.

— Это клуб организации украинских националистов на Виктории-стрит.

«Спасибо и за это», — подумал Антон и несколько раз повторил название улицы.

В этот вечер Антон так и не смог ничего сказать Алексею. И только на следующий день во время ставшей уже привычной прогулки Антон рассказал обо всем, что ему вчера удалось узнать. Алексей готов был плясать на тротуаре, но Леонов одернул его:

— Не забывай, что за нами «хвост» идет, веди себя прилично.

— Слушай, а как же мы найдем эту Викторию-стрит? Мы даже не знаем адрес нашей клиники, — сдерживая радостное волнение, спросил Алексей.

— Я всю ночь об этом думал.

— Постой, постой, Антон. Давай попросим Миллера, чтобы нам дал схему-карту Лондона? Дают же их туристам. Объясним, что нам надо для прогулок, чтобы быстрее познаться с городом.

— Если на схему нанесено наше посольство, то могут и

не дать, — задумчиво сказал Леонов и по привычке остановился на углу. Дальше этого места они еще не ходили.

— Что, повернем обратно? — спросил Алексей.

— А знаешь, пожалуй, пойдем дальше, — вдруг оживился Антон. — Они же сидят у нас на «хвосте».

— Ну и что?

— А мы постараемся «заблудиться», и тогда будет предлог попросить карту города.

— Отлично! — восхищенно воскликнул Алексей и первым двинулся дальше.

Они прошли еще один квартал, повернули налево, долго рассматривали аккуратный газончик с клумбами у одной из вилл, делая вид, что он их очень заинтересовал. Потом повернули направо, затем еще через несколько кварталов опять повернули направо. На пути оказался какой-то кино-театр, и они потратили не менее получаса на разглядывание афиш и различных стендов. Пошли дальше и, увидев газетный киоск с красочными журналами, сделали вид, что картинки с голыми и полуодетыми женщинами их очень интересуют. Николаев даже предложил:

— Антон, давай парочку журналов купим, у нас же целых сто фунтов стерлингов есть! Пусть думают, что они нам нравятся.

— А они мне и в самом деле нравятся, — честно признался Леонов, — но покупать не будем. Если удастся рвануть, то деньги возвратим лорду...

Снова пошли вперед. Они смело сворачивали на новые улицы, пока наконец не поняли, что действительно заблудились.

Повернули назад. Шли, шли... и запутались окончательно. Их растерянный вид говорил сам за себя. Прошел еще час, они уже просто брели куда глаза глядят и всю ругали своих наблюдателей.

— Кретины, — возмущался Николаев, — сколько им времени надо, чтобы понять, что люди заблудились! Разве можно заставлять нас волноваться.

— Слушай, а может, они за нами не топают?

— Да ты что? — покрутил пальцем у виска Алексей. — Когда мы только вышли, я их засек. Те же двое. Один в джемпере, второй в куртке. Оба с зонтиками, даже в ясный день.

— Да, ситуация. — Леонов все больше мрачнел. — Как бы они нас снова не под замок. И главное, в такой для нас момент.

Прошло еще некоторое время, часов у них не было, и трудно было сориентироваться, который час. Но ясно одно: скоро вечер.

— Слушай, давай купим туристскую карту-схему в киоске? Все это будет естественно. Заблудились, пытались разобраться, как дойти обратно.

— Что, ребята, стойте? Потерялись? — послышался сзади голос. Парни вздрогнули и обернулись. Перед ними стоял Миллер.

Они искренне обрадовались и даже пожали ему руку. Не спрашивая, почему он здесь оказался, сами наперебой стали рассказывать, как все случилось.

Миллер видел, что они говорят правду и, снисходительно улыбаясь, готов был поверить, что эти парни привязались к нему по-настоящему, и был доволен собой.

— Ладно, ладно, успокойтесь. Пойдемте, я провожу вас.

— Нам необходимо купить туристскую карту города, — вдруг решился Леонов.

— А зачем?

— Как зачем? Отметим на ней местонахождение нашей клиники и тогда не заблудимся, запросто сможем вернуться обратно.

— Ну что же, это не проблема.

Через несколько кварталов, увидев киоск, они остановились, и Миллер вручил им туристскую схему Лондона.

Когда пришли на место, Леонов сразу же развернул на столе карту и попросил Миллера показать, где находится клиника. Отметив крестиком, спросил:

— А где здесь Гайд-парк?

Миллер показал.

— А салон мадам Тюссо?

— Вот здесь.

— А Трафальгардская площадь?

Миллер пальцем указал и это место.

К ним подсоединился Алексей.

— А где этот ресторанчик, что мы вчера были?

— А вот, на Виктории-стрит, — Миллер охотно показал и тут же сказал: — Завтра поедem вот сюда, в старинную крепость Тауэр. Интереснейшая экскурсия предстоит.

Отмечая место, где находится крепость, Леонов с удовлетворением сказал:

— Мы долго будем ехать вдоль реки, хоть на Темзу посмотрим.

— Жаль, что нет фотоаппарата,— поддержал его Алексей.

— Не волнуйся, возьмем,— успокоил его Миллер и спросил: — Ну и что вы намерены сегодня делать?

— Никаких больше прогулок! У меня и так ноги гудят.

— Да, будем отдыхать,— согласился Николаев.

Миллер ушел. Как хотелось сейчас же засесть за карту, прикинуть маршрут, но телекамеры сразу бы засекли их интерес, поэтому парни легли в постель.

На следующий день, после поездки в крепость Тауэр, парни с картой в руках пошли на прогулку. Они уже изучили повадки двух молодых мужчин, которые следили за ними. Иногда они нарочно неожиданно поворачивали и шли обратно, а эти двое тут же бежали в ближайший переулок и искали какое-нибудь укрытие. Потом выглядывали оттуда, ожидая, пока парни пройдут мимо, а затем снова пристраивались сзади.

В этот раз, пользуясь картой, парни уверенно прошли до Виктории-стрит, где без труда отыскивали знакомый ресторан. Он был закрыт, и они, прогулявшись чуть дальше, бросили мимолетный взгляд на улицу, где должно размещаться посольство, и пошли дальше.

Через два квартала вернулись обратно и снова потолкались у входа в ресторанчик. Только после этого направились обратно. Когда вечером за ними пришли Миллер, Дана и Тарас и заявили, что они едут снова в тот же ресторан, Леонов сказал:

— О, с удовольствием! Мы уже сегодня там были, но, увы, он был закрыт.

— Нам же лорд Бетел презентовал целых сто фунтов,— поддержал друга Николаев.— Думали кутнуть немного.

— Ну ничего, не огорчайтесь, скоро повеселимся.

Этот вечер тянулся нестерпимо долго. Ребята решили, что роковым днем должен стать завтрашний день. Они уже знали, что хозяева ничего не планируют на завтра, а вот послезавтра, как предупредил их Миллер, лорд Бетел будет с ними лично заниматься весь день. Миллер не скрывал, что через три-четыре дня им предстоит встреча с журналистами. Даже во время застолья Миллер еще раз, обнимая Антона и Алексея, назидательно сказал:

— Готовьтесь, ребятки, к выходу в свет. Вы должны произвести ошеломляющее впечатление. Не скупитесь на краски жизни. Журналисты любят, когда у слушателей

кровь холодеет в жилах.— И, похихикивая, Миллер пошел к своему месту.

Улучив момент, когда их никто не слышал, Николаев прошептал:

— Здесь, оказывается, есть еще один выход. Можно через него попасть во двор и выйти прямо на нужную нам улицу. Может, рискнем?

У Леонова чуть не сорвалось «давай!». Но, поразмыслив, он ответил иначе:

— Не будем рисковать. Время позднее, и в посольство нас могут просто не пустить. Что тогда?

— Да, может, ты и прав.

Было уже слишком поздно, когда их привезли в клинику. Дождавшись, пока откроется дверь, Миллер спросил:

— Ну что, ребята, понравилось вам сегодня?

— О да, очень.

— Завтра отдохайте, можете немного погулять и готовьтесь к встрече. Бетел будет с вами проводить политзанятия. Уже поздно, и мы не будем заходить. До свидания!

Трудно сказать, спали парни в эту ночь или нет. Все смешалось в голове: и мысли о победе, и тревога, и желание уснуть, чтобы накопить силы.

«Да, завтра перед нами будет стоять только один вопрос: быть или не быть? — думал Леонов.— Если — постигнет неудача, то дальше жить я не буду! Не могу без Родины, без родных...»

Рассвет наступил пасмурный и дождливый. Ребята ели плохо. После завтрака они еще с часок посидели в комнате, листая журналы, а затем, когда Леонов подошел к кровати и лег, Николаев, зевая, сказал:

— Скука какая! Жаль, что сегодня никуда не повезут.

— Ничего, завтра будет веселее. Придет лорд, он, по моему, интересный мужик. Так что отдыхай...

— Слушай, Антон,— оживился вдруг Алексей,— у нас же с тобой сто фунтов есть. Давай прошвырнемся по магазинам, купим что-нибудь, заодно и журналов возьмем, веселее все-таки будет?

— Неохота что-то, да и дождь идет...

— Да какой там дождь! Вставай, пройдемся, подышим воздухом, посмотрим магазины.

— Да где же они, эти магазины? Здесь в округе я ни одного и не видел...

— А мы прихватим с собой карту и пойдем к ресторанчику, где вчера были. Там, на площади, я видел разные

магазины. Кстати, если ресторан открыт, по бокалу вина выпьем.

Леонов нехотя поднялся.

— Ладно, но если ресторан закрыт, я на тебе отыграюсь. Придумал, в такую даль переть...

— Ничего-ничего, как раз к обеду вернемся.

Они отыскивали свою хозяйку, которая возилась в дальней комнате, и объяснили ей, что придут через два-три часа.

Низкое небо висело над домами, но дождь уже прекратился. Они не спеша двинулись по тротуару. По проезжей части деловито сновали машины. Леонов неожиданно предложил:

— Слушай, Леша, а что, если нам такси подцепить? Деньги у нас есть, покажем на карте таксисту нужную улицу, и он отвезет.

— Здорово! Только бы наблюдатели не остановили.

Они продолжали идти и по очереди оглядывались назад. А вот и свободное такси. Николаев поднял руку, и машина остановилась. Леонов показал водителю на карте Викторию-стрит, и водитель понимающе кивнул головой. В заднее окно Николаев видел, как их сопровождающие в панике выскочили на проезжую часть улицы, и, размахивая руками, пытались остановить идущую следом за такси машину. Но водитель вильнул в сторону и не остановился. А они все дальше и дальше уезжали от них. Леонов тихо сказал:

— Если до ресторана они нас не догонят, то поедem прямо к посольству.

Николаев молча кивнул головой, он продолжал пристально смотреть назад. В этом районе улицы не были забиты транспортом, как в центре, и довольно скоро они оказались на Виктории-стрит. Леонов решил: когда они проезжали мимо ресторана, он наклонился к водителю и рукой показал повернуть направо. Водитель согласно кивнул головой, и машина плавно повернула за угол. Антон тихо сказал:

— Леша, ты смотри налево, а я направо. Не прозевай!

И тут же они оба увидели на левой стороне небольшое здание и на нем родной красный флаг.

Выждав еще несколько секунд, пока машина подойдет поближе, Леонов громко сказал водителю:

— Стоп!

Машина плавно остановилась. Антон сунул водителю все сто фунтов, а Алексей радостно произнес «мерси», и они оба выскочили из машины, не обращая внимания на уди-

вленные слова водителя, который в недоумении держал в руке столь большую сумму денег. Парни бросились через дорогу к посольству. Поднялись по ступенькам и дернули за ручку. Дверь заперта! Леонов увидел слева от двери кнопку звонка и дрожащей рукой нажал ее. «Только бы открыли дверь!» Они дрожали от нетерпения и постоянно оглядывались на улицу. Такси уже ушло, пока «хвоста» не видно. Наконец за дверью что-то щелкнуло, и она отворилась. Ребята увидели двух строго одетых мужчин и, заикаясь от волнения, заговорили:

— Мы советские!

— Мы десантники, нас в Афганистане захватили в плен душманы.

— Мы бежали!

Один из мужчин настороженно выглянул, а затем спросил:

— Документы у вас есть?

— Да какие у нас документы?! Впустите, за нами гонятся!

Второй мужчина обернулся и кого-то позвал. Тут же подошли к дверям еще трое. Наконец им разрешили войти.

Начались долгие и придирчивые расспросы, но ребята понимали: иначе невозможно, они находятся в чужой стране и верить на слово тому, кто вот так, как они, без документов, явится, нельзя. Но главное сделано. Они у своих, их не прогонят!

Наверное, не стоит описывать все, что происходило в последующие дни. И вот настал час, когда Леонова и Николаева привезли в аэропорт.

Их провожали трое сотрудников посольства. И вдруг перед самой посадкой в самолет — заминка. Прибыли сотрудники английского министерства иностранных дел и потребовали разрешения побеседовать с русскими солдатами.

Разговор был коротким. Высокий джентльмен на хорошем русском языке, обращаясь к Леонову и Николаеву, спросил:

— Господа, вы покидаете территорию Великобритании добровольно?

— Да, конечно.

— Вас никто насильно не привез в посольство Советского Союза?

— Нет, нас силой доставили из Афганистана в Пакистан, а в свое посольство в Лондоне мы пришли сами и попросили отправить нас на Родину.

— И последний вопрос. Вы не желаете остаться в Великобритании?

— Нет, не желаем.

— Ну что же, счастливого пути!

И оба джентльмена с беспристрастными лицами ушли.

К самолету с надписью: «Аэрофлот» подошли тогда, когда уже все пассажиры были на борту. Оказалось, что парней будет сопровождать до Москвы один из сотрудников посольства. Леонов и Николаев под внимательными взглядами стюардесс прошли в хвост самолета. Два последних ряда были свободными. Они сели вдвоем слева от прохода, а сопровождающий по другую сторону. Прошло еще несколько минут, и самолет, запустив двигатели, медленно направился к взлетной полосе. Развернулся и замер, очевидно, пилоты дожидались разрешения на взлет. Наконец двигатели дали полные обороты, и машина, набирая скорость, стремительно пошла на взлет. И вот они в небе! Уже пробит мощный слой облаков, и пассажиры увидели голубое солнечное небо. Курс на Восток. И только сейчас Антон и Алексей поверили: они летят на Родину! Позади весь ужас плена, волнения и опасности! Они живы и летят домой!

Парни сидели, не глядя друг на друга. Глаза их были мокрые от счастливых слез.

— Ну что вы, мальчики! — вдруг послышался девичий голос. Перед ними стояла с подносом молоденькая, стройная русская проводница. — Все хорошо, вы скоро будете дома!

Оказалось, что экипаж знал, что среди пассажиров летят и двое солдат, вырвавшихся из ада, и стюардессы по очереди подходили к ним, предлагали напитки, конфеты, ободряюще улыбались. А у парней все чаще появлялась мысль о том, что их ждет на Родине, кто встретит, знают ли о их прилете родители?

Откуда было знать, например, Леонову, что сутки назад в квартире Коблик раздались длинные и частые телефонные звонки. Вера Федоровна подняла трубку и услышала взволнованный голос Анастасии Макаровны Леоновой, которая, поздоровавшись, сказала:

— Ой, дорогая Вера Федоровна, я даже и не знаю, что подумать. Час назад мне позвонили и сказали, чтобы я и муж завтра были в Москве и что это связано с Антоном. Сергей Алексеевич побежал за билетами, а я решила позвонить вам.

— Может, нашелся?

— Не знаю! Ничего не знаю, дорогая Вера Федоровна! Как я только переживу эту ночь?

Не раздумывая, Вера Федоровна сказала:

— Я еду с вами! Где встретимся в Москве?..

Аэропорт Шереметьево-2. Обычная вокзальная суета. На разных языках звучат по радио объявления. Люди прилетают, люди улетают, люди провожают и встречают. Недалеко от барьеров, из-за которых выходят пассажиры, стоит группа людей. Рядом с Леоновыми и Верой Федоровной, ранее незнакомые им, бледные муж и жена Николаевы. Они познакомились здесь, в зале ожидания. Здесь же Бунцев, Шукалин, Бочаров и Бакин, несколько человек в армейской форме и гражданской одежде.

Уже объявили, что произвел посадку самолет Аэрофлота, прибывший из Лондона.

Мимо начали проходить пассажиры этого самолета.

И вот... свершилось!

Леонов шел первым, за ним Николаев. Встревоженные, растерянные, они медленно приближались к родителям.

Антон судорожно обнял мать и срывающимся голосом сказал:

— Я вернулся, мама! Здравствуй!!!

Ч-45 Чергинец Н.
Сыновья: Роман.— Мн.: Маст. лит., 1989.—
431 с.: ил.

ISBN 5-340-00618-2.

Автор этой книги был свидетелем многих ярких эпизодов боевого братства советского и афганского народов. Он рассказывает о боевых буднях воинов-интернационалистов, их мужестве и героизме, о повседневном тревожном ожидании их матерей.

Ч 4702010201—147 БЗ114—89
М 302(03)—89

ББК 84Р7

Литературно-художественное издание

ЧЕРГИНЕЦ Николай Иванович

СЫНОВЬЯ

Роман

Редактор Е. А. Першай. Оформление В. Г. Павловца. Художник В. Н. Курилов. Художественные редакторы А. И. Дрозд, М. Е. Шкурпит. Технический редактор М. Т. Попкова. Корректор А. Т. Глушенко.

ИБ № 3410

Сдано в набор 06.04.89. Подп. к печати 26.07.89. АТ 08555. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура тип Таймс. Высокая печать. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 24,05. Уч.-изд. л. 25,44. Тираж 180 000 экз. Зак. 2392. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Мастацкая літаратура» Государственного комитета БССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

1 р. 90 к.

